

63,52 (2Рос-6x)

Б-93

9/х

В.Я. БУТАНАЕВ, Ю.С. ХУДЯКОВ

ИСТОРИЯ

ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

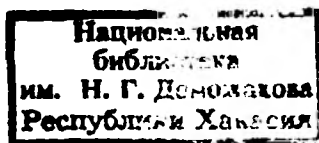

**ХАКАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Ф. КАТАНОВА**

Институт истории и права

**Бутаняев Виктор Яковлевич
Худяков Юрий Сергеевич**

ИСТОРИЯ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

**АБАКАН
2000**

ББК 63.5(2)

Б 93

Печатается по рекомендации кафедры археологии, этнографии и исторического краеведения Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (протокол №5 от 15.12.98 г.)

Рецензенты: Гладышевский А.Н. - кин, доцент ХГУ им. Н.Ф. Катанова;
Молодин В.И. - академик, зам. Председателя Президиума
СО РАН

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.

Б93 История енисейских кыргызов. - Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2000. - 272 с.

В монографии на основе новых исторических, археологических, этнографических, фольклорных и языковых источников, добытых самими авторами, смело высказывается концепция, поддержанная авторитетными учеными в России и за рубежом.

Впервые в научно-просветительской литературе рассматривается прошлое кыргызов, являющихся предками современного хакасского этноса.

Часть I - авторы Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С., часть II - автор Худяков Ю.С.,
часть III - автор Бутанаев В.Я.

ББК 63.5(2)

ISBN 5-7810-0119-0

ISBN 5-7810-0119-0

©Бутанаев В.Я., автор, 2000

©Худяков Ю.С., автор, 2000

Содержание

Предисловие _____	4
Часть I. Водоворот проблем _____	7
История изучения _____	7
Дискуссия об этнониме “кыргыз” _____	18
Новый виток полемики о термине “хакас” _____	34
Полемика об историческом названии “Хонгорай” (Хоорай) _____	40
Дискуссионные вопросы истории енисейских кыргызов XVII в. _	48
Часть II. Кыргызское государство (VI-XII вв.) _____	57
История формирования древнекыргызского этноса _____	57
Борьба за Саяно-Алтай в VI-VIII вв. _____	65
Эпоха “кыргызского великодержавия” _____	73
Прощальный дар танского императора кыргызскому кагану (из истории дипломатии государства кыргызов на Енисее) _____	83
Кыргызы в начале II тыс. н.э. _____	90
Происхождение кыргызской культуры _____	94
Эволюция кыргызской культуры _____	99
Культурно-хозяйственный тип енисейских кыргызов _____	114
Памятники кыргызской письменности _____	121
Торговые и культурные связи енисейских кыргызов _____	126
Военное дело кыргызов _____	130
Саяно-Алтай и Тянь-Шань _____	137
Часть III. Кыргызы во времена монголо-джунгарского владычества (XIII-XVIII вв.) _____	145
Монгольское завоевание Саяно-Алтая. Кыргызы в составе Монгольской империи _____	145
Образование этнополитического союза “Хонгорай” _____	153
Особенности хозяйства и культуры _____	157
Общественный строй Хонгорая _____	161
Взаимоотношения Хонгорая с Монголией и Джунгарией _____	169
Угон кыргызов в Джунгарию _____	174
Присоединение Хонгорая к России и административное преобразование кыргызских улусов _____	180
Заключение _____	189
Примечания _____	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

События древней и средневековой истории кыргызов, воинственного и стойкого тюркоязычного кочевого народа, населявшего около двух тысячелетий Южную Сибирь и Центральную Азию, вряд ли могут оставить равнодушным исследователя, прикоснувшегося к их полной драматизма исторической судьбе. Вышедшим на арену политической борьбы в Центральной Азии в конце III в. до новой эры кыргызам на протяжении всей своей последующей длительной и бурной истории приходилось с оружием в руках отстаивать свою свободу и бороться за гегемонию в центральноазиатском регионе с могущественными кочевыми империями хуннов, жуань-жуаней, тюрков, сейяньто, уйгуров, киданей, монголов и др. В IX веке наступил звездный час кыргызской истории. Прорвав оборонительные заслоны уйгуров, кыргызы смогли подчинить степные просторы Центральной Азии и пронести свои боевые знамена до Забайкалья, Маньчжурии, Китая, Алашаня, Восточного Туркестана, Прииртышья и Приобья. Азиатские степи от границ сибирской тайги до северных отрогов Тянь-Шаня вошли в состав Кыргызского каганата. Этот период был справедливо назван выдающимся специалистом по истории кыргызов, академиком В.В. Бартольдом временем “кыргызского великодержавия”. Однако эти небывалые, ошеломляющие успехи стали причиной их ослабления кыргызов в начале II тысячелетия новой эры. Расселившиеся на бескрайних просторах азиатских степей от Иртыша до Амура, утратившие постоянную связь между отдельными ордами, потерявшие в бесчисленных боях цвет своего войска, кыргызы не смогли сдержать напора надвигающихся с востока, набирающих силы монголоязычных племен: киданей, найманов, монголов. Отдельные этнические группы кыргызов осели в отдаленных землях и вошли в качестве родоплеменных подразделений в состав ряда тюркоязычных и монголоязычных народов. В то же время в степи обезлюдившей Минусинской котловины начали просачиваться из окрестных таежных районов зависимые охотничьи племена киштымов, а из Центральной Азии переселялись осколки номадов исчезнувших кочевых

империй. Таяжные звероловы постоянно перенимали навыки скотоводческой культуры, переходили на тюркскую речь, заселяли часть степных районов Минусы. В X веке, после вторжения в степи Монголии киданей, единый кыргызский этнический массив оказался разделенным надвое. Часть кыргызов осталась в Саяно-Алтае, объединив под своей властью племена киштымов. Другая группа кыргызов осталась в Восточном Туркестане, населяя северные склоны Восточного Тянь-Шаня. Кыргызское государство распалось на отдельные княжества. Когда в начале XIII века к верховьям Енисея подступила могучая сила монгольской конницы, посланная Чингиз-ханом, она погребла под собой кыргызские княжества, которые не смогли оказать монголам серьезного сопротивления. Кыргызы оказались разбросанными по бескрайним пространствам Монгольской империи. Кыргызские военные отряды несли службу в Каракоруме, в северном Китае, в Маньчжурии, участвовали в междоусобных войнах чингизидов. В Могулистане окрепла этническая группа туркестанских кыргызов, переселившаяся в XV веке на Западный Тянь-Шань, которая составила ядро современного кыргызского народа.

Кыргызы на Енисее в XVII веке распадаются на четыре княжества, находившихся в вассальной зависимости от халха-монголов и джунгар. В начале XVIII века ойраты под напором Российского государства увели енисейских кыргызов в Джунгарию. После разгрома джунгар маньчжурами, часть кыргызов была переселена в Маньчжурию, часть вместе с калмыками бежала в Поволжье, войдя в состав современных народов Саяно-Алтая, Казахстана и Поволжья.

Эти далекие по времени, но волнующие воображение события давно привлекали внимание ученых-историков, археологов, этнографов Европы, России, Китая, Турции. В последние десятилетия все большую роль в изучении исторического прошлого кыргызов играют ученые Хакасии, Тувы, Алтая. Ученые-кыргызоведы пытаются по крупицам сведений, разбросанных в исторических хрониках разных эпох, результатам археологических раскопок, материалам фольклора, топонимике и родоплеменного состава коренного населения Саяно-Алтая и Тянь-Шаня восстановить канву исторических событий, оценить уровень развития хозяйства, духовной культуры, военного искусства, проследить основные этапы этнической истории кыргызов. Достижения богатой и оригинальной средневековой культуры енисейских кыргызов привлекали внимание современников многих других стран и народов. Решение сложных и порой запутанных вопросов кыргызской истории важно для понимания исторических судеб всей кочевой цивилизации Центральной Азии и сложения культур тюркских народов Саяно-Алтая.

Однако рамки традиционного научного исследования не всегда позволяют вместить увлеченность, вдохновляющую исследователя в работе

над подобной темой, дать волю рискованным и заманчивым гипотезам, без которых невозможно познание, осознание сопричастности давно прошедшим событиям, без которой нет и не может быть восстановления истории. Только после введения в оборот среди широкого круга читателей исторических знаний, они обретают свой действительный смысл.

Своими впечатлениями, предположениями и заключениями, возникшими в ходе многолетнего путешествия в поисках исторического прошлого кыргызов с берегов Енисея, авторы надеются заинтересовать пытливые умы подрастающего поколения.

Часть I. Водоворот проблем

История изучения

Сведения о расселении, различных сторонах жизни, быта, хозяйства, духовной культуры кыргызов, об участии их в событиях военной и политической истории Азии, содержащиеся в источниках, очень фрагментарны и нередко противоречивы.

Первые упоминания о кыргызах содержатся в китайских исторических сочинениях, относящихся к периоду правления Ханьской династии. В поле зрения летописцев кыргызы попадают в конце III века до н.э., когда они были покорены первым известным завоевателем Центральной Азии, создателем хуннской державы, шаньюем Модэ. С этого времени исторические судьбы кыргызов оказались в течение нескольких столетий связанными с племенами динлинов, боровшихся против хуннов и сяньбийцев.

В отдельные периоды древние кыргызы-гяньгуни внезапно исчезали из поля зрения летописцев, чтобы снова занять свое место в борьбе кочевых племен против новых кочевых империй. Когда в середине VI века на развалинах государства жуань-жуаней был создан Великий Тюркский каганат, к деяниям его правителей было приковано внимание придворных летописцев во всех пограничных странах от Византии до Китая. Среди этих писаний иногда отдельными крупными просятся упоминания о кыргызах, проживавших на берегах Среднего Енисея. С возникновением в конце VII века древнетюркской рунической письменности, в надписях, призванных увековечить деяния тюркских каганов и полководцев, приводятся драматические сообщения о походе тюркского войска через Саяны, о гибели кыргызского кагана Барс-бега, о покорении его народа. В VIII веке тюркское владычество сменилось уйгурским. Длительная борьба кыргызов с уйгурами нашла отражение в уйгурских и кыргызских рунических текстах.

Победа кыргызов в войне с уйгурами в 840 году привлекла к ним внимание в Танской империи, Тибете, Средней Азии. Благодаря выдающимся военным успехам и созданию обширного государства, раскинувшегося на просторах Центральной Азии, кыргызы и их культура оставили заметный след в истории многих народов. Сведения о кыргызах IX века значительно подробнее того, что было ранее о них известно. Вслед за этим “звездным часом” кыргызской истории наступили распад каганата, разделение единого этноса на две обособленные группы, утрата собственной письменности, невнимание со стороны составителей летописных и географических сочинений в других государствах. Новый всплеск интереса к кыргызам породил роковой для них XIII век, когда они, равно как и другие кочевые народы стали объектом завоеваний набравшего силу монгольского государства. С конца XIV века кыргызские земли вновь покрылись неизвестностью вплоть до трагического для них XVIII столетия, когда после длительной, изнурительной борьбы меж двух огней, монгольскими государствами и Россией, ослабленному и малочисленному народу пришлось покинуть долину Среднего Енисея. Эти события освещены в русских источниках.

В середине II тыс. н.э. кыргызы, длительное время остававшиеся в неизвестности на землях Восточного Туркестана, нашли родину в Западном Тянь-Шане, сплотив вокруг своего этнического ядра местные и пришлые тюркские и монгольские племена. Эти исторические события найдут отражение в грандиозном эпосе “Манас”.

Так в течение всей древней и средневековой истории сведения о кыргызах то выходят на передний план, то совсем исчезают со страниц источников. Далеко не всегда периоды широкой известности и небытия совпадают со взлетами и падениями исторической судьбы. Иногда это связано со смутными периодами в истории стран, где сохранялась устойчивая письменная традиция.

Столетия прошедшего кыргызами исторического пути оставили заметный след в самобытной культуре, памятники которой - курганы, поселения, клады, петроглифы, надписи - разбросаны по всей Центральной Азии. Так же, как и свидетельства современников, они могут дать ответ на многие неясные вопросы кыргызской истории.

Не прошло и двух десятилетий со времени исчезновения кыргызов как самостоятельного этноса с берегов Енисея, а их памятники впервые привлекли внимание европейских ученых, попавших в заповедные места Минусинских степей по горячим следам недавних событий. В поле зрения ученых путешественников попали кыргызские курганы, крепости, памятники письменности и искусства. Сойдя с арены непосредственного исторического действия, енисейские кыргызы без задержки попали на страницы исторических повествований. И по мере того, как последние их исторические деяния в

Минусинских степях уходят все дальше в прошлое, интерес к ним не падает, а возрастает. Новые открытия заставляют продолжать поиск.

Впервые в поле зрения современной науки следы исторического пребывания кыргызов на Енисее попали в первую треть XVIII века, менее двух десятилетий после того, как они были уведены в Джунгарию.

Посланные в Сибирь экспедиции Российской академии должны были заниматься, в первую очередь, оценкой природных ресурсов, климата, флоры и фауны, изучать население различных районов. Широта кругозора и разносторонняя образованность европейских ученых, принимавших участие в экспедициях, позволила им обратить внимание на памятники древности, положить начало изучению средневековой истории Южной Сибири.

Первое путешествие по степям Минусинской котловины в 1721 – 1722 годы совершил Даниэль Готлиб Мессершмидт. В составе экспедиции работали Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, Карл Шульман и др. Среди обнаруженных памятников были многочисленные курганы, каменные изваяния, наскальные рисунки, надписи и др. В январе 1722 года Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом был впервые на территории Сибири раскопан земляной курган с целью выяснения его внутреннего устройства.¹ Особое внимание путешественников привлекли письмена, названные “руническими” по сходству с древнегерманскими рунами. В ходе работ было собрано значительное количество древних вещей, зафиксированы сведения, полученные от бугровщиков. Собранные материалы положили начало изучению южносибирских древностей. Осмысление результатов работ в трудах Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга способствовало росту интереса к сибирской истории. Некоторые из зафиксированных экспедицией изваяний, петроглифов, находок в дальнейшем не сохранились и известны только по рисункам.

В 1739 году в Минусинской котловине начала свои исследования экспедиция, возглавляемая “отцом сибирской истории”, историографом Российской империи, академиком Герардом Фридрихом Миллером. В путешествии по Минусинским степям участвовал Иоганн Георг Гмелин. Экспедиция во многом повторила маршруты, проведенные ранее Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом. В процессе работы копировались рунические надписи, каменные изваяния, фиксировались и раскапывались курганы, проводились расспросы бугровщиков, покупались отдельные находки. Часть этих предметов, переданных в Кунсткамеру, сохранилась до настоящего времени.² Г.Ф. Миллером был собран обширный фонд документов, относящихся к истории енисейских кыргызов XVII – начала XVIII вв. И.Г. Гмелиным на основании собственных наблюдений и расспросов бугровщиков была предложена классификация погребальных памятников, в составе которой некоторые типы относятся к кыргызской культуре: маяки, сланцы и кыргызские могилы (кыргыз сөөктері)³.

В 1771-1772 годы Минусинские степи посетил Питер Симон Паллас.⁴ Им были зафиксированы и подробно описаны многочисленные курганы, писаницы, изваяния, городища, древние рудники, надписи. Некоторые памятники были им обнаружены впервые.

В середине XVIII века в научный оборот вошли сведения китайских источников по истории кочевников Центральной Азии, опубликованные Ж.Дегинем. Внимание к древностям Сибири нашло отражение в трудах Иоганна Готлиба Георги, Иоганна Сиверса, Иоганна Фишера.⁵ В трудах И.Е.Фишера и И.Г.Георги впервые был поставлен вопрос о тождестве кыргызов Енисея и Тянь-Шаня.

“Век просвещения” оказался весьма плодотворным для изучения сибирских древностей, в особенности Южной Сибири, основного района обитания енисейских кыргызов. Были открыты, зафиксированы, частично введены в научный оборот средневековые курганы, изваяния, петроглифы, крепостные сооружения, надписи. Прделаны первые опыты классификации средневековых погребальных памятников. Началось накопление археологических коллекций в музейных собраниях. Были проделаны первые опыты определения хронологической и этнокультурной принадлежности археологических памятников, среди которых были выделены “киргизские могилы”.

Возникшие направления в изучении истории и культуры кыргызов получили свое дальнейшее развитие в XIX веке. В начале девятнадцатого столетия вопросы переселения енисейских кыргызов в Восточный Туркестан и их соотношения с тянь-шаньскими кыргызами затрагивались в трудах Юлиуса Клапрота и Карла Риттера (Иакинф). Бичурин высказал предположение о том, что Тянь-Шань и Восточный Туркестан являются родиной кыргызов, которые ниоткуда не переселялись, а жили в этом регионе издавна.⁶ Наряду с кыргызами-бурутами он выделял подразделение “киргиз” в составе калмыков.⁷ Чокан Валиханов, посетивший места обитания кыргызов и впервые записавший часть эпоса “Манас”, считал, что вопрос о переселении кыргызов нельзя считать решенным. По его данным, кыргызы обитали на Тянь-Шане до XVIII в.⁸

В 1826 году археологические исследования на Алтае проводил Карл Фридрих Ледебур. Среди собранных им находок имеются предметы, относящиеся к эпохе средневековья.⁹ Описание средневековых находок из алтайских курганов, характерных для кыргызской и кимакской культур, содержится в работах Г.И.Спаского.¹⁰ Классифицируя городища и курганы, он выделял среди них “киргизские”.¹¹

В 1847 году археологические изыскания в Южной Сибири проводил Маттиус Кастрен. Им было раскопано несколько средневековых курганов в различных районах Минусинской котловины. Он скопировал рунические надписи. М.А.Кастрен связал эти надписи с финно-уграми.¹²

В середине XIX века сведения китайских источников о древних и средневековых кыргызах были обобщены Вильгельмом Шоттом.¹³ Бичурин перевел сведения о кочевых народах Центральной Азии на русский язык.¹⁴ Древние горные выработки, курганы и каменные изваяния Алтая рассматривались в труде Э.И.Эйхвальда, который приписывал эти памятники “чуди” древним финнам.¹⁵ В 1860-е годы средневековые памятники Алтая, Енисея и Чулыма исследовал Вильгельм Радлов. Крупнейший специалист в области тюркского языкознания, фольклористики и этнографии, В. Радлов проводил раскопки с целью реконструкции процесса этногенеза тюркских народов. Им создана периодизация древних и средневековых памятников Южной Сибири. Он первым попытался соотнести некоторые из раскопанных объектов с кыргызской культурой.¹⁶ Проведя исследования на Тянь-Шане, он высказал ряд гипотез о возможности переселения кыргызов в предмонгольский или монгольский период.¹⁷

В XIX веке в ряде городов Сибири возникли музеи, ставшие хранителями древностей. Для накопления материалов кыргызской культуры большое значение имело создание в 1877 году Минусинского музея, в котором за последующие десятилетия сформировалась крупнейшая коллекция средневековых находок. В организации археологических исследований на территории Сибири и Центральной Азии принимали участие научные общества и учреждения: Географическое общество, Археологическая комиссия, Русское археологическое общество. Большую роль в изучении древностей сыграли местные краеведы, любители археологии, ссыльные. В конце XIX – начале XX веков значительные раскопки различных курганов, включая средневековые, произвел в Минусинской котловине и Туве А.В.Адрианов.¹⁸ Д.А.Клеменц составил первый каталог предметов Минусинского музея, предложил свою классификацию курганов Енисея.¹⁹ Свой вклад в изучение средневековых курганов и крепостей внес И.П.Кузнецов-Красноярский.²⁰ Вопреки устоявшейся традиции он отрицал принадлежность памятников кыргызам, считая, что на этих землях не могло существовать “настолько сильное государство, которое могло бы наводить страх и трепет на своих соседей и держать в повиновении воинственных среднеазиатских кочевников”.²¹

В 1887-1889 годы на территории Южной Сибири работала финская экспедиция, возглавляемая Иоганном Рейнгольдом Аспелиным. Она копировала петроглифы, изваяния, рунические надписи. Участники экспедиции Аксель Олай Карл Гейкель раскопал несколько средневековых курганов в Минусинской котловине. Материалы экспедиции были изданы Отто Ялмаром Апельгрэн-Кивало в 1931 году.²²

В 1890 году Густав Рамстедт обнаружил в Монголии каменный курган с рунической надписью, повествующей о деяниях кыргызского буюрука в период завоевания Центральной Азии в IX веке.²³

Н.А.Аристов высказал предположение об автохтонном происхождении кыргызов, обитавших с I тыс. до н.э. между Тянь-Шанем и Танну-Ола и их этническом родстве с усунями.²⁴

В 1920-е годы в связи с развертыванием национально-государственного строительства у народов Сибири и Средней Азии значительно возрос интерес к их истории.

В 1925 году Н.Н.Козьмин попытался обосновать правомерность принятия коренным населением Минусинской котловины в качестве этнонима термина “хакасы”, противопоставив средневековых “кыргызов-кочевников” и “хакасов-земледельцев”.²⁵

В 1926 году Г.Е. Грумм-Гржимайло обобщил сведения письменных источников по истории Центральной Азии. Происхождение кыргызов он связывал с европеоидной расой. В своей книге он упоминает ряд событий средневековой истории кыргызов.²⁶

Сведения китайских, арабских, персидских и древнетюркских источников о кыргызах были обобщены В.В.Бартольдом в работе, вышедшей в свет в 1927 году. Он подробно охарактеризовал различные периоды в истории кыргызов. Особенно много внимания было уделено периоду создания кыргызского каганата IX-X вв., справедливо названным В.В.Бартольдом временем “киргизского великодержавия”.²⁷ Исследователь по-разному рассматривал вопрос о миграции кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. В своей обобщающей работе высказал мнение, что завоевания кыргызов в Восточном Туркестане в IX-X вв. носили временный характер, а окончательное переселение произошло в XV веке. В.В. Бартольд являлся современником той хакасской интеллигенции, которая, согласно его сведениям, для себя “извлекла из китайских источников слово “хакас”, зная, что так называли китайцы народ, живший прежде в Минусинском крае и имевший некоторое политическое значение, но не зная, что этим названием неправильно обозначались киргизы, которых теперь в Минусинском крае нет”.²⁸

В 1929 году С.А. Теплоухов создал классификацию культур Минусинской котловины, в которой были выделены памятники, относящиеся к четырем периодам эпохи средневековья, с VI по XIV вв. Среди них были выделены кыргызские курганы – чаа-тасы, курганы “алтайских турков”, погребения предмонгольского и монгольского времени.²⁹ Эта схема “совершила революцию в сибирский, да и не только в сибирской археологии”.³⁰ Все последующее изучение археологической культуры енисейских кыргызов и других средневековых культур Минусинской котловины опиралось на классификацию, разработанную С.А. Теплоуховым. Результаты этой работы легли в основу классификаций, предложенных С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой. Как справедливо отметила Э.Б.Вадецкая – “...в целом раскопки С.В.Киселева подтвердили классификацию С.А. Теплоухова на массовом материале.”³¹

В своих работах С.В.Киселев выделил два периода существования кыргызской культуры. Много внимания он уделял социально-экономической проблематике кыргызского общества.³² Однако, как выяснилось позже, привлекаемые для анализа рунические надписи, датируются не серединой, а последними веками I тыс. н.э. Совместно с Л.А.Евтюховой он выдвинул гипотезу о переходе кыргызов в IX веке на обряд погребения с конем, что не подтвердилось дальнейшими исследованиями.³³ Характеризуя события средневековой истории Минусинской котловины, С.В.Киселев, Л.А.Евтюхова и В.П.Левашева употребляли для обозначения населения термины “кыргызы”, “кыргызы/хакасы/”, “кыргызы-хакасы”³⁴ и т.д. Однако в одной из своих работ С.В.Киселев и Л.А.Евтюхова разъяснили, что термин “хакас есть китайская транскрипция термина кыргыз”.³⁵

А.Н.Бернштам, много лет изучавший археологические памятники Кыргызстана, выдвинул предположение о многоэтапном переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань на протяжении периодов древности и средневековья.³⁶ Принимая мнение С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой о переходе кыргызов на обряд погребения с конем, он считал памятниками енисейских кыргызов на Тянь-Шане захоронения с конем, типа раскопанного им на могильнике Аламышик.³⁷ К числу предметов кыргызской культуры IX-X вв. А.Н.Бернштам относил предметы торевтики из Кочкорского клада.³⁸

В 1953-55-е годы в Киргизии работала Киргизская археолого-этнографическая экспедиция, целью которой было изучение этногенеза и культурогенеза кыргызов. В 1956 году была проведена научная сессия, посвященная этногенезу кыргызского народа. Выступавшие на ней антропологи, археологи, этнографы, историки, востоковеды высказывали различные точки зрения на происхождение кыргызского народа. В итоге дискуссии ее участники согласились с тем, что кыргызский народ и его культура сформировались из разных компонентов, местного среднеазиатского и пришлого центрально-азиатского.³⁹

В 1950-60-е годы развернулось исследование археологических памятников в Туве, в числе которых была большая серия кыргызских курганов IX-XII вв.. Большой вклад в их изучение внесли сотрудники Тувинской комплексной археолого-этнографической и Саяно-Тувинской экспедиций Л.П.Потапов, С.И.Вайнштейн, А.Д.Грач, Д.Г.Савинов и др. Ряд памятников был раскопан Л.Р.Кызласовым в Туве и Хакасии. В результате активных поисков и развернувшейся дискуссии о хронологии и этнокультурной принадлежности курганов с погребениями по обряду кремации в Туве к концу 1960-х годов были выделены кыргызские памятники IX-X и XI-XII вв., проанализированы рунические надписи и тамги, охарактеризованы этнокультурные процессы и исторические события в Центральной Азии в конце I-начале II тыс. н.э.. Границы распространения кыргызской культуры в Саяно-Алтае были рассмотре-

ны в работах С.И.Вайнштейна и Л.Р.Кызласова,⁴⁰ вопросы датировки и этнокультурной принадлежности рунических памятников в трудах И.А.Батманова, Э.Б.Арагачи, Л.Р.Кызласова,⁴¹ этнокультурные процессы исследовались Д.Г.Савиновым.⁴² Результаты работ нашли отражение в обобщающих трудах “История Тувы”⁴³ и “История Сибири”.⁴⁴ Весомые достижения, достигнутые учеными в изучении кыргызской культуры IX-XII вв., на территории Тувы и Минусинской котловины в 1950-60-е годы осложнились попытками Л.Р.Кызласова вычеркнуть имя кыргызов из истории и приписать их историю и культуру мифическим “древним хакасам”. Впервые с изложением своей точки зрения о “древних хакасах” он выступил в 1954 году⁴⁵ и в дальнейшем неоднократно пытался ее пропагандировать в своих статьях и книге по средневековой истории Тувы.⁴⁶ Эти ничем не оправданные попытки вычеркнуть из истории енисейских кыргызов, приписав их исторические деяния придуманым “древним хакасам”, вызвали категорические возражения со стороны ученых: сиолога С.Е.Яхонтова,⁴⁷ арабиста О.К.Караева,⁴⁸ историка Н.А.Сердобова⁴⁹ и др. Некоторые колебания по поводу соотношения терминов “кыргыз” и “хакас” в средневековых источниках допускали С.Е.Малов,⁵⁰ Н.В.Кюнер,⁵¹ Л.П.Потапов.⁵² Однако ни один из них не поддержал точку зрения Л.Р.Кызласова. Научное сообщество отвергло его попытки заменить кыргызов “древними хакасами”. Его точку зрения в 1960-е годы принял только хакасский ученый К.Г.Копкоев.⁵³ Несмотря на острый характер, дискуссия сыграла большую положительную роль в изучении истории енисейских кыргызов, отстояв научную истину от националистических спекуляций. В 1961 году К.И.Петров выступил с развернутым обоснованием своей точки зрения о переселении на Тянь-Шань в монгольское время кыпчакских племен Алтая, принявших этноним “кыргыз”.⁵⁴ Эта гипотеза вызвала возражения со стороны С.М.Абрамзона.⁵⁵

В работах С.В.Бахрушина,⁵⁶ А.Арзыматова,⁵⁷ А.Абдыкалыкова,⁵⁸ Л.П.Потапова⁵⁹ были подробно проанализированы события истории енисейских кыргызов в XVII веке и их угона в Джунгарию. К.Г.Копкоев пытался умалить значение угона и ликвидации кыргызской государственности на Енисее, поскольку вслед за Л.Р.Кызласовым считал кыргызов не этносом, а только аристократическим династийным родом.⁶⁰ В процессе дискуссии было выяснено, что часть енисейских кыргызов смогла избежать угона, часть вернулась в Саяно-Алтай, а остальные осели в Джунгарию.

В статьях К.И.Петрова,⁶¹ Н.А.Баскакова,⁶² Ю.А.Зуева⁶³ рассматривался вопрос об этимологии этнонима “кыргыз”.

В 1971 году С.М.Абрамзон выпустил книгу, в которой обобщил этнографические материалы, характеризующие этническую историю кыргызов на Тянь-Шане.⁶⁴

В 1970-80-е годы продолжалось изучение памятников культуры енисейских кыргызов в Северной и Центральной Азии. В Туве кыргызские памятники исследовались Г.В. Длужневской,⁶⁵ в Минусинской котловине – Д.Г. Савиновым, Л.Р. и И.Л. Кызласовыми,⁶⁶ на Алтае – В.А. Могильниковым, Д.Г. Савиновым, Ю.П. Алехиным,⁶⁷ в Прииртышье – Ф.Х. Арслановой, Ю.П. Трифоновым, Б.А. Кониковым,⁶⁸ в Приобье – Т.Н. Троицкой, И.В. Сальниковой,⁶⁹ в Притомье – О.Б. Беликовой, А.М. Илюшиным,⁷⁰ в Забайкалье – Е.В. Ковычевым.⁷¹ Отдельные погребения с типичным для кыргызской культуры инвентарем были обнаружены в тасжных районах Енисея, Кана, Ангары.

Расширение географии кыргызоведческих исследований способствовало росту источниковой базы, уточнению границ распространения кыргызской культуры, возрастанию интереса к кыргызской проблематике в сибирской археологии. С середины 1970-х годов изучением кыргызских памятников Южной Сибири занимаются археологи Сибирского Отделения Российской Академии Наук. С 1975 года раскопки кыргызских памятников в Минусинской котловине проводит Ю.С. Худяков.⁷² В последующие годы полевыми изысканиями были охвачены Тува, Горный Алтай, Монголия, совершена поездка по Восточному Туркестану. С 1982 года поиск памятников кыргызской культуры позднего средневековья проводит С.Г. Скобелев.⁷³ Изучением кыргызских памятников на Енисее и долине р. Ус занимается О.А. Митько.⁷⁴ Отдельные вопросы, касающиеся изучения кыргызской культуры, рассматривались в работах Ю.А. Плотникова, Л.М. Хаславской, М.В. Мороз, С.А. Ким, О.В. Кратко.

В последние годы изучением кыргызских памятников в Минусинской котловине занимался археолог П.П. Азбелев из Санкт-Петербурга.⁷⁵ Этнографические и фольклорные источники, свидетельствующие о пребывании кыргызов на Енисее, были проанализированы В.Я. Бутанаевым.⁷⁶ Вопреки точке зрения Л.Р. Кызласова, он подтвердил данными из хакасской этнографии и исторического фольклора мнение большинства ученых о том, что кыргызы, обитавшие на Енисее, были самостоятельным этносом, а термин “хакас” никогда в прошлом не употреблялся в качестве этнонима.

Впервые, на основе новых источников, он пришел к заключению, что в период позднего средневековья енисейские кыргызы создали этнополитическое образование “Хонгорай”, ныне сохранившееся в качестве старинного самоназвания хакасов в форме “хоорай”.⁷⁷ Совместно с историком А. Абдыкалыковым В.Я. Бутанаев опубликовал материалы по истории кыргызов XVII – нач. XVIII вв., где раскрываются сложные взаимоотношения южносибирских номадов с Российским и Монгольским государствами, угон их в Джунгарию и гибель этого древнего этноса.⁷⁸

Этнокультурные аспекты кыргызского эпоса “Манас”, включая данные о происхождении кыргызов, анализировались в работах И.Б.Молдобаева.⁷⁹ Расширение кыргызоведческих исследований и появление новых научных центров, изучающих культуру кыргызов, способствовали активному обмену мнениями по наиболее актуальным проблемам кыргызоведения, решению проблем военного дела кыргызов, хронологии и периодизации памятников кыргызской культуры, границ ее распространения и др.

В работах Л.Р. и И.Л.Кызласовых отказ от исторически обоснованного этнонима “кыргызы” в пользу искусственного словосочетания “древние хакасы” неминуемо привел их к искажению многих исторических реалий и неустрашимым противоречиям. Из их сочинений трудно сделать определенный вывод, что должны были представлять из себя пресловутые “древние хакасы”. В ряде статей Л.Р.Кызласов уверял, что в состав “древних хакасов” входило “тюркоязычное ядро”, включающее кыргызов, угорские и самодийские роды.⁸⁰ Самоназвание их было самодийским, язык – тюркским, антропологический тип – европеоидным. Однако позднее он стал утверждать, что южносамодийские, кетоязычные и угорские племена “не являются хакасскими”. А И.Л.Кызласов фактически дезавуировал в качестве определяющего этнографического признака “древнехакасский погребальный обряд трупосожжения”, включив в число “древнехакасских” минусинские погребения по обряду ингумации.⁸¹ Стремясь подогнать уровень развития “древнехакасской” культуры под стандартные определения цивилизации, Л.Р. и И.Л.Кызласовы всячески подчеркивают роль “городов” и “орошаемого земледелия”, якобы являющегося основой хозяйства “древних хакасов”.⁸² Для этого материалы культуры “древних хакасов” противопоставляются схожим комплексом других культур тюркоязычных кочевников Центральной Азии. “Древнехакасская цивилизация” выделяется в качестве некоего особого “северного центра исторической активности народов”, являвшегося “срединным звеном” между “цивилизациями и культурами Запада и Востока” и одновременно особым “саяно-алтайским очагом цивилизации и культуры”.⁸³ В то же время Л.Р. и И.Л.Кызласовы относят “древнехакасскую культуру” к “западному азиатскому культурному ареалу”.⁸⁴ Эти звонкие, но лишённые каких-либо оснований эпитеты наглядно демонстрируют искусственность мифической “древнехакасской цивилизации”, при конструировании которой была утрачена всякая связь с исторической реальностью.

Для того, чтобы несколько ослабить критику в адрес “древнехакасской цивилизации” и создать некое подобие “новизны” в изучении средневековых памятников Южной Сибири, Л.Р. и И.Л.Кызласовы с середины 1970-х годов начали подразделять культуру енисейских кыргызов на несколько самостоятельных культур: чаатас, тохтятскую, аскизскую, а сами культуры на этапы и периоды.⁸⁵ Подобное деление культуры енисейских кыргызов предложено

без каких бы то ни было оснований, что вызвало ряд возражений у специалистов. Разумеется, на протяжении средневековья кыргызская культура не оставалась неизменной, она прошла в своем развитии нескольких этапов, но это не дает оснований выделять несколько самостоятельных археологических культур.

Несмотря на значительные сложности, связанные с преодолением навязываемой Кызласовыми научному сообществу концепции “древнехакасской цивилизации”, кыргызоведение в последнее десятилетие сделало большой шаг вперед. Важным событием в научной жизни стала V Всесоюзная тюркологическая конференция, проходившая в г.Фрунзе (Бишкек) в 1988 году, на которой активно обсуждались вопросы этногенеза кыргызского народа. В выступлениях и докладах Э.Р.Тенишева, А.М.Мокеева, В.П.Мокрынина, С.Г.Кляшторного, О.Караева, Т.К.Чороева, В.Я.Бутанаева, Ю.И.Трифорова, Ю.С.Худякова рассматривались вопросы происхождения и развития кыргызского этноса и его культуры.¹⁶

Для координации кыргызоведческих исследований в различных научных центрах был создан Координационный совет по изучению этногенеза и культуригенеза кыргызов, который должен объединить усилия ученых, изучавших историческое прошлое кыргызов по археологическим, историческим, этнографическим, лингвистическим, антропологическим источникам.¹⁷ Решение проблем истории кыргызов выходит за пределы интереса одного этноса к своему прошлому, эта часть истории всей Азии, часть всемирной истории. Понимание закономерностей исторического пути кыргызского этноса поможет в осмыслении исторических судеб и других тюрко-монгольских народов. Это должно способствовать преодолению негативных тенденций и расширить возможности для развития культуры и сотрудничества.

Для выяснения роли енисейских кыргызов в этногенезе и культуригенезе современного кыргызского, хакасского, алтайского, тувинского и других тюркских этносов недостаточно изучения только кыргызской археологической культуры. В последние десятилетия на Енисее активно исследуются памятники древних тюрок, уйгуров, различных групп киштымов, относящиеся к периодам раннего и развитого средневековья. Важной задачей остается изучение памятников позднего средневековья и этнографической современности, которые еще не систематизированы на должном уровне. Решение сложных проблем этногенеза и этнической истории современного хакасского народа невозможно без привлечения материалов этнографии, топонимики, лингвистики и антропологии.

Дискуссия об этнониме “КЫРГЫЗ”

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении со специальной литературой по средневековой истории и археологии юга Сибири и Центральной Азии, это различия в наименовании населения степных районов Минусинской котловины. Большинство исследователей, когда-либо затрагивавшие в своих работах проблемы южносибирского средневековья, именуют его в соответствии с письменными источниками “кыргызами”.¹ В противовес общепринятому мнению в работах отдельных авторов вместо кыргызов фигурируют некие “древние хакасы” или “средневековые хакасы”, а кыргызы признаются лишь “аристократическим династийным родом древних хакасов”.² Наконец, в отдельных работах оба термина отождествляются или объединяются – “кыргызы /хакасы/”, “кыргызы-хакасы”³ и др.

В чем сущность данного разночтения и откуда оно возникло? Аутентичность термина, в том числе этнонима, может быть удостоверена записью на языке этноса, носителя этнонима, или созвучием произношения разных языков, на которых он был записан. В отношении этнонима “кыргыз” могут быть соблюдены оба критерия. Слова “кыргыз”, “кыргызы”, “кыргызские” и т.п. наличествуют в текстах рунических эпитафий, приписываемых как самим кыргызам, так и близким им по языку тюркам и уйгурам.⁴ Термин “кыргызы” присутствует в различных вариантах и в текстах, записанных на других языках: греческом – херкис; монгольском – хиргис, хяргис; латинском – керкис; арабском и персидском – хырхыз, хырхыр.⁵ Весьма различается написание данного термина в китайских текстах.⁶ Из всех имеющихся вариантов основными считаются следующие: для ханьских текстов – цзянь-гунь, для танских – сяцзясы, для юаньских – цзилицзисы.

Тем самым, можно считать установленным, что термин “кыргыз” не только аутентичен, т.к. безусловно применялся представителями разных стран и народов от запада Европы до востока Азии для обозначения одного и того же этноса, но являлся его самоназванием, поскольку присутствует в текстах, приписываемых самим кыргызам. Основы для сомнения его аутентичности в самих источниках нет.

Откуда же взялся термин “хакасы”, и почему отдельные авторы выдвигают его в качестве мнимого “самоназвания большинства трудового населения”⁷ Кыргызского государства?!

С XVIII века, когда европейской науке становятся доступными средневековые китайские летописи, содержание которых легло в основу исторических сочинений о кочевых народах “Срединной Азии”, в научный обиход вошли китайские термины, обозначающие кочевые этносы. Некоторые из них, которым не нашлось убедительного соответствия в языках народов Азии, до сих

пор сохраняют свое значение и широко используются в научной литературе. Например: динлины, юэчжи, сянь-би, жуань-жуани, теле, сейяньто, шивэй, мохэ и др. К числу таких терминов, обозначающих в китайских сочинениях танского времени население, проживающее в долине р.Кянь /Енисей/, относится термин **хягасы /сяцзясы/**. Вопреки излишнему оптимизму Л.Р.Кызласова, употребление данного термина отнюдь не делало его произношение и написание однозначным у авторов XVIII – начала XX веков.⁹ Поэтому нет ни малейших оснований приписывать им употребление термина “**хакас**”. Так Ю.Клапрот писал “**Ha-kia-sze**”, В.Шотт – “**Ha-ka-sze**”, Н.Бичурин – “**хагас**”, В.Радлов – “**хакасс**”¹⁰ и др. Уже перед В.Шоттом, автором первой специальной работы по истории енисейских кыргызов, встал вопрос о соотношении терминов **цзянь-гунь, хягасы, цзилицзисы и кыргызы**, и он был однозначно и правильно решен в пользу “истинных кыргызов”. Таким образом, идентификация хягасов с кыргызами была осуществлена еще на начальном этапе изучения их истории на базе письменных источников.

В сибирской археологии, делавшей первые шаги в плане сопоставления результатов раскопок с историческими сведениями, употреблялся термин “**хягас**”, введенный Н. Бичуриным, со временем получивший более удобную для русского языка форму произношения – “**хакасс**”. Этим термином, в форме “**хагас**” пользовались, в частности, Д.Клеменц, И.П.Кузнецов-Красноярский¹¹ и др. Он вошел в обиход ученых и публицистов, в том числе сибирских областников, ратовавших за обособление “инородцев” в первые десятилетия XX века. Именно из областнической публицистики могла позаимствовать термин “**хакасы**” в качестве своего “самоназвания” “**туземная интеллигенция**”,¹² в результате чего в 20-е годы этот термин закрепился в качестве этнонима за коренным населением современной Республики Хакасия.

К моменту, когда это произошло, были открыты, расшифрованы и переведены оригинальные тексты тюркоязычных рунических надписей, принадлежащих, как установлено, самим кыргызам, а также их историческим противникам тюркам и уйгурам.¹³ В рунических памятниках зафиксированы на Енисее только кыргызы. Естественно, что термин **хягасы** был отождествлен в качестве одной из китайских транскрипций этнонима “**кыргыз**”. Однако этот важный вывод, как и переводы рунических текстов В.Радловым на немецкий язык, остались достоянием академической науки. В то время как для “**минусинской интеллигенции**”, согласно утверждению Н.Н. Козьмина, “**имя хакас**”, несмотря на китайскую транскрипцию “**турецкого имени**”, стало “**идейным лозунгом для культурно-национального возрождения**”.¹⁴ Таким образом, к моменту начала национально-государственного строительства на юге Сибири, невзирая на установленное тождество китайского слова “**хягасы**” тюркскому “**кыргыз**”, и тем самым отсутствие у термина “**хакас**” самостоятельно-

го значения, этот термин обрел новое реальное бытование, став наименованием коренного населения Минусинской котловины. Поддержавший термин “хакас” в качестве “понятного и идейного лозунга” Н.Н.Козьмин предположил, что он восходит к “кара-кас”, являющихся наряду с “тубинцами /уйгурами/” и кыргызами одной из трех групп населения Енисея в средние века.¹⁵ Выдвинутая точка зрения полна противоречий. Так, утверждая в предисловии к своей работе о различии терминов хакас и кыргыз и принадлежности их различным этническим группам, он тут же их отождествляет: “Хакасы позднее известны были в китайских летописях под именем ки-ли-кидзе, /т.е. киргиз/. В сохранившихся надписях на скалах они называют себя “кыргыз”. Кроме государства хакасов-кыргыз, могут быть названы менее значительные государства – меркитов, найманов и керейтов”.¹⁶

Выдвижение искусственного термина “хакас” в качестве названия реально существующей народности, сформировавшейся из различных этнических групп в XIX веке, вызвало справедливые возражения у В.В.Бартольда, ведущего в тот период специалиста по истории Центральной Азии, создавшего первый в истории отечественной науки сводный очерк по истории кыргызов.¹⁷

В дальнейшем специалисты, работавшие в области истории и археологии кыргызов, особенно проводившие полевые работы на юге Сибири, уже не могли не учитывать тот факт, что исследуемые ими памятники могли потенциально принадлежать предкам современного коренного населения, получившего наименование хакасы. Так, в решение данного вопроса вмешался новый фактор. “Хакасами” стало называться средневековое население Минусинской котловины не потому, что так его именуют источники, а потому, что в нем видят предков современных хакасов. Это особенно наглядно проявилось в принципе двойного наименования: “кыргызы /хакасы/”, “кыргызы-хакасы” и т.д. Так писали специалисты, работавшие на Енисее в 20 – 40 годы. Например, создатель периодизации культур эпохи металла в Минусинской котловине, С.А.Теплоухов утверждал: “В более поздних летописях, повествующих о событиях VII – X в н.э. /Тан-Шу/, есть определенные указания о том, что к этому времени киргизы /хягас/, говорившие на тюркском языке, “перемешались” с динлинами, овладев, по-видимому, всей территорией в южной части бассейна Енисея и заняв здесь главенствующее положение.”¹⁸ Двойным наименованием пользовались Л.А.Евтюхова и С.В.Киселев, хотя в то же время в одной из своих работ, они писали: “Хакас есть китайская транскрипция термина кыргыз”.¹⁹ “Кыргыз-хакасы”, а иногда и просто “хакасы” фигурируют в работах В.П.Левашовой.²⁰ Можно отметить, что в работах, изданных в центральных изданиях, у всех авторов преобладает в качестве основного наименования термин “кыргыз”, в то время как в мелких популяр-

ных брошюрах, изданных в Абакане и рассчитанных на хакасскоязычного читателя, употребляется термин “хакас”.²¹ В этом нельзя усматривать какой-то особой “позиции”, скорее лишь уступку местной специфике: так же, как А.Н.Бернштам, работавший на Тянь-Шане, при обращении к южносибирской тематике везде пишет только “кыргыз” и “кыркыз”.²²

В начале 50-х годов ряд соображений по поводу соотношения терминов “кыргыз” и “хакас”, давно ставших привычным эквивалентом друг другу, выступили тюрколог С.Е.Малов и синолог Н.В.Кюннер.

По мнению С.Е.Малова: “Киргизы были сильным енисейским государством, соперничавшим с уйгурами. Можно думать, что заодно с киргизами были тофалары /карагасы/ и тувинцы /урянхайцы, сойоны/.” Однако значение термина “хакас” для С.Е.Малова оставалось неясно: “Является ли он китайской передачей слова “киргиз” или же, что с моей стороны скорее, – “карагас”? Ведь китайцы под хакасами (карагасами) могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами”.²³ В.Н.Кюннер, основываясь на сообщении китайской летописи о заимствовании термина “хягас” китайцами из уйгурского языка, полагал, “что имя хягясы, обозначая тот же народ или киргизов, не является только транскрипцией имени этого народа, но, будучи заимствованным из уйгурского языка, имеет особый смысл вроде клички.

Исходя из вышеприведенных соображений, пишущий эти строки считает правильным принимать, как исторический факт, тождественность наименований кыргыз /гянь-гунь и иные формы транскрипции/ и хакас /хягясы/ для обозначения одного и того же народа, оставляя пока открытым вопрос о действительном смысле и происхождении наименования хягяс”.²⁴

Как видно из вышеприведенных текстов, авторы не ставили под сомнение правомерность употребления этнонима “кыргыз” в отношении населения Среднего Енисея в эпоху Тан. С.Е.Малов считал, что термин “хакас” может восходить к названию какой-то части зависимых от кыргызов киштымов, по его мнению, “карагасов” /т.е. тофаларов – Ю.Х./, солидаризуясь в этом плане с высказываниями Н.Н.Козьмина. Причем, это было высказано С.Е.Маловым мимоходом, в порядке сомнения, а не развернутого положения, в предисловии к изданию текстов енисейской рунической письменности. Кроме того, надо отметить, что сами карагасы называют себя “тофа”. Этноним карагас бытовал только среди русских, а также в языке хакасов (в форме “хара хаас”) и тувинцев (в форме “кара хааш”).

Н.В.Кюннер был склонен считать термин “хягяс” эквивалентом этнонима “кыргыз”, попавшим в китайский язык через посредство уйгурского и игравшим роль клички – “желто-краснолицы”. Ни о каком самостоятельном значении термина “хакас” в качестве этнонима в его работе речи нет.

Позднее Н.В.Кюнер несколько изменил свою точку зрения, в полемике с Г.Е.Грумм-Гржимайло, бегло упомянул, “что хакасы и киргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа”.²⁵

Ряд соображений относительно термина “хакасы” принадлежат Л.П.Потапову. Говоря о появлении данного термина в качестве этнонима в начале XX века, он писал: “Этот общий процесс консолидации, протекавший, как было показано, под сильным влиянием качинцев, привел к сложению в конце XIX-начале XX вв. на территории Минусинской котловины маленькой народности, которая получила у русских название минусинских или абаканских татар. Хакасами они стали именоваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Название “хакасы” было предложено представителями местной интеллигенции при национальном определении “минусинских татар” в самом начале 20-х годов нашего столетия. Предлагавшие это название исходили из ошибочного представления, что минусинские или абаканские “татары” являются потомками древнего населения Саяно-Алтайского нагорья, зафиксированного в китайских летописях под именованием “хягас”. Несмотря на то, что название “хакасы” не может считаться исторически оправданным и аргументированным, возражать против него нет оснований, так как оно постепенно вошло в быт населения и было им принято”.²⁶

Позднее, под влиянием Н.В.Кюнера, Л.П.Потапов стал склоняться к мысли, “что в настоящее время накапливается все больше и больше данных, свидетельствующих о невозможности отождествления “хягас” и “кыргыз”, о сложных в этническом отношении конгломератах – “хягас” и “кыргыз”, о большом участии в этническом конгломерате “хягас” самодийского элемента и т.п.”²⁷ Автор привлек для анализа данного вопроса сообщение Юань-ши в переводе В.Н.Казина, в котором говорится о поселении “киргисов” и “земле хасха”. Последняя является, по его мнению, местом расселения самодийцев-качинцев в районе современного Красноярска.

Колебания ряда исследователей относительно тождественности терминов “хягасы” и “кыргызы” в 50-е годы обусловлены затруднениями в трактовке отдельных фрагментов китайских текстов юаньской эпохи, в частности, термина “хэсыхэ”, отождествление которого с современным словом “хасха” внесло определенную путаницу в оценку событий XIII века, привело к неоправданным противопоставлениям терминов хягасы и кыргызы. Вероятно, свою роль в этих решениях сыграли итоги изучения этногенеза современных киргизов, поставившие под сомнение тождество кыргызов Енисея и Тянь-Шаня²⁸, и настойчивые выступления с собственной точкой зрения по этим проблемам Л.Р.Кызласова. Впервые с изложением своей позиции Л.Р.Кызласов выступил в 1954 году, в рецензии на книгу Л.П.Потапова об истории алтайцев.²⁹ Основу взглядов автора составляет положение, что термин “ха-

кас” является общим самоназванием различного по этническому происхождению и составу населения Среднего Енисея в эпоху средневековья, а термин “кыргыз” соответствует названию правящего “аристократического династического рода древних хакасов”. К обоснованию своей точки зрения Л.Р.Кызласов не раз возвращался в работах 1959, 1960 годов.³⁰ В наиболее полном и развернутом виде его концепция на соотношение терминов “кыргыз” и “хакас” представлена в статье, вышедшей в свет в 1968 и 1969 годы.³¹ *Основные положения данной концепции заключаются в следующем:* средневековые китайские летописи содержат различные варианты написания термина “хакас”, которое является передачей местного самоназвания разноязычного и разноэтнического населения Среднего Енисея; термин “кыргыз” встречается в тех же источниках параллельно и означает “аристократический династический род древних хакасов”, термин “кыргыз” не мог быть самоназванием всего населения Енисея, поскольку в его состав входили различные по языку племена и роды /угорские, самодийские и тюркоязычные/; “именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве, население которого составляли разноязычные родоплеменные группы, орхонские тюрки-тугю, уйгуры, а также западные источники, ошибочно называли все эти племена кыргызами;” в пользу разноязычности свидетельствуют состав слов, приписываемых населению Среднего Енисея в Синь-Таншу; средневековый термин “хакас” является самодийским по происхождению, дожившим до современности в форме “хаас”; этот термин отражен в самоназваниях родоплеменных групп тофаларов /хааш/, тувинцев и дархатов (хаасут); “появление термина “хакас” в “качестве названия государства и народа” в VI-XII вв. свидетельствует, что в нем сложилось “новое тюркоязычное ядро местных племен /в него входили и кыргызы/; это способствовало созданию сильного централизованного государства “с обшей экономической базой и единым литературным языком – енисейской письменностью; “аристократический род “кыргыз” у “древних хакасов” подобен правящим родам хуань у гуннов, ашина у тюрков, ягларак у уйгуров, елюй у киданей; отсутствие термина “кыргыз” в рунических надписях на Енисее свидетельствует, что его заменил термин “эль”, синоним слова “кыргыз”; термин “кыргыз” применялся лишь для надписей за пределами “древнехакасского государства”; взгляды автора, по его мнению, в разных аспектах разделяли Ю.Клапрот, В.Шотт, В.Н.Кюнер, С.Е.Малов, С.В.Киселев, Н.Н.Козьмин и “многие ученые в XIX и XX века”. Вывод Л.Р.Кызласова категоричен: “Путать и отождествлять термины “хакас” и “кыргыз” между собой или подменять их друг другом – ненаучно. Неверно также называть государство именем династического правящего рода, а не по самоназванию большинства составлявшего его трудового населения, которое имеется в источниках.

Создали это государство и населяли в VI-XII вв. древние хакасы и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов.”³²

Позднее, когда изложенные здесь выводы Л.Р.Кызласова по данному вопросу встретили ряд резких возражений у специалистов – историков, лингвистов, востоковедов, автор, в порядке оправдания, писал, что цели его выступления были весьма скромны: “Установив в 1964 г., что вопрос о терминах “кыргыз” и “хакас” является еще недостаточно проясненным в советской исторической науке и желая привлечь к нему специалистов самого широкого профиля, но прежде всего исследователей по этнической истории, я написал специальную статью “Взаимоотношение терминов “хакас” и “кыргыз” в письменных источниках VII-XII веков”, но по ряду причин она вышла в свет только в 1968 г.”³³

“Чтобы разобраться во взаимоотношениях этих терминов следовало рассмотреть все известные данные и договориться о границах их применения. Это и пытался сделать автор в своих работах, обобщив, как и полагается историку, все известные данные родственных наук”.³⁴

“Естественно, что после этого следовало ожидать делового обсуждения и плодотворной научной дискуссии. Есть основания считать, что такая дискуссия еще развернется и здесь прежде всего необходимы исследования специалистов-синологов”.³⁵

Вряд ли, однако, можно в данном случае верить автору, что его целью было только “привлечь внимание” и “вызвать дискуссию”. Назидательный тон и безапелляционность выводов статьи “Взаимоотношения терминов “хакас” и “кыргыз” . . .”, а также ее троекратное переиздание после ряда выступлений аналогичного содержания в 50-е – начале 60-х годов свидетельствуют об ином. Автора к этому времени уже не удовлетворяло наличие “разночтений” по поводу данных терминов, оставляющее ему право на собственное мнение. Своим выступлением он стремился не “открыть дискуссию”, а напротив закрыть вопрос в пользу термина “хакас”, дезавуировав термин “кыргыз” в качестве этнонима. Об этом свидетельствуют и нравоучительные реплики в адрес “некоторых современных историков”, именующих “государство древних хакасов” государством кыргызов, “упуская, к сожалению, из вида, что подавляющее большинство населения составляли не кыргызы”, и произвольный подбор “сторонников” своей гипотезы из числа наиболее авторитетных ученых прошлого, от Ю.Клапрота и В.Шотта до С.Е.Малова, Н.В.Кюнера, С.В.Киселева и др. Об этом же говорят и выводы статьи, ибо те исследователи, кто “путают и отождествляют” термин “хакас” и “кыргыз” поступают “ненаучно”, а те кто именуют государство – “государством кыргызов” делают “неверно”.³⁶ А для того, чтобы вести “верно” и “научно”, как следует из

статьи, “некоторым ученым” нужно отбросить термин “кыргызы” и именовать население Енисея “древними хакасами”.

Однако “плодотворная научная дискуссия” по поводу терминов, причем с участием “специалистов-синологов”, все же разразилась, и ход обсуждения и результаты оказались противоположными ожиданиям Л.Р.Кызласова. Один из первых с критикой выдвинутых Л.Р.Кызласовым положений выступил востоковед, арабист О.Караев, справедливо упрекнувший инициатора дискуссии в систематическом искажении цитируемых им авторов, приписывании им несуществующих взглядов, в частности, привнесении в тексты древних источников и цитаты современных ученых термина “хакас”, там где он отсутствует в оригинале.³⁷ Такие искажения отмечены в проводимых Л.Р.Кызласовым цитатах из работ Н.В.Кюнера, Б.Карлгрена, С.Е.Малова и др. О.Караев резонно замечает: “По мнению Л.Р.Кызласова, во всех средневековых памятниках разноразличные племена Минусинской котловины ошибочно называются кыргызами из-за главенствующей роли последних в государстве.

Нам представляется, что комплекс источников самого различного происхождения заслуживает в целом большего доверия. Некоторые из вышеперечисленных авторов сами были на территории енисейских кыргызов или получили достоверные сведения о кыргызах от побывавших в этом районе лиц. Если действительно в Минусинской котловине в VI-XII вв. обитали племена под названием хакас, а кыргызы – лишь их малочисленный аристократический род, то, несомненно, хотя бы один средневековый источник упомянул бы об этом”.³⁸ О.Караев подверг критике мнение Л.Р.Кызласова о мнимой малочисленности кыргызов, отметил некорректность употребления термина “колена”, “поколения”, “род” в сочетании с этнонимом “кыргыз”, противопоставления терминов “эль” и “кара-будун” и отождествления первого с этнонимом “кыргыз”. Говоря о мнении Л.Р.Кызласова в отношении гипотезы Н.Н.Козьмина и С.Е.Малова о тождестве терминов “хакас” и “карагас”, О.Караев отмечает непоследовательность Л.Р.Кызласова, согласного солидаризоваться с любой версией, которая так или иначе подвергла бы сомнению эквивалентность терминов “хакас” и “кыргыз”.³⁹

С развернутым анализом содержания и реконструкции звучания китайских терминов, применявшихся для обозначения средневекового населения Енисея, выступил известный китайист, специалист в области исторической фонетики китайского языка, С.Е.Яхонтов.⁴⁰ Результаты тщательного специального изучения вопроса “специалистом-синологом” сняли все разночтения и недомолвки в отношении термина “хягясы”. Автор заключил, что “исходную форму китайской транскрипции хягясы иногда реконструируют как хакас. Эта реконструкция не может быть принята” – поскольку не соответствует нормам китайской исторической фонетики.⁴¹

“Таким образом, форма хягяс есть китайская транскрипция слова кыргыз; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях – гяньгунь, гегу и др., отражают фонетические варианты того же этнонима (например, кыркур или, может быть, кыркун, кыркут, кыркуз). Форма хягяс не может передавать звуки хакас”.⁴²

Итак, вопрос был решен на самом авторитетном уровне, поставлены все “точки над і”. Никаких “хакасов” в китайских средневековых источниках не оказалось. Звуки хакас – результат исторического недоразумения.

С.Е.Яхонтовым сделан еще один важный вывод: “По тем же самым причинам не может быть сближаема с китайским и современная форма хаас”. В отношении “хаас” он высказал перспективное предположение о его связи с термином “ханхас” и “лыжные туюцзюэ”,⁴³ что вполне вероятно, т.к. те и другие являлись киштымами енисейских кыргызов.

Хотя вопрос о соотношении терминов “кыргыз” и “хакас” был фактически решен в работе С.Е.Яхонтова, дискуссия продолжалась, выйдя далеко за пределы сугубо терминологических разногласий. С обстоятельной статьей по ряду спорных вопросов в этнической истории Южной Сибири выступил специалист по современным национальным отношениям в Саяно-Алтае, историк Н.А.Сердобов.⁴⁴ Автор справедливо указывал, что позиция того или иного автора по отношению к этнониму “кыргыз” применительно к средневековой истории юга Сибири имеет не отвлеченно академический интерес и не сводится к терминологическому разночтению, а имеет самое непосредственное отношение к современным национальным отношениям. Перенос современного этнонима недавнего происхождения “хакасы” на древнее и средневековое население региона ведет к неминуемым искажениям исторического процесса, неправильной оценке роли современных коренных народов. Неоправданное удревнение и идеализация, приукрашивание истории современных хакасов неминуемо ведет к умалению роли других народов.⁴⁵ “Определенная идеализация “древнехакасского” государства, по мнению Н.А. Сердобова, сказывается в оценке Л.Р.Кызласовым политики этого “государства”, приписывая ей оборонительные тенденции, в оценке уровня грамотности в “древнехакасском” обществе, о наличии там системы обучения, собственной и переводной литературы, о широком распространении “славы о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета”.⁴⁶

“Едва ли нужно доказывать, – резонно замечает Н.А.Сердобов, – насколько далека от истины подобная характеристика “древнехакасского” государства”.⁴⁷ Автор, ссылаясь на мнение И.А.Батманова и других тюркологов, подверг критике стремление Л.Р.Кызласова приписать почти все рунические надписи в Туве “древним хакасам”. Подвергнута критике несостоятельная “концепция” Л.Р.Кызласова противопоставления терминов “хакас” и “кыргыз” и отнесения последнего к “аристократическому династийному роду

средневековых хакасов”. Ссылаясь на С.Е.Яхонтова, Н.А.Сердобов присоединяется к общепринятому мнению о тождественности обоих терминов. Н.А. Сердобовым вскрыты и мотивы “пристрастной приверженности Л.Р.Кызласова к термину “хакас”. Автор полагает, что ...”здесь проявляется желание связать этот термин с современным наименованием хакасской народности...”⁴⁸

Это стремление “...отвести ведущую роль в истории Южной Сибири и Центральной Азии “древним хакасам”, “обосновать” историческую и этногенетическую преемственность между ними и современными хакасами отчетливо выступает и в ряде других работ Л.Р.Кызласова.⁴⁹ Несомненный вред от распространения подобных взглядов автор видит в том, что “ошибочные взгляды Л.Р.Кызласова нашли последователей” среди части ученых-хакасов, отмечая, в частности, проявление данной тенденции в работах К.Г.Копкоева.⁵⁰ Н.А.Сердобов отметил, что “енисейские киргизы вошли одним из этнических компонентов не только в состав современной хакасской народности”, но и в состав “тувинцев, среднеазиатских киргизов, алтайцев” и других народов, поэтому недопустимо превращать их в “династийный” сеок-род или в “хакасов”.⁵¹

Эта справедливая критика нашла отражение и в монографии Н.А.Сердобова об истории формирования тувинской нации.⁵²

Л.Р.Кызласов пытался возражать, ссылаясь на мнимую “непоследовательность” и “необъективность” Н.А.Сердобова, “тенденциозность” О.Кареева.⁵³ С.Е.Яхонтову он возражать не решился, противопоставив его доказательствам устную “консультацию” Н.П.Мункуева, некорректно объединив ее с чтениями П.И.Кафарова, Н.В.Кюнера, В.П.Васильева и “других”.⁵⁴ Тот же прием применен Л.Р.Кызласовым для обоснования своей “стойкой приверженности к термину “хакас”, которую он объяснял традицией западноевропейской синологии, “русской и советской науки”, перечислив в качестве предшественников и сторонников своего мнения фамилии многих ученых XVIII-XX веков: Ю.Клапрота, К.Висделу, И.Абель-Ремюза, И.Дюгальда, Н.Я.Бичурина, К.Риттера, В.В.Григорьева, Н.А.Кострова, Е.К.Яковлева, В.В.Радлова, А.А.Спицына, Н.М.Ядринцева, В.И.Огородникова, Н.Н.Козьмина, Р.М.Кабо, С.В.Киселева, В.П.Левашовой, Л.А.Евтюховой, С.А.Токарева, Л.П.Потапова, В.Г.Карцова.⁵⁵ О том, насколько некорректно включение в “список сторонников термина “хакас” большинства перечисленных фамилий наглядно свидетельствует предложенная ниже история вопроса. На деле это было не более чем попытка укрыться за авторитет известных имен, не имеющих никакого отношения к концепции “кыргызы” – династийный род средневекового народа “хакасы”, выдвинутой Л.Р.Кызласовым. Автором отведены и некоторые другие доводы Н.А.Сердобова, в том числе “идеализации древнехакасского государства”, уверяя, что никаких “преувеличений” в его взглядах на этот

счет нет. Приведены им и некоторые новые соображения в пользу употребления термина “хакас”. Соглашаясь с критиком: “Да, хакасами себя “абаканские татары” не называли, – он, однако, пишет, – но они называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами”.⁵⁶ Именно “это самоназвание” с точки зрения Л.Р.Кызласова позволяет именовать их “хакасами”. Тон возражений временами носит панический характер: “Категорически следует протестовать против приписываемого нам... принижения “роли и значения в историческом процессе народов, обитавших на территории современной Тувы и Горного Алтая”, “искажения и умаления роли других народов”.⁵⁷

Позже с критикой данных “возражений” вновь выступил О.Караев, подчеркнув, что Л.Р.Кызласов не располагает аргументами, чтобы отвергать мнение С.Е.Яхонтова.⁵⁸ Автор отметил дискуссионность чтения термина “хакас” в работах синологов, на что не обращает внимания Л.Р.Кызласов. Он отвергает возражения в необъективности со стороны Н.А.Сердобова, т.к. именно благодаря усилиям последнего, равно как и всей редколлегии, сведения о “древних хакасах” были в свое время удалены из глав I тома “Истории Тувы”. О.Караев вновь возразил против приписывания исторических сведений о кыргызах “хакасам”, отметив, что многие из них относятся к кыргызам, обитавшим в Средней Азии, и ошибочно включены Л.Р.Кызласовым в круг сведений о пресловутых “хакасах”. Подвергнута критике и точка зрения Л.Р.Кызласова о существовании так называемых “центральноазиатских киргизов”, основанная на ошибочном чтении слова “Хэсыхэ” как земли “хасха” (родовом подразделении качинцев). По мнению О.Караева, “название Хэсыхэ (или хасха) следует искать где-то в Маньчжурии, может быть, поблизости или также в бывшем владении князя Наяна”. О.Караев счел нужным уточнить, что “новая датировка” памятников рунической письменности не является заслугой Л.Р.Кызласова, а принадлежит фактически И.А.Батманову.⁵⁹ Общий вывод О.Караева таков: “В совокупности вышеизложенное подтверждает высказывания Н.Сердобова об искусственном удревнении истории современного хакасского народа Л.Р.Кызласовым за счет умаления роли и искажения данных восточных авторов об енисейских киргизах”.⁶⁰ Таковы, в общих чертах, основные события в ходе дискуссии о терминах “кыргыз” и “хакас”. Ее итоги не оправдали надежды тех, кто стремился вычеркнуть этноним “кыргыз” из средневековой истории Северной и Центральной Азии. Напротив, в ходе обсуждения была выяснена тождественность всех терминов, обозначающих население Енисея, этнониму “кыргыз”. Важным итогом дискуссии можно считать установление факта, что в китайских источниках отсутствует термин “хакас” в какой бы то ни было форме, что лишний раз подтвердило его позднее литературное происхождение. Научное сообщество, включая исследователей-сибироведов, положительно расценило и воспри-

няло итоги дискуссии, приняв для употребления в качестве наименования средневековых кочевников Енисея этноним “кыргыз”. С ее результатами не мог не считаться даже Л.Р.Кызласов. Уже в ходе дискуссии тон его суждений по данной проблеме, подчеркивание собственного приоритета в формулировании своей точки зрения, в частности, утверждения вроде “впервые это высказано нами... еще в таком-то году,”⁶¹ сменились настроениями иного рода, уже отмечавшимися выше. Л.Р. Кызласов стал уверять лишь о своей приверженности “традициям русской и советской науки”, о том, что “Л.Р.Кызласов выступает за дружбу между народами...”⁶² и т.д. Эти оценки коснулись некоторых работ Л.Р.Кызласова, увидевших свет вскоре после дискуссии. В работе, посвященной роли археологических источников в истории народов Сибири, ранние кыргызы упомянуты без кавычек и, наряду со средневековыми хакасами, как творцы архитектурных сооружений на Среднем Енисее, а “памятники самобытной тюркоязычной “рунической” письменности”,⁶³ отнесены к местным племенам и народностям”, а не только к “древним хакасам”. Впервые кыргызы, пусть с эпитетом “ранние”, обрели право на самостоятельное существование в трудах Л.Р.Кызласова.

Однако с течением времени впечатление от результатов дискуссии словно рассеялось и уже в работах 1975 года Л.Р.Кызласов вернулся к прежним трактовкам.⁶⁴ “Кыргызы” вновь заключены в кавычки, и выделить их памятники среди “древнехакасских” он считает невозможным. Кыргызы вновь стали “лишь родом средневековых хакасов”.⁶⁵ Эта трактовка присутствует в работах автора, увидевших свет в последнее десятилетие. В его статьи и книги вернулись критиковавшиеся в свое время оценки уровня развития “древнехакасской цивилизации” и ее культуртрегерская роль в “завоеванных землях”.⁶⁶ Более того, если ранее Л.Р.Кызласов ограничил претензии на главенствующее положение “хакасов” пределами Саяно-Алтая, то в работах последних лет территориальная экспансия “древнехакасской цивилизации” заметно расширилась, включив земли Забайкалья, Западной Сибири, степи Казахстана и Приуралья.⁶⁷ Влияние “древнехакасского государства”, судя по последним работам автора, простиралось в IV-X вв. от Амура до Крыма и от Ангары до Восточного Туркестана.⁶⁸ Серьезным препятствием для распространения пределов “древнехакасской” государственности на юге остался лишь Тянь-Шань, поскольку появление там “древних хакасов” позволит “некоторым ученым” путать кыргызов Енисея и Тянь-Шаня и предполагать общность их происхождения, чего концепция Л.Р.Кызласова категорически не предусматривает.⁶⁹ Взгляды Л.Р.Кызласова поддержаны работами И.Л.Кызласова, в которых тенденция к “господству” “древних” или “средневековых хакасов” над другими народами в территориальном и культурном аспекте все более расширяется.⁷⁰ Сладкие мечты о мнимом “господстве “хакасов”⁷¹ в

обширных пространствах степной Евразии, о создании ими какой-то особой “древнехакасской цивилизации” базируются все на той же поверхностной, субъективной трактовке ограниченного круга источников, уже подвергавшейся ранее развернутой критике.

Что же изменилось в состоянии изученности вопроса, что позволило авторам вернуться к утверждениям, не выдержавшим испытания критикой. Очень немного. Китаист Н.П.Мункуев в комментариях к переводу на русский язык текста “Мэн да бэй лу” в одном из подстрочных примечаний усомнился в реконструкции С.Е.Яхонтовым слова “хягяс” в форме “кыргыз” и предложил свою в форме “гакас”.⁷² И хотя это сомнение высказано мимоходом, без развернутой аргументации, и оно никоим образом не свидетельствует в пользу правомерности употребления термина “хакас”, именно оно послужило основанием Л.Р.Кызласову для реанимации своих старых раскритикованных и отвергнутых наукой взглядов. Вновь вернувшись к обсуждению данного вопроса, Л.Р.Кызласов утверждает: “В статье С.Е.Яхонтова не признается чтение хакас в качестве реконструкции хягяс – это одна из транскрипций термина кыргыз. Однако истолкование С.Е.Яхонтова было отвергнуто Н.П.Мункуевым, указавшим, что допущения С.Е.Яхонтова и его реконструкция кыргыз “недостаточно обоснованы. По-видимому, для сяцзясы надо предложить исходное гакасы /с учетом ассимиляции/”, и далее Н.П.Мункуев отсылает читателей к нашей статье о терминах хакас и кыргыз.

Таким образом, нет оснований соглашаться с разъяснением С.Е.Яхонтова”.⁷³ Получается, что Яхонтову нельзя верить потому, что с ним не согласен Мункуев, а не согласен потому, что верит Кызласову, доводы которого опровергнуты Яхонтовым. Круг замкнулся, “исходное гакас” непостижимым образом стало аргументом в пользу произношения “хакас”, в противовес “кыргыз”. Казалось бы, если прав Н.П.Мункуев, надо употреблять термин “гакас”, “гакаское государство”, “гакасская цивилизация” и т.п., а не “хакас”, однако этого почему-то не произошло. Л.Р.Кызласов воспользовался данным эпизодом комментирования “Мэн да бэй лу” для оправдания прежней концепции, которую он отстаивает и по сей день. В ходе полемики и позднее им был высказан ряд соображений по данному вопросу, не нашедший отражения в дискуссии. Все это дает основания вновь вернуться к рассмотрению аргументации Л.Р.Кызласова в полном объеме, не повторяя тех моментов, которые можно считать решенными.

Первый тезис Л.Р.Кызласова, на который опираются все его дальнейшие построения: различия в китайских источниках эпохи Тан терминов цзяньгунь /кыргыз/ и сяцзясы /с вариантами/: “Термин “кыргыз” /цзяньгунь/ китайские историографы употребляли в танскую эпоху с термином “хакас” в одних и тех же источниках”.⁷⁴ Отметим, что в перечне вариантов термина

“сязяс” у Л.Р.Кызласова отсутствуют некоторые формы, которые он тем не менее считает воспроизведением слова “хакас”.⁷⁵

О том, что представляет из себя данное “различие” в историко-фонетическом аспекте, достаточно ясно показал в свое время С.Е.Яхонтов: различия просто нет. Л.Р.Кызласов ссылается также на прямые указания источников: “Хягас есть древнее государство Гянь-гунь”, после того, как гяньгуньское “племя смешалось с динлинами”, – как на доказательство различия данных терминов.⁷⁶ На самом деле, если считать перевод адекватным, выражение “хягас есть ... гяньгунь” означает тождество, а не различие субъекта и предиката данного суждения. “Хягас – гяньгунь”, но никак не наоборот. Если бы дело обстояло иначе, как пытается утверждать Л.Р.Кызласов, в тексте должно было бы стоять “хягас не есть гяньгунь”. Таким образом, текст источника прямо отождествляет оба термина, вопреки попыткам Л.Р.Кызласова трактовать его в противоположном смысле.

Далее Л.Р.Кызласов ссылается на то, что впоследствии северные варвары “ошибочно хягасы назвали хакяньсы, что на хойхусском языке значит: краснолицый”. Эта фраза в свое время послужила основанием считать слово хягасы “ключкой” кыргызов, попавшей в китайский язык через уйгуров. Отметим, что источник не противопоставляет более позднее написание раннему, а лишь пытается объяснить его значение и происхождение. Кроме того, китайские источники добавляют, что “иные называют еще государство Гюйву и Гйегу”.⁷⁸ Таким образом, все перечисленные этнонимы обозначали один и тот же народ.

Мнимое различие терминов “хягасы” и “цзяньгунь” само по себе не дает никаких оснований предполагать, как это делает Л.Р.Кызласов, что “термин хакас в китайских источниках по значению гораздо шире, чем кыргыз, и точнее, ибо это имя действительно охватывало все разноязычные племена /в том числе и кыргызов/, входивших в древнехакасское государство”.⁷⁹ Но где это видно?! На это нет ни одного намека в источниках.

Некорректно утверждение Л.Р.Кызласова, что термин “кыргыз” не мог быть “самоназванием” всех различных по языку племен кыргызского государства.⁸⁰ Таким “самоназванием” не мог быть не только термин “кыргыз”, но и “хакас”, и любой другой термин, поскольку это разные, к тому же разноязычные племена, у которых не может быть общего “самоназвания”. Другое дело, что такое самоназвание было у господствующей в этом государстве этнической группы – “кыргызы”, по которой его и называли “кыргызским каганатом” и никак иначе. Для всех остальных, подчиненных кыргызам, племен также существовало общее название – “киштымы” /кешдем/, и только так их следует именовать.

Поэтому попытки выводить название государства из численности покоренных племен бессмысленно, господствующий этнос в кочевом государстве всегда составляет меньшинство, однако историки именуют эти государства по имени господствующего этноса: Тюркское, Уйгурское, Кыргызское, Монгольское и т.д.

Исследователи уже отмечали абсурдность утверждений, что “кыргызы” на Енисее составляли лишь “немногочисленный аристократический династийный род”⁸¹ в среде “средневековых хакасов”. Эта конструкция построена на некорректной трактовке выражений “колено”, “поколение”, “род”, поскольку они широко применялись по отношению к племенам и народам, в том числе, в сочетании с термином хягас. Например, “дом хягас”, “хягас есть небольшой род” и т.д. Конструкция “кыргызы – династийный род” носит сугубо негативный характер, имеющий целью отрицать этническое содержание данного термина без учета реального значения термина “род”. Его принятие повлекло бы за собой ряд трудноустраняемых противоречий. Если гянгунь только род, то как они могли покорить и ассимилировать многочисленный народ динлинов, вместе с которыми упоминаются в источниках. Если в тот период они еще не были родом, то как могли трансформироваться в род из этноса. Почему и позднее “сеок – род кыргыз” входит в состав разных племен, в то время как династийные роды относятся к одному племени: Ашина – род племени Тюрк, Яглакар – род племени Уйгур и т.д. Да и среди самих кыргызов имелось “родовое имя тех, из этой области, которые пользуются уважением и известностью”, под названием “иди”.

“Именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве...,” современники “ошибочно”, по мнению Л.Р.Кызласова, называли все эти племена кыргызами.⁸² Но только так его и следует называть, раз его так именовали и сами кыргызы, и их ближайшие и отдаленные соседи. Этому нисколько не противоречат “языковые данные”. Наличие в языке кыргызов нескольких “самодийских” слов не меняет его принадлежности к тюркской группе алтайской языковой семьи и не свидетельствует о самодийской принадлежности населения Енисея, об этом говорит хотя бы “самобытная енисейская руническая письменность”, служившая, по мнению самого Л.Р.Кызласова, “литературным языком” в кыргызском государстве.⁸⁴ Не способствует упрочению его точки зрения и сближение Л.Р.Кызласовым слова хакас с этнонимами хаас/качинцы/, хааш/тофалары/, хаасут/дархаты-монголы и тувинцы-тоджинцы/.⁸⁴ Вполне возможно, что перечисленные этнические группы восходят к общей этнической основе. К ним следует добавить подразделение хаасут в составе сойотов Бурятии. Как известно, в свое время “в окрестностях оз. Хубсугул существовал хаасутский хошун... Это был девятый урянхайский хошун, в административном отношении стоявший особняком”.⁸⁵

Очевидно, что хаасуты и близкие к ним этнические группы с этнонимом “хааш” являются частью потомков “лесных урянкатов”, известных в эпоху Тан и Юань под именем ханкас, гээчжи и др. Нет никакой необходимости путать этих хаасов /ханхасов/ с хягясами /кыргызами/, от которых они находились в вассальной зависимости, как это сделал Л.Р.Кызласов.

Не убеждает в пользу гипотезы Л.Р.Кызласова и то обстоятельство, что в рунических надписях, “обнаруженных в бассейне верхнего и среднего течения р.Енисей, не упоминается имени кыргызов”, вместо которого присутствует его “синоним” – эль.⁸⁶ Аутентичность этнонима “кыргыз” доказывается его наличием в разноязычных источниках с III в. до н.э. по XVIII в.н.э. Весьма важно, что этноним “кыргыз” присутствует в текстах тюрок, уйгуров и самих кыргызов. В этом отношении “сомнения-разночтения” вокруг формы “хягясы” в танских источниках не идут ни в какое сравнение с данными о кыргызах. Термин “эль” известен не только в кыргызских рунических надписях. Если он “синоним” термина “кыргыз”, то чем он служит в тюркских и уйгурских надписях? “Синонимизация” слов “эль” и “кыргыз” никак не может быть принята.

Позднее Л.Р.Кызласов добавил к своим рассуждениям еще один аргумент. “Хакасами” необходимо именовать древних насельников Енисея потому, что среди современных хакасов есть этнические группы, которые “называли себя хаасами /хаастар/”.⁸⁷ Однако “абаканские татары”, о которых пишет Л.Р.Кызласов, действительно имели собственное название, вне зависимости от племенной принадлежности, и называли себя не “хаасами”, а “тадарлар”, т.е. “татары”. Это самоназвание до сих пор бытует в разговорном языке коренного населения Хакасии, и его не вытеснило официальное наименование “хакасы”.⁸⁸

Разве не показателен тот факт, что топонимика и фольклор хакасов, где в изобилии представлены многочисленные названия средневековых и современных племен и народов, таких, например, как: хыргыс, пыраят, телек, моол, ойрат, торбет, хыдат, соян, сарт и др., не знают своего мнимого самоназвания – “хакас”. Более того, наряду с “тадар” в хакасском фольклоре имеется предшествующее ему общее название для коренного населения Енисея – “хоорай”.⁸⁹ Разве это не свидетельство в пользу того, что “большинство населения” никогда в прошлом не знало искусственного книжного слова “хакас”, а именovalo себя иначе – “хоорай” и “тадар”.

Историческая справедливость обязывает учитывать все эти факты, а они свидетельствуют об одном: на Енисее никогда в прошлом не существовало народа, который называл бы себя, или был называем другими, термином “хакасы”. Это слово вошло в таком значении в обиход только в 20-е годы XX века, и только с этого времени коренное население региона следует имено-

вать “хакасами”, не удревяняя искусственно данный термин. Попытки искусственного переноса данного термина на средневековое население Енисея является ничем иным, как искажением истории.

Как справедливо отмечали критики Л.Р.Кызласова, суть его концепции не ограничивается подменой терминов.⁹⁰ Заменя исторически обоснованное название “кыргызы” на искусственное “хакасы”, Л.Р.Кызласов пытается завуалировать общеизвестный факт, что современные хакасы не зря получили имя “минусинские татары” в царской России, ибо представляют лишь частичных потомков кыргызской элитарной группы и не имеют прямого отношения к кыргызам кыргызского каганата. С другой стороны, кыргызы вошли в состав не только хакасов, но и тувинцев, дэrbэтов, мингатов, киргизов и других тюркомонгольских народов. Указанный “историк-марксист” не смущается приукрасить свое прошлое мифическим происхождением от славного некогда “народа Хиргиз”, известность о котором обошла всю Азию. Однако если каждый начнет выбирать своему народу предков по степени знатности, что станет с историей? Поэтому с точкой зрения Л.Р.Кызласова нельзя согласиться.

Подводя итог сказанному, необходимо заключить, что по всем известным данным в средние века в Южной Сибири проживало тюркоязычное население, именовавшее себя “кыргызами” и известное другим народам под этим же названием. Кыргызы являлись господствующим этносом в своем государстве, подчиняя многочисленные различные по языку и этнической принадлежности племена, известные под общим названием “киштымы”. Поэтому при описании и анализе средневековых материалов следует разграничивать самих “кыргызов”, созданное кыргызами государство – “Кыргызский каганат” и их “киштымов”, подчиненных вассальных племен, находившихся под большим влиянием кыргызской культуры.

Новый виток полемики о термине “ХАКАС”

Анализ основных дискуссионных вопросов, связанных с употреблением этнонима “кыргыз” применительно к событиям древней и средневековой истории Центральной Азии, позволил учесть все высказанные ранее мнения на этот счет, рассмотреть обоснованность аргументации и прийти к выводу о том, что “по всем известным данным в средние века на юге Сибири проживало тюркоязычное население, именовавшее себя “кыргызами” и известное другим народам под этим же названием,¹ а употреблявшийся некоторыми учеными термин “древние хакасы” – “результат исторического недоразумения”.² Эти выводы встретили положительный отклик и были поддержаны специалистами по средневековой истории Центральной Азии: С.И.Вайнштейном, О.К.Караевым,⁴ Т.К.Чороевым.⁵

А что же Л.Р. и И.Л.Кызласовы? В 1992 г. в журнале “Этнографическое обозрение” под рубрикой “Родится ли в споре истина?” И.Л.Кызласов опубликовал статью “О самоназвании хакасов”. В том же номере были опубликованы критические отклики на нее С.Г.Кляшторного, С.Е.Яхонтова и В.Я.Бутинаева и ответ автора оппонентам.⁶ Хотя в названии статьи говорится о самоназвании современного коренного населения Хакасии, ее основное содержание посвящено попытке обосновать правомерность употребления термина “хакасы” к средневековому населению Минусинской котловины. Вряд ли можно надеяться на рождение истины в споре, если инициатор его возобновления И.Л.Кызласов практически игнорирует ход и итоги предшествующей дискуссии по данному вопросу. Хотя в своем ответе оппонентам он вполне отдает себе отчет в том, что “строгий учет историографии обсуждаемой проблемы”⁷ должен способствовать “выявлению объективной картины”, в его статье такой “учет” отсутствует. И это отнюдь не упущение, а сознательная позиция. Обращение к материалам предшествующей дискуссии со всей очевидностью свидетельствует, что И.Л.Кызласов не располагает какой-либо новой, дополнительной аргументацией в пользу концепции, которую он собирается защищать, в сравнении с той, что уже высказывалась ранее в работах его отца Л.Р.Кызласова. По существу, в своей статье И.Л.Кызласов лишь пересказывает взгляды Л.Р.Кызласова, но делает это выборочно, не всегда ссылаясь на работы своего предшественника⁸. Это признает и сам И.Л.Кызласов. В преамбуле к своей статье он констатирует, что существует некая концепция, которая представляется ему “наиболее историчной”, подразумеваемая, конечно, концепцию Л.Р.Кызласова. По его словам, “непонимание” этой концепции со стороны оппонентов вызвано тем, что некоторые ее положения не были достаточно “подробно изложенными”. Отсюда и цель статьи – “устранить неясности”, очевидно, изложив эти положения достаточно подробно.

Такой прием позволяет И.Л.Кызласову, с одной стороны, избавиться от некоторых наиболее одиозных положений “наиболее историчной” концепции, а с другой – избежать полемики с ее критиками, обойдя их аргументы.

Среди положений, “нуждающихся в особом внимании”, на первое место И.Л.Кызласов поставил факт принятия термина “хакасы” в качестве этнонима коренного населения Минусинской котловины после революции 1917 г. В этом он, безусловно, прав. Если бы искусственный, книжный термин “хакасы” не был утвержден в качестве названия реально существующей народности, не возникла бы необходимость доказывать его историчность, не появилась бы дилемма “кыргызы или хакасы”, не было бы и всей последующей полемики по этому вопросу. Другое дело, что никак нельзя согласиться с утверждением И.Л.Кызласова, что “этноним хакас возвращен южносибирскому народу Советской властью”. Нельзя вернуть то, чего не существовало в

природе. Это вроде бы готов признать и И.Л.Кызласов, говоря: “Общеизвестно, что при царизме слово хакас не было официальным именем коренного населения”. Он согласен с тем, что в источниках нет никаких сведений о том, что до революции слово “хакас” употреблялось “среди народа в качестве общего самоназвания”. Однако эти данные вызывают у него сомнение, поскольку они “отражают официальную систему”. Для И.Л.Кызласова: “Совершенно ясно, что если бы оно (слово “хакас”) не было известно задолго до 1917 г., оно не могло бы прозвучать из уст только что родившейся Советской власти”. Но дело в том, что современные хакасы в разговорном языке в качестве своего самоназвания применяют термин “тадар” (т.е. татары) и в повседневном быту не используют для своего обозначения этноним хакас.⁹ На наш взгляд, совершенно ясно, что И.Л.Кызласов не располагает какими-либо данными в пользу бытования термина “хакасы” до момента его “официального принятия после революции”. “Официальный характер” источников дореволюционного периода еще не повод для сомнения в их достоверности. Такой подход не имеет ничего общего с научной методикой критики источников. Декреты послереволюционного времени, в том числе “Положение о хакасском степном самоуправлении”, принятое Минусинским советом в апреле 1918 г., на которое ссылается И.Л.Кызласов, не менее “официальный” документ, чем любой акт дореволюционного периода. Не менее существенно и то, что термин “хакасы” отсутствует и в источниках, которые никак не назовешь “официальными”. Слово “хакасы” отсутствовало в языке, топонимике и фольклоре коренного населения Среднего Енисея.¹⁰ Необходимо отметить, что знаток хакасского языка Н.Ф.Катанов сопоставлял китайское или, по его мнению, древнекитайское “Ке-гя-си” не с “хакас” или чем-то подобным, а именно с этнонимом “кыргыз”.¹¹

Апеллируя к авторитету Советской власти, И.Л.Кызласов стремится перенести дискуссию о правомерности употребления термина “хакасы” в область идеологии. Раз уж сама Советская власть в лице Губернской административной комиссии в 1922 г. присвоила выделяемому уезду название “Хакасский” “по древнему названию народности, ныне его населяющей”, то о чем спорить? Однако политическая конъюнктура переменчива. В настоящее время вряд ли кто согласится признать Минусинский Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов или любой другой орган власти высшим авторитетом в области южносибирской этнонимии.

Совершенно напрасно И.Л.Кызласов пытается связать принятие термина “хакасы” с идеологией “победившего революционного движения” и бездоказательно утверждает, что не только этноним “тадар”, но и названия племенных подразделений среди современных хакасов являются отголосками царской официальной административной системы. Это свидетельствует лишь

о невысоком уровне его осведомленности о событиях, о которых он берется судить.

Совершенно несостоятельны попытки И.Л.Кызласова противопоставить “царскую административную систему” и “науку” по отношению к названиям коренного населения Минусинской котловины. Вопреки его утверждениям, в “официальных источниках” иногда наряду с терминами “татары” и “инородцы” применялся и термин “хакасы”¹². В то же время в научной литературе при обозначении коренного населения Енисея широко употреблялись термины “татары”, “инородцы”, “туземцы”, “турецкие племена”.¹³ Их употребляли и ученые Н.Ф.Катанов и С.Д.Майнагашев, происходившие из коренных жителей, не усматривая в этих терминах ничего зазорного для себя.¹⁴

Для национального движения коренного населения юга Енисейской губернии, активизировавшего свою деятельность после свержения царской монархии в феврале 1917 г., вопрос о “возвращении исторического самоназвания” не сразу приобрел политическое значение. В документах I Съезда коренного населения в апреле 1917 г. предполагаемую самоуправляемую административную единицу было предложено назвать “инородческий земский уезд”.¹⁵

Термин “хакасы” был принят в качестве названия для коренного населения на II Съезде коренного населения в июле 1917 г. по предложению С.Д.Майнагашева. Вопрос о выделении в самостоятельную административную единицу подтвердил, что среди деятелей национального движения нет единого мнения. Например, один из его лидеров И.В.Барашков утверждал, что “минусинские инородцы, вследствие своей малочисленности” не в состоянии создать такую единицу и призывал к созданию единой “Национальной Думы” с “алтайцами и урянхайцами”.¹⁶ Эта идея в дальнейшем не раз выдвигалась алтайскими и хакасскими националистами в виде “Ойротского государства” или “Тюркской республики”. На II Съезде коренного населения был образован Татарский национальный комитет. В материалах последующих хакасских съездов имеются термины и “хакасы”, и “инородцы”. Оба термина применялись как при Советской власти, так и при белогвардейцах. “Положение о хакасском степном самоуправлении”, которому придает такое важное значение И.Л.Кызласов, было принято Минусинским советом в апреле 1918 г., но не было введено в действие. Поэтому вопрос о выделении Хакасского уезда вновь в 1922 г. был поднят на заседании административно-территориальной комиссии Енисейского губисполкома. В материалах заседания, наряду с термином “хакасы”, встречается и термин “инородцы”¹⁷. Как видно, последний термин употреблялся и много позже того, как прекратила существование “царская административная система”. А Хакасский уезд был создан только 14 ноября 1923 г. по постановлению президиума ВЦИК¹⁸.

Переходя к оценке корпуса средневековых источников, он вынужден признать, что в подавляющем большинстве они содержат этноним “кыргыз”¹⁹. Это, с его точки зрения, оказало влияние на синологию, в которой также принято употреблять термин “кыргыз”. Ценное признание. Действительно, если опираться на сведения источников, никаких “хакасов” в истории Южной Сибири обнаружить не удастся, это можно сделать только вопреки источникам. Попытка противопоставить сведениям источников “надежное вычленение археологических памятников”, якобы свидетельствующих о существовании “государства Хакас”, может вызвать только улыбку. В научной литературе эти памятники относятся к культуре енисейских кыргызов²⁰.

По-видимому, не испытывая никаких иллюзий по поводу доказательности ранее высказанных доводов, И.Л.Кызласов обращается к проблеме существования термина “хакас” на материалах “тюркского и самодийского языкознания”. Данный раздел статьи повторяет основные положения работы Л.Р. Кызласова о терминах “хаас” и “хасха”²¹ в хакасском языке. Л.Р. и И.Л. Кызласовы опираются на предположение Н.Г.Доможакова о том, что термин “хакас” является нестяженной формой слова “хаас”²² – название одной из племенных групп современных хакасов, по-русски называемых качинцами. Отметим, что И.Л.Кызласов в данном случае противоречит себе, так как выше утверждал, что название этих племен, в том числе качинцев, “были введены царским правительством в связи с созданием административной системы...”. Л.Р.Кызласов, помимо стяжения “хакас” в “хаас”, указал и на процесс метатезы в слове “хакас”, изменившегося в “хасха”, ссылаясь на М.И.Боргоякова²³. И.Л.Кызласов о метатезе в рассматриваемом разделе не упоминает, но говорит о ней в своем “ответе оппонентам”²⁴. Л.Р. и И.Л.Кызласовы уверены, что с помощью предполагаемых трансформаций слов “хаас” и “хасха” удастся однозначно доказать бытование термина “хакас” и в историческом прошлом. Как утверждал Л.Р.Кызласов, “лингвист-диалектик также закономерно восстанавливает из современного слова “хаас” средневековую форму хагас/хакас, как из современного “аас” (рот) – древнее “агыс”. И далее “два этнонима современных хакасов – хаас и хасха – образовались, хотя и разными способами, но из одного и того же древнего этнонима. Этот уникальный случай наглядно доказывает, что древний этноним хакас (хагас), хахас является реальностью”²⁵. Ему вторит И.Л.Кызласов: “Настоящая выкладка лишает тюрколога любых сомнений в том, что древние китайские источники сохранили средневековой этноним в его тюркоязычном воспроизведении того времени”²⁶. Однако сомнения все же остаются. Прежде всего предлагаемые аналогии с трансформацией слов “огул” в “оол”, “огуз” в “уус”, “агыз” в “аас” не могут считаться в полной мере корректными для предполагаемой трансформации “хакас” в “хаас”, поскольку в названных выше при-

мерах при изменении слов сохранилось их значение, в то время как слово “хакас”, по мнению Л.Р.Кызласова и И.Л.Кызласова, не тождественно термину “хаас”²⁷. То же самое относится и к термину “хасха”. Появление слов “хаас” и “хасха” должно соответствовать времени возникновения этих этнических групп. С этим согласен Л.Р.Кызласов, который считает, что распространение этнонима “хаас” произошло в IX-X вв., а этнонима “хасха” – в XIII в. В то же время он считает, что термин “хакас” бытовал в течение VI-XII вв.²⁸ Получается, что с IX в. термины “хаас” и “хакас” сосуществовали. По мнению же И.Л.Кызласова, одновременное бытование слова в нестяженной и стяженной формах невозможно, “бытование одной формы отрицает существование другой”. Если же они бытуют в одно и то же время, “тогда выходит, что это два разных слова”²⁹. Следовательно, одно из двух: или в IX-X вв. уже не существовало “древних хакасов”, а должны были быть “древние хаасы”, или в этот период еще не было слова “хаас”. Если в IX-X вв. слово “хакас” распространялось в нестяженной форме, то непонятно, каким образом оно трансформировалось в одну и ту же стяженную форму в разных языках среди качинцев, тофаларов, тувинцев, сойотов и дархатов.

Предположение Л.Р. и И.Л.Кызласовыми явления стяжения и метатезы для слова “хакас” явно противоречиво. Если сначала произошел процесс стяжения “хакас” в “хаас”, то после этого в результате метатезы не могло возникнуть слово “хасха”, так как в “хаас” нет звука “к”, и новое слово должно иметь после перестановки слогов форму “асха”. Если же сначала произошла метатеза, то после нее уже не могло произойти стяжения. Воистину “уникальный случай”, когда одно предположение “лингвистов-диалектиков” безусловно исключает другое. Необходимо добавить мнение тюрколога Б.И.Татаринцева, который считает: “Скорее всего этнонимы хаас и хасха не имеют родственной связи друг с другом...”³⁰

На наш взгляд, для выяснения происхождения терминов “хаас” нет никакой необходимости выдумывать исходную форму “хакас”, поскольку в средневековых источниках среди “лесных народов” Саяно-Алтая упоминаются “кангасы” или “ханхасы”, жившие рядом с тубасами³¹. Это были племена охотников и оленеводов, обитателей таежной зоны. В средние века эти племена находились на положении киштымов в Кыргызском государстве.

В XVII в. кангасы продолжали обитать в Восточных Саянах. Согласно русским архивным документам за 1690 г., сборщики ясака ездили от Камасинской земли “через Карагасы и через Кангасы и до Саянской земли.”³² В письменных источниках XVIII-XIX вв. вместо народа кангасы называется карагасский род “кангат”, который имел самоназвание “хааш”.³³ Этноним “хааш” встречается не только среди тофаларов, но также и среди тувинцев-тоджинцев, бурятских сойотов и дархатов Монголии. Наряду с формой “хааш”,

среди оленеводов Восточных Саян встречается название “хаасут”. Этот сеок восходит к потомкам населения кайсотской земли XVII в. Таким образом, ареал истинного распространения данного этнонима охватывает таежные племена Восточных Саян и до XVIII в. не затрагивал степные просторы Минусинской котловины. С уводом кыргызов из долины Среднего Енисея джунгарами в начале XVIII в., на ее территории расселились бывшие подтаежные племена, в том числе и качинцы (хааш) из долины р.Кача. Исходя из вышеизложенного можно считать, что носители этнонима хааш (хаас) до присоединения Хакасии к России не проживали в Минусинской котловине и их нельзя отождествлять с “хягасами” китайских летописей. Мало того, по мнению Яхонтова, этноним “хааш” (кангас) должен соответствовать имени лыжных тюрок “гээчжи”.

Таким образом, “тюркологические доводы” Л.Р. и И.Л.Кызласовых ничуть не доказательнее “синологических”.

В заключительной части своего “ответа оппонентам” И.Л.Кызласов выражает надежду, что “состоявшаяся дискуссия убедительно показала, что сложнейшая проблема изменчивого исторического содержания этнонима не может быть решена на материалах какой-либо одной науки – языкознания, филологии или истории, а требует тщательного анализа всей совокупности имеющихся данных”. Однако, выступая инициатором нового витка дискуссии об этнониме “хакасы”, И.Л.Кызласов декларировал совершенно иную цель – “устранить неясности и ошибки” в понимании “наиболее историчной концепции”. Реализовать ее, убедить оппонентов в своей правоте И.Л.Кызласову ни в коей мере не удалось. Более того, и его статья, и “ответ оппонентам” со всей очевидностью продемонстрировали отсутствие какой-либо убедительной аргументации в пользу историчности термина “хакасы”. Попытки Л.Р. и И.Л.Кызласовых переименовать кыргызов в “древних хакасов” являются искажением истории и абсолютно не приемлемы.

Полемика об историческом названии

“ХОНГОРАЙ (ХООРАЙ)”

Письменные источники XVII-XVIII вв., фольклорные данные и языковые материалы народов Саяно-Алтая свидетельствуют о сложившемся в этом регионе в эпоху позднего средневековья понятии Хонгорай (Хоорай) для обозначения территории Хакасии и ее населения.¹ Наличие старинного самоназвания “хоорай” (хоори, хооро, хоорый) было зафиксировано в хакасском языке, исторических преданиях, молитвах и песнях.²

Все эти неоспоримые факты послужили автору данных строк прийти к заключению, что до присоединения к России Хакасия, или Кыргызская земля рус-

ских документов XVII в., на языке местного населения обозначалась своеобразным именем Хонгорай (Хоорай). Подобные ситуации неоднократно встречаются в истории народов мира. Например, Джунгария имела свое тюркомонгольское название Ойрат, Якутия – Саха, Армения – Хайастан, Германия - Дёйчланд и т.д.

Результаты наших исследований вызвали негативную реакцию со стороны некоторых старших товарищей и, в первую очередь, Л.Р.Кызласова. Он, во время первого обсуждения нашей гипотезы на конференции “Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири” в 1979 г., негодую, обозвал представленные материалы “буйной фантазией Бутанаева”.³ Затем все же с годами исторические факты заставили его признать существование названия “Хонгорай”, но вместе с тем Л.Р.Кызласов отказался воспринимать его в качестве этнонима.

Совместно с И.Л.Кызласовым они устроили скандал вокруг нашего открытия в местной прессе и научных изданиях.⁴ Не зная хакасского языка, не владея хакасским фольклорным материалом, они заявили: “Такого этнонима [т.е. хоорай – В.Б.] в Южной Сибири не было. Его не знают ни фольклор, ни письменные источники”.⁵ Назидательным тоном Л.Р.Кызласов утверждает: “Во-первых, слово “хорай” (или “хоорай”) отсутствует в живой разговорной речи хакасов. Поэтому его нет ни в одном хакасском словаре. Во-вторых, оно не упоминается ни в одном из исторических письменных документов прошлых эпох в качестве хакасского этнонима. В третьих, “хоорай” вообще не имеет никакого отношения к хакасским этнонимам. Его нет ни среди названий этнических групп, ни среди наименований хакасских сеоков, ни вообще среди этнонимов других тюркоязычных народов.”⁶

Во-первых, в наши дни издан полноценный хакасско-русский словарь, включающий богатое культурное наследие народа, где отражены обороты живой речи с этнонимом “хоорай”⁷. Во-вторых, письменные источники не только упоминают, но и подтверждают наличие этнонима “хоорай – хонгорай” для обозначения населения Хакасско-Минусинского края. Так, в маньчжурском документе за 1712 г. одно из подразделений хакасов-койбалы (они же модары) названы с этническим определением “гонгорские модары”,⁸ т.е. хонгорские или хакасские.

В XVIII в. таежные камасинцы степных койбалов именовали “хоорой” (chooroi).⁹ В данном случае под этим этнонимом надо понимать хакасов.

В 1842 г. П. Чихачев в своем исследовании “Путешествие в Восточный Алтай” сообщал: “Алтайцы и особенно тувинцы называют сагаев и их соплеменников [т.е. всех хакасов – В.Б.] “хонруями”.¹⁰ Указанный этноним несомненно является фонетическим вариантом нестяженной формы “хонгорай” (хонг-руй). Почти в то же время финский лингвист М.А.Кастрен, проехавший по

территории Хакасии в 1847 г., сумел отметить: “Что же касается до названия “Конгрой чи [ен]” или “Конгорой чи [ен]”, то им обозначается не собственно ответвление коттов [т.е. кетоязычное население Восточных Саян – В.Б.], но вообще все те татары, платящие подать в Красноярск [т.е. хакасы – В.Б.], который по-татарски называется “Конгорай””.¹¹ Кстати, старинным названием Красноярска в хакасском языке служил топоним “Хоорай-тура”,¹² который скорее всего переводился как “хакасский острог”.

В-третьих, согласно сложившихся правил, среди тюрко-монгольских народов имя этноса не может служить одновременно именем рода или этнической группы. Нет имени “тува”, “кыргыз”, “бурят”, “саха” среди родов тувинцев, киргизов, бурят и якутов. По мнению профессора Б.И. Татаринцева, “хоорай” “восходит к достаточно древнему тюркскому слову”.¹³ Среди различных номинаций исторических легенд и преданий, опубликованных в печати о происхождении хакасов, двадцать четыре фольклорных произведения в своих названиях содержат этноним “кыргыз”, восемь – этноним “хоорай”, три – этноним “тадар” и нет ни одного, где бы звучало имя мифических хакасов.¹⁴

Согласно трактовке Л.Р. и И.Л. Кызласовых, взятой ими на вооружение из материалов героического эпоса, слово “хоорай” “означает всю совокупность людей”.¹⁵ Поэтому выражение “Хоорай полган чурт” (букв. хоорайская обитель) И.Л. Кызласов решил перевести как “многолюдный край”, а предложение “Хоорай чуртаан чир аймагы” (букв. земельный край живущих хоорайцев) получилось, как: “где бы ни жил род человеческий”. Нелепые переводы отражают уровень знания языка. Надо отметить, что до сих пор идентичные фразы бытуют среди хакасов, однако вместо слова “хоорай” уже применяется современный этноним “тадар”. Например, “гадарлар чуртаан чурт” – местообитание хакасов.¹⁶

Крылатая историческая фраза хакасского фольклора “Хыргыстын тогыс мун толы Хоорай чоны” (букв. кыргызский девятитысячный союз хоорайского народа) у И.Л. Кызласова превращается в иное: “Вся девятитысячная масса кыргызского народа”.¹⁷ Его перевод противоречит даже “кызласовской концепции” о малочисленности кыргызов. В данном случае идет искажение настоящего перевода, где говорится об этносоциальном образовании “Хонгорай” (Хоорай), возглавляемое кыргызами. Под словом “толы” (толай, тори) надо понимать и народ, и страну, и объединение племен.

Высокопарное выражение “Тогус пулунныг толы Хоорай” (букв. девятиугольная страна Хонгорай) у И.Л. Кызласова низводится до понятия “девятиугольный мир людей”. Но в данном случае идет речь не о человеческом обществе, а о родной стране. Хакасская поэтическая мысль полностью соответствует алтайским изречениям: “Тогус булунду Кан Алтай”. – Девятиугольный царский Алтай.¹⁸

Под словом “Алтай” в героическом эпосе алтайцев подразумевается и ойкумена, населенная людьми, и историческая родина. Аналогичная мысль проходит красной строкой в сказаниях хакасов и близких им шорцев, где под эпическим именем “Толы Хоорай” передаются чувства, связанные с обозначением родных степных просторов и местообитанием предков.¹⁹

Отождествление нами хакасского слова “хоорай” с письменным вариантом “Хонгорай” Л.Р. и И.Л.Кызласовыми признается ошибочным. “Не нужно быть филологом, – постулирует Л.Р.Кызласов, – чтобы осознать, что ничего общего между ними нет.”²⁰ Однако известный филолог профессор Б.И.Татаринцев придерживается другого мнения. “Напротив, – утверждает он, – Хонгорой и его варианты...определенно связаны с хоорай и имеют прямое отношение к тюркскому населению...”²¹ Кроме того, в разных языках народов Саяно-Алтая можно встретить и полную, и стяженную формы этого древнего имени. Например, соседние алтайцы хакасов называли “конгырай-сагай”, тувинцы – “хоорай”, шорцы – “хоорай”, самоедязычные камасинцы – “хооро”, кетязычные котты – “конгорай-чиен.”

По данным Е.Яковлева, один из хакасских родов происходил от тувинского князя, который, боясь возмездия китайского Богдо-хана, направился с народом через Саянский хребет в “Хорай, в нынешний Минусинский округ”.²² До сих пор долина р. Абакана и Хакасия в тувинском языке носят название “Хоорай”. Например, в шаманских молитвах фетишу “Ак-ээрэн” говорится: “Хоорайдан хойлукканым”. – Мой (фетиш), убежавший из Хакасии.²³

По рассказам жителей долины р.Чолушман, теленгиты пришли на Алтай “из страны Конграй”, находящейся “на северо-востоке от Телецкого озера”, т.е. из Хакасии.²⁴ Алтайский шаман Таран, живший по р.Чуя, сообщал, “что р.Абакан впадает в Конграй: следовательно, Конграй есть Енисей”. В конце XIX в. Г.Н.Потанин со слов О.Чевалкова записал: телеуты “уверяют, будто, кроме Алтая Бийского округа, есть еще другой Алтай, больше этого, который называется Кунграй-Сагай. Туда из Алтая ездят торговать (это по видимому сагайская степь).”²⁵ Согласно мифам алтайцев, их музыкальные инструменты, а также песни были привезены “неким человеком из земли Конгырай-Сонгырай [т.е.Хакасии – В.Б.], где он, находясь в плену, научился играть на них.”²⁵ Алтайский поэт Б.Бедюров обратил внимание: “У теленгитов – восточной, чолушманской отрасли алтайцев, сохранилось также выражение “Куурай-Сагай” применительно к территории нынешней Хакасии, что созвучно с “хоорай” хакасского языка.”²⁷ Кроме того, для обозначения общего названия Саяно-Алтайского нагорья применяется выражение “Алтай-Куурай.”²⁸

Оставаясь в плену своих иллюзий, Л.Р. и И.Л.Кызласовы не внемлют вышеприведенным фактам и продолжают упрямо твердить, что “Хонгорай

есть топоним – название урочища, находящегося на правом, восточном берегу Енисея, где в нач. XVII в. проживали не тюркоязычные хакасы, а остатки кетоязычного племени коттов.”²⁹

К сожалению, данная трактовка опять построена на ошибке, ибо котты никогда не обитали в этих местах. На правой стороне Енисея в XVII в. проживали койбалы (модары), имя главы которых – Бошхак Котан, был принят Кызласовыми за коттов.³⁰ Несмотря на завидное упорство в их борьбе против “Хонгорая”, приходится констатировать, что этот этноним не связан с названиями кетоязычных коттов и самоедоязычных камасинцев.³¹ Котты словом “конграй чиен” называли не себя, а койбалов, т.е. этническое подразделение хакасов.³² Самоедоязычные камасинцы, обитавшие в Восточных Саянах, именовали тех же койбалов термином “хоорой”.³³ В таком случае данный этноним не принадлежал ни самодийским, ни кетским языкам, а тюркскому, ибо основу койбалов составили племена тубинцев, модаров и байкотовских татар, потомков Тубинского улуса.³⁴

Кызласовых, вероятно, не смущают их противоречивые формы доказательств. Если И.Л.Кызласов модаров называет самоедоязычными, то Л.Р.Кызласов считает их “монгольским родом”, и поэтому топоним “Хонгорай” возникает у него из монгольского языка. Отрицая принадлежность термина Хонгорай (Хоорай) к хакасам и определяя его то монгольским, то самодийским, то кетским, они при этом постоянно подчеркивают, что хакасы с глубокой древности были и остаются коренными тюркоязычными жителями.”³⁵ Как же тогда понимать их концепцию, где тюркоязычные хакасы носят самодийский этноним с формантом “кас” – человек.³⁶ Вероятно, уважаемые оппоненты запутались окончательно.

В завершении своих умствований Кызласовы выносят неугодному этнониму смертный приговор: “Как бы то ни было, ясно, что слово хонгорой не обозначает всей Хакаско-Минусинской котловины, не имеет отношения к ее тюркоязычному населению и не связано с хакасским словом хоорай”.³⁷ В таком случае, как же тогда надо понимать карту Ф.И.Страленберга, которая считается одной из лучших карт Сибири XVIII в.. На ней изображена территория “Хонкорай” (Honkorai), охватывающая долину Верхнего Енисея и Абакана, с указанием следующих народов: модары, тубинцы, езерские татары, качинские татары.³⁸ Несомненно, под Хонгораем надо понимать Минусинскую котловину. Ф.Страленберг использовал для своей карты сведения, полученные от коренных жителей. “Перед отъездом из Абакана к нему приходил калмык Василий Башковский. На основании некоторых топографических сведений, сообщенных им, Страленберг составил приблизительный чертеж местности, находящийся в верховьях Енисея.”³⁹ В русских источниках XVII в. долина верхнего Енисея называлась не только Кыргызской землей, но и Хон-

гораем. Об этом свидетельствует документ за 1666 г., где говорится, что алтысарский князь Еренак “кочует в Кыргызах, в Конгурае”.⁴⁰ Неопровержимые исторические факты подтверждают идентичность названий Кыргызы, Хонгорай и Минусинский край.

В 1991 г. и в 1997 г. прошло широкое обсуждение понятия “хоорай” в хакасском языке на страницах национальной газеты “Ленин чолы”. Вокруг полузабытого народом этнонима “хоорай” разгорелись бурные страсти. Участники всенародного обсуждения проблемы разбились на три лагеря: противников, сторонников и не признающих ни того, ни другого.

Согласно глубокому убеждению Л.Р. Кызласова, обрушившего поток негодования в наш адрес, такие люди как “этнограф-разрушитель” В. Бутанав “стремятся переделать умный, красивый хакасский народ в оглущенное сборище космополитов и безродных хорьев!”⁴¹. Все устремления В. Бутанаве “направлены на то, чтобы отобрать у хакасского народа не только имя, но и всю его славную историю”. За жалом словесных выпадов очевидно следует, что у Л.Кызласова отсутствует достаточная аргументация против этнонима “хоорай”.

Бывший первый секретарь Аскизского райкома КПСС, а ныне лидер совета родовых аксакалов А.Трошкин решил по партийному прямо в заголовке газетной статьи заявить: “Я хакас и никогда не стану хоорайцем!”⁴⁷ Главным аргументом у него служат старшие родственники из аала Трошкин, которые не знают слова “хоорай”. Вероятно, эти данные интересуют социологов, ибо по ним можно определить уровень знания народом исторической лексики своего языка. В свое время в селении Трошкин проживал известный хайджи С.Кадышев, от которого нам неоднократно приходилось записывать фольклорные материалы и, в том числе, об этническом имени “хоорай”. Нынешние старики явно уступают ему в знаниях.

В 1999 году на Республиканском слете аксакалов А. Трошкин решил пойти еще дальше и предложил принять решение: “Запретить народу называть себя “тадар” и не употреблять этноним “хоорай”. Мы не “тадар”, мы не “хоорай”, а мы хакасы.”⁴⁸ К сожалению, воинственный аксакал еще не наделен правами формирования этносов.

Профессор С.П. Ултургашев, выдавая себя за перла хакасской общественности с удивительным упорством перепечатывает из газет в журналы одного уровня статьи с узнаваемыми штампами: “Мы – не хоорайцы” (пис – хоорай шимеспис).⁴⁹ Как и вся кызласовская бригада, он категорически не приемлет историческое имя “хоорай” (хонгорай). С.П. Ултургашев пишет: “Наш народ свое старинное имя хакас сам себе вернул в 1918 г.” Вот так феномен! Если у этноса нет своего самоназвания, т.е. нет выраженного сознания своего единства, то значит данная группа или еще не сформировалась в этническую

общность, или уже разрушилась. Однако каким образом народ, имеющий уже свое самоназвание “тадар”, еще может себе вернуть неизвестное имя да еще в китайской форме? Вероятно, он забыл, что писал ранее. Придется напомнить. В 1958 г. С. Ултургашев отмечал: “Одновременно с образованием национального уезда [т.е. получается 14 ноября 1923 года, а не 1918 г. – В.Б.] хакасский народ получил от Советской власти свое имя “хакасы” по названию древнего народа Минусинской котловины.”⁴⁹ Значит имя хакас принадлежало другому народу и вернула это имя Советская власть. Когда же он писал правду?

Кроме того, что С. Ултургашев мужественно отстаивает позиции Л.Р. Кызласова, он даже пытается навязать всем русскоязычным жителям Хакасии называться не иначе как общим именем “хакасец”.⁵⁰

“Если действительно мы не будем хакасами, – говорит он, – а станем хоорайцами, то наша тысячелетняя история исчезнет.” Как же быть тогда с алтайцами, которые в 1948 г. сменили свое официальное имя “ойрот”? Неужели их история исчезла?

В его статье нет ни своего мнения, ни своей позиции, и поэтому становится обидно за этого вроде бы почтенного старца.

Необходимо остановиться еще на одной работе неистового кызласовского бойца, фольклориста В. Майнагашевой. Она переиздала, как и С. Ултургашев, свою газетную статью в хакасском журнале “Хан-Тигир” под тем же категорическим названием: “Хоорайцы на самом деле имели имя “хори”, они – часть монгольского народа” (хоорайлар сынында “хори” аттыг полганнар, олар – олох моол чоннын чардыгы).⁵¹ Как видим, в заголовке все сказано. Контраргументом против нашей концепции послужило имя правителя “Хоорай хан” в легенде “Тулбар ат”, которое ею отождествляется с обозначением “Монгольский хан”. Указанную легенду записала сама В. Майнагашева от информатора Ф.И. Кокова. На наш взгляд, фольклорист недостаточно проанализировала историческое прошлое народов Южной Сибири. Понятие “Хоорай хан” могло применяться в более широком смысле, как правителя всей долины Среднего Енисея, который захватил стойбище одного из непослушных своих князей. С другой стороны, название “хоорай” (хонгорай) вполне возможно возникло в монгольскую эпоху. Так по крайней мере, говорится в некоторых исторических преданиях.⁵² Исходя из своих соображений, В. Майнагашева считает слово “хоорай” не стяженной формой от “хонгорай”, а монгольским этнонимом “хори”.

Этноним “хори” или “хор” широко распространен не только среди монгольских, но и тюркских народов Азии. Северные тюрки – якуты склонны считать одним из своих прародителей народ “хоро”.⁵³ Вполне возможно отождествить указанный народ с древними курыканами, обитавшими в Прибай-

калье. Кстати, в китайских летописях X-XIII вв. этноним “курыкан” передавался формой “кули”.⁵⁴ Народ “кори” в X в.н.э. проживал на территории Кыргызского государства и был подразделением кыргызов.⁵⁵ Тибетцы этнонимом “хор” называли восточно-тибетских тюрков или монголов. “Тибетцы в древности, – пишет Ц. Дамдинсурэн, – по-видимому, не отличали монголов от тюрков и всех называли хорами.”⁵⁶ Желтыми хорами назвались уйгуры, черными хорами – тангуты, а белыми хорами – тюрки или монголы.⁵⁷ В тибетских исторических анналах этноним “хор” обычно распространялся на племена центрально-азиатского происхождения, которые в VIII-IX веках беспрерывно совершали набеги на Тибет.⁵⁸ В это время на просторах Центральной Азии господствовали сначала уйгуры, а затем кыргызы, конечный и начальный форманты этнонимов которых “гур” или “кыр”, вероятно, лег в основу тибетского обозначения тюрков. В IX-XII вв. между Китаем и Тангутом самым сильным государством считалось государство “Хор”.⁵⁹ В таком случае, “хоры” или “хори” скорее всего были не монголы, а тюрки, и даже больше того – кыргызы. Этноним мог произойти от тюркского слова “кор” – народные массы.⁶⁰

На защиту исторического имени “хоорай” встали многие хакасы, хорошо знающие язык. В республиканских газетах было опубликовано более десяти положительных откликов.⁶¹ Сказитель С. Шулбаев из Анжуля написал, что данное слово он слышал от Питрака Шулбаева в Шории. “Так нас, хакасов, – сообщал он, – словом “хоорай” называют шорцы, т.е. людей, приехавших из другой земли” (Ол, тізен, шор чоны пісті хоорай тіп адапчалар, пасха чирден килген кізілерні).⁶²

Сообщение С. Шулбаева дополняют сведения О. Вербицкого (“Миссионер”, 1876 г. № 22) о том, “что татары в вершинах Абакана, услышав от него, что он русский, и как будто переводя непонятный язык, сказали ему: “А, коурай!””⁶³ В данном случае слово “хоорай” в языке шорцев обозначало человека, приехавшего со стороны Хакасии.

В ноябре 1991 г. в Орджоникидзевском районе Хакасии был созван совет старейшин, который вопреки концепции Кызласовых высказал свою точку зрения: “Совет старейшин придерживается концепции В.Я. Бутанаева о названии хакасов-хоорай (хоорай чон).”⁶⁴ В конечном итоге многие участники дискуссии – М. Табаткин, П. Кидиеков, Л. Тохтобина, Н. Бурнаков, Ч. Карачаков и др. предложили во имя памяти предков поднять на пьедестал почета наше историческое имя и переименовать Хакасию в “Хыргыс-Хоорай” или Хоорайскую республику.⁶⁵

Среди третьей группы участников дискуссии было высказано мнение, что в хакасской речи они никогда не слышали ни слова “хоорай”, ни слова “хакас”. Каждый из них с детства слышал от стариков в качестве своего самоназвания слово “тадар” и считал себя принадлежащим народу “тадар”.⁶⁵

В результате прошедших дискуссий можно сделать следующие выводы. Слово “хоорай” (хонгорай) в хакасском языке относится к разряду архаизмов и ныне забыто основной массой народа. Слово “хоорай” не относится к тюркско-монгольскому этнониму “хор” или “хори”, а восходит к полной нестяженной форме “Хонгорай” (Конгурай). Согласно мнению тюрколога Б.И. Татаринцева, первоначально Хонгорай или Хонгор представлял собой древний географический термин, обозначавший горно-степную обширную местность.⁶⁷ Подтверждением мнения Б. Татаринцева служит идеоматическое выражение со словом “хонгор” (конгур, хоор) в языках народов Саяно-Алтая. Например, у северных алтайцев – “ал коорый унду”, у южных алтайцев – “энир-коныр унду”; у хакасов – “ал хоор унниг”; у бурят – “эре-хонгор дуутай” в значении “имеющий громкий, зычный голос”. Однако буквальный перевод соответствует “с голосом на всю окружающую местность, на весь степной мир.” В языках указанных народов, за исключением хакасов, данный термин сохранился только в сочетании со словом “голос”.

В монгольскую эпоху в языке предков хакасов слово “хоорай” (хонгорай) закрепилось за горно-степными просторами долины Среднего Енисея, а также за этнополитическим образованием в данном регионе. Затем “хоорай” стал обозначать наименование народа, населяющего эту страну. Последний этноним возник при формировании основы хакасского этноса, когда он осознал свою этническую общность в едином геополитическом пространстве. После присоединения Хонгорая к России его государственность оказалась разрушенной. Под влиянием различных факторов произошла трансформация этнического самосознания и коренное население стало относить себя к татарам. Поэтому старый этноним “хоорай” вытесняется с политической арены и приобретает нарицательное обозначение для народа вообще.

Дискуссионные вопросы истории енисейских кыргызов XVII в.

Вопросы истории енисейских кыргызов в конце XVI-начале XVIII вв. и присоединения Минусинского края к России неоднократно освещались в работах Н.Н. Козьмина, С.В. Бахрушина, Л.П. Потапова, К.Г. Копкоева, А. Абдыкалыкова, А. Арзыматова. Авторы опирались на русские исторические документы российских архивов. Значительно меньше использовались этнографические источники. Практически не исследованы археологические материалы.

В 1994-1996 гг. вышли в свет две брошюры нового серийного издания “Страницы истории и современность”, опубликованные Хакасской археологической экспедицией, которая является “постоянно действующим научно-исследовательским подразделением”, образованным Советом Министров

Республики Хакасия.¹ В предисловии к первому выпуску его составитель и редактор серии И.Л.Кызласов так определяет цель издания: “Раскрывать исторические факты, прямо связанные с явлениями нынешних дней.

Только исторический опыт и историческая память формируют правильную жизнь страны, народа, человека. Былью может быть только мечта, не прерывающая связь времен”.² Есть у этой серии и другая цель, а именно: “Давайте, листая наши страницы, начнем расставаться с ошибочными представлениями. Часто именно они портят нам жизнь и порождают новые и новые заблуждения”.³

Таким образом, целью издания брошюр серии является не просто освещение исторических событий, а формирование у читателей “правильных” представлений о прошлом, для того, чтобы начать “правильную жизнь”, воплощая “мечту” в “быль”.

В заключение к первому выпуску “Страниц...” И.Л.Кызласов подчеркивает, что эта брошюра предназначена “для медленного и раздумчивого чтения”, в кто этого не понял, “значит надо снова начать с первого листа книги”.⁴

Ну что ж, последуем этим настойчивым советам. Полистаем, прочитаем, задумаемся.

Обе брошюры содержат сочинения только одного автора – Л.Р.Кызласова. Заинтригованный читатель, знакомый с его предшествующими работами по археологии Южной Сибири, наверняка будет разочарован. В них нет никаких новых, не публиковавшихся ранее археологических материалов из раскопок Хакасской археологической экспедиции. Свою издательскую деятельность эта “постоянно действующая” экспедиция начала с “изысканий” совершенно иного рода.

Первая брошюра “Земля сибирская” состоит из нескольких статей Л.Р.Кызласова, ранее уже опубликованных “в различных разрозненных изданиях”, в том числе в газетах. Их переиздание в виде отдельной брошюры посвящено 70-летию автора. И хотя тематика статей различна, их безусловно объединяет безапелляционность суждений Л.Р.Кызласова ко многим сложным вопросам сибирской истории, а также недопустимо грубый, вызывающий тон его высказываний по отношению ко многим ученым, не согласных с его точкой зрения. Назойливым рефреном во многих работах Л.Р.Кызласова, начиная с 1992 года, в том числе в статьях брошюры “Земля сибирская”, является его тезис о том, что “самобытная цивилизация” народов Сибири на протяжении многих веков ни в чем не уступала в своем развитии народам Азии и Европы и была разрушена русским завоеванием, а русская историческая наука “сознательно принижала” уровень развития сибирских народов в историческом прошлом.

“Процесс исторического развития древнейшего коренного населения Сибири шел нормальным прогрессивным путем. Никакого отставания от уровня развитых племен Европы и Азии не было в длительную эпоху первобытнообщинного строя.”⁵ Впрочем, кое в чем, по мнению Л.Р.Кызласова, Сибирь даже превосходила Европу. Вот примеры из его перечня “сибирского превосходства”.

Уже “в самом начале нашей эры знатные люди Южной Сибири пользовались в знойные летние месяцы зонтами, оберегавшими от солнечного удара. Западная Европа о зонтах узнала только в XVII в.”⁶ Или еще, в средневековье, когда европейские короли и бароны, предводители дружин викингов и славянские князья разрывали мясо и дичь во время еды руками, используя лишь ножи, в Южной Сибири люди в VIII-IX в. пользовались при трапезе двузубыми вилками, имея их даже в походном инвентаре”.⁷

И лишь с приходом “русских завоевателей” южносибирскому “превосходству” в зонтах и вилках настал конец. “Царское завоевание прервало ход самобытного исторического развития коренных сибирских народов. Начался распад древней самобытной цивилизации”.⁸

Характерно, что еще сравнительно недавно Л.Р.Кызласов видел причину гибели, в частности, “южносибирской цивилизации” в разрушительных монгольских завоеваниях. “Монгольское завоевание резко оборвало закономерное поступательное развитие исторического процесса среди племен, населявших Саяно-Алтайского нагорье”.⁹

“Угас самый северный в Центральной Азии и Сибири очаг средневековой цивилизации, просуществовавшей почти тысячелетие”, – восклицал Л.Р.Кызласов в одной из своих работ 1966 года.¹⁰

Однако уже в 1992 г. последствия монгольского завоевания стали совершенно не актуальными. “Самый северный очаг средневековой цивилизации”, по новой трактовке Л.Р.Кызласова, не только не угас, но напротив, именно “на XII-XVI вв.”, т.е. на период монгольского господства, приходится “эпоха расцвета сибирских городов”, а в распаде “самобытной аборигенной цивилизации” оказалось виновато “царское завоевание”.¹¹ Впрочем, оценивая “жизнестойкость древнехакасского государства”, в одной из своих статей в брошюре “Земля сибирская” Л.Р.Кызласов, словно забыв об “эпохе расцвета сибирских городов”, утверждает, что XIV в. – это “период начавшегося регресса под гнетом монголов”, а в XV-XVII вв. была пережита целая эпоха феодальной раздробленности, экономического и культурного упадка”.¹² “Жизнестойкость” “древнехакасской цивилизации” и в самом деле удивительная, поскольку от желания своего изобретателя, она в одни и те же периоды одновременно переживает и “подъем”, и “упадок”, и “расцвет”, и “регресс”, в зависимости от конкурентных соображений автора и тех, кто заказывает ему

“древнехакасскую музыку”. Есть над чем призадуматься, перелистывая “страницы”.

Помимо вины за “распад цивилизации”, Л.Р.Кызласов инкриминирует “русским завоевателям” и иные прегрешения. “Царизм превратил прекрасный привольный край в “страну суровую и угрюмую”, в страну ссылок и каторги, страшную для всего цивилизованного человечества”.

“С тех пор так и повелось – европейская Россия при всех режимах ссылает в Сибирь “отбросы” своего общества”. “Насилие и принуждение вызвало отпор, постоянную настороженность и страх. Тогда-то коренные народы Сибири и стали терять собственное лицо и свою славную историю”.¹³ Ссылка в отдаленные районы страны лиц, неугодных правящему режиму, не является российским изобретением. В южные районы Сибири селили военнопленных из других стран хунны и монголы. О создании таких поселений хорошо известно Л.Р.Кызласову.¹⁴ Конечно, среди ссыльных были и уголовники, но было и немало образованных и предприимчивых людей, которые внесли большой вклад в изучение и культурное развитие Сибири. Приписывать им утрату истории коренных народов, по меньшей мере, нелепо. Противопоставление “аборигенов” и “пришельцев” нигде не приносило улучшения жизни, а только обостряло национальные отношения. Тем более, как известно Л.Р.Кызласову, современные хакасы “по происхождению своему народ-метис”, в хакасах немало “русской, точнее – славянской крови”.¹⁵ Да и сам Л.Р.Кызласов, насколько известно, имеет польские корни. Зачем же своих предков пренебрежительно называть “отбросами”?!

В течение предшествующих десятилетий Л.Р.Кызласов судил о последствиях присоединения к России для коренных народов Сибири в совершенно иных – радужных тонах. Только “благодаря добровольному присоединению” к “Русскому государству”, предки современных хакасов были спасены от угрозы “физического уничтожения”, утверждал он в своих работах, опубликованных в 1950-1980-е гг.¹⁶ И лишь после этого присоединения “для коренного населения Хакасско-Минусинской котловины наступил долгожданный период постоянной мирной жизни!”¹⁷

При этом нельзя обратить внимание на то, что тематика работ отнюдь не требовала от Л.Р.Кызласова высказываться по данному вопросу. Однако он регулярно вставлял лицемерные тирады о “спасительной роли великого русского народа” в судьбах коренного населения Сибири в свои статьи по древней и средневековой истории, хотя в работах других ученых ничего подобного нет.

И лишь когда изменилась политическая конъюнктура, “задули ветры перемен”, Л.Р.Кызласов впервые решился высказать свое подлинное мнение по данному вопросу. В 1992 г. “добровольное присоединение”, которое спас-

ло предков хакасов от “физического истребления”, впервые названо “насильственным захватом хакасских земель”.¹⁸

В последующие годы Л.Р.Кызласов с упорством вновь и вновь публикует свои статьи, книги и брошюры, в которых в одних и тех же резких выражениях негативно оценивает роль “великого русского народа” в исторических судьбах коренных народов Сибири. Вопросу присоединения Хакасии к России целиком посвящена его брошюра, вышедшая в 1996 г. в серии “Страницы истории и современность”.¹⁹ Разумеется, в эпоху гласности и плюрализма мнений, Л.Р.Кызласов волен изложить свою точку зрения по любому острому вопросу истории Южной Сибири. Лучше знать его подлинное мнение, чем читать лицемерные восхваления в адрес “спасительной роли великого русского народа”. Однако его рассуждения на эту тему имели бы научное значение, если бы он располагал хоть какими-то оригинальными источниками по истории Южной Сибири XVI-XVIII вв. и стремился их объективно анализировать. Однако им не использованы новые археологические и этнографические материалы. В списке примечаний нет ни одной ссылки на новые архивные данные.²⁰ Фактически содержание его брошюры составляет пересказ известных событий по истории Южной Сибири XVI-XVIII вв., почерпнутых из трудов предшественников, со своими претенциозными комментариями. Например, поход русских служилых людей в начале XVII в. на правобережье Енисея Л.Р.Кызласов прокомментировал так: “Воистину алчность пришельцев в ту пору не знала границ”.²¹ С этого времени, по мнению Л.Р.Кызласова, началась “русско-хакасская война”, которая, то разгораясь, то затухая, продолжалась “свыше 120 лет”. Хакасское государство оказалось самым крепким оплотом политической власти местных тюркоязычных князей Северной Азии”.²² Новая оценка “жизнестойкости хакасского государства” под пером Л.Р.Кызласова действительно впечатляет. Он именуется четыре небольшие княжества енисейских кыргызов, разместившихся в долине Среднего Енисея, “хакасской державой”, “мощным и устойчивым государственным образованием”, сохранившим “высокоразвитый экономический и военный потенциалы и крепкую политическую организацию”.²³ Хотя известно, что в рассматриваемый период князья енисейских кыргызов находились то в вассальной зависимости от монгольских Алтын-ханов, то от джунгарских контайшей, а временами платили дань московским царям. Представления о реальных масштабах происходивших событий и здравый смысл окончательно изменяют автору, когда он утверждает, что это был “120-летний” период “борьбы двух феодальных государств России и Хакасии”.²⁴ При этом он весьма пренебрежительно отзывается о Сибирском ханстве, на присоединение которого к России ушло, “как говорится, “за все-про все”, всего 16 лет”, и делает вывод, что “Сибирский юрт под управлением хана Кучума был не более, чем эфемер-

ным государством”.²⁵ Вот такова подлинная цена рассуждениям Л.Р.Кызласова о “самобытной городской цивилизации” Сибирского юрта, города которого имели “более чем 200-летнюю историю”.²⁶

Согласно его утверждению: “Именно экономическая, политическая и военная мощь Хакасского государства, веками отлаженная работа управленческого аппарата, высочайшее дипломатическое умение искусно лавировать между тремя грозными внешними силами и врагами, – в этом заключается основная причина 120-летней затяжной борьбы Хакасского государства за сохранение многовекового господства над благодатными землями Южной Сибири и ее населением”. Причем, “силой и мощью” обладало не только “весьма устойчивое хакасское государство”, но и “извечный царский род хакасов”, обладавший “достоинством, силой духа и свободолобием”. “Фактически правящий род хакасов удалился с исторической арены непобежденным”.²⁷

Странно, что уже в самом начале “120-летней” борьбы с Россией кыргызские князья неоднократно обращались к московским царям с просьбами о подданстве. И дело всякий раз срывалось, по оценке Л.Р.Кызласова, только из-за алчности сибирских воевод. А после угона в Джунгарию в 1703 г. люди “извечного царского рода”, оставшиеся на родине, “попрятались и затаились. После многократных погромов, они были полностью деморализованы и не имели никаких сил к сопротивлению”.²⁸ Уйти с “исторической арены непобежденными” и одновременно “полностью деморализованными” могут только настоящие “древние хакасы”.

Разумеется, для всестороннего исследования данной проблемы необходимо привлечение исторических, археологических и этнографических данных в полном объеме. Однако при непредвзятом подходе к анализу даже того скромного круга источников, который был известен Л.Р.Кызласову, можно было избежать многочисленных ошибок, противоречий и нелепостей, которыми изобилует его брошюра. Не мифическая “хакасская держава”, а енисейские кыргызы действительно оказали русскому продвижению в Южную Сибирь упорное сопротивление. Несмотря на свою малочисленность, они были воинственным народом, имели сложившуюся военную организацию и воинские традиции.²⁹ Уступая русским в обладании огнестрельным оружием, они могли в ряде случаев успешно противостоять им на поле боя. Об этом задолго до Л.Р.Кызласова писали Н.Н.Козьмин, С.В.Бахрушин, Л.П.Потапов.³⁰ Однако главной целью царского правительства в Сибири в XVII в. был ясак. Именно борьбой за плательщиков ясака объясняются военные столкновения с енисейскими кыргызами, не желавшими лишаться дани с киштымов. Впрочем, кыргызские князья были непротив на определенных условиях стать вассалами московского царя, о чем свидетельствуют их посольства. Но кыргызские княжества уже находились в зависимости от монголов, поэтому пе-

реход в российское подданство повлек бы крупномасштабную войну, на которую царское правительство, обладая ограниченными воинскими ресурсами в Сибири, пойти не могло.

Многие родоплеменные группы сибирских аборигенов, находящиеся на положении “двоеданцев”, или “троеданцев” предпочитали переходить в российское подданство”, которое сулило им упорядочение и облегчение податных сборов. Инициаторами этого перехода были представители местной знати, за которой признавались сословные привилегии и выплачивалось “жалование” за содействие в сборе ясака. Уже с XVI в. “служилые иноземцы” из числа коренных жителей стали привлекаться на “государеву службу”. Они использовались в качестве проводников, переводчиков, участвовали в военных действиях против соплеменников. Например, в военных действиях против войск хана Кучума участвовали отряды служилых людей из сибирских татар.³¹ В 1628 г. “хакасы-качинцы”, по словам самого Л.Р.Кызласова, “добровольно” сдали свою “Качинскую землицу” енисейским казакам, а затем “часть их перешла из ясачного сословия в разряд царских служивых воинов”.³² Они принимали участие в войнах с енисейскими кыргызами и сыграли свою роль в присоединении Южной Сибири и христианизации коренного населения. Поступая на царскую службу, местные князья могли рассчитывать на служебную карьеру и получение дворянства, условием же была присяга на верность царю и переход в православие. Иногда местные князья пытались с помощью русских властей решить в свою пользу острые противоречия между собой. Например, жена кыргызского князя Номчи, чья соболья шуба, по мнению Л.Р.Кызласова, стала чуть ли не причиной “русско-хакасской войны”, находилась в Томске вовсе не для того, чтобы пошеголять в собольих мехах, а “интриговала против остальных князей”. С помощью подобных интриг, как полагал Н.Н.Козьмин, “леялись мечты о создании объединенного, сплоченного государства”.³³ Несмотря на существовавший антогонизм и военные столкновения в XVII в. и позднее, шел процесс взаимовлияния русской и аборигенной культур Сибири, о чем свидетельствуют исторические, археологические и этнографические источники.

Характеризуя русских людей, российские власти и государство, Л.Р.Кызласов предпочитает хлесткие, оскорбительные эпитеты: “алчность пришельцев...не знала границ”, “вероломные” воеводы, они же – оголтелые грабители”. Присоединение к России он называет одним из “двух зол”. Российское государство именует “чудовищным катком”, который подмял “под себя десятки сибирских племен и народов”.³⁴ Удивительно, что эти высказывания доносятся не откуда-нибудь из “призрачного далека”, а публикуются в российской столице, где любят порассуждать с высоких трибун о “величии России” и защите интересов русских и русскоязычных где бы то ни было. Предъявляя счет “за разграбление богатств Сибири”, он утверждает: “В XVII-начале

XVIII в. организованные артели так называемых “бугровщиков” разграбили все наиболее богатые и священные курганы предков коренных сибиряков. Нарушение вечного покоя мертвых родовичей и былинных героев стало для местных обитателей неслыханным доселе святотатством и потрясением”.³⁵ Бесспорно, “бугровщичество” – позорное явление. Деятельность бугровщиков нанесла огромный урон изучению древних культур Сибири. Однако разграбление сибирских курганов началось задолго до бугровщиков, еще в эпоху бронзы, а в раннем железном веке приобрело массовые масштабы.

Подобные тенденции в научном творчестве Л.Р.Кызласова наметились давно. Искусственно завышая уровень развития “древнехакасской цивилизации”, приписывая “древним хакасам” достижения культуры енисейских кыргызов, превознося роль “древних и средневековых хакасов” в истории Евразии, он неминуемо искажал и умалял историю других народов. Пытаясь обосновать историчность термина “хакасы”, он выдвинул гипотезу, согласно которой енисейские кыргызы якобы не являются этносом, а только “аристократическим династийным родом древних хакасов”.³⁵ Это утверждение является грубым искажением истории. “Отняв” таким образом у кыргызов их настоящих предков, он придумал для них мифических “центральноазиатских киргизов”, которых охарактеризовал в качестве “верных слуг юаньских феодалов”, “преданных монголам карателей”. Именно они якобы потопили “в огне и воде”, а точнее “в крови”, борьбу “саяно-алтайских племен за свободу”.³⁷ Предки целого народа названы “слугами” и “карателями”. В ходе полемики о термине “хакасы” Л.Р.Кызласов позволил себе ряд недопустимых высказываний в адрес этнонима “татары”. Он называет этот этноним “неправедным именем”, “навязанным прозвищем”, “колониальной кличкой” и утверждает, что употребление современными хакасами самоназвания “тадар” является “национальным позором”, с которым “следует решительно покончить”.³⁸ В дореволюционной России термин “татары” использовался аналогично термину “тюрки”, но не носил оскорбительного оттенка, как пытается утверждать Л.Р.Кызласов. Его утверждения являются оскорблением для миллионов российских граждан, для которых этноним “татары” является самоназванием.

Взгляды Л.Р.Кызласова неоднократно встречали отпор со стороны ученых почти на всем протяжении его “творческой” деятельности. Поэтому не случайно в его брошюрах содержится немало огульной критики в адрес “официальных советских историков”, которые якобы “сознательно принижали” уровень развития сибирских народов.³⁹ Обоснованную критику в адрес мифической “древнехакасской цивилизации” Л.Р.Кызласов демагогически называет “историческим геноцидом”.⁴⁰ При этом особое раздражение у Л.Р.Кызласова вызывают работы по хакасской этнографии и этнической ис-

тории, принадлежащие перу известного ученого В.Я.Бутанаева, много сделавшего для возрождения национальной культуры хакасского народа.⁴¹ Его труды по этнической истории хакасов получили широкое признание в отечественной и зарубежной науке.⁴² Подлинная этническая история хакасов не оставляет камня на камне от мифической “древнехакасской цивилизации” и ее можно спокойно сдавать в архив. Не располагая какой-либо аргументацией в пользу своих взглядов, Л.Р.Кызласов пытается просто опорочить оппонентов.

Чем бы ни руководствовался Л.Р.Кызласов в своем критическом пафосе, его работы не имеют отношения к поиску научной истины. Попытки противопоставить “аборигенов” и “пришельцев” носят спекулятивный характер и объективно могут способствовать только обострению национальных отношений, что еще никому и нигде не приносило пользы. Сибирь – родина всех населяющих ее народов.

Часть II. Кыргызское государство (VI-XII вв.)

История формирования древнекыргызского этноса

Древний период истории кыргызов, охватывающий последние века до н.э.-первую половину I тыс. н.э. остается малоисследованным до настоящего времени.

Впервые кыргызы упоминаются в китайских источниках династии Хань под названием гяньгунь /цзяньгунь/ в конце III в. до н.э. в перечне племен, покоренных хуннским шаньюем Модэ на землях, находящихся севернее хуннских владений.¹

Длительное время ученые считали, что район обитания гяньгуней находился в окрестностях озера Кыргыз-Нур в северо-западной Монголии. Одним из первых такое предположение высказал В.В. Бартольд. Обобщив имеющиеся сведения он заключил, что земли гяньгуней должны были находиться “восточнее земель усуней”², в районе озера Кыргыз-Нур. Он упомянул “о назначении правителями страны Гяньгунь и других северных стран “сановников китайского происхождения” Вэй Люя и Ли Лина, однако указал, что “эти известия, по-видимому, не основаны на точном свидетельстве источников”³. По его мнению, переводчик Н.Я. Бичурин домыслил ход событий, утверждая, что “Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас”⁴.

Представления Н.Я. Бичурина о расселении динлинов в Южной Сибири между Енисеем и Байкалом и правлении китайского полководца Ли Лина в качестве хуннского наместника над гяньгунями были использованы С.В. Киселевым для реконструкции истории “динлино-гяньгуньских племен”⁵. Согласно его представлениям, динлины являлись носителями тагарской культуры, в конце III в. до н.э. после завоевания Минусинской котловины хуннами на Енисей начали переселяться гяньгуни. В начале I в. до н.э. минусинские степи были отданы в управление хуннскому наместнику, плененному китай-

скому полководцу Ли Лину, который построил для себя дворец на р. Абакан. В середине I в. до н.э. динлины и гяньгуни были покорены шаньюем северных хуннов Чжичжи. В дальнейшем в первой половине I тыс. н.э. в результате ассимиляции динлинов гяньгунями в Минусинской котловине сформировались енисейские кыргызы.⁶

В настоящее время очевидно, что С.В. Киселев обосновывал свои построения на очень ограниченном круге источников, фактически игнорируя данные о широком расселении динлинов по территории Центральной Азии.

Взгляды С.В. Киселева на “этногенез динлино-гяньгуньских племен” были развиты в 1960 году Л.Р. Кызласовым. Основываясь на произвольной трактовке очень ограниченного объема источников, Л.В. Кызласов безапелляционно утверждал, что “в настоящее время установлено, что динлины, упоминающиеся в этом сообщении, проживали как раз на территории Хакасско-Минусинской котловины и прежде всего могут быть отождествлены с “тагарцами””.⁷

“Владение Гэгунь”, по мнению Л.Р. Кызласова, располагалось южнее динлинов “в районе оз. Кыргыз-Нур в Северо-Западной Монголии”.⁸ Подобная интерпретация, как считал Л.Р. Кызласов, “блестяще подтверждается” археологическими материалами Минусинской котловины, где в конце I тыс. до н.э. появляются “памятники, характеризующие тагаро-таштыкский переходный этап”. “И в то же время, в начале II в. до н.э. впервые распространяются на север и северо-запад за пределы Хакасско-Минусинской котловины позднетагарские курганы с коллективными погребениями (район Красноярск-Мариинск). Причем, появляются эти курганы в несвойственных для тагарцев лесостепных и таежных районах, где до их прихода жили отличные в этническом отношении племена, с иной материальной культурой”.⁹

По мнению Л.Р. Кызласова, “покорив в 201 г. до н.э. “владение” динлин-тагарцев, гунны вытеснили часть их на север. Оставшаяся значительная часть динлинов, находясь под верховной властью гуннского шаньюя, смешиваясь с пришельцами гяньгунями, положила начало новой эпохе – таштыкской”. Именно в это время “вместе с гуннами впервые появляются в Хакасско-Минусинской котловине тюркоязычные гяньгуни с их во многом центральноазиатской культурой, основанной на скотоводческом хозяйстве, с их обрядом трупосожжений, не свойственным ни гуннам, памятники которых довольно хорошо известны, ни тагарским динлинам”. Обо всем этом свидетельствует погребальная обрядность. “Это, во-первых, грунтовые могилы – погребения непосредственно татарского, динлинского еще населения с их обрядом и, во-вторых, склепы под большими пирамидальными курганами – могилы уже динлино-гяньгуньские с двойственным обрядом: динлинские трупоположения и гяньгуньские трупосожжения, которых еще немного, сравнительно с первыми”.¹⁰

О распространении у гяньгуней обряда кремации в этот период, по мнению Л.Р. Кызласова, свидетельствуют раскопки кургана Наинтэ-Сумэ в Монголии¹¹ и Шурмак-Тей в Туве.¹²

Л.Р. Кызласов считал, что власть “гуннов над Хакасско-Минусинской котловиной поддерживалась с помощью специальных наместников, которые, вероятно, опирались при этом на военные гарнизоны, не обязательно состоявшие из собственно гуннских воинов”. Такими наместниками на Енисее он считал Вэй Люя, занимавшего пост “динлин-вана” и Ли Лина, которому якобы принадлежал “китайский по архитектуре” дом на Абакане.¹³ “Сразу после смерти наместника Ли Лина население Хакасско-Минусинской котловины, которое по традиции по-прежнему называется динлинами в китайских источниках, освободилось от гуннской зависимости”.¹⁴ Динлины в середине I в. до н.э., возглавляемые сыном Ли Лина, в союзе с усунями и усуанями вели войну против гуннов. В результате похода шаньюя северных гуннов Чжичжи в Южную Сибирь, были разгромлены и динлины, и гяньгуни. Шаньюй несколько лет прожил со своей ордой в землях гяньгуней на оз. Кыргыз-Нур, что способствовало окончательному переселению гяньгуней из северо-западной Монголии на Енисей.¹⁵ В I в. н.э. северные хунны были окончательно разгромлены сяньбийцами, вождь которых Тань-дихуай “на севере остановил динлинов”.¹⁶

Остается добавить, что гяньгуней Л.Р. Кызласов считал тюркоязычным племенем, а динлинов – “уграми”, родственными хантам.¹⁷

Ряд основных положений этой ошибочной концепции, выдвинутой Л.Р. Кызласовым для обоснования начала этногенеза “древних хакасов” еще в хуннское время в результате смешения “тагарских динлинов-угров” и гяньгуней, был подвергнут справедливой критике сразу после ее публикации. А.Н. Липский указал на необоснованность этнографических построений в концепции Л.Р. Кызласова.¹⁸ А.П. Дульзон указал на ошибочность топонимических толкований Л.Р. Кызласова. Все гидронимы, которые Л.Р. Кызласов считал “угорскими”, на самом деле являются кетскими.¹⁹ Н.Л. Членова подвергла сомнению отождествление носителей тагарской культуры с динлинами.²⁰ Она отвергла тезис Л.Р. Кызласова об этногенетическом родстве тагарской и таштыкской культур.²¹ Археологические исследования в Южной Сибири убедительно продемонстрировали несостоятельность гипотезы Л.Р. Кызласова. Изучение памятников лесостепной тагарской культуры А.И. Мартыновым в Ачинско-Мариинской лесостепи²² и верхнеобской культуры М.П. Грязновым в Приобье²³ убедительно показали, что никакого движения “динлинов-угров” в хуннское время из Минусинской котловины в эти районы не происходило. Несостоятельными оказались попытки Л.Р. Кызласова отождествить отдельные курганы с сожжениями в Туве и Монголии с культурой гяньгуней.²⁴ Наконец, раскопки в самой Минусинской котловине также не подтвердили

предположений Л.Р. Кызласова. Выяснилось, что эволюция тагарской погребальной обрядности привела к появлению обычая сожжения погребальных сооружений еще на сарагашенском этапе, в IV-III вв. до н.э., т.е. задолго до появления на Енисее хуннов и гяньгуней.²⁵ Выделение М.П. Грязновым памятников тесинского этапа тагарской культуры II-I вв. до н.э. позволило отметить изменения в тагарской погребальной обрядности в хуннское время.²⁶ Изучение тесинских памятников М.Н. Пшеничиной,²⁷ Н.Ю. Кузьминым,²⁸ Ю.С. Худяковым²⁹ привело к выделению значительного количества вариантов тесинской погребальной обрядности, не сводимой к динлино-гяньгуньскому симбиозу. В Ачинско-Мариинской лесостепи А.И. Мартыновым, Г.С. Мартыновой, А.М. Кулемзиным были выделены памятники шестаковского этапа или культуры.³⁰ Э.У. Стамбульник исследовала памятники улугхемской культуры хуннского времени в Туве.³¹ Не выдержала испытания временем предложенная Л.Р. Кызласовым периодизация таштыкской культуры, призванная проиллюстрировать этапы “динлино-гяньгуньского этногенеза”.³² Ввиду научной несостоятельности она была заменена иной периодизацией, разработанной М.П. Грязновым, которая в настоящее время считается общепринятой.³³ Весьма противоречивой оказалась этнокультурная интерпретация Л.Р. Кызласовым разных типов погребальных памятников “тагаро-таштыкского переходного этапа” и “изыхского этапа” таштыкской культуры. Такие особенности курганов, как: наличие двойной ограды из вертикально установленных плит со столбами и стенки из горизонтально уложенных плит, входа, сруба с полом и потолком, обычай сожжения камер – являются общими для части сарагашенских, тесинских и таштыкских склепов. Все эти схожие черты, казалось бы, заставили Л.Р. Кызласова признать “наличие генетической связи в их развитии”, однако при их интерпретации, он, противореча себе, относит “склепы под большими пирамидальными курганами” к “динлино-гяньгуньскому населению”, практиковавшему двойственный обряд трупоположения и трупосожжения.³⁴ Как справедливо отметил по этому поводу Д.Г. Савинов, эволюция курганов-склепов отражает непрерывную линию развития погребальной обрядности собственно тагарского населения, а пришедшие племена должны были хоронить по-иному.³⁵

Второй, известный к началу 1960-х годов, тип погребальных памятников тесинского этапа – грунтовые могилы Л.Р. Кызласов отнес к тагарцам-динлинам,³⁶ хотя на предшествующем этапе для тагарской культуры были характерны именно курганы-склепы. С.И. Вайнштейн и М.В. Крюков развеяли легенду о “дворце Ли Лина”, доказав, что “китайский дом” на Абакане мог быть сооружен не ранее I в. н.э.³⁷

К началу 1980-х годов несостоятельность обоснования всех основных положений концепции Л.Р. Кызласова на “этногенез динлино-гяньгуньских племен” стала настолько очевидной, чтобы в отношении ее можно было ог-

раничиться только критикой. Необходим был поиск иных научно обоснованных решений проблем этнокультурного развития Южной Сибири в хуннское время. Ряд усилий в этом направлении был предпринят Д.Г. Савиновым. Отметив противоречия в концепции Л.Р. Кызласова, он предложил считать тесинские курганы-склепы памятниками тагарского населения, а “грунтовые могилы” отнес к “пришлым племенам”.³⁸ Одиночные и групповые погребения в каменных ящиках он предложил выделить в особую тесинскую культуру.³⁹ Захоронения в каменных ящиках в Минусинских степях сначала отнес к гяньгуням, указав, что в письменных источниках ничего не говорится о том, что гяньгуни хоронили умерших по обряду кремации.⁴⁰ В дальнейшем он отнес погребения в каменных ящиках хуннского времени в Саяно-Алтае к динлинам.⁴¹ Д.Г. Савинов отметил, что, по данным письменных источников, динлины локализуются не только в Минусинской котловине, но и на более широкой территории.⁴² Он также указал на связь динлинов со средневековым объединением племен теле, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи.⁴³ Это обстоятельство ставит под сомнение отождествление динлинов с носителями тагарской культуры, поскольку теле были расселены на очень широкой территории Центральной Азии.

Л.Р. Кызласов оставил критику без внимания, в одной из последующих работ повторив свою концепцию почти без изменений.⁴⁴

Внимательный анализ сведений китайских источников о гяньгунях и динлинах позволил автору настоящей работы в 1984 г. уточнить, что их расселение связано с Центральной Азией и не может быть локализовано в Минусинской котловине в хуннское время. Гяньгуни и динлины безусловно различались китайцами в качестве разных племен, проживающих на соседних территориях в течение III в. до н.э. – III в. н.э. “Перемешаться” динлины и гяньгуни могли не ранее IV-V вв. н.э. Произошло это в результате включения гяньгуней (хэгу) в состав гаоцзюйских динлинов, известных позднее под названием теле. Восточные динлины, вошедшие в состав племен шивэй, известны под своим именем до начала VI в. н.э.⁴⁵ В V-VI вв. н.э. гаоцзюйские динлины вели войны с жужанями, которым удалось подчинить гяньгуней (цигу).⁴⁶ Анализ этих данных привел к мысли, что древние кыргызы – гяньгуни в конце I-ой половины I тыс. н.э. обитали не на Енисее и в северо-западной Монголии, а южнее – в Восточном Туркестане.⁴⁷ Обследование ряда районов в бассейне оз. Кыргыз-Нур не обнаружило памятников, которые можно было бы связать с гяньгунями. На Енисее кыргызы известны с V-VI в. н.э.⁴⁸ К аналогичному выводу пришла на основе анализа китайских источников Л.А. Боровкова.⁴⁹ Подобное понимание хода событий истории древних кыргызов выводит из их культурогенеза археологические материалы тесинского этапа тагарской культуры и таштыкской культуры в Минусинской котловине. Сомнение в принадлежности таштыкской культуры древним кыргызам – гяньгуням высказывали

А.Н. Липский и Э.Б. Вадецкая. По мнению последней, таштыкская и кыргызская культуры даже сосуществовали в течение VI-VII вв. н.э., после чего таштыкцы были вытеснены из Минусинской котловины и частично ассимилированы кыргызами.⁵⁰

“Владение Гяньгунь” впервые упоминается в ханьских источниках в 201 г. до н.э. среди других племен, покоренных Модэ-шаньюем. “Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым”.⁵¹ В этот период динлины и гяньгуни являлись разными “владениями”, подчиненными хуннам. О местоположении этих владений, по указанию источника “на севере”, от ставки хуннских шаньюев в Ордосе, судить довольно сложно. В начале I в. до н.э. хунны продолжали держать динлинов в подчинении. В это время динлин-ваном (князем динлинов) был поставлен китайский перебежчик Вэй Люй, происходивший “из хусцев, живших по реке Чаншуй”.⁵² В середине I в. до н.э. хунны ослабли. “Почему динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы с запада”.⁵³ Гяньгуни в связи с этими событиями не упоминаются. Более определенно о местах расселения гяньгуней можно судить по описанию событий середины I в. до н.э., связанных с распадом хуннской державы. В 49 г. н.э. шаньюй северных хуннов Чжичжи совершил поход на запад, в Восточный Туркестан. “Затем на севере от усуньских земель разбил (племя) уцзе, и уцзе сдались (ему). Подняв их (уцзе) войско, (Чжичжи) на западе (от уцзе) разгромил цзянькуней. К северу (от уцзе и цзянькуней) сдались динлины. Объединив (эти) три владения, (Чжичжи) неоднократно направлял свои войска против усуней и всегда побеждал их. В 7000 ли на восток от Цзянькунь находится ставка шаньюев, а в 5000 ли на юг – Чеши; Чжичжи и обосновался (в землях цзянькуней)”.⁵⁴ По мнению Л.А. Боровковой, земли всех покоренных Чжичжи-шаньюем племен, включая гяньгуней находились к северу от восточных земель Усунь, севернее хребта Боро-Хоро и западнее пустыни Дзосотын-Элисун.”⁵⁵ В земли цзянькуней присылал послов Чжичжи-шаньюю правитель Канцзюй, а затем орда северных хуннов ушла из Цзянькунь на запад к канцзюям.⁵⁶ Земли динлинов находилась севернее земель цзянькуней. В конце I в. н.э. динлины продолжали обитать севернее земель орды северных хуннов. В период ослабления северных хуннов “динлины произвели набеги с тыла; сяньбийцы ударили с восточной, владения Западного края с западной стороны”, а южные хунны с юга.⁵⁷ Во II в. н.э. сяньбийский вождь Таньшихуай на юге грабил земли на границе с Китаем, “на севере отразил динлинов, на востоке заставил отступить (владение) Фуюй, на западе напал на усуней и овладел всеми бывшими сюннускими землями, которые тянулись с востока на запад более чем на 14 тыс. ли...”.⁵⁸ В источниках I-II вв. н.э. гяньгуни не упоминаются. Это дало повод

Л.Р. Кызласову утверждать, что гяньгуни к этому времени уже смешались с динлинами на Енисее и упоминаются в источниках под названием динлинов.⁵⁹ Он также заявлял, что “имя “гяньгунь” исчезает со страниц китайских летописей и не встречается в течение первых пяти веков н.э., появляясь снова лишь в VI в.”⁶⁰ Однако гяньгуни упоминаются наряду с динлинами в источнике III в. н.э. “Владение Гяньгунь расположено северо-западнее Канцзюй. Отборного войска 30 тыс. человек. Следуют за скотом. (Там) много соболей, есть хорошие лошади.

Владение Динлин находится севернее Канцзюй. Эти выше (названные) три государства, с Гяньгунь в центре, находятся от ставки шаньюя сюнну на р. Аньсишуй на (расстоянии) 7 тыс. ли, на юге от них 5 тыс. ли – Чеси и шесть (других) владений, на юго-запад до границ Канцзюя – 3 тыс. ли, на западе до ставки канцзюйского вана – 8 тыс. ли. Некоторые считают, что эти динлины и являются теми динлинами, что (обитают) к северу от сюнну, а северные динлины (находящиеся) западнее Усунь, по-видимому, другое поколение их. Кроме того, севернее сюнну расположены государства: Хуньюй, Цзюеше, Динлин, Гэгунь, Синьли. По-видимому, динлины, (которые живут) к югу от Бэйхай, – это не те (динлины), которые находятся западнее Усунь”.⁶¹ Согласно сведениям источника, в III в. н.э. гяньгуни обитали севернее усуней и кангюев, западнее динлинов, на тех же землях, что и раньше. Динлины не только не смешались с гяньгунями, но сами распались на два “владения”. Одна группа динлинов обитала по соседству с гяньгунями в Восточном Туркестане, другая – к югу от Байкала. Именно об этих восточных динлинах говорится, что они обитали на северо-востоке от “диких земель пустыни”, в которой “много диких змей” на границе с землями ухуаней.⁶² Западные динлины в последующие века известны под названием гаоцзюйских динлинов и теле. Восточные динлины в середине I тыс. н.э. вошли в состав шивэй.⁶³ В это время кыргызы известны под названием хэгу или цигу. В источниках они упоминаются среди племен теле. “Предки телэ – это потомки сюнну. Племен очень много. На востоке от Западного моря, по горам и долинам (живут) повсюду. Только на север от р. Ло имеются пугу, тунло, вейхэ, баегу, фуло... На запад от Ну, на север от Яньци, по сторонам Байшаня имеются циби, боло, чжи, аде, субо, нагэ, уху, хэгу, едеу, нику и др”.⁶⁴ Расселение хэгу “к северу от Яньци (Карашара), у Белых гор...”⁶⁵ свидетельствует, что в IV-V вв. н.э. они продолжали обитать в Восточном Туркестане, севернее Тянь-Шаня. В источниках есть упоминания, что они находились в зависимости от сяньби.⁶⁶ В начале V в. жужаньский каган Хулюй “на севере” покорил племена Хэвэй и Йегу.⁶⁷ Поскольку владения жужаней простирались на западе до Яньци (Карашара),⁶⁸ можно полагать, что подчинение Йегу (кыргызов) произошло, когда те еще обитали в Восточном Туркестане. В V в.-первой половине VI в. н.э. жужани вели частые войны с теле (гаоцзюйскими динлинами), стремясь подчинить

последних, вероятно, именно в период жужаньско-гаоцзюйских войн древние кыргызы вошли в состав гаоцзюйских динлинов. Войдя в состав гаоцзюйского объединения племен, кыргызы могли “перемешаться” с ними еще на территории Восточного Туркестана. Об этом свидетельствует источник. “Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами”.⁶⁹ Локализация района обитания гяньгуней в конце I тыс. до н.э.-первой половине I тыс. н.э. в Восточном Туркестане, севернее Тянь-Шаня дает основания для поиска памятников их культуры в материалах по археологии Синьцзяна.

К сожалению, в источниках о гяньгунях нет каких-либо сведений об особенностях их культуры. При описании кыргызов в период раннего средневековья в источниках неоднократно подчеркивается сходство языка и культуры кыргызов и уйгуров.⁷⁰ Это не удивительно, если принять во внимание вхождение гяньгуней в состав гаоцзюйских динлинов и их “перемешивание”. Описывая средневековых кыргызов, многие источники подчеркивают их европеоидность. “Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком...”.⁷¹ “Их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливими”.⁷² Вместе с тем, согласно сведениям книги “Худуд ал-алам”, написанной в 982-983 гг., лица у кыргызов “грубые, волос мало”, т.е. они не отличались от типичных монголоидов. Однако из-за господствовавшего у кыргызов обряда кремирования умерших трудно сказать: являлись ли европеоидами собственно кыргызы или зависимое от них местное население Среднего Енисея. Поэтому сложно судить и об антропологическом облике гяньгуней.

Ряд обычаев, известных у кыргызов в период раннего средневековья, восходит к предшествующей эпохе. Так, у кыргызов существовал обычай татуировки или раскраски лица и тела. “Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею”.⁷³ “Храбрейшие из взрослых мужчин все чернят лицо в качестве отличия. Женщины, выйдя замуж, также чернят (лицо) от уха до шеи”.⁷⁴ У кыргызов “мужчины носили кольца в ушах”.⁷⁵ В то же время “все жители обнажают голову, заплетают волосы”.⁷⁶ Этим они отличались от гаоцзюйцев, у которых “женщины обертывают кожей кости овец, кладут их на голову и обвивают волосами, создавая прически, похожие на прически знатных лиц”.⁷⁷ У кыргызов был распространен характерный погребальный обряд трупосожжения с захоронением останков через год после кремации.⁷⁸ Этот обычай был связан с верой в очистительную силу огня. Похоронный обряд гаоцзюйцев существенно отличен. “Во время похорон для умершего копают яму, сажают в нее труп, расправляют руки, вставляют в них растянутый лук, опоясывают умершего мечом и зажи-

мают под мышкой копые, делая все так, словно труп живой, яму не засылают".⁷⁹ Судя по этим данным, этнографический облик культуры гянгуней, несмотря на "перемешивание" с динлинами, сохранил значительные отличия.

Изучение археологических памятников Синьцзяна в настоящее время не дает оснований для отождествления каких-либо из них с культурами гянгуней и динлинов. Среди исследованных памятников кочевников преобладают материалы, связываемые с культурами саков I тыс. до н.э.⁸⁰ Китайские археологи относят к культуре усуней грунтовые захоронения из долины р. Или, датирующиеся I-II вв. н.э.⁸¹ В археологических материалах Синьцзяна широко представлены находки керамической посуды, характерной для саков и усуней. Встречаются полихромные украшения, характерные для кенкольской культуры. В музейных собраниях Синьцзяна есть предметы хуннской культуры. Памятники кочевников первой половины I тыс. н.э. в Синьцзяне пока не выделяются.⁸⁴ Население оазисов было разнотничным. В его погребальной обрядности, наряду с отдельными кочевническими элементами, широкое распространение получили китайские традиции.⁸⁵

В V-VI в. н.э. кыргызы обитали уже на среднем Енисее. Вероятно, они мигрировали сюда или были переселены во время жужаньско-телесских войн, которые велись с переменным успехом в V в.-первой половине VI в. н.э. В борьбе с телесцами жужане использовали тюрок, переселенных ими на Алтай в середине V в. н.э. Один из братьев легендарного тюркского правителя Надулу-шада "создал свое государство между реками Афу (Абакан) и Гянь (Кэм, Енисей), называвшееся Цигу (кыргыз)"⁸⁶ в Минусинской котловине. Этот факт свидетельствует не только о предполагаемом родстве кыргызов и тюрок-ашина, но и воцарении у кыргызов представителей правящего тюркского рода. Это могло произойти в конце V - начале VI вв., ибо первый тюркский каган Бумын (551 г. н.э.) считался правнуком Надулу-шада.

С переселением на Енисей кыргызы ассимилировали и включили в свой состав часть местных племен, заимствовали ряд элементов их культуры.

Борьба за Саяно-Алтай в VI-VIII вв.

С VI в. н.э. кыргызы определенно известны на землях среднего Енисея к северу от Саянских гор.

Именно с этого времени, VI в. н.э., памятники кыргызской культуры распространяются по всей Минусинской котловине до верховьев Чулыма. Это могильники и курганы чаа-тас и рядовые погребения с характерным для кыргызов погребальным обрядом кремации, кенотафы; временные зимние и летние поселения; петроглифы, тамги, клады. Местное население таштыкской культуры было частично ассимилировано, что отразилось в таштыкских

элементах кыргызской культуры, частично оттеснено на периферию минусинских степей в таежную зону и Ачинско-Мариинскую лесостепь. Таежные племена попали в вассальную зависимость от кыргызов, находясь в Кыргызском государстве на положении киштымов. Впервые народ “кэшидянь” упоминается в VIII в. н.э. Он обитал на запад от кыргызов и на юг от конфедерации “Бома”. “Кэшидяни” ежегодно собирали в оброк “шкурки соболя, выдры, белки и горностая”.¹ Кыргызские беги взымали с киштымов дань, совершали на места их обитания грабительские набеги, захватывали пленных, которых заставляли работать в своем хозяйстве. Как сообщают таянские источники, кыргызы “ловят и употребляют в работу” киштымов из племен Дубо, Милиге, Эчжи, обитавших в таежных урочищах Восточных Саян. Погребения киштымов, подвергавшихся в кыргызском обществе этнической эксплуатации, отличаются обрядом ингумации и бедностью или полным отсутствием инвентаря. Они, вероятно, не имели обособленных кладбищ, а хоронили умерших на кыргызских могильниках. Встречаются сопроводительные захоронения киштымов в насыпях кыргызских курганов.

В начале VI века н.э. у кыргызов на Енисее образовалось государство. Во время тюркского восстания и разгрома жужаньского государства кыргызы добились независимости от центральноазиатских правителей. Поэтому в 554-555 годы тюркскому кагану Мухану пришлось снова приводить в подчинение население Саяно-Алтая. Он “на севере покорил Цигу”, хотя тюркам и не удалось “форсировать Саяны”. По-видимому, кыргызский правитель согласился признать себя вассалом тюркского кагана ввиду неминуемой угрозы вторжения его войска. Кыргызы стали поставлять в качестве дани производимое ими “оружие крайне острое”, которое они “постоянно” вывозили к тюркам. Минусинская котловина превратилась в базу железнотделительного и оружейного производства Тюркского каганата, подобно тому, как при господстве жужаней аналогичную роль играл населенный тюрками Алтай. Кыргызское население стало для тюрков источником рабов из числа военнопленных. Известно, что в 569 г. тюркский Истеми-хан подарил византийскому послу Земарху пленницу “из народа кыргыз”. В 572 г. каган Арслан Тобо-хан выделил в удел Або-хану Торэмену “северное ханство”, включавшее, вероятно, земли кыргызов.²

В результате династических распрей в тюркском государстве первый тюркский каганат распался в 581 году. Кыргызы освободились от вассальной зависимости. Уже в 583 году они вынашивали планы активного вмешательства в события в Центральной Азии: “Цигу, которые властвуют к северу от Тугю, со скрежетом зубовным ожидают своей возможности (отомстить)”.

Независимое положение сохранялось до 629 г., когда Кыргызское государство подчинилось Телесскому каганату, возглавляемому племенем Сейяньто. Сейяньтоский каган имел на Енисее “своего гьелифу для верховного

надзора”. В этот период закладываются основания будущего административного устройства Кыргызского государства: “Хагасский владетель имел трех министров, которые были: Гйеси Бей, Гюйшабо Бей и Ами Бей. Они управляли всеми государственными делами”.³ Зависимость от сейяньто была непродолжительной.

В 40-е годы VII века н.э. обосновавшийся в горах Монгольского Алтая тюркский правитель из рода Ашина Чеби-хан “покорил на западе гэлолу (карлуков), на севере Гйегу”. Однако уже в 647 году Чеби-хан попал в плен к китайцам и его владение было уничтожено.

Кыргызы решили установить прямые контакты с империей Тан. Ко двору императора Тхай-изуна прибыл “государь” кыргызского владения старейшина Сылифа (эльтебер – Ю.Х.) Шибокую Ачжань. Император устроил в честь высокого гостя пир, “пожаловал его чином генерала почетной гвардии левой руки (цзотунь вэйцзянцзюнь) и должностью генерал-губернатора (дуду) области Цянькунь”.⁴ Захмелевший Сылифа “изъявил желание” стать вассалом императора. Однако “на самом деле реальной власти в кыргызских владениях Танская империя не имела. Точно так же, как и принятие титулов иностранными властителями не было связано с какими-либо обязательствами и никак не ограничивало их власть”.

Кыргызы в последующие годы неоднократно отправляли посольства в Китай, пригоняли для продажи лошадей. “В 653 г. кыргызы приезжали с подарками для выкупа своих соплеменников, каким-то образом попавших в Китай. Император Гао-Цзун в ответ на это посольство отправил в страну кыргызов китайского посланника Фань Шаня с дарами”.⁵ В 675 году кыргызы пригнали лошадей. В обмен на лошадей кыргызы получали различные товары, главным образом – шелковые ткани.

С восстановлением в 682 году Второго Восточнотюркского каганата кыргызы приняли активное участие в борьбе за гегемонию в Центральной Азии, выступая в составе антитюркской коалиции.

Против тюрков “справа (на юге) народ Табгач был врагом, слева (на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был врагом, кыргызы, курыканы, отуз-татары, кытай и татабы – все были врагами”. Несмотря на разгром тюрками Баз-кагана в 688 г., кыргызы, которые в этом сражении не участвовали, укрепив свои позиции, возглавили антитюркские силы на северных границах каганата. Тюркский каган Капаган был вынужден признать за кыргызским владетелем право именовать себя титулом кагана и отдать ему в жены дочь кагана Кутлуга Эльтереса, своего предшественника. Вероятно, это произошло вскоре после смерти Кутлуга Эльтереса в 693 году, когда поход Капаган-кагана на север закончился неудачно. Как отмечено в тексте стелы Бильге-кагана: “С моим дядею-каганом (т.е. Капаганом – Ю.Х.) ... перейдя через Кёгменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны киргизов.

... Был Барс-бег; мы в то время (при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру-княжну”.⁶ Таким образом, Кыргызское государство было уравнено с тюркским каганатом, кыргызский каган был признан равным тюркскому, правящие роды обоих государств заключили мир посредством династического брака. Кыргызский каган Барс-бег проводил активную внешнюю политику. В 707, 709, 711 годы кыргызские посольства направлялись в империю Тан. В это время тюрки вели с империей ожесточенную войну и кыргызы оказались в числе ее союзников, несмотря на родственные узы с правящим родом Ашина. “Каган табгачский был нашим врагом. Каган десяти стрел (тюргешей) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: “Да пойдем мы в Алтунскую чернь”. Так они рассудили и сказали: “Да отправимся мы на восток против тюркского кагана. Если не пойдем на него, как бы то ни было он нас победит: каган-герой, а советник его мудрец, он, возможно, окажется нашим убийцей. Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его”.⁷ В этой антитюркской коалиции наибольшую опасность для тюрков представляли усилившиеся кыргызы, по землям которых было решено нанести превентивный удар. В 709 г. Шад Могилян разгромил союзников кыргызского кагана чиков, обитавших в Туве, захватив плацдармы для вторжения в собственно кыргызские земли. Зимой 710-711 г. тюркское войско совершило тщательно подготовленный внезапный поход на кыргызов. Во главе тюркского войска стояли знаменитые полководцы Тоньюкук, принцы из правящего рода Ашина Кюль-тегин и Шад Могилян. Тоньюкуку удалось скрытно совершить важный стратегический маневр, в обход основного пути по Енисею провести войско через Саянский хребет по реке Аны (современная р. Она). Тогда я задумал ... будем воевать (против кыргызов) ..., – сказал я. – Когда, я услышал, что дорога на Кегмен (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов. “Моя родная земля – Аз, ее зна(ю)...

(Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади”. Я задумался и моего кагана я просил. Я приказал двинуться войску, я сказал: “Садись на коней!” Переправляясь через Ак-Тзрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протоптали (снег) и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: “Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!” Мы шли

вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали”.⁸ Так повествует о переходе через Саяны текст стелы Тоньюкука.

Благодаря обходному маневру, тюркское войско обрушилось на кыргызов внезапно. “На кыргызов мы напали во время (их) сна. Уцелевшие от разгрома кыргызские воины пытались оказать сопротивление. “Хан и войско их собрались”. “С их каганом мы сразились в Черни Сунга, Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелюю, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и племенной союз его взяли.” В сражении в Черни Сунга погиб кыргызский каган Барс-бег, шурин Кюль-тегина и Могиляна. “А народ его стал рабынями и рабами. Говоря: пусть не останется без хозяина страна Кегменская, – мы завели порядок в немногочисленном (т.е. пришедшем тогда в упадок – Сергей Малов) народе кыргызов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну в управление киргизу – Сергей Малов). (В честь моего дяди-кагана) я поставил во главе (вереницы могильных камней) “балбалом” киргизского кагана”.⁹ Разгром в Черни Сунга и гибель Барс-бега перечеркнули надежды кыргызской знати на гегемонию в Центральной Азии. В Минусинскую котловину вошли тюркские войска. Тюркские воины-ветераны с семьями были размещены во многих стратегически важных пунктах Минусинской котловины. Именно в этот период в долине Енисея при выходе из Саянского каньона, по обеим берегам Енисея, в долинах рек Аскиз, Есь, Ниня, Черный Июс, Уйбат, Таштып, Тесь, Туба, Ут и даже в Ачинско-Маринской котловине распространяются характерные памятники древнетюркской культуры: погребения с конем, поминальные оградки, изваяния, рунические надписи на камне.

Однако тюрки не уничтожили кыргызской государственности. Во главе государства остался кыргызский правитель, т.е. сын Барс-бега и племянник тюркского Бильге-кагана. Он сохранил известную самостоятельность. Поддерживал дипломатические и торговые связи с другими государствами. Несколько посольств было направлено в империю Тан. В 722 г. к танскому двору “прибыл кыргызский тегин Исибо Шэючже Биши Сыгинь, в 723 г. – тегин Цзюйли Пиньхэчжун Сыгинь. Им обоим были пожалованы военные чины. В 724, 747 и 748 гг. кыргызы пригоняли в Китай для обмена лошадей.”¹⁰ В 731 г. на похороны тюркского принца Кюль-тегина “от кыргызского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу.” Однако военная мощь кыргызов была сильно подорвана. Сохранив самостоятельность, кыргызы, вплоть до падения Второго тюркского каганата в 745 г., не участвовали в военных действиях в Центральной Азии.

Вновь активно вмешаться в события в Центральной Азии кыргызы смогли лишь после падения тюркского государства, когда серьезную угрозу для

них стал представлять Уйгурский каганат. В 751 г. кыргызы в союзе с чиками, огузами и карлуками выступили против экспансии уйгурского кагана Моюн-Чура. “Девять Огузов – их беги (военачальники) пришли (и рассказали, что начальник племени) стал врагом. К кыргызам он послал, мол, людей (со словами): “Вы выйдете (из союза) (т.е. поднимитесь к восстанию – Г.Р.). Принудите и Чиков к восстанию! Так, мол, сказал он. “Я, дескать, хочу выйти (из союза)”. “Смотрите, останьтесь самостоятельными! В лесу мы с вами соединимся”, – так, мол, сказал он”. Поскольку намерения противника стали известны уйгурам, каган Моюн-Чур сумел опередить их выступление и разбил союзников поодиночке. “Девятого числа я отправился в поход с войсками. Через Тутук-Баши я послал против чиков тысячный отряд, в страну их союзников я отправил немного людей. “Смотрите, – сказал я, – Хан Киргизский проживает на краю Кегменских гор в своем доме и лагере, говорят, он послал, говорят, свои летучие отряды в сторону своих союзников, а на эти летучие отряды мои люди уже напали, говорят, и его посланцев задержали: (они сообщили, что) к их хану и его союзникам пришли люди, но что карлуки не пришли к союзникам; так они сказали. Своих людей он направил против карлуков, сказали они”.¹⁰ После разгрома “летучих отрядов” кыргызского хана, Моюн-Чур направил свое основное войско против карлуков, что несколько отсрочило решающее столкновение между уйгурами и кыргызами. Однако “в 758 г. хойху (уйгуры – Ю.Х.) завоевали сие государство, после чего хагасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство”.¹¹ После разгрома кыргызов войсками Моюн-Чура, кыргызское государство попало в зависимость от Уйгурского каганата, а кыргызский правитель утратил титул кагана. “Хагасский владетель получил от хойхуского хана титул Пицьсие Тунгыё Гинь”. Возможно, кыргызские земли временно утратили государственное единство. Зависимость кыргызов от уйгуров была более тяжелой, нежели от жужаней и тюрок. На целое столетие с момента уйгурского завоевания кыргызы оказались отрезанными от южных стран, ни одно киргизское посольство не смогло проникнуть за это время в Китай.

В 795 году, в связи со сменой власти в Уйгурском каганате, когда ввиду отсутствия прямого наследника у умершего кагана Ачжо из рода Яглакар, на каганский престол был избран полководец Кутлуг из рода Гя-де (из племени эдизов), кыргызы восстали. Момент для восстания был выбран очень удачно. Уйгуры в это время вели войну с карлуками и тибетцами в Восточном Туркестане. Каганская власть ослабла. Несовершеннолетний каган Ачжо, дабы сохранить себе жизнь даже падал ниц перед всеильным временщиком, министром Гьегянгьясом. Со смертью Ачжо пресеклась линия прямых потомков кагана Пэйло. А избрание Кутлута, не являвшегося родственником Ачжо, с точки зрения легитимизма, было незаконным. Возможно, что кыргызы рассчитывали лозунгами легитимизма привлечь на свою сторону часть уйгурс-

кой знати и тем самым ослабить сопротивление уйгуров. Новый каган Кутлуг должен был обладать недюжинной волей и выдающимся военным талантом, чтобы в столь сложных условиях сохранить ведущее положение в Центральной Азии. Недаром китайский текст Карабалгасунской надписи наделяет Кутлуга многими превосходными эпитетами, а описанию войны придает гиперболически-легендарные черты. “Вначале (было) Гяньгуньское государство, (считавшее) 400 с лишком тысяч натягивающих луки (т.е. носящих оружие). Оно (восстало и проч.), (но Кэ-хань был) умный, мужественный, чудесно-воинственный; (ему стоило только) раз выстрелить, как и попало. Гяньгуньский Кэхань пал, в соответствии тетивы (под ударом его стрелы); коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не (стало) живых людей”.¹² Разумеется, эти подробности нельзя воспринимать буквально. Тем более, что в согдийском тексте той же надписи говорится, что “стрелков кыргыз-кагана числом в 200 тысяч он собственной рукой разогнал в разных направлениях и взял его царство”. Однако несомненно, что Кутлугу удалось нанести поражение в решающем сражении кыргызскому войску, в котором погиб кыргызский каган, захватить большую добычу и на время обезопасить границы Уйгурского каганата. Вероятно, опасность была столь велика, что избавление от нее воспринималось уйгурами как чудо и было расцвечено фантастическими подробностями. По-видимому, в результате похода Кутлуга в Минусинской котловине появляются уйгурские памятники – погребения со шкурой коня на левом берегу Енисея в составе родового кладбища кыргызских каганов и неподалеку от него.

Кыргызский правитель именовался “ажо” (ажэ). Судя по китайским источникам, “ажо” (ажэ) – и титул, и клановое имя правящего дома кыргызов в VIII-IX вв.¹³ Среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения о значении этого кыргызского слова, переданного в китайской форме.

В древнетюркских памятниках письменности VIII в. неоднократно встречаются сведения о “степных азах”. Согласно мнению тюрколога И.В. Кормушина, часть азов обитала по южную сторону Западного Саяна, а другая, главная часть, базировалась на север от Саян, на территории современной Хакасии, в непосредственной близости от кыргызов.

В 711 г., во время военного похода тюркского царевича Кюль-Тегина на кыргызов, в качестве проводника через Когменские горы (Западные Саяны) был найден человек “из степных азов” (чолги аз эри). Он сам утверждал, что его “родная земля – Аз” (Аз йирим)¹⁵. Исходя из контекста становится ясным, что азы обитали не в таёжных массивах Западных Саян (Когмены), а, как следует, в степных просторах Предсаянья, т.е. долине Абакана. Известный востоковед В.Бартольд давно обратил внимание, что вместе с киргизами несколько раз упоминается народ аз”¹⁶. Во времена правления тюркского кага-

на Могильяна чики и кыргызы, обитавшие по соседству, были его врагами. В памятнике Могильяна повествуется о битвах и победах над чиками, а затем и над азами (аз будун), которых, исходя из контекста, можно отождествить с кыргызами Енисея. В некоторых восточных сочинениях кыргызов даже называли этнонимом “ас”.¹⁷

Правитель государства Хягас-Ажо, согласно китайским хроникам, имел пребывание у Черных гор (Циншань) к западу от р. Енисей (Гянь). По сведениям памятников древнетюркской письменности, Кыргызский хан проживал в Когменском краю (Когмен ичинте). Под Когменом здесь подразумевались не только Западные Саяны, но и долина Абакана. По всей видимости, указанные источники свидетельствуют об одной и той же ставке кыргызского государства, которая находилась на территории расселения азов.

Для нас большое значение имеют сведения из текстов памятника, сооруженного в честь Кюль-Тегина, где конкретно говорится об “азском народе” (аз будун) кыргызского кагана Барс-бега¹⁸. Многие тюркологи, включая известного ученого С.В. Малова, читают выражение “аз будун” как “немногочисленный народ” и не вкладывают сюда этнического понятия. Двусмысленность подобных переводов связана с тем, что в тюркских языках слово “аз” имеет также значение – “малый, незначительный”. В данном случае стоит обратить внимание на первоначальные чтения этих строк, которые в свое время сделали В. Радлов и Н. Козьмин, т.е.: “Я устроил страну Аз-кыргызов”.¹⁹

Несомненно, сочетание “аз-кыргыз” нельзя читать “немногочисленные кыргызы”, ибо в древнетюркских текстах подчеркивается: “Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган”²⁰. Китайские источники также подтверждали: “Цзянгунь (т.е. кыргызы – В.Б.) – это сильное государство. Страна равна Туцзюэ (т.е. Тюркскому каганату – В.Б.)”²¹.

Среди памятников кыргызской письменности выражение “народ аз” (аз будун) не встречается, однако в переводах В. Радлова имеется сочетание “ач будун” – народ ач.²² Не исключена возможность, что сами кыргызы этноним “аз” произносили как “ач”.

Кто же такие загадочные “азы” или “ачи” в Кыргызском государстве? Почему их имя упоминается в тюркских надписях наряду с кыргызами?

Исходя из контекста памятника в честь Кюль-Тегина можно предположить, что “азы” соответствовали понятию элитарной части кыргызов. В таком случае народ “аз” или “ач” надо отождествить с царствующей фамилией Кыргызского государства, которая зафиксирована в китайских хрониках в форме “ажо” (ажэ). Памятники древнетюркской письменности были созданы в то же самое время, когда Танские летописи Китая сообщали о стране Хягас и ее правителях – Ажэ. По всей видимости, указанные китайские формы передавали звучание тюркских этнонимов кыргыз и аз (ач). Согласно китайским летописям, фамилия Ажо происходила из одного рода с царствующей

щим в Китае Домом Тан,²³ уходящим своими корнями к знаменитому полководцу Ли Лину. Вплоть до начала XX в. среди хакасов почитался фетиш “ас-тӧс”, дух-предок которого пришел из Китая. Не исключена возможность, что название фетиша “ас-тӧс” имеет связь с именем древнего правящего рода “аз”. Возможно, название телеутского рода “аз-киштим” (аш-киштим, ас-кистим, ач-кештим), обитавшего на Северном Алтае, обозначало киштымов правящего рода кыргызов.

В войнах с центральноазиатскими кочевниками VI-VIII вв. н.э. кыргызы нередко терпели поражения, не раз теряли самостоятельность. Причиной тому были как неблагоприятное соотношение сил не в их пользу, так и слабости в военной организации, недостаточная оснащённость тяжелым защитным вооружением и выучка войска. Сказалось, вероятно, и то, что в течение этих столетий кыргызы фактически постоянно воевали на два фронта. На юге с жужанями, тюрками, уйгурами, а “на севере постоянно дрались с бома”, конфедерацией кетских и самодийских племен. Хотя объединение бома и не достигло уровня государственности, в военном отношении это была серьезная сила, о чем свидетельствуют памятники релкинской культуры, в особенности оружейные клады – объекты военно-дружинного культа. Однако, несмотря на все перипетии в их исторической судьбы, кыргызы смогли сохранить на протяжении этих бурных столетий свой этнос, культуру, государственность, ведущее положение среди ближайшего этнического окружения, смогли закрепиться на землях среднего Енисея. Постоянные войны приносили не только опустошения и людские потери, но и способствовали этнической консолидации. После разгрома тюркского каганата в Минусинской котловине осталась часть тюрков, которая постепенно интегрировалась с кыргызами к концу I тыс. н.э. Установилась система власти над киштымами, которые частично проникали в кыргызскую среду. Складывается система крепостей-убежищ и укрытий, куда укрывалось кочевое население со своими стадами в моменты военной опасности.

Опыт борьбы за Саяно-Алтай дал возможность кыргызам выжить как этническому целому и сохранить силы для участия в событиях последующего времени.

Эпоха “кыргызского великодержавия”

Период IX-X вв. н.э., справедливо названный В.В. Бартольдом “кыргызским великодержавием”, занимает особое место в истории Саяно-Алтая. Это был звездный час кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами, эпоха, когда кыргызы смогли подчинить обширные просторы Центральной Азии. Благодаря этому периоду своей истории, кыргызы оставили о себе память среди представителей

различных народов средневековья, а их великие деяния привлекают постоянное внимание позднейших историков.

Интерес к истории кыргызов, благодаря их пребыванию в Центральной Азии, выходит далеко за пределы изучения этнокультурного развития какого-либо народа. События IX-X веков, активными участниками которых были кыргызы, изменили саму направленность этнокультурного развития в Центральноазиатском регионе. Впервые главенствующее положение в степях Азии занял кочевой народ из далекой северной периферии – Минусинской котловины. События этого времени рассеяли уйгуров по азиатским степным просторам от Восточного Туркестана до Забайкалья, открыли путь кыргызам на Тянь-Шань, стали прелюдией для выхода на широкую арену мировой истории монголоязычных кочевников.

Началом возвышения кыргызов стало их восстание против уйгурского господства в 20-е годы IX века в результате ослабления последних. “Но только что хойху начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши, – вдовствующей ханшюю, жену, дочь Гэлу-шеху – ханшею”.¹ Началась война, длившаяся около 20 лет. Поскольку инициатива в объявлении войны принадлежала кыргызам, можно предположить, что ей предшествовала централизация власти внутри кыргызского государства, длительная и тщательная подготовка к войне, позволившие мобилизовать все силы для борьбы за господство над Центральной Азией. Важным фактором в этой борьбе явилось формирование в Кыргызском государстве централизованной военно-административной системы, когда войско и народ были подразделены на боевые единицы по десятичному принципу. Создание этой системы сопровождалось применением военной силы. В ходе войны были подчинены кыргызские беги, правители родов и племен киштымов, укреплены тылы государства, путем расширения восточных, северных и западных границ. На востоке в пределы кыргызских владений вошла долина р. Кан, на севере Ачинско-Мариинская лесостепь и долина Енисея вплоть до устья Ангары. В этих районах обнаружены кыргызские памятники IX-X вв. н.э. На западе и северо-западе в орбиту кыргызского влияния вошли Северный Алтай и Притомье и лесостепное Приобье, где были подчинены племена бома. В этих районах распространяются памятники с элементами кыргызской культуры. Политическое и экономическое могущество способствовало демографическому росту в кыргызском государстве, численность которого, исходя из наличия боевого состава армии, достигала 0,5 млн. человек. Для объявления войны кыргызы выбрали момент, когда “хойху начали упадать”. В уйгурском каганате обострились внутренние распри, государство было ослаблено неудачными войнами с тибетцами.

Одним из проявлений упадка Уйгурского каганата было ослабление центральной власти вследствие борьбы придворных группировок, дворцовых

переворотов и заговоров. С конца VIII века борьбу за престол вели род Яглар и племя эдизов. За 30 лет, предшествовавших войне с кыргызами, на престоле сменились шесть каганов, а в годы войны – еще шесть. Когда кыргызы вступили в войну, усилился натиск на уйгуров и тибетцев. Возможно, их действия были согласованными, поскольку тибетцы поддерживали связи с кыргызами. “Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши; Туфанию и Гелолу, но туфаныцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу”².

В 821 году в долину р. Орхон вторглось тибетское войско, что едва не привело к гибели уйгурское государство. Командовавший тибетскими войсками полководец Шан-шацзан очень невысоко оценил военные силы уйгуров: “Уйгурия в сущности небольшое владение. Некогда я вел с нею войну и уже подходил к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не может считаться даже нашим соперником”³.

Несмотря на ослабление военной мощи уйгуров, военные действия с кыргызами, развернувшиеся на территории Тувы, приняли затяжной характер: “Хойхуский хан послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну”⁴.

Постепенно военная удача стала поворачиваться к кыргызам. “Ажо, надмеваясь победами, говорил: “Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи.” Военные неудачи усилили нестабильность власти в Уйгурском каганате.” По кончине Бао-И на престол вступил Чун-дэ хан, который процарствовал четыре года, умер в начале 825 года. Преемником ему был избран его брат Гэ-са Торэ, на престоле – Чжао-ли хан, который пал жертвой заговора царедворцев в 833 г. Сменивший его Ху-торе, приходившийся ему племянником, покончил в 839 г. жизнь самоубийством после того, как восставший против него первый министр Гюй-ло-фу, призвав на помощь шато, с сильной армией двинулся на Карабалгасун. Гюй-ло-фу возвел на престол несовершеннолетнего Кэси-торэ, именем которого и стал управлять государством.”⁵ Война обострила и экономическое положение в уйгурском государстве.” В тот год был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей”⁶. Против власти временщика Гюй-ло-фу восстал Гюйлу Мохэ (Кулюг Бага), командовавший уйгурскими войсками на войне с кыргызами. В 840 г. он перешел на сторону кыргызов, решив опереться на их помощь, с целью захвата каганского престола у племени эдизов. Измена Гюйлу Мохэ открыла кыргызам дорогу на уйгурскую столицу Орду-Балык. “Хойхуский хан не мог продолжать войны. Наконец его же полководец Гюйлу Мохэ привел Ажо в хойхусскую орду”⁷.

“соединившись с хагасами, со 100 000 конницей напал на хойхусский город, убил хана, казнил Гюй-ло-фу и сжег его стойбища”.⁸ В решающем сражении под Орду-Балыком кыргызская армия разгромила уйгуров. “Хан был убит в сражении и его Дэлэ рассеялись”.⁹ Кыргызы, взяв Орду-Балык, разрушили и сожгли его. Был разгромлен и окружавший уйгурскую столицу земледельческий район. “Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны”.¹⁰ В результате победы кыргызам досталась богатая добыча. “Хойхусский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тай-хо царевну; после чего он перенес свое пребывание на южную сторону гор Лао-шань”.¹¹ Уйгуры в панике бежали. “Хойху поколения рассеялись”. Бегство уйгуров и других телесских племен с территории каганата проходило стихийно в разных направлениях. Вероятно, каганат распался на отдельные племена. Небольшая группа уйгуров во главе с тегинем Кэчжили проникла в Забайкалье; другая группа тегина Хучо – в южную Маньчжурию в земли киданей. Две группы уйгуров перекочевали на юго-восток к границам империи Тан.

Тринадцать родов, из состава бывшего каганского аймака, включая род Яглакар, “поставили каганом тегина У-цзе и укрепились на юге у гор Цоцзытань.”¹² Другая группа племен во главе с вождями Ормуздом, Наир Чуром, Чисинем и Буку, кочевала отдельно. Группа уйгурских родов, во главе с князьями из рода Яглакар, переселилась в Принаньшань, где в начале X века н.э. возникло уйгурское ганьжоуское княжество. Еще одна группа уйгуров, возглавляемая князьями из рода Яглакар, обосновалась в долине р. Эдзин-гол. Пятнадцать племен, включая уйгуров, эдизов, буку, тонгра, во главе которых были “уйгурский министр Сачжи совместно с Пантегином, племянником (танского императора) с пятью его братьями Наньлу, Эфэном и другими” переселились в Восточный Туркестан, где возникло уйгурское турфанское княжество. Часть уйгуров и других телесских племен ушла на запад, в Прииртышье, в земли кимаков. Какая-то часть уйгуров и телесцев, перешедшая на сторону кыргызов, осталась в Монголии. Небольшая группа уйгуров была переселена кыргызами в Минусинскую котловину и Туву, где в этот период появляются уйгурские погребения со шкурой коня.

Кыргызский каган, сочтя, что с разрушением уйгурской столицы Орду-Балыка, разгром уйгуров закончен, перенес свою ставку в Монголию и попытался завязать дипломатические отношения с империей Тан. Захваченную в плен жену уйгурского кагана, китайскую принцессу Тайхэунчжу, дочь императора Сянь-Цзуна из династии Тан, он отправил на родину в 841 году в сопровождении военного эскорта во главе с Дулой Шихе. Очевидно, кыргызы пытались тем самым уведомить танского императора, что власть в степи теперь принадлежит им. Принцесса Тайхэ стала в этот момент важным объектом дипломатической и военной борьбы.

Наибольшую активность в борьбе с кыргызами в это время проявляла группа уйгуров кагана У-цзе, которому удалось перехватить и перебить кыргызское посольство и захватить принцессу Тайхэ. Объявив ее своей женой, У-цзе попытался добиться поддержки и признания у танского императорского двора. Танское правительство, зная о бедственном положении уйгуров, попытались подчинить их своей власти. Когда в ноябре 842 г. в пограничную крепость воеводства Тяньдзецзюнь прибыл от кыргызского кагана посланник Табу Хэцу (Тапу Алп Сол) с письмом, в котором сообщалось, что, не имея сведений о судьбе принцессы Тайхэ, он выслал на ее поиски военный отряд. “Кыргызы отправили генерала Табу Хэцу и других в крепость воеводства Тянь дэ... кроме того, сообщили, что будут переселяться на реку Хэло, чтобы жить на старой территории Уйгурского государства; к тому же им подчинились пять племен – Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дада (татары) и другие”.¹³ Судя по этим сообщениям, кыргызам уже в 842 году подчинялась часть районов Восточного Туркестана, а также татары, обитавшие в Восточной Монголии и к югу от пустыни Гоби, в Приалашанье. Танский двор пытался шантажировать этим фактом уйгурского кагана У-цзе. В послании говорится: “Сейчас кыргызы ненавидят уйгурского кагана. Одновременно с поисками принцессы немедленно планирует начать большую военную кампанию. Объединив различных варваров, предпримут глубокий рейд на юг, вплоть до пограничных укреплений. Сейчас народ кагана голодает, количество войск невелико. Если неожиданно нагрянет сильный враг, то как отразить удар? Только мощь Великой Тан сможет помочь в трудном положении”.¹⁴ Уйгурскому кагану прямо советовали: “Не лучше ли, пока не поздно, подчиниться нашему Великому государству, тогда обеспечите себе безопасность... Если хотите видеть послание кыргызов, то ныне перепишем и отправим вам”.¹⁵ Однако у кагана У-цзе были совсем другие намерения. Он попытался объединить разрозненные силы уйгуров и опереться на помощь империи Тан в войне с кыргызами. Он просил императора о помощи продовольствием и о передаче ему и принцессе Тайхэ крепости Тяньдэ под временную резиденцию. Вожди других групп уйгуров не хотели признавать власти У-цзе. “Уйгурский министр Чисинь, а также... Буку и тегин Наир Чир побуждали народ не признавать У-цзе. Чисинь хотел напасть на китайские пограничные укрепления”.¹⁶ Чисинь и Буку были казнены по приказу У-цзе. Однако подчинить всех уйгуров ему не удалось, поскольку вождь одной из групп Ормузд выразил желание подчиниться танскому императору. Китайцы не хотели иметь у своих границ сильную военную группировку уйгуров, поэтому поощряли раскол среди них, чтобы подчинить небольшими группами. Поскольку У-цзе не изъявил желания подчиниться “... ему (Уцзе) не дали зерна, его народ голодал”.¹⁷ Осенью 842 года уйгуры нарушили границу империи Тан. Причиной военных действий явилось бедственное положение уйгуров,

и также прием в китайское подданство Ормузда, которого У-цзе рассматривал как своего подчиненного.¹⁸ Нападению уйгуров подверглись кочевые племена – вассалы империи Тан. Императорский двор организовал сопротивление, привлекая войска федератов, в том числе подчинившихся уйгуров. Командующий китайскими войсками в районе Ючжоу полководец Чжан Чжун-у “привлек к капитуляции остатки народа Чисиня, а также племена, подчиненные кагану У-цзе, всего более 30 тыс. человек. Они были распределены по различным провинциям”. Активно помогал китайцам Ормузд, принявший китайские имя и фамилию, Ли Сычжун, “неоднократно проникал далеко на территорию уйгурских кочевий, чтобы склонить к сдаче поданных кагана”. Он командовал и военными операциями против У-цзе”. Лю Мянью выделил часть шатосских войск для усиления Ли Сычжуна (Ормузда).¹⁹ Активно сражался на стороне китайцев и одерживал победы другой уйгурский вождь Аявир (Ли Хун-шунь). В войне с У-цзе участвовали и другие вассальные племена: шато, тугухуни, циби, тоба.

Объединенные силы имперских войск под командованием Ши Сюна преследовали их и нанесли решающее поражение у гор Шахушань. Было уничтожено 10 тыс. человек, 5 тыс. попало в плен. Было захвачено все имущество и скот.

После поражения у гор Шахушань каган У-цзе бежал с остатками уйгуров к Хэйчэцзы, одному из шивэйских племен, в район юго-западных отрогов Большого Хингана.

После разгрома У-цзе, император награждал полководцев, в том числе Ли Сычжуна (Ормузда). Однако “его войска были разделены и переданы в различные пограничные генерал-губернаторства (цзеду). Рабы боялись быть зависимыми в получении пропитания от различных губернаторов, (поэтому) восстали, захватили долину реки Хутохэ. Лю Мянью казнил 3000 человек, закопав их живьем.”²⁰ Были расселены по разным провинциям племена уйгурских вождей Панцзюйчжэ, Алтун Нин, Мицзе Кэдунь, Цао Мони и других. Такова оказалась цена предательства.

Хотя уйгурская опасность была, казалось бы, для империи Тан устранена, там, видно, продолжали опасаться уйгуров и заинтересовались возможностью союза с кыргызами. В марте 843 г. в Китай прибыл кыргызский посланник Чжун Хэсу (Чугу Алп Сол) с письмом от кыргызского кагана. Император “Вуцзун, вступивший на престол в 841 году, крайне обрадовался, и посланника, приехавшего с данью из столь далекой страны, поставил выше посланника королевства Бо-хай”.²¹

В ответном письме кагану император Вуцзун выразил удовлетворение по поводу разгрома уйгуров кыргызами. “(Вы) накопили силы за многие годы, воспользовались (неблагоприятным для уйгуров) случаем и поднялись, быстро получили удовлетворение за обиду и раскрыли (нам) сокровен-

ные мысли. Поскольку (теперь) лагерь уйгуров покорен, горы и реки между нашими государствами больше не разделяют (нас). Коль скоро (мы) являемся соседями, то будем (надеяться) на получение дани и посланий". В том же письме император провоцирует кыргызского кагана на полное истребление уйгуров: "Но (мы) все же боимся, что бежавшие снова принесут зло, захотят напасть на вашу границу и снова отомстить. Вы тоже должны серьезно подготовиться, искусно составить хитроумный план и совместными усилиями напасть (на уйгуров) и уничтожить, вырвать их с корнем, чтобы не вызывать последующих бедствий".²² В апреле 843 г. к кыргызскому кагану был направлен китайский посланник Чжао Фань с письмом к хэзэскому (кыргызскому) хану. "В нем говорилось: "Я прочитал грамоту и узнал, что хан родился в селении под созвездием Большой Медведицы (т.е. на севере), жил в холодных степях. (Ваша) мудрость и планы выдающиеся, таланты и стремления полны блеска. (Ваша) мощь потрясает северные страны, слава достигла Северных ворот (китайской столицы)". После этих льстивых слов шли жалобы на уйгуров и призывы уничтожить их. "Уйгуры... бесчинствуют жестоко, зверски обращаются со всеми (нашими) вассальными племенами. (Я) узнал, что Вы из поколения в поколение (с нами) враждуете. Если можно отомстить, уничтожьте их государство и города и станьте государем, прогоните их старейшин в самую далекую пустыню.

У уйгуров осталось войска неполное: тысяча человек. (Они) разбежались во горах и долинам. Коль скоро Вы, хан, питаете (к ним) ненависть, необходимо полностью уничтожить варваров. Если оставить пепел, то непременно возникнут последующие бедствия".²³ По приезде в июне 843 г. кыргызского посланника Бань Ухэ (Ургу Алп) кагану было отправлено новое письмо, в котором указывалось местопребывание уйгуров. Начиналось оно, как обычно, восхвалением. "Хан обладает блестящими способностями, от рождения знает героические планы. Когда вырос, прославился силой, и наконец, установил мир в северных странах, смел с лица уйгурские жилища". Далее шли призывы к окончательному уничтожению уйгуров во всех районах их обитания. "Сейчас уйгурские племена еще не полностью истреблены, живут между туфанами и китайцами. Даже хэйчецзы издавна боятся их силы". Речь идет об уйгурах Турфана, Ганьчжоу, Хэлочуани и юго-западного Хингана. "Ныне уйгуры изменили нашему государству и являются вашими врагами. Необходимо вырвать (их) с корнем, только тогда установится мир. К тому же небо (послало им) гибель, легко на них напасть и захватить.

Вы, хан, должны воспользоваться удобным случаем и скорее уничтожить варваров. До тех пор, пока уйгуры не будут уничтожены, Вы, хан, не можете наслаждаться едой и питьем, а на охоте получать удовольствие. Собираясь в поход, нельзя медлить.

Опасаясь, что остальных, которые покорятся, Вы, хан, не сможете полностью истребить, примите преступников, возьмете беглых чиновников, и это вызовет наше недовольство и породит пограничные инциденты. Это значит кормить ядовитую змею и самому порождать зло.

В прошлом году уйгурский министр и другие говорили китайскому посланнику, что после того, как Ли Цзин взял в плен Сели (хана), в стране имелось только лишь 20-30 человек, и (они) все же возродились.

Еще слышно, что у хэлочуаньских уйгуров ставка не разбита окончательно. (Они) думают о своей родной земле и, конечно, питают мысль о возвращении. Нужно скорее усмирить (племена) этого района, уничтожить (их) без остатка, тогда добьемся успеха и лишим их надежды. Вы, хан, проявляете к ним многолетнюю ненависть, сами являетесь героем эпохи”.²⁴ Эти настоячивые призывы возымели действие, и кыргызский каган выразил согласие выступить против уйгуров, о чем свидетельствует “письмо к сяцзясам”, отправленное в августе 843 г.

“Кроме того (в вашем письме), Вы говорите: “(Мы) хотим устранить опасность (дословно: зло меж двух колонн)”. Это действительно прекрасные слова.

Известно, что уйгуры геройствовали на севере и стали властелинами.

Ныне, Вы, хан, уничтожили их жилища, отомстили за обиду и позор. (Ваши) заслуги превышают прежние, геройская слава потрясла северные страны. Конечно, следует глубоко заняться дальнейшими планами. Разве можно оставлять тлеющий пепел? Хэйчецзы, не рассчитывая на добродетель и силу, осмеливаются сохранять враждебные отношения. Это пренебрежение к Вам, коль скоро они не подчинились. Если это можно терпеть, то что же тогда нельзя терпеть?

Я полагаю, что Вы, хан, (заранее) воспользуетесь их трудными обстоятельствами, пришлете отборную конницу и накажете уйгуров за бегство, накажете хэйчецзы за то, что (они) не сразу подчинились. Добиться (этого также легко), как подобрать утерянное. (Тогда) военные действия больше не возникнут. С этого момента все успокоится.

Еще мы узнали, что нынешней осенью (Вы) хотите переселиться в ставку уйгуров и уничтожить их великое государство. Даже если (Вы) сохраните (свое) старое местожительство, этого будет достаточно, чтобы все иноземцы боялись (Вашего) могущества.

Слышно также, что уйгуры глубоко затаили мысль и все время хотят бежать в Аньси. (Я) полагаю, что, когда Вы нападете, уйгуры непременно разбегутся. Всех нужно перехватить в пути и истребить”.²⁵ Как видно из письма, танский двор стремился использовать военную мощь кыргызов против не только уйгуров, но и против племени хэйчецзы. В то же время китайцы опасались близкого соседства кыргызов, надеясь на то, что они останутся на местах “прежнего местожительства”.

В том же, 843 году, кыргызы возобновили военные действия и вторглись в Восточный Туркестан, вновь захватив города Куца и Бешбалык. Однако это осложнило отношения и едва не привело к военному столкновению с империей Тан. Новое кыргызское посольство во главе с Дидэ Исынаньжу (Тутук Иынанчи), прибывшее в апреле 844 г., получило предложение о совместных действиях против уйгуров в Маньчжурии. Однако кыргызы из ряда заманчивых предложений выбрали наиболее подходящее и нанесли повторный удар по хэлоуаньским уйгурам, вынудив их временно покинуть район реки Эдзин-гол. В 846 (847) году погиб каган У-цзе. По одной версии его убили люди племени хэйцэцзы, подкупленные уйгурским вождем-изменником, Ли-Хун-Шунем (Аявиром), по другой – У-цзе “покорился в округе Ючжоу. Оставшиеся бродили в степи, голодали и замерзали. По принуждению уйгурского министра Мэйшоаньжэ Инанч уйгуры убили У-цзе в горах Цзиньшань”.²⁶

В 847 году умер кыргызский каган, получивший от танского императора титул Цзун-ин Хюн-Ву Чен-мин-хан. Новый каган был удостоен титула Ин-ву Чем-мин-хан.

После гибели У-цзе, оставшиеся уйгуры, численностью около 3 тыс. человек, избрали каганом его младшего брата тегина Эняня и переселились на земли племени си. В 847 году на племя си совершил поход и нанес ему поражение танский полководец Чжан Чжун-у. Уйгуры были вынуждены бежать в земли шивай. Чжан Чжун-у потребовал в 843 году от шивэй выдачи уйгуров, но каган Энянь “с женой Гэ-ду, сыном Ду-сы и другими лицами, всего девять всадников, бежали на запад”, а остальные уйгуры были распределены между семью племенами шивэй.

“Через три дня министр кыргызов Або во главе 70 000 войска, состоявшего из различных племен, пришел со стороны юго-запада от северных границ воеводства Тяньдэ, чтобы взять Эняня и уйгуров. Он нанес сильное поражение народу шивэй, затем собрал всех уйгуров, находившихся у шивэй, и вернул их на север от Гоби.”²⁷ Очевидно, Або с войском был послан кыргызским каганом в помощь Танскому правительству для совместных действий против уйгуров. Возможно, это было то же войско, что совершило до этого поход на реку Эдзин-гол. Кыргызы, совершая далекие походы, надеялись подчинить уйгуров и установить отношения “мира и родства” с империей Тан. Однако китайцы, поощряя вражду кыргызов к уйгурам, опасались их действительного усиления... “Хойху давались грамоты во время их могущества, к счастью, они теперь упали, для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать хягасов”.²⁸ Императорский двор, выдавая “почетные титулы”, надеялся заставить кыргызов признать себя вассалами, а когда это не удалось, стал свертывать отношения, беспокоясь, что они станут “требовать подарков”, вроде 20 тыс. кусков шелка, которые ежегодно выдавались уйгурам.

Танские власти, видя усиление кыргызов, пытались вести двойную игру. Еще в ходе борьбы с У-цзе, при дворе высказывались соображения, что “нам нужно теперь иметь дружеские связи с У-цзе ханом. В 856 и 857 годы танский двор издал два указа “Мнение относительно занятия поста кагана” и “Диплом на занятие поста кагана”, в которых признавал права уйгурского кагана на управление Центральной Азией, игнорируя реальное положение дел. Однако посол, направленный к уйгурам в долину р. Эдзин-гол, не нашел их, так как они откочевали неизвестно куда.

Что касается кыргызских каганов, то, по-видимому, они не пытались удержать под своей властью все земли, куда совершали походы. Уже в 848 г. “вождь одной из групп уйгуров, Пан-лэ, владел Аньси и объявил себя каганом”. В 859-877 годы уйгуры овладели и Бэйтином, откуда их вождь Пу Гу совершил поход на тибетцев. В 875 г. хэлочуаньские уйгуры заняли Приалашанье. Кыргызы продолжали поддерживать отношения с империей Тан, в 860-873 годы кыргызские посольства трижды приезжали к императорскому двору.

В конце IX века вновь кыргызы усиливают натиск на Восточный Туркестан. Они захватывают города Пенчул и Аксу и доходят до Кашгара. По-видимому, вторжение кыргызов изображено на фреске из Кум-Тура. В этой войне потенциальными союзниками кыргызов были тибетцы, также воевавшие с уйгурами. В 904 г. тибетцы и кыргызы совместно с тюрками Ли Кэ-юна вмешались в междоусобицу в самой империи Тан. Однако “Хягас не мог совершенно покорить хойху”.²⁹ Уйгурское турфанское княжество выстояло в этой борьбе. В начале X века возникло уйгурское ганьжоуское княжество. В этот период проявили самостоятельность уйгуры, оставшиеся на территории Монголии. В 908 и 918 гг. они присылали послов ко двору киданьского императора. В 916 и 924 годы киданьский император Елюй Амбагянь совершил два похода в Монголию, где уже не встретил кыргызов, а “вступил в область уйгуров”. По-видимому, истощенные многолетней войной кыргызы не смогли оказать активного сопротивления киданям. “Кыргызское великодержавие” закончилось. Западные границы киданей простерлись до Алтая. Кидани разделили единый кыргызский этнический массив надвое. Часть кыргызов сохранила за собой Саяно-Алтай и северо-западную Монголию. Возможно, что кыргызы попали в зависимость от киданей. Ко двору императоров Ляо “хягасы постоянно присылали посланников и дань”. При “ляоском Тайцзуне западная граница руководила приходом к просвящению людей государства Хягасы”.³⁰ Ряд ученых усматривает следы киданьского влияния в материальной и духовной культуре енисейских кыргызов.

Другая часть кыргызов осталась в Восточном Туркестане. В мусульманских источниках земли кыргызов помещаются в соседстве с токуз-гузами (уйгурами), карлуками, чигилиями. В конце X века эти кыргызы попали в зави-

симось от турфанских уйгуров. “Под управлением государства Гаочан находились многочисленные племена: южные и северные тюцзюэ, большие и малые чигили, ягма, карлуки, кыргызы, барман, геты, урунгу”.³¹ В дальнейшем обе группы кыргызов существовали обособленно друг от друга.

Прощальный дар танского императора кыргызскому кагану (из истории дипломатии государства кыргызов на Енисее)

Со времени образования государства кыргызов на Енисее одной из его важнейших функций стало осуществление внешней политики. Главной целью этой политики на протяжении первых веков существования государства стало сохранение его самостоятельности в условиях постоянной угрозы со стороны центральноазиатских кочевых держав – древнетюркских, сейяньтосского и уйгурского каганатов. Помимо военных мер отстаивания своей независимости, важное значение имели дипломатические усилия правителей кыргызского государства. Одной из форм борьбы за независимое положение было принятие кыргызскими правителями титула кагана, что означало претензию на формальное равенство с тюркским или уйгурским каганом и стремление к гегемонии над кочевыми народами Центральной Азии. В VI – VIII вв. кыргызские правители неоднократно провозглашали себя каганами, что приводило к войнам с тюрками и уйгурами. В результате военных поражений правители кыргызского государства лишались каганского титула, сохраняя титул эльтебер или сылифа, или пицьсье-тегин, ажо, то есть признавали неравноправное, зависимое положение от каганов древних тюрков и уйгуров.

Другими направлениями деятельности кыргызской дипломатии были попытки создания военных коалиций, направленных против господства тюркских и уйгурских каганов, поиск союзников в кочевом мире и установление прямых дипломатических, торговых и союзных отношений с империей Тан и Тибетом.

Кыргызское государство попало в вассальную зависимость от Первого Тюркского каганата в 555 г., вскоре после того, как был разгромлен Жужаньский каганат.¹ Вероятно, кыргызы подчинились могущественному Муханкагану добровольно, учитывая реальное соотношение сил, и тюркскому войску не понадобилось совершать походы в Минусинскую котловину.² Кыргызы были обязаны платить тюркам дань оружием,³ оказавшись в тюркском государстве в таком же положении, в каком сами тюрки были в государстве жужаней. Иногда в качестве дани поставлялись и рабы. Известен случай, когда правитель западной части каганата Истеми преподнес в дар византийскому послу в 569 г. пленницу “из народа кыргыз”.⁴ Зависимое положение кыргызов продолжалось до распада Первого Тюркского каганата в 581 г. Кыргыз

зы не только вернули самостоятельность, но в 583 г. уже вынашивали планы активного военного вмешательства в события в Центральной Азии против господства тюрков.⁵ Однако этим планам не суждено было осуществиться. Несмотря на крушение Восточного Тюркского каганата, кыргызы не смогли должным образом воспользоваться этой ситуацией и сохранить независимость. В 629 г. кыргызское государство попало в вассальную зависимость от Телесского каганата, во главе которого было племя сейяньто или сиров, предков кыпчаков.⁶ Сейяньтоский каган получил право назначать в кыргызских землях “своего гйелифу для верховного надзора”.⁷ Вероятно, этот “гйелифа” – эльтебер был кыргызским правителем, признавшим вассальную зависимость от сейяньтоского кагана. Убедившись в том, что бороться с превосходящими силами центральноазиатских кочевых держав в одиночку бесперспективно, кыргызские правители стали искать сильных союзников. В 632 г. в кыргызские земли прибыло посольство от Танского императора Тайцзуна “с приказом об умиротворении”, которое возглавлял посланник Ван Ихун.⁸ “Приказ об умиротворении” означал предложение признать вассальную зависимость от империи Тан. Однако реализации этого намерения помешала завоевательная политика тюркского Чеби-хана, укрепившегося на Алтае, подчинившего своей власти карлуков и кыргызов. Лишь после разгрома и пленения Чеби-хана танскими войсками в 647 г. путь в Китай был открыт.⁹ В 648 г., получив известие, что все телесские племена покорились империи Тан, кыргызский правитель “Старейшина Сылифа (эльтебер) Шибокую Ачжань лично приехал к Двору”. Император Тайцзун, “угощая его столом, сказал своим вельможам: “В прошлое время на мосту Вэй-цяо отрубили головы трем тукюесцам, хвалившимся множеством заслуг. Ныне Сылифа за столом, кажется, вышел из себя”. Несмотря на неприятный инцидент во время императорского застолья, китайской дипломатии удалось реализовать свой замысел. “Опьяневший Сылифа изъявил желание держать Ху-бань (быть вассалом). Император переименовал его владения областью Гянь-гунь. Сылифа получил военный чин и поставлен главноначальствующим в своей области, которая подчинена яньжаньскому наместнику”.¹⁰ Судя по этим сведениям, первоначально земли кыргызов были включены в дудуфу (наместничество) Яньжань, созданное для управления племенем доланьгэ (теленгитами).¹¹ Однако, по другим данным, император Тайцзун не только пожаловал кыргызского правителя “чином генерала почетной гвардии левой руки (цзотунь вэйцзянь-цзюнь) и должностью генерал-губернатора (дуду)”, но и учредил отдельную область Цзянь-кунь.¹² Впрочем, как отмечали исследователи, признание вассальной зависимости от империи Тан было чисто формальным актом, никакой реальной власти империя в кыргызских землях не имела.¹³ С этого времени начался обмен посольствами между кыргызами и Танской империей. Как отмечено в источнике, до середины VIII в. прибытие кыргызских посольств и

“доставление дани” (дипломатических подарков) к Танскому императорскому двору не прекращалось.¹⁴

В 653 г. кыргызское посольство приезжало в Китай для выкупа своих соплеменников. В ответ на это посольство император Гаоцзун направил на Енисей посланника Фань Цзяна с дарами. В 675 г. кыргызское посольство доставило в Китай лошадей.¹⁵

Внешнеполитическая ситуация для кыргызов в Центральной Азии серьезно осложнилась в 679 г. после успешного восстания тюрков против господства империи Тан и восстановления Второго Восточного тюркского каганата. Против тюрков объединились китайцы, уйгуры, кыргызы, курыканы, татары, кидани и татабы.¹⁶ По-видимому, кыргызскому правителю стало очевидно, что союза с далекой империей Тан недостаточно, и он заручился поддержкой ближайших соседей, телесских племен Центральной Азии. Несмотря на разгром союзной коалиции тюрками в 688 г., кыргызы, которые не участвовали в этом сражении, смогли укрепить свои позиции и возглавить антитюркские силы. После неудачного похода против кыргызов в 693 г. тюркский каган Капаган был вынужден признать за кыргызским правителем Барс-бегом титул кагана и даже попытался заключить с ним династийный союз, выдав за него замуж свою “младшую сестру-княжну”.¹⁷ Однако это лишь на время притупило острейшие противоречия между тюрками и кыргызами, боровшимися за господство над Центральной Азией. В 707 и 709 гг. в империю Тан дважды приезжали кыргызские посланцы.¹⁸ В это время тюрки вели войну с империей и кыргызы оказались в новой антитюркской коалиции с тюргешами, чиками, азами и китайцами. Наибольшую опасность для тюрков в этот период представляли набравшие силу кыргызы. В 709 г. тюркское войско разгромило чиков и азов, захватив Туву и плацдарм для вторжения в кыргызские земли. Барс-бег не решился вмешаться, надеясь на неприступность своих земель за Саянскими горами. Однако зимой 710-711 гг. тюркское войско, совершив обходной маневр, форсировало Саянский хребет и внезапно обрушилось на кыргызов. В результате поражения в Черни Сунга, кыргызское войско было разбито, погиб каган Барс-бег, а “народ его стал рабынями и рабами”.¹⁹ Кыргызское государство было завоевано, в Минусинской котловине были размещены тюркские войска. Однако управление было передано кыргызскому правителю. Уже в 711 г. в Китай прибыло кыргызское посольство.²⁰ Возможно, оно было отправлено еще Барс-бегом до своей гибели в надежде на помощь. В 722 и 723 гг. в Китай прибыло два кыргызских посольства во главе с тегинем Исибо Шэючжэ Биши Сыгинем и тегинем Цзюйли Пиньхэчжун Сыгинем.²¹

В 724, 747 и 748 гг. кыргызы пригоняли в Китай для обмена лошадей.²²

В 731 г. на похороны Кюль-Тегина “от кыргызского хана пришел Чур Тардуш Ынанчу”.²³

Однако, сохранив известную самостоятельность, кыргызы вплоть до падения Второго Восточного Тюркского каганата в 745 г. не участвовали в военных действиях в Центральной Азии. Даже когда в 715 г. у их южных границ восстали азы, они не пришли к ним на помощь, что позволило тюркам легко справиться с восставшими.²⁴

Вновь активно вмешаться в события в Центральной Азии кыргызы смогли лишь после крушения тюркской государственности, когда у них появился новый опасный противник – Уйгурский каганат. В 751 г. кыргызы выступили в союзе с чиками, огузами и карлуками против экспансии уйгурского кагана Моюн Чура.²⁵ Сначала уйгуры разбили чиков и “летучие отряды” кыргызов, а в 758 г. завоевали кыргызское государство, после чего кыргызские посольства “уже не могли проникнуть в Срединное государство”. Кыргызский правитель признал свою вассальную зависимость от уйгурского кагана и принял от него титул “Пицьсье Тунгыё Гинь”.²⁶ Последствия этого поражения для кыргызов были очень тяжелыми. Почти на сто лет были пресечены контакты кыргызской дипломатии с империей Тан, затруднены возможности установления союзных и торговых отношений с другими государствами. Не удивительно, что кыргызы использовали любую возможность для того, чтобы освободиться от уйгурского господства. Одна из таких возможностей представилась в 795 г., когда в Уйгурском каганате произошла смена власти, вместо представителя правящего уйгурского рода Яглакар на каганском престоле утвердился полководец Кутлуг из племени эдизов. Кыргызы не признали власть нового кагана и восстали. Несмотря на сложность ситуации внутри и на границах каганата, Кутлугу удалось нанести кыргызам страшное поражение, такое, что “государственные дела” в кыргызских землях прекратились, а “живых людей” не осталось.²⁷ Конечно, кыргызское государство не было полностью уничтожено, но лишилось самостоятельности на четверть века. Их правитель вновь лишился титула “хан”. В источниках с IX в. он именуется “ажо”.²⁸

Последующий период IX-X вв., вошедший в историю под названием “кыргызского великодержавия”, стал важным этапом в развитии кыргызской дипломатии. “Великодержавию” предшествовала длительная и ожесточенная война с уйгурами, инициатива в которой принадлежала кыргызам. Помимо основательной подготовки, создания военно-административной системы деления войска и народа, подчинения северных таежных племен и других мер военного характера, кыргызы учитывали благоприятную внешнеполитическую ситуацию. Начало войны совпало с ослаблением главного противника – Уйгурского каганата. Были установлены дружеские отношения с карлуками и тибетцами. Кыргызские правители заключили династийные союзы с тюргешами, а после их ухода с исторической арены – с карлуками. Сигналом к войне было принятие кыргызским правителем титула кагана. “Но только что хойху начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать, урж-

денную Туциши, – вдовствующею ханшею, жену, дочь Гэлу-шэчу, ханшею”.²⁹ Одним из проявлений упадка стали междоусобицы и частая смена каганов в Уйгурском каганате. За 20 лет войны на престоле сменилось 7 каганов.³⁰ Почти одновременно с кыргызами усилили натиск на уйгуров тибетцы. В 821 г. тибетское войско вторглось в долину р. Орхон, что едва не привело к гибели уйгурского государства. Однако уйгуры смогли отбиться. Война затянулась на долгие 20 лет. По мере того, как военная удача пришла на сторону кыргызов, Ажо, “надмеваясь победами”, направил уйгурскому кагану знаменитое послание, которое как нельзя лучше характеризует стиль кыргызской дипломатии “эпохи великодержавия”: “Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи”.³¹ В каждой фразе этого послания звучит торжество победителя. Военные неудачи усилили нестабильность власти в Уйгурском каганате. В результате очередной междоусобицы на сторону кыргызов перешел со своим войском уйгурский полководец Гюйлу Мохэ. Дорога на уйгурскую столицу была открыта. Уйгурская армия была разбита, столица взята, каган погиб. Кыргызы взяли в плен его хатун, китайскую царевну Тайхэ из династии Тан. Кыргызский каган перенес свою ставку на “южную сторону гор Лао Шань” в Монголии.³² Стремясь установить дипломатические контакты с империей Тан, кыргызский каган отправил принцессу Тайхэ в сопровождении военного эскорта во главе с Дулюй Шихэ в Китай.³³ Вероятно, он претендовал на прежние привилегии уйгуров. Принцесса Тайхэ стала важным фактором в военной и дипломатической борьбе. Уйгурские и телесские племена бежали от кыргызов по разным направлениям. Одна из групп, бежавшая к границам империи Тан, избрала каганом тегина У Цзе, которому удалось взять в жены царевну Тайхэ. Став таким образом родственником танского императора, У Цзе серьезно надеялся на его поддержку. Однако танское правительство стремилось подчинить уйгуров. Кыргызский каган, не имея сведения о судьбе царевны, выслал на ее поиски военный отряд, а в Китай послал посольство во главе с Табу Хэцзу с письмом, в котором интересовался судьбой Тайхэ.³⁴ Китайцы пытались шантажировать этим фактом уйгуров, которые попытались начать войну с империей Тан, но потерпели поражение. Это усилило заинтересованность китайцев в союзе с кыргызами. В 843 г. произошел самый интенсивный обмен посольствами между кыргызами и китайцами. В марте 843 г. в Китай прибыл посланник кыргызского кагана Чжуу Хэсу. В апреле к кыргызам был отправлен китайский посол Чжао Фань. В июне в Китай приехал кыргызский посол Вань Ухэ. В августе кыргызскому кагану было отправлено письмо императора. Копии императорских писем сохранились в архиве канцлера Ли Дэюя. В письмах императора содержатся настоячивые призывы к кыргызскому кагану напасть на уйгуров, уничтожить их,

“вырвать их с корнем, чтобы не вызывать последующих бедствий”.³⁵ Эти настойчивые призывы возымели действие. В ответном письме кыргызский каган согласился “устранить зло между двух колонн”.³⁶

Однако кыргызы стали действовать по своему усмотрению, в 843 г. кыргызские войска вторглись в Восточный Туркестан и захватили города Аньси и Бэйтин, что едва не привело к войне с империей Тан.³⁷ Прибывшему в 844 г. новому кыргызскому посольству во главе с Дидэ Исынаньшу был предложен “прекрасный план” по совместным действиям против уйгуров в Монголии и Маньчжурии.³⁸ По-видимому, танскому правительству удалось на некоторое время отвлечь внимание кыргызов от Восточного Туркестана. Император Вуцзун направил к кыргызам посла с грамотой, в которой каган был пожалован титулом Цзун-ин Хюн-ву Чен-мин хан.³⁹ Несмотря на заинтересованность в союзе с кыргызами, китайцы опасались их действительного усиления. Поэтому они призывали не принимать покоренных уйгуров, а уничтожать их. Общее мнение чиновников заключалось в том, что “для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать хягасов”.⁴⁰ Кыргызский каган, победитель уйгуров, умер в 847 г.. Новому кагану император даровал титул Ин-ву Чен-мин.⁴¹ В 848 г. новый каган послал войско во главе с министром Або против уйгуров, укрывшихся в землях шивэй. Он нанес поражение шивэйцам, “затем собрал всех уйгуров, находившихся у шивэй, и вернул их на север от Гоби”.⁴² Судя по этому сообщению, кыргызские каганы стремились не истреблять, а подчинить своей власти уйгуров, бывших подданных побежденных уйгурских каганов. Однако, по замечанию китайского хрониста, “хягас не мог совершенно покорить хойху”.⁴³ Воспользовавшись ослаблением натиска кыргызов на Восточный Туркестан, уйгуры смогли создать там свое государство и захватить ряд городов, ранее подчинившихся кыргызам.

Характерные направления внешней политики Кыргызского каганата в “эпоху великодержавия” были вполне традиционными для центральноазиатских кочевых империй: подчинение своей власти всего кочевого населения Центральной Азии, установление контроля над восточно-туркестанским участком Великого шелкового пути. Однако во взаимоотношениях китайцев с кыргызами существовали свои особенности. В дипломатической переписке императоров с кыргызскими каганами встречаются ссылки на давнее родство династии Тан и правящего каганского рода, который, согласно летописной традиции, происходил от китайского полководца Ли Лина, плененного хуннами в I в. до н.э.⁴⁴

Следы интенсивных дипломатических, а также торговых и культурных контактов между империей Тан и Кыргызским каганатом сохранились не только в китайских письменных источниках, относящихся к середине IX в.. В Минусинской котловине обнаружено большое количество танских монет, зеркал, чугуновых отвалов, плугов и других предметов китайского производства. Монет было

завезено так много, что они использовались для местного денежного обращения. На одной из монет была обнаружена кыргызская руническая надпись с обозначением ее достоинства – “одна расходная монета”.⁴⁵

Еще одним свидетельством высокого уровня дипломатических контактов с империей Тан является уникальная находка мраморных табличек с китайскими надписями в окрестностях с. Райково. Как удалось установить Т.Мацумото, эти таблички “ай-сэ” с иероглифическими текстами являлись частью заупокойного подношения умершим императорам или членам их семей из династий Тан и Сун.⁴⁶ На них в стихотворной форме восхвалялись деяния умершего. Таблички, представлявшие большой, связный текст, укладывались в специальный ящик и помещались в могилу умершего. Всего одна надпись могла состоять из 50-и и более отдельных табличек. В Райково было найдено всего 5 табличек с отдельными фрагментами текста: № 6640/1 – “как по названию, так и в действительности, пусть все будет блестящим светом”; № 6640/2 – “накладывая дань (на кого-нибудь), здесь управляем твоей границей и защищаем ее, дым”; № 6640/3 – “вот седьмой год Хянтон Великой династии Тан”; № 6640/4 – “с благодеянием и искренностью пришел, чувствуя нежность, заботясь, не могу (или не можем) не”; № 6640/5 – “(самоотверженно), преподносили тебе свою красоту правдивости, как говорят в свете”.⁴⁷ Перевод текстов содержит важную дату 866 г., упоминания о взимании дани и границе, и несколько фраз, восхваляющих неназванный персонаж. Т. Мацумото полагает, что эти таблички могли принадлежать китайскому губернатору, дуду Минусинской котловины, представителю высших слоев китайского общества.⁴⁸ С таким предположением невозможно согласиться. В середине IX в. Кыргызский каганат находился на вершине своего могущества. Под властью кыргызских каганов находилась вся Центральная Азия, а танский император в своих посланиях восхвалял силу и могущество кыргызов и искал союза. Вряд ли в эти годы он мог послать управлять Минусинской котловиной китайского чиновника, тем более члена императорской фамилии. Если бы такой человек прибыл на Енисей и затем умер, его тело не стали бы хоронить на чужбине, а должны были доставить на родину. Вероятнее всего, эти таблички были адресованы кыргызскому кагану, носившему китайский титул Ин-ву Чен-мин-хан, который умер в 866 г.. Именно ему, как своему отдаленному родственнику, танский император мог преподнести в качестве прощального дара на траурной церемонии ящик с ай-сэ, в которых восхвалялись достоинства кагана, оказав тем самым ему небывалую почесть.⁴⁹ Судя по этому факту, при китайском императорском дворе часть высших сановников сохраняла интерес к военному союзу с Кыргызским каганатом. По некоторым данным, райковские таблички ай-сэ изготовлены из саянского мрамора.⁵⁰ Если это действительно так, то в составе танского посольства должны были быть не только чиновники, но и мастера-камнерезы, выполнившие ра-

боту на месте. Подобным образом Императорский двор снаряжал посольства на похороны тюркского принца Кюль-Тегина и тюркского кагана Бильге, направив скульпторов, приказав “иссечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работой, чего в тукюесском государстве еще не бывало”.⁵¹ Во втором случае было указано “ученому Ли Жун сочинить надпись на памятнике”.⁵² Вероятно, в составе посольства, прибывшего из Китая на похороны кагана кыргызов в 866 г., также были специалисты, призванные изготовить погребальный дар; чего в кыргызском государстве “еще не бывало”. В течение 860-873 гг. кыргызские посольства трижды приезжали ко двору империи Тан.⁵³ Однако в последующие годы дипломатические контакты с Китаем ослабли, поскольку основное внимание кыргызов было направлено на борьбу с уйгурами за Восточный Туркестан. В конце IX в. кыргызские войска совершают новые походы на юг и захватывают несколько городов.⁵⁴ При этом они сохраняли союзные отношения или дружественный нейтралитет с тибетцами и карлуками.⁵⁵

В начале X в. кыргызы в союзе с тибетцами попытались вмешаться в междоусобицу в империи Тан.

После возвышения киданей и образования могущественной империи Ляо, Центральная Азия перешла под их владычество. Кыргызы сохранили свои владения в Саяно-Алтае и Восточном Туркестане, не связанные друг с другом. Вероятно, енисейские кыргызы попали в зависимость от империи Ляо, ко двору которой они “постоянно присылали посланников и дань”.⁵⁶ В последующие века кыргызское государство ослабело, распалось на два княжества – Киргиз и Кэм-Кэмджиут – и не могло противостоять натиску монголоязычных кочевников, киданей и найманов.⁵⁷ Когда в начале XIII в. к границам кыргызских княжеств подошли монгольские войска, князья не решились на борьбу и добровольно подчинились Чингиз-хану. “Они выразили покорность и били челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями”.⁵⁸ В последующие века все усилия кыргызской дипломатии были направлены на лавирование между различными группами монгольских претендентов на престол Великого хана и разными монгольскими улусами.⁵⁹

Кыргызы в начале II тыс. н.э.

События начала II тыс. н.э. на землях, населенных енисейскими кыргызами, очень фрагментарно отражены в источниках. В этот период кыргызы были отрезаны от культурных центров, имевших развитую письменную традицию.

Влияние киданей в кыргызских землях, по-видимому, было ощутимым в X веке н.э. В 30-е годы X в. “западная граница” государства Ляо принимала кыргызов, “стремившихся к просвещению”. Однако уже в середине X века

между кыргызами и киданями уже не было общей границы. Согласно сведениям Махмуда Кашгарского (1072-1089 гг.), кыргызы были самым восточным племенем тюрков и граничили с Китаем. Рядом с ними располагались монголоязычные татары.

В X веке ставка кыргызского правителя была перенесена из Монголии в долину Верхнего Енисея. Она была расположена неподалеку от места расселения племени фури (кори), обитавшего к востоку от кыргызов... и недалеко от них находится город, который называется Кемджикет, там живет хырхыз-хакан”.¹

“От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране; туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них, доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собою деревьями. Из трех дорог одна ведет к тогуз-гузам, на юг; другая – к кимакам и халлухам, на запад; третья – в степь, надо идти три месяца, пока не придешь к большому племени Фури”². Вероятно, разговор идет о курыканах (кури, гули), проживавших в верховьях Ангары и подчинившихся кыргызам вплоть до монгольских завоеваний. Летопись монгольской династии Юань гласила, что племена кули “подчиняются цзи-ли-цзы-сы (кыргызам), и их язык весьма отличается от языка цзы-ли-цзы-сы”.³ Среди западных бурят, живущих по Ангаре, до сих пор имеется род хурхуд, который выходит к этнониму кыргыз (кыргыт) и сохранился со времен кыргызской эпохи.

Вместе с переносом политического центра государства изменилось расселение кыргызских кочевников. Если в IX-X вв. н.э. основная масса кыргызских памятников сосредоточена в Туве, относительно немного их известно в Минусинской котловине, единичные памятники – в Забайкалье, Монголии, на Алтае, в Западной Сибири, в таежной зоне средней Сибири, то в XI-XII веках большинство памятников кыргызской культуры – курганов типа “хыргыстар сууктэр” – находится в долине Среднего Енисея, немного – в Туве и Притомье, единичные – в Монголии и на Алтае.

Политические отношения с империей Ляо затухают. В 976 г. к императорскому двору прибыло кыргызское посольство с подарками.⁴ Империя Ляо в этот период все более втягивалась в войны в северном Китае. Внимание к центрально-азиатским степям значительно ослабло. Здесь широко расселяются монголоязычные племена.

В IX-X века переселяются из Восточной Монголии в Прииртышье племена кумоси (кимаки), создавшие здесь Кимаковский каганат, распавшийся в начале XI в. н.э. Под давлением монголоязычных племен откочевали на запад тюркоязычные кочевники из центральноазиатских степей. Одна из таких миг-

раций произошла в первой половине XI века. “Среди них есть группа (людей), которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они были христианами несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их числа был Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех (новых) пастбищ. Тогда куны переселились на земли шары, а шары ушли в земли туркмен. Туркмены переместились на восточные земли гузов, а гузы ушли в земли печенегов поблизости от берегов Армянского моря”.⁵ Куны, одно из телесских племен Кунь (Хунь), ушли из земель киданей в Джунгарию, а оттуда под давлением каи далее на запад. Это движение способствовало расселению монголоязычных племен в западные районы Центральной Азии. По данным Махмуда Кашгари, в XI веке в степях Джунгарии и Восточного Казахстана обитали “каи, ябагу, татары... У каждого из этих племен свой язык. Вместе с тем хорошо знают тюркский”.⁶ Между кыргызскими землями в Саяно-Алтае и кыргызами в Восточном Туркестане расположились кочевья каи. “Среди них имеется племя, называемое хирхиз, которое весьма многочисленно. Их обиталища находятся на Летнем Востоке. К северу от них расположены степи каи и кимаков, а к западу – (земли) ягма и карлуков”.⁷ Непосредственными соседями “государства кергисов”⁸ в XI веке становятся монголоязычные кочевники.

Соседство с монголоязычными кочевниками способствовало инфильтрации многих новаций в кыргызскую культуру. В XI-XII века в комплексе новаций оружия дальнего боя у кыргызов широко распространяются плоские железные наконечники стрел. В это же время появляются пластинчатые панцири из широких пластин, крепившихся изнутри к матерчатой основе с помощью заклепок. Произошел переход к новой технологии в изготовлении поясной и сбруйной фурнитуры. Предметы сбруи и пояса стали изготавливаться из железа и украшаться серебряной аппликацией.

Централизованная военно-административная система в кыргызском государстве постепенно деградирует. Власть кагана сакрализуется. “У них есть царь, которому они подчиняются, и он осведомлен об их нуждах. Никто не может подойти к нему, пока ему не минет сорок лет”.⁹ Согласно кыргызским законам, правителем мог стать человек, перешагнувший сорокалетний возраст. Децентрализация власти способствует возвышению наместников отдельных областей – иналов. Кыргызские феодалы – беги, лишенные возможности обогащаться в завоевательных войнах, организуют грабительские набеги, часто воюют друг с другом. Судя по кыргызским эпитафиям этого времени, у каждого бега имелась небольшая дружина из сорока профессиональных воинов, соответствующая низовой воинской единице, пополнявшаяся в случае войны или набега ополчением из числа кыргызов. В пределах Кыргызского государства проживали на правах киштымов различные племена

на, обитавшие в Туве (шесть багов в Кешдеме), на Алтае (кыргызская надпись по р. Чарыш с обращением “кешдемим”), в таежной зоне в Саянах, Кузнецком Алатау и северней периферий Минусинской котловины. Согласно сведениям сочинения “Хубуд-ал-алам” (982-983 гг.), киштымы (кестим) – “название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь близка к халлукской, а по одежде они напоминают кимаков”¹⁰. Таким образом, в X в. значительная часть киштымов была оторечена. В кыргызских надписях киштымы (кешдем) отождествлялись с зависимым народом (будун)¹¹.

Другая часть кыргызов в начале II тыс. н.э. обитала в Восточном Туркестане. В ходе военных действий с уйгурами во время “великодержавия” кыргызы неоднократно захватывали города Куча, Беш-Балык, Уч-Турфан и другие. Некоторые города, как например, Пенчул, неоднократно переходили то к кыргызам, то к уйгурам. В мусульманских источниках земли кыргызов помещаются в соседстве с тогуз-гузами (уйгурами), карлуками, чиггями, ягма. В начале X века эта группа кыргызов была отрезана от Монголии в результате киданьского завоевания. С расселением в Прииртышье и Джунгарии племен кан и образованием Кимакского каганата, кан и кимаки стали северными соседями восточно-туркестанских кыргызов. В конце X века эти кыргызы попали в зависимость от турфанских уйгуров. Под влиянием соседей-мусульман, кыргызы утратили часть своих прежних обычаев. “У киргизов в обычае сжигание своих умерших; они утверждали при этом, что огонь очищает и делает их чистыми. Таким был их обычай в прошлом, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых”.¹² Очевидно, к XII веку восточно-туркестанские кыргызы оставили обряд кремации и перешли к захоронению умерших, и в культурном отношении они существенно обособились от енисейских.

В первой половине XII века земли восточно-туркестанских кыргызов подверглись нападению киданьских войск, возглавляемых Елюй Даши. Активный участник войны с чжурчженями, после падения империи Ляо,¹³ Елюй Даши с отрядом бежал на запад, в Приалашанье, затем в Восточный Туркестан. В 1130 г. войско киданей “подошло к границе киргиз: они нападали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (кыргызы) также оказывало им противодействие”. В этих столкновениях кыргызы смогли отстоять свои земли. Поэтому оттуда кидани “тоже двинулись, пока не достигли Имиля”.¹⁴ Когда Елюй Даши удалось подчинить Семиречье, он в 1133 г. “отправил войско на Кашгар и Хотан и покорил их. Затем он послал войско к пределу киргизов, чтобы отомстить за беспокойство, причиненные ими, и взял Бешбалык”.¹⁵ В XII веке районы западной Монголии, включая хребет Эктаг-Алтай, заняли найманы. В середине XII века найманские государи Наркыш-Таян и Эниат-

Каан “разбили племя киргизов”, которое обитало в “области киргизов”, на границе с р. Иртыш и пустыней, сопредельной “со страной уйгуров” Турфана.¹⁶

Продвижение монголоязычных племен все больше оттесняло киргизов Енисея на север. В конце XII века земли енисейских киргизов распадаются на отдельные владения во главе с иналами. Так у некоторых тюркских племен именовался наследник престола. Иногда этот титул в рунических надписях упоминается наряду с термином “хан”. Этот титул входил в состав имён знатных киргизов: Ынал-оге, Огдэм-инал, Шубуш-инал и др. Одним из таких самостоятельных киргизских владений во главе с иналом в конце XII в. н.э. стала Тува (Кем-Кемджиут). В 1199 г. найманский хан Буюрук, разгромленный Чингиз-ханом, бежал “в область Кэм-Кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов”.¹⁷ Это создало реальный предлог для монгольского вторжения.

По мере распада киргизского государства на отдельные княжества их сопротивление внешнему давлению значительно ослабевает. Ко времени начала монгольских завоеваний киргизы уже не располагали единым государством и военной силой, достойной оказать сопротивление монголам.

Происхождение киргизской культуры

Впервые вопрос о происхождении киргизской культуры был рассмотрен С.А. Теплоуховым при классификации минусинских древностей. Выделив в особую VI группу памятников “могильники, известные под названием “чаа-тас”, он отметил, что последние “тесно примыкают” к “своеобразным могилам с бюстовыми масками”, отнесенным к III-IV вв. н.э.¹ По современной терминологии сказанное выше означает, что автор усматривал хронологическую и генетическую преемственность между памятниками тепсейского этапа таштыкской культуры III-IV вв. н.э. и объектами киргизской культуры эпохи чаа-тас VI-VIII вв. н.э.. С.А. Теплоухов отметил сходство между каменными стелами чаа-тасов и столбовыми плитами тагарских курганов, аналогии между таштыкской и киргизской керамикой, наличие одинаковых бронзовых двуголовых пластинок-амулетов в погребениях обеих культур.²

В дальнейшем эта проблема специально изучалась С.В. Киселевым.³ Автор, вслед за С.А. Теплоуховым, отмечает “сильнейшую связь” киргизской культуры “с древней местной культурой”, в частности сходство конструкций тагарских курганов и чаа-тасов, наличие “входа” у оград тагарских, таштыкских и киргизских памятников. С точки зрения С.В. Киселева, “поразительные совпадения” наблюдаются во внутреннем устройстве таштыкских склепов и чаа-тасов, в частности, наличие вертикального частокола из бревен и жердей по периметру могильной ямы, подпорного столба в центре моги-

лы. Особенно близки чаа-тасам, по С. В. Киселеву, “позднейшие таштыкские погребения”, под квадратными каменными выкладками, с квадратной ямой и срубом, содержащие по 1-2 сожжения, сосуды и кости овец и коров. Среди предметов сопроводительного инвентаря обеих культур отмечены аналогии парным головкам животных, обычно, лошадей, фигурок баранов, обложенных золотом, керамикой. По мнению автора, керамика кыргызского поселения у с. Малые Копёны и погребений у с. Тесь “целиком совпадает” с позднетагарской и таштыкской, хотя и отлична от “погребений посуды” в чаа-тасах. Орнамент ювелирных изделий из копенского чаа-таса, согласно С. В. Киселеву, находится “в близком родстве” с тагаро-таштыкским искусством.⁴ Тесную “генетическую связь” между таштыкской и кыргызской культурами подтверждают, по данным автора, “наблюдения над таштыкскими портретными масками, которые фиксируют сложение нового физиономического типа населения”, характерного для кыргызов.⁵ Переход от позднеташтыкских погребений к чаа-тасам, по С. В. Киселеву, совершился в “докудыргинское время” (до V в. н.э.)⁶.

Соображения С. В. Киселева были поддержаны Л. А. Евтюховой, которая усмотрела “глубокие корни” погребального обряда енисейских кыргызов в таштыкских могилах и склепах.⁷ Наибольшую близость кыргызским демонстрируют погребения “переходной стадии” между таштыкской и кыргызской эпохами. Сходство наблюдается в обычае “сжигания покойников”, внутримогильной конструкции, “большом количестве мяса животных”, устройстве наката из березовой коры и насыпей из скальных обломков, привесках “с вырезанными головками животных”, фигурах баранов, обложенных золотой фольгой.⁸

Выводы С. В. Киселева повторил в некоторых своих работах Л. Р. Кызласов. Находки бронзовых пластинок-амулетов и конструкции курганов Сырско-го чаа-таса, доказывают, по его мнению, “несомненную генетическую связь древнехакасской культуры с таштыкской”.⁹ Отмечены автором единые для обеих культур формы сосудов.¹⁰ Позднее Л. Р. Кызласовым был выделен “камышковский переходный этап” таштыкской эпохи, отнесенный к IV-V вв. н.э., когда перестали сооружаться склепы, не соблюдались обычаи сожжения погребальных камер, изготовления погребальных масок и ритуальных миниатюр.¹¹ Согласно мнению автора: “Несомненное генетическое происхождение культуры VI-X вв. от таштыкской доказано С. В. Киселевым весьма убедительно и никем не оспаривалось. Лучшим свидетельством этого служат памятники камешковского этапа IV-V вв., рассмотренные выше. Решается и мнимое противоречие, заключающееся во внешнем различии керамики, встречаемой в позднеташтыкских и древнехакасских погребениях. Во-первых, нами уже указаны формы сосудов VI-VIII вв., явно связанных с таштыкскими в своем происхождении (кубки, банки, круглодонные чашечки, банки

с налепами по венчику и т.д.); во-вторых, применение гончарного круга с VI в. естественно прервало эволюционное развитие позднеташтыкской керамики; в-третьих, раскопки поселения VI-X вв. у с. Малые Копёны доказали, что в быту древние хакасы употребляли лепные сосуды не только таштыкских, но еще и тагарских форм”.¹² Из приведенного текста видно, что к 60-м годам мнение о преемственности между таштыкской и кыргызской культурами прочно вошло в традицию. Много позже Л.Р. Кызласов вывел формулу: “Нет чаа-таса без таштыкского склепа”,¹³ не совсем согласующуюся с его предшествующими высказываниями, согласно которым чаа-тасы появляются путем трансформации “погребений под каменными выкладками,” а не склепов. Пересмотр периодизации таштыкской культуры М.П. Грязновым снял данное противоречие.¹⁴ Раскопки чаа-таса Тепсей XI позволили отметить планиграфическую последовательность сооружения таштыкских склепов и кыргызских курганов чаа-тас.¹⁵ В Михайловском могильнике в лесостепной Ачинско-Мариинской котловине были обнаружены склепы таштыкской культуры, в составе инвентаря которых были “кыргызские вазы”, накладки луков, наконечники стрел, накладки колчанов, характерные для периода раннего средневековья.¹⁶ Значительно обогатились представления о погребальной и поминальной обрядности таштыкской культуры в результате работ Э.Б. Вадецкой.¹⁷ Находки тепсейских миниатюр позволили выделить петроглифы таштыкского времени. Открытие “манекенов” в Оглахтинском могильнике решило вопрос о назначении погребальных масок и “кукол”.¹⁸ Значительно расширились за последние годы представления о погребальной обрядности населения Енисея в эпоху чаа-тас.¹⁹ В отдельных работах предлагалось объединить тесинский этап с таштыкской культурой, объединить поминальники со склепами в одну группу таштыкских памятников, изменить хронологию таштыкской культуры в сторону омоложения вплоть до VI и даже VII века н.э., считать “камешковские каменные выкладки” поминальными объектами, разделить эпоху чаа-тас на два этапа и омолодить ее верхнюю хронологическую границу вплоть до X века н.э.²⁰ Очевидно, что решение вопроса о преемственности таштыкской и кыргызской культур во многом зависит от решения вопросов хронологии обоих культурных комплексов и их интерпретации.

Кыргызская культура в эпоху чаа-тас хронологически непосредственно следует за таштыкской, сохраняя в основном, ту же территорию, за исключением Ачинско-Мариинской котловины и Саянского каньона Енисея, где обнаружены таштыкские, но нет кыргызских памятников VI-VIII вв. н.э.. Сравнимые комплексы представлены преимущественно погребальными памятниками. На тепсейском этапе таштыкской культуры, в III-V вв., они достаточно разнообразны. Среди них большие склепы, курганы с квадратным или прямоугольным котлованом; срубом, состоящим из стен, палатей, пола и потолка, нередко входа; ограды в виде квадратной или прямоугольной стены

из горизонтально уложенных плит, иногда по периметру сруба ставились и вертикальные плиты. Перекрытие склепа состояло из нескольких накатов бревен, каменных плит и земли. Склепы были коллективными усыпальницами, в которых хоронили длительное время. Погребались, преимущественно, кремнированные останки умерших, зашитые внутрь кожаных манекенов с погребальными масками. Инвентарь представлен разнообразными лепными сосудами с тычковым, штампованным орнаментом, наклепными валиками и миниатюрными предметами: пряжками различных форм, амулетами в виде парных голов лошадей, звеньями цепочек, колчанными крючками, костяными наконечниками стрел, деревянными поделками, астрагалами овцы и коровы. Малые склепы имеют более простую конструкцию сруба без пола и входа, ограду из установленных вертикально плит. В них погребены, наряду с сожжениями в манекенах, трупы людей и собранные кости скелетов. Инвентарь представлен керамическими сосудами, пряжками, амулетами. Склепы и малые склепы после заполнения, как правило, поджигались.²¹ Грунтовые могилы имеют прямоугольную, реже квадратную, яму со срубом и перекрытием, внутри которого захоронены сожжения, скопления костей и трупы. Инвентарь представлен керамическими сосудами, украшениями, принадлежностями туалета, лопатками овец и др. Малые склепы и грунтовые могилы в отличие от больших склепов заполнялись одновременно. Обнаружены грунтовые одиночные и парные детские захоронения в каменных ящиках, ямах с перекрытием из бревен и без них.²²

Погребальный ритуал, характерный для таштыкской культуры, был связан с фиксированным сроком захоронения умерших, что определило сложность сохранения трупа, его мумификацию, бальзамирование, сохранение костей скелета, кремацию с воссозданием облика покойного в виде манекена с лицевой маской. Важной особенностью обрядности была вотивность сопроводительного инвентаря, отсутствие мясной заупокойной пищи, обильная погребальная тризна.

Менее вариативным был поминальный обряд. Поминальные ямки с сосудами, мясом овцы и быка и стелы из камня расположены рядами, в каждом из которых имелась яма для остатков тризны участвующих в поминках. Такие ряды присутствуют как рядом со склепами, так и с грунтовыми могильниками, а иногда вне территориальной связи с кладбищами. В поминальных памятниках иногда фиксируются погребения взрослых по обряду трупоположения и трупосожжения, захоронения в сосудах-урнах, могилы детей. Некоторые из них, предположительно, считаются жертвенными.²³ К числу таких погребально-поминальных объектов надо относить так называемые захоронения под каменными выкладками.

Погребальные памятники кыргызской культуры в эпоху чаа-тас, в VI-VIII вв. также разнообразны. Наиболее известны среди них каменные курга-

ны – чаа-тасы, с округлой, под квадратной или прямоугольной ямой, обставленной по периметру стен и перекрытой жердями, стеной ограды из горизонтально уложенных плит, квадратной, округлой, прямоугольной формы, иногда со входом.²⁴ Ограды курганов обставлены по периметру стенами. Конструкцию чаа-тасов, в известной мере, можно считать упрощением архитектуры склепов, но с учетом появления новых необычных деталей – стел. Чаа-тасы содержат в основных могилах по 1-3 скопления кремированных костей погребенных, обилие мяса овец, сосуды, включая гончарные “кыргызские вазы” и лепные горшки и банки, в тайниках – сопроводительный инвентарь, состоящий из железного оружия, деталей сбруи, разнообразных украшений. Эти памятники сооружались и заполнялись единовременно. Можно полагать, что в их конструкции отразилось совмещение погребального и поминального ритуалов, существовавших порознь в таштыкское время.

Вокруг курганов чаа-тас довольно обычны рядовые захоронения по обряду, сожженные в керамических урнах, деревянных ящиках, берестяных туссах, каменных ящиках, ямках, погребения детей и подростков в ямах с сосудами и костями овец.²⁵ Такое социальное и возрастное разграничение обрядности также имеет свои аналогии в памятниках тепсейского этапа таштыкской культуры.

Нередко на кыргызских кладбищах – чаа-тасах хоронились взрослые люди по обряду трупоположения без инвентаря или с минимумом вещей.²⁶ Часто это сопроводительные захоронения в курганах чаа-тас. Эти памятники, возможно, относимые к социально зависимому, иноэтничному слою кыргызского общества – киштымам, в таштыкское время не зафиксированы, что объясняется иным уровнем социальных отношений.

Инвентарные комплексы таштыкской и кыргызской культур существенно различны. Это объясняется стадильностью каждого из них и вотивным характером таштыкского погребального инвентаря. Вопреки расхожему мнению, кыргызская лепная керамическая посуда, представленная в основном горшками и копиями гончарных “кыргызских ваз”, в очень малой степени соответствует тепсейской баночной и котловидной посуде.²⁷ Вероятно, правы исследователи, отмечавшие сильное воздействие на кыргызский керамический комплекс гончарной керамики центрально-азиатского происхождения, однако вряд ли специфика кыргызской керамики в сравнении с таштыкской объясняется только появлением пришлых форм.²⁸ По-видимому, в кыргызское время керамика потеряла свое значение основного исходного материала для изготовления посуды, аналогично деградации керамики в других кочевых культурах раннего средневековья. Существенно отличен от таштыкского набор предметов вооружения, сбруи, поясной фурнитуры, украшений. В эпоху чаа-тас в обиход кыргызских кочевников вошли наборные пояса, удила с железными стержневыми псалиями, стремяна, сбруйные укра-

шения, разнообразный набор оружия. В VIII веке на Енисей была занесена древнетюркская руническая письменность.²⁹ Большинство новаций кыргызской культуры не находит себе непосредственных прототипов в таштыкском инвентаре, а является заимствованным из соседних кочевых культур древних тюрок и уйгуров. Исключение составляют бронзовые амулеты с парными головками лошадей и деревянные скульптуры баранов, обложенные золотой и серебряной фольгой.³⁰ Близки по технике исполнения и стилю таштыкские и кыргызские петроглифы, которые в свое время все считались средневековыми. Не вполне ясно соотношение тамг обеих культур.

Сопоставление комплексов таштыкской и кыргызской культур свидетельствует о том, что совладения затрагивают отдельные элементы конструкции погребальных сооружений, поминально-погребальной обрядности, единичные предметы сопроводительного инвентаря, стиль наскальных изображений. В тоже время различия между культурами распространяются на территорию, состав памятников, характер погребальной обрядности, поминальные ритуалы, социальную стратификацию общества, инвентарные комплексы. Заметно отличен этнографический облик обеих культур. Это позволяло в свое время А.Н. Липскому и Э.Б. Ведицкой усомниться в традиционном представлении об генезисе кыргызской культуры из таштыкской.³¹ Конечно, отчасти наблюдаемые несоответствия объясняются стадийным характером различий, известной обособленностью таштыкской культуры в сравнении с кыргызской, имевшей широкие связи с древнетюркским кочевым миром, политическим и культурным влиянием древних тюрок на кыргызов в период существования каганатов, переселением отдельных групп древнетюркских кочевников в Минусинскую котловину после завоевательного похода Тоньюкука, Могиляна и Кюль-Тегина в начале VIII века н.э.³² В дальнейшем тюркский кочевнический облик кыргызской культуры еще более усилился в результате уйгурского влияния, и завоевания кыргызами Центральной Азии в IX веке.³³

Эволюция кыргызской культуры

При выделении памятников, относящихся к енисейским кыргызам, С.А. Теплоуховым намечены группы средневековых погребений второй половины I-начала II тыс. н.э. Наряду с “каменными курганами” – чаа-тасами, отнесенными к V-VII вв. н.э., выделены “одиночные каменные курганы” с погребениями в сопровождении коня – VII в. н.э. и – “каменные курганы VIII-X вв. н.э.”, в которых встречаются погребения с конем в без коня.¹ К этому времени были отнесены разнообразные предметы торевтики, заимствованный от “согдийцев алфавит “орхонского письма”, каменные изваяния.² К XI-XII вв. были отнесены “плоские могилы” с одиночными трупоположениями,

к XIII-XIV – грунтовые захоронения по обряду труположения.³ В отношении эволюции С.А. Теплоухов прямо не высказывался, однако, связав хронологические группы с определенными историческими событиями, указал на воздействия на местную культуру извне, как: “покорение кыргызов тюрками в VII веке”, контакты с Китаем, уйгурское завоевание в VIII веке, выход кыргызов в Центральную Азию в IX-X вв.⁴ Судя по логике рассуждений автора, эти события послужили причиной трансформации кыргызской культуры в VII-X вв.

Позднее систематизацией кыргызских древностей занималась Л.А. Евтюхова. Автором было выделено 4 типа средневековых погребений.⁵ К VII-VIII вв. н.э. отнесены чаа-тасы и захоронения по обряду трупосожжения под небольшими каменными курганчиками, к VIII-IX вв. н.э. – “узкие длинные могилы” с трупосожжениями и труположениями, к IX в. – погребения с конем.⁶ Л.А. Евтюхова предполагала, что кыргызы в IX в. сменили погребальную обрядность, перейдя от кремации на стороне к ингумации, включая захоронения с конем.⁷ Инвентарь из всех намеченных групп погребений фактически не был хронологически дифференцирован Л.А. Евтюховой, поскольку аналогичные предметы относятся то к характерным типам вещей VII-VIII вв., то к “новым формам IX-X вв.”⁸ С.В. Киселев относил к VI-VIII вв. курганы чаа-тас и курганчики “рядового населения, к IX-X вв. – погребения с конем и захоронения знати по “архаическому обряду сожженья”.⁹ Инвентарь обеих групп охарактеризован суммарно, однако в отдельных случаях автор противопоставляет трехлопастные стрелы VI-VIII вв. плоским, изготавливавшимся, по его мнению, в IX-X вв., “копенский стиль” в торевтике более позднему – “тохтятскому”.¹⁰ Другие исследователи, работавшие на Енисее в 20-30-е годы, В.Г. Карцов и В.П. Левашова, не выделяли в составе средневекового периода отдельных хронологических этапов, описывая эти материалы суммарно.¹¹ Позднее В.П. Левашова поддержала точку зрения о переходе “кыргыз-хакасов” на обряд труположения с конем в IX веке.¹²

Существенные изменения в оценках эволюции кыргызской культуры произошли в 1950-60-е годы, когда в научный оборот были введены материалы из раскопок кыргызских памятников в Туве. Появились некоторые новые данные из Минусинской котловины. Л.Р. Кызласовым было предложено передатировать чаа-тасы вплоть до X века.¹³ На материалах Тувы автором было выделено два этапа кыргызской культуры: IX – X и XI – XII вв.¹⁴ Точка зрения о принадлежности кыргызам курганов с трупосожжением в Туве была поддержана С.И. Вайнштейном, А.Д. Грачом, Д.Г. Савиновым.¹⁵ По началу вызывало сомнение отнесение к числу кыргызских памятников XI – XII вв.¹⁶ Д.Г. Савинову принадлежит мысль о выделении различных вариантов в кыргызской культуре XI – XII вв: “минусинского” и “тувинского”.¹⁷

Во второй половине 70-х годов Л.Р. Кызласов предложил выделить из состава кыргызских древностей три самостоятельные культуры, следующие одна за другой: чаа-гас – V-IX вв., тохтятская – IX-середина X в., аскизская – X-XIV вв.¹⁸ Как видно, хронология существования этих “культур” была значительно изменена в сравнении с прежними представлениями без какой-либо аргументации. Эти предложения были активно поддержаны И.Л. Кызласовым, предложившим именовать памятники X-XII вв. – “малиновским”, а XIII-XIV – “каменским” этапами аскизской культуры.¹⁹ Затем “малиновский этап” был поделен на три периода: эйлиг-хемский, оглахтинский и черновский, при этом оказался смешанным на начало XIII века рубеж малиновского этапа.²⁰ Дробление кыргызских древностей на хронологические отрезки было продолжено Л.Р. Кызласовым в начале 80-х годов, на два этапа в культуре чаа-гас: утинский – VI-VII вв. и копенский – VIII-первая половина IX в.²¹ Ряд исследователей, восприняв первоначальную схему деления Л.Р. Кызласовым кыргызских древностей на две культуры, предлагали свои варианты этого членения. Я.И. Сунчугашев выделил памятники VI-IX и VIII-XII вв.²² М.П. Грязнов предложил объединить в пределах “кыргызского времени” культуры “чаа-гас” – VI-IX вв. и “аскизскую” – X-XII вв.²³ Г.В. Длужневская предположила, что кыргызская культура в Туве в X веке “трансформируется в аскизскую.”²⁴ Позднее она выделила несколько локальных вариантов в кыргызской культуре Тувы, предложив каждому из них свой период существования. Согласно ее точке зрения, бронзовая торевтика с “тохтятской орнаментацией” и железная “аскизского облика” в X-XI вв. в Туве сосуществуют, относясь к различным племенным группам кыргызов, причем “тохтятский орнамент” был воспринят населением Саяно-Алтая от киданей.²⁵ Г.В. Длужневской принадлежит специальная работа, посвященная уточнению названия археологической культуры енисейских кыргызов.²⁶ Вопросы периодизации рассматривались автором данной работы на материалах кыргызских погребальных памятников Минусинской котловины.²⁷ Специально изучались данные о появлении кыргызов в Монголии, Забайкалье, Западной Сибири.²⁸ Для уточнения вопросов хронологии, периодизации, культурной принадлежности, культурно-хозяйственного типа кыргызов был взят в качестве объекта исследования локальный район – долина реки Табат, расположенная на юге Минусинской котловины, где кыргызские памятники находятся в непосредственной пространственной связи друг с другом, что повышает их информативность.²⁹ Проведенный анализ продемонстрировал неоправданность членения кыргызских древностей на обособленные культуры, показал преждевременность “уточненной хронологии” с точностью до нескольких десятилетий. Материалы кыргызской и таштыкской культур не дают оснований для передатировки по аналогии со шкалой восточноевропейских древностей, в которых присутствуют предметы торевтики, выполненные в полихромном стиле. На Енисее

таких изделий нет, исключая Знаменский клад, культурная принадлежность которого не ясна.³⁰ Абсолютная датировка многих комплексов кыргызской культуры основана на аналогиях и привязке к известным историческим событиям. Надежно датированными могут считаться предметы с руническими надписями, поскольку эта письменность могла быть занесена на Средний Енисей тюрками в начале VIII века.³¹ Важным хронологическим рубежом для саяно-алтайских древностей является время распространения кыргызских курганов в Туве в IX веке.³² Общепринята датировка определенных комплексов монгольским временем, ввиду находок в их составе предметов с монгольскими надписями квадратным письмом.³³ В некоторых кыргызских комплексах встречаются дальневосточные монеты различных династий.³⁴ Поэтому можно считать существующую периодизацию кыргызских древностей вполне приемлемой для определения основных этапов эволюции кыргызской культуры. Серьезным пробелом в этой периодизации остается отсутствие данных по периоду позднего средневековья, поиски которых пока не дали результатов. Это ограничивает возможность проследить эволюцию кыргызской культуры до момента ее вытеснения из Минусинской котловины в начале XVIII века.³⁵ Поэтому анализ изменений в кыргызской культуре в настоящей работе охватывает периоды раннего и развитого средневековья – с VI по XIV век н.э. В течение рассматриваемого временного интервала кыргызская культура неоднократно существенным образом меняла свой облик под воздействием внутренних и внешних причин. Каждое изменение соответствует определенному хронологическому характерному типу памятников, либо по наиболее значимому историческому событию, отразившемуся на облике материальной культуры кыргызов.

В эпоху чаа-тас, получившую наименование по наиболее характерному типу памятников, охватывающую VI-VIII вв. н.э., кыргызская культура характеризуется значительным разнообразием культуuroобразующих элементов.³⁶ В наибольшей степени изученными среди них являются погребальные памятники-могильники чаа-тасы, включающие каменные курганы сложной конструкции – чаа-тасы, небольшие “рядовые” каменные курганчики, безкурганые грунтовые захоронения, сопроводительные погребения вокруг курганных насыпей – чаа-тасов, символические захоронения – кенотафы.³⁷ Эти памятники распространены по всей территории Минусинской котловины, от предгорьев Саян до истоков Чулыма, ограничивая территорию кыргызской культуры в VI-VIII вв. н.э.

Наиболее известными памятниками этого времени, обратившими на себя внимание ученых еще в XVIII веке являются курганы чаа-тас. Это объекты со сложным наземным сооружением в виде квадратной, прямоугольной, многогранной, округлой ограды из горизонтально уложенных плит. По сторонам, на небольшом расстоянии от внешнего края стен ограды установле-

и вертикальные стелы. В отличие от стел на тагарских курганах, они не встроены в ограду и поэтому от времени покосились в разные стороны, придавая ргызским кладбищам совершенно своеобразный, необычный внешний вид, получив у местного населения названия “чаа-тас”, “обаа”, “кёзее”. Многие кладбища этого времени также имели собственные названия: “Чаа-тас”, “балыг-бий”, “Кёп-Обаалар”, “Кёп-Кёзее”, Кёзеелиг-хол” и др.³⁸ У наиболее крупных курганов парные стелы вынесены за линию ограды, образуя “сод”. Размеры курганов сильно варьируют: диаметр развала насыпи колеблется от 5 до 40 м, высота насыпей – от 0,3 до 1,3 м. Насыпь образована стичным развалом стен во внутрь и вне ограды. Внутри ограды каменными плитами перекрывались могильные ямы округлой, квадратной и прямоугольной форм. В каждом кургане имелась одна, реже – две могильные ямы. Ямы ям обставлены деревянными кольями, перекрыты накатом из жердей, торый подпирал опорный столб в центре могилы. На дне могилы помещались 1-3 скопления сожженных костей умерших, мясо 4-17 овец, преимущественно задние части туш, сосуды с жидкой пищей. Прах погребенных помещался в могилу в какой-либо емкости: сосуде-урне, берестяном коробе, мешке из ткани или кожи. В некоторых курганах на периферии могильной ямы и под насыпью устраивались тайники с наиболее ценными вещами, зогой посудой, сбруей, украшениями, оружием. Нередко металлические предметы: удила, украшения, наконечники мотыг, сошники, серпы и др. встречаются прямо в насыпи. Если в землеройных орудиях можно видеть средство ббежа, а в отдельных дорогих предметах результат потерь награбленного в гилах, то такие вещи, как: удила, серпы, наконечники стрел, пряслица вполне могли специально помещаться в насыпь строителями чаа-тасов.

Чаа-тасы, несмотря на бедность находок некоторых из них и существенные различия в конструкции и размерах, принято относить к аристократии и “родовой знати”, высшему социальному слою кыргызского общества.³⁹ оставшиеся единовременных кладбищ курганы чаа-тас, как правило, немногочисленны и уступают различным рядовым погребениям.

Рядовые погребения по обряду трупосожжения встречаются под насыпями небольших, округлой формы каменных курганчиков, диаметром 1-6 м, сотой – 0,1-0,5 м, под полами насыпей курганов чаа-тас и в грунтовых сках. Они содержат по 1-2 скопления сожженных костей умерших в могилах, ны которых изредка укреплены кольями, реже – каменными плитами. Прах погребенных помещался в керамические сосуды-урны, берестяные короба, явянные ящики, каменные ящики, в мешочки из ткани. Сопроводительный инвентарь, мясо овец и сосуды в большинстве случаев отсутствуют.⁴⁰

В зависимости от возраста, по разному хоронили кыргызы детей и подростков, но всех – по обряду ингумации. Они погребены под насыпями небольших курганчиков, до 1,5 м в диаметре и 0,2 м высоты, под полами насы-

пей курганов чаа-тас, в грунтовых могилах. Погребенные лежат в могильных ямах, перекрытых плитами. Дети до трех лет захоронены без сопровождения либо с 1-2 сосудами, дети и подростки 3-15 лет погребены с 2 сосудами и мясом овцы.⁴¹ Изредка детские погребения встречаются одиночно. Если возрастная дифференциация погребального обряда кыргызов устанавливается достаточно определенно, то различия в захоронении мужчин и женщин не улавливаются.

Иногда на площади кыргызских кладбищ встречаются курганы без погребений или пологие насыпи со стелами, в могильных ямках которых обнаружены черепа лошадей. Предположительно они могут быть отнесены к символическим захоронениям – кенотафам.⁴²

Другой вид памятников эпохи чаа-тас – поселения – изучены недостаточно полно. Большинство из известных к настоящему времени поселений представляет собой развешенные дюнные стоянки – временные летние и зимние поселения скотоводов.⁴³ На поверхности жилой территории встречаются обломки кыргызской гончарной и лепной керамики, железные предметы вооружения, сбруи, инструменты, украшения. На некоторых памятниках встречены следы железодельного производства: горны, печи, железоплавильни, шлаки.⁴⁴ Известно одно поселение с культурным слоем мощностью до 0,3 м. Находки на Малокопенском поселении представлены, преимущественно, фрагментами керамики, обломками костей овец, лошадей, коров. Есть основания предполагать наличие следов жилищ округлой формы типа юрт.⁴⁵

Отдельные исследователи предлагают относить к эпохе чаа-тас дольневременные “храмовые” постройки и фортификационные сооружения, например, “тувинскую стену” – “Омай-тура” на юге Минусинской котловины.⁴⁶ Раскопки данного сооружения убедительно продемонстрировали ошибочность такого предположения, поскольку это укрепление использовалось для обороны Саянского каньона Енисея с севера.⁴⁷

К эпохе чаа-тас относятся и другие виды памятников: петроглифы, тамги, рунические надписи, клады.

Весьма разнообразен предметный комплекс материальной культуры кыргызов в эпоху чаа-тас.

Наиболее характерна для этого периода гончарная керамика, вошедшая в литературу под названием “кыргызские вазы”. Как удалось установить Л.А. Евтюховой, вазы формовались из спирально скручивающейся ленты с последующей доработкой, прикреплением дна и горловины.⁴⁸ Вазы различаются по форме. Большинство из них представляет собой плоскодонные, с яйцевидным туловом и узкой невысокой горловиной и отогнутым венчиком сосуды. Встречаются бутылки с яйцевидным туловом и очень узким горлышком и шаровидные сосуды. Кыргызские вазы орнаментировались цилиндрическим штампом, с помощью которого наносились пояски елочного орна-

мента. Предназначались они, вероятно, для хранения вина, которое, согласно летописи, кыргызы “квасили из каши”.⁴⁹ Гончарная посуда, по всей вероятности, была завезена на Енисей из Центральной Азии еще на тепсейском этапе таштыкской культуры, а в эпоху чаа-тас широко создавалась самими кыргызами, о чем свидетельствуют асимметрия многих сосудов, примесь в тесте щебня, мелкой гальки, характеризующие домашнее производство. Помимо гончарной, у кыргызов широко использовалась лепная керамика: вазы, горшки, бокалы. Нередко встречаются вместительные тарные сосуды-хумы, которые использовались и в качестве погребальных урн. Кыргызская знать пользовалась дорогой металлической посудой, золотыми и серебряными кувшинами и кружками, блюдами. Иногда встречаются привозные лаковые чашечки.⁵⁰

Предметы вооружения в кыргызских памятниках эпохи чаа-тас сравнительно немногочисленны. В чаа-тас обнаружены коленчатые однолезвийные кинжалы, железные трехлопастные наконечники стрел ярусного, удлиненно-треугольного, удлиненно-ромбического, удлиненно-шестиугольного и вытянуто-пятиугольного типов, берестяные колчаны. К этому периоду относятся двулезвийные мечи, наконечники копий, боевые топоры, панцирные пластины, обнаруженные на развеечных поселениях.⁵¹

Сбруя представлена двусоставными удилами, иногда с витыми венями, с кольчатыми или двукольчатыми окончаниями, с эсвидными стержневыми псалиями и стремянами с широкой подножкой, округлой или пластинчатой петлей. К сбруе относятся разнообразные уздечные седельные бляшки. Многие из них орнаментированы растительным или зооморфным орнаментом. В состав сбруйных ремней входили подпружные и уздечные пряжки и бубенцы.

Пряжки и накладки являлись необходимыми элементами наборных поясов, которые вошли в обиход у мужчин-воинов. Кыргызы, как женщины, так и мужчины, носили серьги. В качестве женских украшений носились бусы, браслеты, монеты. Сохранившиеся с таштыкских времен бронзовые амулеты с парными головками или схематическими фигурками лошадей носили мужчины.⁵²

Деревянные фигурки баранов, обложенные золотой, серебряной и медной фольгой служили, вероятно, как и в таштыкское время, символом обильных стад, сопровождающих умерших в загробный мир.⁵³

В насыпях курганов чаа-тас встречаются землеройные орудия: чугуные сошники, костяные мотыги, железные серпы, железные наконечники заступов.⁵⁴

На развеечных поселениях эпохи чаа-тас попадают бытовые инструменты: железные черешковые ножи, шилья, булавки, оселки, пряслица из стенок гончарных и лепных сосудов, куранты зернотерок, жернова ручных мельниц.⁵⁵

В инвентарном комплексе эпохи чаа-тас отражены существенные изменения в материальной культуре населения Минусинской котловины в сравнении с таштыкским временем. Наиболее значителен круг заимствований извне в области вооружения, сбруй, сбруйной и поясной фурнитуры, украшений, металлической посуды. Практически все перечисленные инновации привнесены на Енисей из тюркского кочевого мира или из Центральной и Восточной Азии посредством тюрков. От тюрков кыргызы переняли руническую письменность и обычай создания посмертных эпитафий. Устойчивое влияние древнетюркской культуры на кыргызскую неудивительно в свете неоднократного покорения кыргызского государства тюркскими каганами – расселения тюрков в Минусинской котловине в VIII веке, династические узы правящих родов тюрков и кыргызов.⁵⁶ Вместе с тем “тюркизацию” кыргызской культуры вряд ли следует рассматривать как односторонний процесс механического заимствования периферией культурных достижений центра историко-культурного региона. Правильнее представлять данную фазу культурогенеза в качестве слияния из отдельных родственных культур в общий историко-культурный феномен за счет интенсификации культурных контактов разных групп кочевников внутри тюркских государственных образований. Местная кочевая знать, подчинившаяся тюркским каганам и вошедшая в военно-административную систему каганата, быстро переориентировалась на престижные элементы военно-дружинной культуры: титулатуру, комплекс вооружения, нарядную сбрую и пояса, дорогую посуду, способ запечатления своих подвигов в надгробных эпитафиях. Можно полагать, что после завоевания кыргызских земель и расселения на них тюрков в VIII веке, тюркская военная знать временно оттеснила кыргызскую аристократию от управления государством, а после падения II Восточнотюркского каганата, натурализовалась среди кыргызов, привнеся в местную культуру свои традиции.⁵⁷

Сложнее говорить об уйгурском влиянии на кыргызов в эпоху чаа-тас, поскольку уйгурские памятники еще недостаточно изучены. По всей вероятности, уйгуры смогли совершить успешный военный поход в Минусинскую котловину лишь в самом конце VIII века в правление кагана Кутлуга. С этого времени отмечается определенное влияние уйгурской орнаментации на кыргызскую и минусинско-тюркскую торевтику.⁵⁸ Для чаа-тас такие заимствования менее очевидны. Можно полагать, что распространение сложной растительной орнаментации, восточноазиатских и ирано-согдийских сюжетов в торевтике, своеобразие в оформлении профильных изображений животных связаны уже с периодом существования уйгурского каганата. Не исключено, точнее, согдийское, через посредство уйгур, влияние на фортификацию глинобитных сооружений Минусинской котловины. В то же время, между уйгурской и кыргызской гончарной керамикой сравнительно мало общего, в особенности в орнаментации.

В эпоху чаа-тас кыргызы эпизодически осуществляли непосредственные контакты со странами земледельческой цивилизации Восточной и Средней Азии, совершая посольства ко двору империи Тан, пригоняя лошадей для обмена, отправляя торговые караваны в Тибет, Восточный Туркестан и Согд.⁵⁹ Какие-то предметы восточноазиатского производства могли попадать на Енисей вследствие дипломатических даров и торговли, в частности, изделия танских торевтов, лаковая посуда, монеты. Однако эти контакты не могли быть достаточно регулярными из-за дальности расстояния и политической зависимости кыргызов от тюрок и уйгуров.

Погребальные памятники эпохи “великодержания” очень разнообразны. Наибольшее число кыргызских курганов IX-X вв. в настоящий момент изучено в Тыве.

Наиболее характерным типом могильных сооружений этого времени являются курганы хыргыс-ур, со стеной-крепидой по периметру, каменной насыпью и стелой подле кургана. Под насыпью в неглубоких могильных ямках погребались – 1-2, реже – 3-4 скопления сожженных костей умерших, мясо овцы, коровы, лошади, иногда – целая туша, и сосуды с жидкой пищей. Мужские захоронения богаты инвентарем: предметами вооружения, сбруи, поясного набора. На стелах бывают нанесены изображения тамг и тексты эпитафий руническим письмом.⁶²

Наряду с курганами хыргыс-ур, кыргызы в эпоху великодержавия сооружали кольцевые каменные насыпи, в основании которых иногда прослеживается стена-крепида, с захоронениями по обряду сожжения, рассыпанными на горизонте.⁶³ Такие сооружения известны у коренного населения Минусинской котловины под названием “хыргыс суук-тэр”. Подобная конструкция надмогильных сооружений станет наиболее распространенной с начала II тыс. н.э.

В IX-X вв. встречаются курганы с крепидой, являющиеся упрощенной модификацией курганов хыргыс-ур, в которых, наряду с погребениями по обряду трупосожжения, находятся отдельные предметы вооружения и сбруи.⁶⁴

В указанный период известны объекты с округлой или овальной насыпью, под которой находилось несколько погребений в ямках по обряду сожжения, погребения с сожжением в каменных ящиках, захоронения женщин и детей по обряду трупоположения.⁶⁵

В отдельных районах, преимущественно на периферии Минусинской котловины, зафиксированы погребения по обряду трупосожжения в небольших грунтовых ямках без насыпи, с предметами вооружения и сбруи.⁶⁶

В Приобье к кыргызской культуре принято относить земляные курганы с погребениями по обряду трупосожжения в неглубоких овальных ямах и на

горизонте с предметами сбруи, вооружения, украшениями, керамической посудой, характерной для данного района.⁶⁷

Встречаются небольшие каменные курганы с крепидой, в могильных ямках которых отсутствовали погребения, но находились отдельные предметы вооружения, сбруи, детали пояса, кости овец. Это символические захоронения – кенотафы. Есть курганы вообще без находок, “ложные” или “меморативные”.⁶⁸

Детей в IX-X вв. кыргызы продолжали хоронить по обряду труположения с сосудами, отдельными предметами и без вещей под насыпями небольших курганчиков в ямках, под насыпями больших овальных и округлых курганов в ямках, в насыпях курганов хыргыс-ур.⁶⁹

Весьма разнообразна погребальная обрядность иноплеменного населения, оказавшегося на землях расширившего свои границы Кыргызского каганата. В IX-X веках достаточно обширен ореол распространения древнетюркских погребений с конем. Встречаются древнетюркские кенотафы с манекеном вместо скелета умершего. Сравнительно редки погребения по обряду трупосожжения с сожжением коня, вероятно, также древнетюркские, но включавшие кыргызскую погребальную обрядность.⁷⁰ В это время известны уйгурские захоронения со шкурой коня. На периферии кыргызского каганата, за пределами основных земель расселения кыргызов, преобладают захоронения местных племен. Наиболее компактно кыргызы в этот период населяли Туву, сравнительно немного их памятников в Минусинской котловине. На остальных территориях кыргызские погребальные памятники единичны.

Поселения эпохи “великодержавия” изучены в Минусинской котловине. Это летние и зимние стоянки скотоводов-кочевников, лишенные культурного слоя. На поверхности жилой территории встречаются обломки керамики, железные предметы вооружения и сбруи, бронзовые предметы торевтики, монеты, кости домашних животных.⁷¹ На некоторых поселениях зафиксированы следы металлургического производства. К этому периоду, по данным Л.Р. Кызласова, должны относиться остатки глинобитного сооружения на р. Уйбат, определенные как “замок-дворец” кыргызского кагана.⁷² Вокруг “замка” отмечены следы поселения. К этому периоду относятся и отдельные фортификационные сооружения.

К эпохе великодержавия относится большая часть кыргызских рунических надписей и сопутствующих им тамг, наскальные рисунки, клады.

Предметный комплекс кыргызской культуры в эпоху великодержавия включал разнообразные предметы.

В курганах IX-X вв. встречается, хотя и очень редко, гончарная и лепная керамика. Это “кыргызские вазы”, лепные горшки и банки.⁷³ Применялись кыргызами металлические, серебряные и бронзовые кувшины с носиком,

кувшинчики на поддонах, кружки, ковши, чарки. Дорогая серебряная посуда попадала к кыргызам в результате грабежа уйгурских кочевий и городов и торговли с государствами Средней Азии.

Весьма разнообразен по видовому и типологическому составу комплекс кыргызского вооружения в эпоху великодержавия: палаши, сабли, копья, боевые топоры, кинжалы, луки, трехлопастные, четырехлопастные, двулопастные, плоские, трехгранно-трехлопастные, четырехгранно-четырёхлопастные, трехгранные и четырехгранные наконечники стрел, колчаны, чешуйчатые панцири и кольчуги.⁷⁴

Сбруя включала двусоставные удила с одно- и двукольчатыми окончаниями, эсовидными и изогнутыми псалиями, стремяна с округлой или глас-тинчатой петлей. Седельные и уздечные ремни богато украшались бронзовыми, иногда с позолотой, накладками с разнообразным орнаментом.⁷⁵

Пряжки и накладки входили в состав наборных поясов. Из украшений известны также серьги, бусы, монеты. К этому времени относится большая часть танских монет на Енисее. На некоторых из них есть рунические надписи. Высказано предположение об использовании танских монет для денежного обращения в Кыргызском каганате.⁷⁶

В кыргызских комплексах встречаются железные ножи, напильники, долота, серпы, косы. К этому же времени, вероятнее всего, относятся лемехи и отвалы танских плугов.

Характер погребальной обрядности и инвентарный комплекс IX-X веков отражают изменения в кыргызской культуре этого периода в сравнении с эпохой чаа-тас. В литературе отмечалась генетическая связь курганов хыргыз-ур с чаа-тасами. Действительно курганы с крепидой по периметру насыпи и одиночной стелой или без нее зафиксированы в отдельных случаях в составе могильников VI-VIII вв. Их можно рассматривать как упрощение надмогильных конструкций курганов чаа-тас, произошедшее, вероятно, под влиянием тюрок. В IX-X веках более простыми стали и внутримогильные конструкции. Из округлой или овальной могильной ямы они превратились в неглубокие ямки. Изменился, хотя и не сразу, и сам обряд. Реже в могилу стали помещать заупокойную пищу, зато возросло количество инвентаря. Эти изменения связаны с военизацией жизни, возросшим передвижением населения в ходе завоевательных походов. Для обеспечения нужд длительной войны резко возросло и дифференцировалось производство оружия. В обиход кыргызского населения широко вошла богато орнаментированная поясная и сбруйная фурнитура, перенятая у побежденных уйгур. Награбленные и полученные в результате торгового обмана предметы роскоши частично осели в погребениях. Кыргызская культура в IX-X вв. значительно расширила возможности непосредственных контактов с земледельческими странами. Заметно расширился ввоз иноземных вещей. Кыргызские каганы, подобно пра-

вителям других кочевых держав, пытались путем ввоза танских земледельческих орудий и монет стимулировать местное земледелие и ввести денежное обращение. С помощью чужеземных строителей была предпринята попытка градостроительства. Эти меры, преследовавшие, в основном, фискальные цели, не учитывали реальных возможностей кочевого общества и не привели к изменению культуры. Напротив, в сравнении с эпохой чаа-тас кыргызская культура IX-X веков приобрела гораздо более “общекочевнический характер”, утратив былую провинциальную обособленность. Инвентарный комплекс в кыргызской культуре малоспецифичен в сравнении с культурами тюрок, кимаков и других кочевников конца I тыс. н.э. в Саяно-Алтайском историко-культурном регионе.

В последующую эпоху, получившую наименование по основному типу памятников “хыргыс сууктэр” или, как мы называем, “сууктэр”, охватывающую XI-XII вв. н.э., памятники кыргызской культуры распространены, преимущественно, в Саяно-Алтае.⁷⁷ В отличие от предшествующего времени, их немного в Туве, но значительно больше в Минусинской котловине. На Алтае и в Красноярском районе такие памятники единичны.

Наиболее характерны для данного периода курганы типа “хыргыс-сууктэр”; с кольцевой насыпью, в основании которой иногда прослеживается стена-крепида. Очень редко близ насыпи устанавливалась вертикальная стела. Под насыпью на горизонте рассыпаны остатки погребального костра: сожженные кости человека, железные детали сбруи, оружие, украшения. На горизонте встречаются остатки тризны, в основном, кости овцы и лошади.⁷⁸ В отдельных курганах зафиксированы скелеты собак и кости ног, возможно, шкуры коней. Очень редко встречаются аналогичные бескурганые захоронения в ямках.

В составе могильников XI-XII веков обнаружены курганы, аналогичные курганам “сууктэр”, но не заключающие следов погребений. Под насыпями, на горизонте обнаружены отдельные железные предметы. Вероятно, это символические захоронения, кенотафы.⁷⁹

Изредка в могильниках эпохи “сууктэр” встречаются кольцевые курганы, под насыпями которых в могильных ямах находятся захоронения детей по обряду трупоположения, в сопровождении отдельных железных предметов.

Кыргызские могильники эпохи “сууктэр” представляют собой сравнительно немногочисленные, по 5-10 объектов, кладбища воинов-дружинников, вытянутых в цепочку по гребням и увалам холмов.

В некоторых из них присутствуют небольшие поминальные курганчики с округлой насыпью, сопутствующие курганам “сууктэр”. В составе кыргызских могильников встречаются захоронения иных этнических групп: киштымов по обряду трупоположения в каменных ящиках под кольцевыми насыпями.

ми, потомков уйгуров в ямах, разделенных каменной стенкой, по обряду труположения со шкурой коня.⁸⁰

Поселения эпохи “сууктэр” изучены на территории Минусинской котловины. Преимущественно, это летние и зимние стоянки кочевых скотоводов без культурного слоя. На поверхности площади поселения встречаются железные предметы вооружения, сбруи, ножи, пряжки, бляшки, накладки, кости домашних животных.⁸¹ Встречаются поселения со следами железнотельного производства. К эпохе “сууктэр” принято относить крепости-убежища на вершинах и увалах гор, куда население окрестных мест скрывалось в момент военной опасности.⁸² Эти памятники лишены культурного слоя и слабо поддаются датировке. Вблизи некоторых из них обнаружены курганы эпохи “сууктэр”, что позволяет предполагать синхронность сооружения обоих видов объектов. В литературе есть упоминания, что “замок” в долине р. Уйбат функционировал и в начале II тыс. н.э.⁸³

Высказывалось предположение об утрате кыргызами рунической письменности в XI-XII веках.⁸⁴ К эпохе “сууктэр” относятся изображения тамг на каменных стелах в Минусинской котловине и Туве. Нет ясности относительно создания в этот период наскальных изображений. Возможно, к этому периоду относятся клады предметов защитного вооружения.

Большим своеобразием в сравнении с предшествующей эпохой отличается предметный комплекс кыргызской культуры XI-XII вв. н.э.

В курганах этого времени практически отсутствует керамика. Известен лишь один случай обнаружения фрагмента лепного сосуда. По-видимому, деградация керамики, характерная для всех кочевых культур, завершилась в кыргызской культуре в начале II тыс. н.э.. Взамен керамической стала шире применяться металлическая и кожаная посуда. Известны отдельные находки привозной и награбленной в военных походах серебряной посуды.

Произошли изменения в комплексе вооружения. В XI-XII веках кыргызские воины пользовались палашами, саблями, копьями, боевыми топорами, кинжалами, луками, стрелами с трехлопастными, плоскими, трехгранными, четырехгранными, ромбическими, прямоугольными наконечниками, колчанами, чешуйчатыми и пластинчатыми панцирями, шлемами.⁸⁶

В составе сбруи представлены удила со стержневыми, пластинчатыми, кольцевыми псалиями, стремена с пластинчатой петлей без перехвата и прорезным отверстием для путлища в дужке. Существенно преобразилась поясная и сбруйная фурнитура. Изменения связаны с переходом к новой технологии изготовления предметов торевтики, к ковке по железу с серебряной аппликацией. Пряжки, накладки, тройники, подвески, псалии, оковки седел стали украшаться геометрическим орнаментом, соответствующим возможностям новой технологии.⁸⁷

Из личных украшений в курганах “сууктэр” встречаются серьги, бусы, сунские монеты. На памятниках обнаружены находки железных ножей, булавок, игл, пинцетов, кресал, напильников, молотков, наконечников лопат и др.

Изменения фиксируются по сравнению с предшествующей эпохой как в погребальной обрядности, так и в инвентаре. Курганы “сууктэр” подобны кыргызским курганам эпохи великодержавия с кольцевой насыпью и захоронением на горизонте. В IX-X веках существовали также бескурганые захоронения, погребения детей по обряду трупоположения, кенотафы. Изменения коснулись формы насыпей и состава инвентаря. Повсеместно исчезла керамика и произошел переход на железную торовитку.

Эти перемены носят стадиальный характер. В составе вооружения произошла универсализация многих типов оружия, связанная с интенсификацией конного боя. Переоформление и изменения в орнаментации предметов торовитки были обусловлены технологическими причинами, носящими стадиальный характер, связанными с развитием и совершенствованием железоделательного ремесла, освоением приемов поверхностной таушировки.⁸⁸ На облике кыргызской культуры эпохи “сууктэр” мог сказаться разрыв традиционных связей со странами земледельческой цивилизации Восточной и Средней Азии из-за завоевания и расселения в Центральной Азии киданей и других монголоязычных племен. Кыргызские комплексы с железной, апплицированной серебром, торовиткой трудно сравнивать с материалами других культур, ввиду плохой сохранности железных предметов в погребениях по обряду трупоположения. Поэтому вопрос об истоках новых традиций в художественной обработке металла пока нельзя считать решенным.

В монгольскую эпоху, названную по важному историческому событию в истории кыргызов в XIII-XIV веках⁸⁹ – подчинению кыргызских княжеств Чингиз-хану и вхождению в состав монгольской империи, памятники кыргызской культуры сосредоточены в Минусинской котловине.⁹⁰ Высказывалось мнение о наличии единичных погребений кыргызов монгольской эпохи в Туве.⁹¹

Погребальные памятники этого времени однотипны с курганами “сууктэр”, с пологой кольцевой каменной насыпью и погребением по обряду трупосожжения на горизонте. В захоронениях встречаются остатки тризны, в виде обломков костей животных, железные предметы вооружения, сбруи, бытовые предметы.⁹²

Погребальным памятникам иногда сопутствуют небольшие поминальные курганчики без находок. Разнообразны погребения киштымов в курганах и грунтовых могилах.

К монгольской эпохе на Енисее относят клады из серебряных сосудов, аналогичных часовенногорскому кубку на поддоне.⁹³

Поселения монгольской эпохи малоизвестны ввиду слабой дифференцированности инвентарных комплексов, включавших предметы бытового

назначения, от материалов предшествующего времени. На развеечных поселениях кочевых скотоводов иногда встречаются железные удила, псалии, накладки, оковки седел с характерным геометрическим орнаментом, железные крючья, двузубые вилочки, серьги монгольского типа.⁹⁴ По всей вероятности, эти памятники надо относить к летним и зимним стойбищам кочевых скотоводов.

Предметный комплекс кыргызской культуры в монгольскую эпоху малопецифичен в сравнении с предшествующим временем.

Керамика в памятниках полностью отсутствует. Изредка встречается дорогая привозная серебряная посуда.⁹⁵

В составе комплекса предметов вооружения можно выделить наконечники стрел: плоские асимметрично-ромбические, секторные томары; ромбические боеголовковые; четырехгранные удлиненно-треугольные и боеголовковые. Применялись в монгольскую эпоху и другие виды оружия, палаши, кинжалы. В курганах найдены обломки панцирных пластин. К монгольскому времени относятся двусоставные удила с кольчатыми и пластинчатыми псалиями; стремена с прорезью в дужке, накладки сбруи, начельники, оковки седел, застежки, пряжки, пробой с кольцами для тороков, заклепки, обоймы. Своеобразна орнаментация вещей.

Из других предметов известны ножи, шилья, крюки, вилочки, кресала, гвозди.⁹⁶ Очень редки монеты монгольских династий.

Изменения в кыргызской культуре монгольского времени мало затронули погребальную и поминальную обрядность. Кыргызские курганы этого периода аналогичны по форме предшествующим объектам эпохи "сууктэр", отличаясь некоторой уплощенностью насыпи, меньшим числом объектов в могильнике. Нередко такие курганы встречаются одиночно. Заметно уменьшается в сравнении с эпохой "сууктэр" общее количество памятников. В инвентарном комплексе новаций сравнительно немного. Изменения коснулись оформления и орнаментации железных деталей сбруи. Уменьшился видовой и типологический состав оружия.

Более явственно изменилось соотношение между кыргызскими и кыштымскими памятниками в Минусинской котловине. Последние заметно увеличиваются количественно, дифференцируются по погребальной обрядности, включают разнообразный сопроводительный инвентарь. Некоторые из них содержат дорогую серебряную посуду и украшения седла.

Отсутствуют следы заметного влияния на кыргызов монгольской культуры. Этот факт и ограниченный круг новаций трудно понять, учитывая изменение политической ситуации в Саяно-Алтае, вхождение кыргызских земель в состав монгольской империи.

Вероятно, ограниченный характер изменений связан с удаленным, периферийным положением Минусинской котловины в составе монгольского

государства. Упадок и ослабление кыргызской культуры не были катастрофическими ввиду добровольного подчинения кыргызских князей монголам. Однако участие кыргызов в войнах монгольской империи, переселения на другие территории ослабили положение кыргызов на Енисее и вызвали увеличение численности и расселение по котловине пришлых племен.

Культурно-хозяйственный тип енисейских кыргызов

С начала историко-археологического изучения культуры енисейских кыргызов необходимым элементом аналитической части большинства исследований являлась характеристика их хозяйства и быта, отнесение к определенному культурно-хозяйственному типу. Во второй половине XIX-начале XX веков, когда идентификация средневековых памятников с кыргызской культурой была приблизительной, недостаточно обоснованной и вызывала сомнения, основой для оценки хозяйственной деятельности кыргызов были сведения письменных источников и этнографические наблюдения. При всей фрагментарности этих данных, они весьма показательны для формирования определенной научной традиции.

В.Радлов, оценивая результаты своих раскопок в Минусинской котловине, писал: “Мы имеем, очевидно, здесь дело с чисто кочующим народом, как описывают нам китайцы туки, хакасов и уйгуров”.¹ В противоположность “миролюбивым” племенам эпохи бронзы, кыргызы – “народ воинственный, который своими дикими набегами беспокоил всех своих соседей и приводил их в ужас.”² Вслед за В.Радловым, Д.А. Клеменц утверждал, что в лице кыргызов на историческую “сцену выступил воинственный наезднический народ.”³ В свою очередь, И.П. Кузнецов-Красноярский, оценивая естественно-географические условия и возможности кочевого скотоводческого хозяйства, предположил, что кыргызы-кочевники могли обитать “...гораздо южнее Енисейской губернии, может быть между хребтами Танну-Ола и Южным Алтаем.”⁴ Устоявшееся в дореволюционной историографии мнение о кочевом скотоводческом хозяйстве и подвижном образе жизни кыргызов в известной степени игнорировало весьма противоречивые сведения письменных источников о наличии у кыргызов наряду со скотоводством и зачатков земледелия. Эти данные получили различное объяснение в трудах ученых, писавших в 20-е годы XX века.

Н.Н. Козьмин предложил оригинальную точку зрения, согласно которой в рассматриваемое время на Енисее “можно наметить три группы турецких племен: 1) тубинскую (уйгурскую) – охотников, людей черни (йыш-кизи), 2) хакасскую (собств. турки) – полуохотничью, полуземледельческую, и 3) кыргызскую – степняков, скотоводов.”⁵

Иначе предлагал решать эту дилемму Г.Е.Грум-Гржимайло. По его мнению, “кыргызы вели полуоседлый образ жизни и зимой жили в избах (срубках), крытых берестой, летом – в палатках (юртах).”⁶ При оценке роли земледелия и искусственного орошения в кыргызском хозяйстве он опирался на материалы Тувы.⁷

Близкой точки зрения придерживался В.В.Бартольд, излагая по данному вопросу сведения из китайских и арабо-персидских письменных источников.⁸

Выделение кыргызских памятников из общего массива археологических материалов Минусинской котловины, осуществленное в 20-е годы С.А.Теплоуховым, открыло возможность для привлечения при анализе культурно-хозяйственного типа кыргызов данных археологии. Сам автор, однако, не касался данной проблемы.⁹

Впервые опыт решения вопроса о культурно-хозяйственном типе кыргызов на базе письменных и археологических источников предпринят в 30-40-е годы в работах С.В.Киселева, Л.А.Евтюховой, В.П.Левашовой. Интерес к данной проблематике отражал новые методологические установки, активно осваиваемые археологами в предвоенное десятилетие. В работах авторов широко привлечены результаты собственных полевых исследований. Отмечая возрастание в кыргызское время роли земледелия и ремесла, В.П.Левашова, тем не менее, охарактеризовала Кыргызский каганат, как “варварское государство кочевников.”¹⁰ Л.А.Евтюхова при оценке различных направлений хозяйственной деятельности у кыргызов, отметив роль земледелия, ремесел, охоты, пришла к выводу, что “важнейшую роль в хозяйстве кыргызов играло кочевое скотоводство,” ссылаясь при этом на данные танских хронистов и археологические материалы.¹¹ С.В.Киселев полагал, ...”что быт населения в кыргызскую эпоху был своеобразен. В нем очень сильны были черты кочевничества.”¹² Автор опирался на письменные источники и анализ археологических находок.¹³ По материалам археологов-сибиреведов А.Н.Бернштам также оценивал кыргызское общество, как кочевое.¹⁴

Таким образом, к середине 50-х годов в отечественной историографии сложилась определенная научная традиция, оценивать средневековую кыргызскую культуру, как принадлежавшую скотоводам-кочевникам. При этом определенное внимание уделялось анализу других видов хозяйственной деятельности, практикуемых в землях кыргызского каганата: зачаточных форм земледелия, ремесел, охоты и рыболовства. Ряд исследователей указывали, что для различных этнических групп, населяющих земли, подвластные кыргызам, характерны специфические формы хозяйства. Сами кыргызы традиционно считаются скотоводами-кочевниками. Эти взгляды продолжали сохранять свое значение в работах большинства исследователей, касавшихся вопроса о культурно-хозяйственном типе кыргызов в 1960-80-е годы. О кыр-

гызах-кочевниках упоминали в своих трудах А.Д. Грач, О. Караев, М.П. Завитухина, Л.П. Потапов, П.Н. Павлов, Г.А. Федоров-Давыдов, С.М. Абрамзон, Н.А. Сердобов¹⁵ и др.

Однако в последние десятилетия, наряду с общепринятым, возникло мнение об оседло-земледельческом характере кыргызской культуры. Наиболее подробно эта точка зрения отражена в работах Л.Р. Кызласова.¹⁶ В начале 1960-х годов автор писал, что основой хозяйственной деятельности кыргызов "... всегда было занятие земледелием и скотоводством."¹⁷ Благодаря высокому уровню развития земледелия, по мнению Л.Р. Кызласова, кыргызы выделялись среди других народов Центральной Азии и Сибири. Большая часть кыргызского населения занималась земледелием, феодальная верхушка "вела полукочевой образ жизни, кочуя со стадами по лучшим пастбищам своих земель."¹⁸ Позднее Л.Р. Кызласов выделил в составе кыргызского населения "полукочевые хозяйства рядовых крестьян, специализирующихся на разведении верблюдов и мелкого рогатого скота", которые размещались "по мало пригодным для земледелия засушливым степным участкам и мелкосопочнику."¹⁹

По мнению Л.Р. Кызласова, у кыргызов "земледелие было высокоразвитым, плужным и в значительной мере основанным на искусственном орошении",²⁰ а "крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили деревнями." Что касается скотоводства, то оно "... было пастушеским, с применением стойлового содержания скота,"²¹ и "... в некоторой степени уже интенсивным." Имелись, правда, еще и "полукочевые хозяйства рядовых крестьян" и жившие в "горнотаежной зоне даннические племена" охотников и рыболовов.²² Автор предполагает даже, что на Енисее "существовало товарное производство хлеба на продажу, что являлось монополией государства,"²³ поскольку "существовало государственное и частное землепользование."²⁴

О кыргызах как о земледельческом народе пишут Л.Н. Гумилев и Д.Г. Савинов. В частности, этим, по мнению авторов, объясняется "уход" кыргызов из Центральной Азии на Енисей²⁵ и кратковременность кыргызского великодержавия, т.к. кыргызы-земледельцы "не имели экономической базы в степях и плоскогорьях Центральной Азии."²⁶

"Соображения относительно принадлежности кыргызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов неоднократно излагались автором настоящей работы."²⁷

Источники, освещающие основные хозяйственные занятия кыргызов, достаточно разнообразны. Весьма обширны сведения о скотоводстве у кыргызов. В танских летописях сообщается, что у кыргызов "лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы, но более коров и овец. Богатые земледельцы водят их по несколько тысяч голов."²⁸ Кыргызы питаются "мясом и кобыльим молоком", а их страна "изо-

бирует водою и пастбищами.”²⁹ Эти сведения подтверждаются мусульманскими авторами: “(Основными статьями) их благосостояния являются хыргызские повозки, овцы, коровы и лошади. Они кочуют (в поисках) воды, сухой травы, (благоприятной) погоды и зеленых лугов.”³⁰ О кыргызских лошадях довольно подробно говорят хронисты империи Тан, ко двору которой кыргызы неоднократно пригоняли лошадей: “Их лошади чрезвычайно крепки и крупны; тех, которые могут сражаться, называют головными лошадьми.”³¹ Хроники высоко оценивают боевые качества, чистопородность кыргызских лошадей, характеризуя их “прекрасными скакунами, достойными породы Лун-ю.”³² Некоторые исследователи считают возможным предполагать, что кыргызы разводили различные породы лошадей. Скот кыргызов неоднократно становился объектом грабежа со стороны центральноазиатских кочевников. Так, в результате удачного похода уйгурского кагана Кутлуга в кыргызские земли в 795 г. в числе захваченной добычи “коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами.”³³ В рунических текстах-эпитафиях, принадлежащих кыргызам, говорится о наличии у них большого количества скота, например: табуны из “шести тысяч моих лошадей”, “отмеченный клеймом (тамгой) скот был без числа”, “мои драгоценные попоны, четыре тысячи моих лошадей”. Бойла-Буюрук в уйгурской земле гордо повествует: “Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без числа.” Есть и менее обеспеченные скотоводы, упоминающие о 60, 600, 1000 лошадей.³⁴

Археологические материалы также свидетельствуют о важной роли скотоводства в кыргызском хозяйстве. Анализ остеологического материала кыргызского поселения Малые Копены свидетельствует о преобладании костей мелкого рогатого скота (в разных культурных слоях от 50% до 60% всех находок). На этом поселении найдены и кости лошади (25% и 18%).³⁵ Поэтому можно с уверенностью говорить о подвижном кочевом скотоводстве населения. У кыргызов было принято класть в могилу мясо овцы: курдюк, конечности, ребра, иногда от десятка и более особей.³⁶ Даже в погребения детей клали мясо от четырех-семи овец.³⁷ В погребениях изредка встречаются фигурки овец, обложенные золотой и серебряной фольгой³⁸ – символы обильных стад.

В пользу подвижного, кочевого образа жизни свидетельствует не только многочисленность стад, но и характер кыргызских поселений и форма жилищ.

Как справедливо отмечала в 1948 г. Л.А.Евтюхова, “благодаря кочевому образу жизни основной скотоводческой массы кыргызского населения очень мало известны и мало исследованы места их поселений.”³⁹ С того времени, несмотря на многочисленные исследования кыргызских древностей, положение мало изменилось. Изученные кыргызские поселения носят временный сезонный характер. Это летние кочевья и зимники кыргызов-скотоводов.

На дюнных стоянках не обнаружено каких-либо долговременных сооружений или постоянных жилищ. На таких сезонных поселениях осуществлялась выплавка металла и кустарное производство металлических изделий, изготовление других предметов домашнего ремесла в рамках натурального хозяйства.⁴⁰ Нет оснований называть кустарные железоплавильни и кузнечные горны “средневековыми заводами”⁴¹ и предполагать товарность производства. Исследование крепостей и фортификационных сооружений кыргызского времени свидетельствует об отсутствии на их площади мощного культурного слоя и остатков каких-либо строений.⁴² Это позволяет считать их временными убежищами, куда стекалось окрестное кочевое население со своим скотом в случае военной опасности. Некоторые из этих “крепостей” явно не приспособлены для целей долговременной обороны и служили в качестве укрытий. Вполне возможно, что в эпоху великодержавия кыргызские каганы, аналогично правителям других кочевых государств, предпринимали попытки градостроительства, о чем свидетельствуют как письменные источники,⁴³ так и раскопки глинобитного “замка” в Уйбатской степи.⁴⁴ Впрочем, судить в полной мере о времени сооружения и назначения “замка” можно будет только после полной публикации материалов его раскопок.

Основным видом жилища кыргызов была разборная войлочная юрта. “Они живут в юртах и шатрах...”, – утверждает Худуд ал-Алад. Это подтверждает и Синь Таншу: “Ажо имеет местопребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется “мидичжи”. Начальники живут в малых палатках.”⁴⁵ Описание стойбища кыргызского кагана, известного в мусульманских источниках под названием Кемджикет, заставляет сомневаться, можно ли именовать его городом. Скорее, это укрепленная ставка, орда. Что касается остальных кыргызов, то у них “нет, конечно, совсем ни деревень, ни городов, и все они селятся в шатрах...”⁴⁶ Шатры упоминаются и в рунических текстах.⁴⁷ На зимниках сооружались деревянные, вероятно, многоугольные жилища, крытые “древесной корою”.⁴⁸ Поэтому трудно согласиться с заключением Л.Р.Кызласова, что “крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили деревнями.”⁴⁹

Принадлежность кыргызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов подтверждается обликом их материальной культуры, аналогичным культурам других кочевников Центральной Азии, в частности древних тюрок и кимаков. Все специалисты, включая Л.Р. Кызласова, характеризуют комплексы, постоянно оперируют аналогиями из памятников степных районов Азии.⁵⁰ Такое единство материальной, а также и духовной культуры, при различиях в экономической базе, было бы необъяснимо.

Не выдерживает критики предположение, согласно которому кыргызы были вынуждены покинуть Монголию из-за невозможности заниматься земледелием, поскольку до их вторжения такие попытки предпринимались уйгу-

рами. Именно в результате вторжения кыргызов, уничтоживших Орду-Балык и окрестный земледельческий район, местное земледелие было уничтожено.⁵¹

Внешняя политика кыргызов была традиционной для всех кочевых держав региона и включала захват Центральной Азии, установление даннических отношений с империей Тан, подчинение Восточного Туркестана для контроля над участком Великого шелкового пути.

Все сказанное выше позволяет считать кыргызов кочевыми скотоводами. Таковыми застали кыргызов русские в XVII веке.⁵² И только с угоном кыргызов в начале XVIII века в Джунгарию и распространением русского пашенного земледелия началось постепенное вытеснение культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов со Среднего Енисея.

В то же время в подвластных кыргызам землях обитали племена с иной направленностью хозяйственной деятельности.

В частности, письменные источники содержат разноречивые сведения о примитивных формах земледелия. В научной литературе эти данные иногда неоправданно связываются с серией случайно найденных земледельческих орудий, так называемыми “оросительными каналами”, и делается вывод о “высоком уровне развития” земледелия у кыргызов, основанном будто бы на “искусственном орошении.”⁵³

Внимательный анализ источников не дает оснований для подобных заключений. Характерно, что если чужеземные хронисты пишут о кыргызском земледелии достаточно подробно, то в рунических текстах о нем упоминается очень редко.⁵⁴ В этой связи напрасно Л.Р.Кызласовым к числу таких упоминаний отнесено словосочетание “Йер Суу” (земля и вода)⁵⁵ в значении “Родина” или по другим данным – божество древнетюркского пантеона. Исследователю, считающему себя тюркологом, не следовало бы отождествлять и путать понятия “родина” и “мой земельный участок”. Скорее всего, восточные летописцы, нередко писавшие о кыргызах с чужих слов, включили в сведения о земледелии, также как и охоте, данные не только о кыргызах, но и о кыргызских киштымах. Известно, что земледелие на Енисее сохранилось вплоть до прихода русских именно у киштымов на периферии Минусинской котловины. В самом кочевом обществе, в ходе седентаризационных явлений, беднейшая часть населения, потеряв скот, вытесняется из ведения кочевого скотоводческого хозяйства, оседает, начинает возделывать землю. Мобильность кочевого общества, участие в войнах позволяли таким бывшим кочевникам при удачном стечении обстоятельств вновь обрести скот и вернуться к привычной жизни. Именно этим может объясняться то обстоятельство, что земледелие у кыргызов, просуществовав многие сотни лет, не оставило следов долговременных постоянных поселений.

По мнению К. Урай-Кехальми, кочевая государственность возникает в пограничных районах степи и тайги, объединяя типы кочевых скотоводов, подчиняя подсобное земледелие и тяжелую охоту в единый экономический организм. Характерной чертой таких районов первичного зарождения кочевых государств являются “небольшие укрепления”, лишенные культурного слоя, которые “служили только складами и местами обороны во время военных столкновений.”⁵⁶ Подобная ситуация характерна для кыргызов в эпоху чаа-гас: зарождение государственности, распространение крепостей-убежищ, господство скотоводства, подсобная роль земледелия у обедневших кыргызов и киштымов. В эпоху великодержавия положение изменилось. Кыргызские каганы по образу других кочевых владык, вероятно, пытались расширить земледелие для увеличения налоговых поступлений, ввозили из других стран земледельческие орудия. Однако эти попытки потерпели неудачу. В дальнейшем кыргызы сохраняли свой культурно-хозяйственный тип вплоть до XVIII века. Анализ искусственного орошения привел В.Н. Федорова к выводу, что земледелие в экономике средневекового населения Минусинской котловины, “кочевого или полукочевого”, никогда не играло “такой большой роли, как скотоводство или охотничий промысел,” а оросительные каналы использовались для увлажнения пастбищ и водопоев.⁵⁷ Даже в XVIII веке, после угона кыргызов и присоединения Хонгорая к России только четверть коренного населения занималась земледелием.

Важную роль в хозяйственной жизни кыргызов-кочевников играла облавная охота на крупных копытных: изюбра, аргали, косулю и др. Об этом есть упоминания в письменных источниках, дополняемые изображениями на петроглифах. Загонная охота велась верхом, с использованием собак, лука и стрел.

Таежные киштымы занимались также пушной охотой, платили дань кыргызам “соболями и белкою.”⁵⁸ Пушнина служила важным предметом экспорта, наряду с мускусом, рогом хуту и лошадьми. В кыргызские земли за счет караванной торговли и грабежа попадали иноземные предметы роскоши: богато украшенное оружие, дорогая посуда, украшения, ткани, монеты. Караванная торговля в период существования кыргызского государства в Центральной Азии находилась в руках согдийских купцов. По сведениям источников, торговый караван из двадцати-двадцати четырёх верблюдов снаряжался для путешествия на Енисей один раз в три года и затрачивал на дорогу два месяца.⁵⁹ С еще меньшей регулярностью осуществлялись торговые связи, пригон кыргызских лошадей в империю Тан.⁶⁰ Несколько оживился обмен с земледельческими странами после захвата кыргызами Центральной Азии. Не случайно именно к этому периоду относится большинство чужеземных вещей и монет на Енисее. Высказывалось мнение, что дальневосточные монеты имели обращение в пределах кыргызского каганата, о чем свидетельствуют редкие надписи руническим алфавитом на некоторых из них.⁶¹

Анализ приведенных выше сведений письменных источников и археологических материалов позволяет отнести кыргызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов.

Памятники кыргызской письменности

В VII-VIII вв. древнетюркские государства Центральной Азии создали свою руническую письменность. Согласно мнению тюрколога С.Г.Кляшторного, она возникла в результате заимствования согдийского алфавита, дополненного своими знаками, сходными с тамгами.¹ Кыргызы, вероятно, получили письменность от кок-тюрков или уйгуров. По данным китайской хроники “Синь Тан-шу”, сообщалось, что в делопроизводстве Кыргызского каганата использовалось уйгурское письмо.²

Кыргызский алфавит состоял из 39-и несоединявшихся на письме знаков, хорошо приспособленных для вырезания на дереве и камне. Обычно знаки наносились горизонтальными строками и читались справа налево. Письменность точно передавала фонетические особенности тюркских языков, т.к. согласные буквы имели два варианта написания в зависимости от того, с каким гласным они употреблялись.

Древнетюркские памятники письменности впервые были открыты на территории Хакасии. В 1721-1722 гг. участник первой академической экспедиции в Сибирь Д.Г.Мессершмидт обнаружил в долине р. Уйбат неизвестные надписи на каменных стелах. Он назвал их “руническими” по сходству со скандинавскими рунами.³

Однако ещё раньше, в 1675 г., русский посол в Китай Н.П.Спафарий, проезжая мимо Кыргызской земли, отметил: “А до большого порога не доезжая, есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо ... А никто не ведает, что написано и от кого”.⁴ Сейчас трудно сказать, о каком утесе идет речь. Возможно, это Туран или Тепсей, где имеются небольшие надписи, а может быть это скала “Сиген-хая” по р.Енисей у д.Комарковой. Согласно указаниям хакасов, на ней были вырезаны древние письмена, разрушенные временем.

В долине Верхнего Енисея, на территории Тувы и Хонгорая, обнаружено более 150-и памятников древнетюркской письменности. Они относятся ко времени существования Кыргызского государства. Как правило, они вырезались на стелах у могил средневековой знати, где выражалась скорбь по поводу “ненаславившейся” жизни, указывались общественные заслуги умершего и т.д. Кроме эпитафий, имеются краткие надписи в честь исторических событий, путевые отметки, надписи на предметах личного пользования, автографы на культовых местах.

Все крупные авторитетные тюркологи – В. Томсен, Е. Радлов, С. Малов – считали енисейские рунические памятники письменности принадлежащими кыргызам.⁵ Ярким свидетельством принадлежности их к кыргызам выступают вырезанные на них тамги. Они были совершенно аналогичны тамгам, которыми пользовались вплоть до начала XX в. тувинские и хакасские роды кыргыз.⁶ В основе их находилась фигура дуги или полумесяца с различными комбинациями.

Кыргызские памятники письменности созданы на едином литературном языке древнетюркского мира, господствовавшим в VII-X вв. на просторах Центральной Азии.⁷ Этот литературный язык обладал стилистическим единообразием и набором стандартных образных средств.

На территории Туркестана древнетюркское руническое письмо в X-XI вв. было вытеснено арабским алфавитом, вследствие распространения ислама. Вероятно, только на берегах Енисея руническая письменность сохранилась дольше и была погребена вместе с разрушением Кыргызского государства монголами.

Согласно представлениям тюрков Саяно-Алтая, письмо (пичик) имеет божественное происхождение. В героическом эпосе верховные творцы-чаячы отправляют богатырям книги, по которым последние узнают свою судьбу. Согласно мнению хакасов, рунические письмена на скалах Енисея были созданы горными духами-хозяевами. Когда хакасы перешли на русскую графику, то горные духи оскорбились и перестали помогать им.

Не исключена возможность, что кыргызские руны дожили вплоть до гибели кыргызского этноса в начале XVIII в. Так, в 1701 г. при заключении соглашения с Российским государством кыргызские князья составили договор “за их татарским письмом”. К началу XVIII в. в делах Красноярской канцелярии накопилось кыргызских “одиннадцать писем, которые писаны на бумаге, да одно письмо на бересте, а подлинно оных писем перевесть на русское письмо в Красноярске некому”.⁸

К сожалению, в результате пожара 1705 г. дела Красноярской канцелярии сгорели и мы навсегда потеряли указанные документы.

В 1963 г. в окрестностях аала Чарков тюркологом М.И. Боргояковым был обнаружен памятник кыргызской письменности, привезенный и установленный затем археологом А.Н. Липским в Хакасском краеведческом музее. С двух сторон песчанниковой плиты (длина 2,6 м., ширина 0,6 м, толщина 0,18 м.) в три строки был нанесен текст. Знаки выбиты, затем протерты и представляют глубокие желобчатые линии. Одна сторона плиты была обращена вверх и поэтому на ней надпись плохо сохранилась. Согласно существующей регистрации, надпись считается седьмым памятником с р. Уйбат. Впервые его перевод был сделан нами в 1973 г.⁹ Содержание представляет большой интерес и

вызывает особое внимание со стороны видных тюркологов.¹⁰ В своей недавно изданной книге профессор И.В. Кормушин предложил новое чтение данного памятника.¹¹ Не отрицая возможность новой трактовки и учитывая многие верные поправки текста этим маститым ученым, мы все же оставляем за собой право нашего чтения и перевода седьмого памятника кыргызской письменности с р.Уйбат. В результате новой корректировки передняя сторона надписи читается нами следующим образом:

(1) (эрдэм) эр кунчуйун казгандыныз бокмединиз бег эрким бег;

(2) бун буна адырылдыныз ачыга кырк эриг кансыз кылд (ыныз);

(3) (учк) урыкан илин алдукда азыглыг тонуз тег тириг бег сиз (см.рис. 1).

Перевод: (1) (Доблестный) муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!

(2) Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (букв.сделали) без отца!

(3) При взятии племенного союза Уч-курыкан Вы Тириг-бег (были) словно клыкастый вепрь!

Задняя сторона памятника, с учетом поправок И.В.Кормушина, по-видимому, звучит следующим образом:

(4) ... алыч барс Тириг бегим йыта эрдемим сизе!

(5) (элимке) элчиси эртмиш кок турк беге.

(6) ... (эр) олуртум кок бори карамаг багын олуртум.

Перевод: (4) ... Мой дикий барс Тириг бег! Увы! Моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!

(5) Он был послан (от моего зяя) к бегу небесных тюрков.

(6) ... Я убивал (мужей-воинов), я убивал подразделения (многочисленной) стаи серых волков!

У нас не вызывает особого сомнения слово “кунчуй”, где древний писарь совершил ошибку и вместо буквы “з” – “нч” поставил “о” – “н”, ибо здесь налицо трафаретная фраза о приобретении принцесс. Подобная ошибка совершена и в слове “кырк, где звук “ч” – “р” передан другим знаком. И древние авторы могли хромать в орфографии. В шестой строке, вместо предложенной И.В.Кормушиным трактовки “кара аш” – соболев, мы читаем “карамак” – стадо, стая. Такой термин отмечен С.Е.Маловым в кыргызских памятниках письменности и до сих пор сохранился в хакасском языке.¹² С другой стороны, трудно поверить, чтобы степные кыргызские беги сами добывали соболей. Как правило, они получали их от своих киштымов.

Переходя к исторической интерпретации памятника надо выделить несколько важных моментов. Эпитафия посвящена доблестному князю Тириг-бегу, тотемным животным которого являлся барс и, в таком случае, повествование идет о кыргызском правителе. Надпись представляет обращение к преждевременно умершему Тириг-бегу от имени оставшегося в живых на-

следника от его боевой славы. Сам Тириг-бег был главой дружины из сорока батыров, для которых он являлся отцом родным. Текст памятника доносят до нас отзвуки былой военной демократии общественного строя кыргызов. Тириг-бег ходил в боевой поход против курыканов (по И.Кормушину – уйгурского хана) и в свирепой битве покорил восточных соседей кыргызов. Вероятно, он возглавлял посольство к кок-тюнкам Тюркского каганата. В дальнейшем его преемник хвастливо стал заявлять о своей победе над многочисленной “стаей серых волков”, т.е. в данном случае надо понимать гвардию кок-тюнков, имевших на своих знаменах изображение головы волка.

Исходя из полученных фактов, можно предположить, что памятник относится к первой половине VIII в. н.э., когда между Тюркским и Кыргызским каганатами, после мирных взаимоотношений разгорелись военные действия. Если наше чтение верно, то захват кыргызами курыканов и Прибайкалья произошел не в период “великодержавия”, а на столетие раньше, при первых кыргызских каганах. Возможно, в то время часть курыкан была вытеснена на север и положила начало движению предков якутов в долину р. Лены.

В Уйбатской степи Хакасии известен ещё один привлекательный памятник рунической письменности, выбитый на каменной плите кургана “Узун-оба” и ныне считающийся девятой надписью с р. Уйбат.¹³ Он был переведен тюркологами И.Л. Кызласовым и С.Г. Кляшторным. Согласно чтению И.Л.Кызласова, текст девятого уйбатского памятника гласил: “(1) татарыг эли; (2) иге учун берур; (3) экимиз; (4) кулур”. Перевод: (1) община Татара; (2) приносит дары (духу)-хозяину; (3) наши посева (4) (им) оберегаются.¹⁴

Слово “татар” И.Л.Кызласов воспринимает как собственное имя главы общины (эля), а начальное слово второй строчки “иге” как “дух-хозяин посевов”. На основе своего перевода он делает широкие исторические заключения. Он трактует данную надпись в виде сакрального текста, связанного с земледельческим жертвоприношением, якобы бытовавшим в “Древнехакасском” государстве. Однако памятник находится в сухой Уйбатской степи, где отдаленные потомки кыргызов – хакасские скотоводы вплоть до наших дней никогда не занимались земледелием и не знали земледельческих традиций. Трудно поверить, что на каменистой, выжженной солнцем местности, да ещё вокруг кургана, совершались подобные земледельческие культы.

Высокий авторитет в российской тюркологии, проф.С.Г.Кляшторный опроверг историко-этнографическую интерпретацию И.Л. Кызласова и предложил свое альтернативное чтение. Согласно его трактовке, текст памятника звучит следующим образом: “(1) татар: (й)ыг эли; (2) (й) игу чун берур; (3) экимиз; (4) кулур”. Перевод: (1) Татарский враждебный (?) эль (2) ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп); (3) мы оба (этому) (4) радуемся. В данном случае слово “татар” понимается не как имя главы общины, а как исторический этноним восточных соседей древнетюркских народов. По истори-

ческой интерпретации С.Г.Кляшторного, татары в начале IX в. являлись союзниками уйгуров. Поэтому враждебные действия кыргызов против “татарского зля” можно отнести к IX-X вв., “т.е. к периоду уйгуро-кыргызских войн в Монголии и Присаянье и последующих кыргызских походов в Восточный Туркестан”.¹⁵

Поддерживая мнение проф. С.Г.Кляшторного в отношении значения слова “татар”, мы в свою очередь предлагаем следующее чтение указанного памятника : (1) татар ыг эли; (2) игечин берур; (3) экимиз (4) кулур”. Перевод: (1) татарский плачущий народ; (2) своих сестер отдает; (3) а наши младшие братья (получая в награду женщин) (4) радуются (этому).

До сих пор в терминологии родства многих тюркских языков, и в хакасском в том числе, имеются слова “игечи” – старшая сестра (мужа или жены) и “ике” – младший брат.¹⁶ В связи с указанной терминологией мы готовы предложить следующую историческую интерпретацию. В древнетюркских надписях татарами обозначались монгольские племена. Например, в 750г. уйгурский каган Моюн-чур двинул свои войска на восток, где “татар ... призвал к ответу”.¹⁷ В китайской политической и историографической традиции, начиная с Сунского времени (X в.), также преобладало наименование монголов татарами (да-да). После разгрома Уйгурского каганата и захвата территории Центральной Азии в 840 г. кыргызы столкнулись с монголоязычными татарами. Вероятно, в период своего “великодержавия” кыргызы, разгромив враждебных татар, захватили в качестве трофеев их женщин, мужа которых пали в бою. По обычаю, татарские рабыни стали достоянием кыргызских мужчин. Вероятно, такое знаменательное событие и отражает девятая надпись р. Уйбат.

На территории Хонгорая до сего дня было известно 82 памятника кыргызской письменности. В 1997 г. при раскопках Саянского острога новосибирский археолог С.Г. Скобелев обнаружил фрагменты новой каменной плиты с надписью. На крупном фрагменте в первой строке можно прочесть слово “учун” – ради, а во второй строке – “элимиз” – наше государство.

Судя по найденным обломкам, можно с уверенностью сказать, что памятники кыргызской письменности подверглись частичному уничтожению (возможно, даже в монгольскую эпоху) и их количество было гораздо больше, чем мы знаем.

Итак, кыргызские руны, при правильном их чтении, помогают раскрыть тайны истории государства южносибирских nomadов. Правящим классом военно-политической системы кыргызов являлись беги, которым и посвящены эпитафийные надписи. Их княжеская власть держалась на военной силе дружин, состоявших из потомственного сословия батыров и рядовых воинов-эров. Беги служили своему небесному злю (государству), главой которого был каган. Воспевание в текстах земного рода “барс” связано, как склонны

думать ученые, с тотемом кыргызов, который, можно предположить, употреблялся вместо их этнонима. По данным памятников рунического письма, Кыргызское государство активно выступало на политической арене Центральной Азии. Кыргызы вели дипломатические отношения с Тибетом (Тутукан), воевали с курыканами, подчинили вражеских татар и т.д. Кроме того, памятники письменности, несомненно, отражают уровень развития древнетюркского языка и представляют яркий образец кыргызской литературы.

Торговые и культурные связи енисейских кыргызов

Обмен и культурные связи между населением Южной Сибири, Центральной и Средней Азии существовали с глубокой древности, поскольку эти регионы входят в единый природно-географический степной пояс Евразии, в пределах которого сформировался культурно-хозяйственный тип кочевых скотоводов. Первые дорожные трассы сложились по путям миграций древнего степного населения в связи с развитием колесного транспорта в бронзовом веке. С освоением верховой езды в раннем железном веке караванные дороги протянулись в отдаленные северные окраины кочевого мира. Отражением торговых и культурных связей населения Саяно-Алтая с южными странами являются находки импортных вещей из Китая, Средней Азии и Ирана в курганах кочевников скифского времени.

С началом функционирования, с конца I тыс. до н.э., Великого шелкового пути, связавшего нити сухопутной караванной торговли в Евразии в единую трансконтинентальную магистраль, торговым связям Южной Сибири со Средней Азией и Восточным Туркестаном был придан новый импульс. Основными товарами, перевозившимися для продажи по Великому шелковому пути были предметы роскоши: украшения из драгоценных металлов и камней, дорогая утварь и оружие, одежда и ткани, а также редкое сырье и лекарства народной медицины. Южная Сибирь была поставщиком пушнины, мускуса и других видов сырья. Особое место среди товаров караванной торговли, благодаря своим высоким потребительским качествам, занимал шелк, который до середины I тыс. н.э. производился только в Китае. Торговля шелком широко использовалась китайской дипломатией в политических целях. Контроль над Великим шелковым путем стал важным объектом борьбы между оседло-земледельческими и кочевыми государствами Центральной, Передней и Восточной Азии в течение периодов древности и средневековья, поскольку он обеспечивал регулярный источник доходов. Важное место в этой борьбе занимал и контроль над северными ответвлениями Великого шелкового пути, по которым в южные страны вывозилась пушнина. В конце I тыс. до н.э. определенный участок Великого шелкового пути и торговлю с Саяно-Алтаем удалось поставить под свой контроль хуннской державе. Тор-

говые, культурные, этнические и политические связи населения Южной Сибири с Центральной Азией и странами, лежащими на великом шелковом пути, значительно оживились. Вместе с хуннской администрацией в Саяно-Алтай хлынул массив центральноазиатского кочевого населения, поток культурных новаций и импортных вещей, в короткий срок изменивший этнокультурный облик региона. В Южной Сибири при посредстве хуннов появляются китайская архитектура, лаковая посуда, шелк, бронзовые зеркала, бусы, нефритовые подвески, ханьские монеты, хуннская гончарная керамика, хуннская одежда и вооружение. Судя по археологическим материалам, наиболее интенсивные контакты в этот период были у населения Южной Сибири с хуннами и империей Хань.¹

После падения хуннской державы и власти ханьской империи над бассейном Тарима, в сяньбийско-жужаньское время положение в трансконтинентальной торговле существенным образом изменилось. Китай утратил монополию на производство шелка.² В первые века н.э. шелковые ткани начали производить в оазисах Восточного Туркестана. В III века н.э. на Великом шелковом пути значительно возросла активность согдийских купцов, взявших в свои руки торговлю в кочевых государствах Центральной Азии.³ В этот период расширились контакты между Средней Азией и Южной Сибирью. В Саяно-Алтае появляются украшения полихромного стиля. Однако количество таких находок невелико. В степном Алтае обнаружено захоронение, близкое погребениям кенкольской культуры.⁴ Влияние кенкольской культуры нашло отражение в вооружении населения Горного и Степного Алтая, Тувы, Восточного Казахстана.⁵ В Туве получают распространение земляные курганы с катакомбным типом погребального сооружения.⁶ Встречается в катакомбных памятниках Тувы привозная гончарная посуда. Однако связи с Китаем, по-видимому, ослабели. В южносибирских памятниках II-V вв. н.э. не обнаружено монет китайских династий этого периода.⁷

В середине VI века степные просторы Евразии, включая Саяно-Алтай, были покорены тюрками.⁸ Большую активность в торговой деятельности на землях I Тюркского каганата проявляли согдийцы.⁹ Тюркская знать, поставившая под свой контроль торговлю на участке Великого шелкового пути через Восточный Туркестан и Притяньшанье, стала активным потребителем предметов роскоши, ввозимых согдийскими купцами в земли каганата. Огромные богатства, награбленные кочевниками в завоевательных походах, обменивались на импортные товары. По описаниям иноземных послов, тюркская каганская ставка утопала в роскоши.¹⁰ В Тюркских памятниках в Саяно-Алтае встречаются остатки одежды из шелковой ткани, пиршественная посуда из серебра, набор позолоченных и серебряных украшений пояса и сбруи; дорогое привозное оружие с чеканным золотом надписями; золотые и серебряные серьги, бронзовое зеркала, перстни, бусы из полудрагоценных

камней и стекла.¹¹ Обычной находкой в тюркских памятниках являются китайские монеты танской династии. Реже встречаются монеты и жетоны из Тюркешского каганата, Сассанидского Ирана и Византии. Велико было влияние согдийцев на тюрков в культурном отношении. В I Тюркском каганате получила распространение согдийская письменность.¹² Во II Восточнотюркском каганате на ее основе была создана древнетюркская руническая письменность, получившая распространение у уйгуров, кыргызов и других тюркоязычных кочевников.¹³ К кочевникам через посредство согдийцев проникли мировые религии: буддизм, манихейство, несторианство. В Уйгурском каганате велика была роль согдийцев.¹⁴ Уйгурские каганы заимствовали у согдийцев государственную манихейскую религию. Согдийцами были построены основные уйгурские крепости в Монголии и Туве. Заметным было влияние согдийских ремесленников на гончарное, кузнечное и ювелирное ремесла уйгуров. В уйгурских городах проживало значительное количество согдийских торговцев, ремесленников, землевладельцев. По-видимому, засилье согдийцев в политической и экономической жизни уйгурского каганата способствовало недовольству телесских племен и привело к междоусобицам и падению каганата. В памятниках уйгурского зодчества прослеживается и танское влияние.¹⁵ Широкое распространение получила тюревтика с канонической манихейской и буддийской символикой у уйгуров, байырку и других телесских кочевников.¹⁶ Согдийцы в конце I тыс. н.э. основали свои фактории даже на землях курыкан в Прибайкалье.¹⁷

Кыргызы в течение некоторого периода находились в зависимости от тюрков I каганата. Они были вынуждены поставлять им в качестве дани "оружие крайне острое".¹⁸ Тюрки захватывали в кыргызских землях военнопленных, которые становились рабами.¹⁹ Однако в VII веке н.э. кыргызы установили прямые дипломатические и торговые отношения с империей Тан. Кыргызские посольства и торговые караваны неоднократно пригоняли в Китай лошадей для обмена, выкупали своих плененных соплеменников в VII-VIII вв. н.э. Отражением этой торговли являются находки импортных предметов в кыргызских курганах чаатасах. В них обнаружена привозная лаковая посуда; золотые и серебряные блюда, кувшины, вазы, бронзовые зеркала, монеты, рельефы.²⁰ Многие из этих вещей попали на Енисей с торговыми караванами из Китая и Восточного Туркестана. Кыргызы вели активную торговлю и поддерживали дипломатические отношения с Тибетом, торгешским и карлукским государствами.²¹ Велико было также влияние тюрков и уйгуров на кыргызскую культуру, проявившееся во многих сходных элементах вооружения, сбруи и украшений. Между тюрками и кыргызами существовали династические связи. В VIII в. н.э. кыргызы заимствовали у тюрков руническую письменность. Велико было также влияние тюрков на кыргызов в военном, политическом и идеологическом отношении.²² Кыргызы заимствовали в Центральной Азии традиции гончарного про-

изводства. В VIII веке ими были восприняты многие мотивы орнаментации торевтики.

После разгрома уйгуров и образования Кыргызского каганата на просторах Центральной Азии в IX веке н.э. кыргызские каганы попытались поставить под свой контроль торговлю по великому шелковому пути и навязать даннические отношения империи Тан.²³ К 40-м годам IX века относятся наиболее интенсивные дипломатические контакты кыргызов с Китаем.²⁴ В это время кыргызские воины проводили военные операции против уйгуров в непосредственной близости от границ империи Тан, в Хэлочуани, Ордосе, южной Маньчжурии. В IX в. активные военные действия вели кыргызы в Восточном Туркестане, захватив ряд городов на трассе Великого шелкового пути.²⁵ В этот период на Енисей было ввезено большое количество танских бронзовых монет, зеркал, лемехов и отвалов плугов, лаковой и фарфоровой посуды. Кыргызы поставляли в Китай лошадей и меха. Значительно оживилась торговля кыргызов с тибетцами, карлуками, среднеазиатскими мусульманами.²⁶ Караванная торговля из Тибета на Енисей шла в обход уйгурских земель через владения карлуков. Каждые три года к кыргызам направлялся “из Даши” караван из 20-и верблюдов, груженых узорчатыми шелковыми тканями. Из Тибета, Восточного Туркестана и Средней Азии в кыргызские земли ввозили серебряную посуду, украшения из полудрагоценных камней, раковины каури, зеркала, дорогое парадное оружие.

Кыргызские женщины стали носить “платье из шерстяных и шелковых тканей”, полученных “из Аньси, Бэйтин и Даха”.²⁷ Часть предметов иноземного происхождения, полученных в результате торговли и в качестве военной добычи, осела в погребальных памятниках эпохи кыргызского великодержавия. Сами кыргызы продавали иноземным купцам меха соболей и других пушных зверей, мускус, “рог хуту”,²⁸ древесину “худанг”. Эти товары получали в виде дани с киштымов. Вместе с вещами в кыргызские земли проникало культурное влияние. В IX-X вв. н.э. в состав кыргызского этноса вошло и было ассимилировано большое число киштымов, тюрок и других племен, из-за чего кыргызская культура приобрела “общечечевический” характер. В то же время кыргызские правители делали попытки развития градостроительства, земледелия, введения денежного обращения.²⁹ Проникали в кыргызские земли иноземные религии: бон, манихейство, буддизм.

После завоевания Центральной Азии киданями, а затем монголами, в первой половине II тыс. н.э. торговля между Саяно-Алтаем, Восточным Туркестаном и Средней Азией, входившими в состав монгольских государств, осуществлялась мусульманскими купцами.³⁰ Они ввозили на Енисей парчу, шелк, хлопчатобумажные ткани, серебряную, стеклянную, фарфоровую посуду и лаковую посуду, зеркала, китайские монеты. Из Южной Сибири вывозились меха соболей и других пушных зверей. Торговые фактории существо-

вали в монгольских городах в Туве. Там же обнаружен мусульманский могильник.³¹ Кыргызская культура первой половины II тыс. н.э. испытала на себе влияние монголоязычных кочевников в области конского снаряжения, вооружения, военно-политического устройства. На Енисей проникли монгольская письменность и буддийская религия, хотя они и не получили широкого распространения. Трансконтинентальная торговля продолжала сохранять свое значение для торговых и культурных связей енисейских кыргызов с Центральной и Средней Азией и в период позднего средневековья.

Военное дело кыргызов

Военное дело енисейских кыргызов привлекло внимание ученых еще в начале XVIII века, вскоре после того, как прекратила существование их государственность в Минусинской котловине. В поле зрения исследователей попадали отдельные предметы средневекового оружия, сведения письменных источников о воинственности кыргызов, об их военных столкновениях с тюрками, уйгурами и монголами. По мере пополнения музейных коллекций возникла необходимость систематизации находок оружия. Такая работа была проделана с предметами вооружения, хранящимися в фондах Минусинского и Красноярского музеев в конце XIX-начале XX века Д.А. Клеменцом и В.Г. Карцевым.¹ Однако лишь с выделением памятников кыргызской культуры С.А. Теплоуховым в 1929 году появилась возможность определить среди оружейных коллекций вещи, относящиеся к кыргызской культуре.² Сведения о военной истории кыргызов из китайских, арабо-персидских и тюркско-уйгурских источников были переведены и сообщены в XIX-XX вв. В. Шоттом, Н.Я. Бичуриным, В. Радловым, В.В. Бартольдом³ и другими. Наскальные рисунки, изображающие кыргызских воинов, были обнаружены и изданы И.Р. Аспелиным и Я. Аппельгреном-Кивало.

Все это позволило в 40-е годы А.А. Евтуховой написать первый сводный очерк по военному делу кыргызов, который был помещен в ее книге.⁴ Он был очень кратким и содержал самые общие сведения. В дальнейшем работами археологов в Туве и Минусинской котловине в 1950-60-е годы был существенно расширен круг вещественных источников, что открыло возможность для их систематизации и обобщения. Примеры изучения военного дела древних кочевников - скифов, сарматов, носителей тагарской культуры, а также Древней Руси - показали важность такого исследования.

В начале 1970-х годов изучением киргизского оружия занялся автор настоящей работы. Первоначально рассматривались особенности военного дела средневековых кочевников всего степного пояса Евразии, закономерности формирования кочевой цивилизации. Однако анализ материала показал необходимость изучения военного дела кочевников на примере одной разви-

той в военном отношении культуры, для создания аналитической модели, по которой можно исследовать военную деятельность во всем кочевом мире. Выбор в качестве объекта исследования вооружения и военного искусства енисейских кыргызов был обусловлен высокой степенью развития оружейного комплекса у кыргызов, в составе которого были представлены все основные виды оружия, что давало возможность реконструкции; сосредоточением основного массива памятников кыргызской культуры на доступной для изучения территории Южной Сибири; надежным определением принадлежности этих памятников кыргызской культуре, благодаря известному из письменных источников кыргызскому погребальному обряду трупосожжения. Анализ состояния изученности этой проблемы позволил оценить вклад предшественников и сформулировать задачи предстоящего исследования, как систематизацию материалов по вооружению, типологическую классификацию оружия, реконструкцию комплекса боевых средств, военной организации, военного искусства, событий военной истории кыргызов.

В первые годы работы были изучены материалы из музейных собраний, обобщены данные по рубящему оружию, колчанам, комплексу вооружения енисейских кыргызов. С 1975 года была начато планомерное изучение памятников кыргызской культуры в Минусинской котловине, в ходе которого сформировалась большая коллекция кыргызского оружия. В результате анализа новых находок из раскопок в Туве и Минусинской котловине была прослежена эволюция кыргызских луков, стрел, копий; реконструирован комплекс боевых средств кыргызского воина, структура военной организации, особенности военного искусства кыргызов. Изучение письменных источников позволило уточнить последовательность событий военной истории, ход военных действий в кыргызско-уйгурской войне IX века. Автором разрабатывались вопросы теории и методики оружеведения на материалах кыргызского вооружения, в том числе методы классифицирования оружия, определение веса признаков для выделения единиц классификации, верификации классификационных схем. Результаты изучения военного дела кыргызов нашли отражение в монографии автора, вышедшей в 1980 году.⁵ В книге формулировались задачи оружеведческого исследования; рассматривалась история изучения предмета; анализировалось оружие ближнего, дистанционного боя и защиты; реконструировались комплекс боевых средств, структура военной организации, военное искусство и военная история кыргызов в VI-XII века. Работа получила положительный отклик у специалистов.

Однако эту тему нельзя считать исчерпанной.

В ходе раскопок последующих лет существенно расширилась источниковая база. Памятники кыргызской культуры обнаружены в Западной Сибири, на Алтае, в Казахстане, Монголии, Прибайкалье и Забайкалье. Коллекции кыргызского оружия выявлены в музеях Поволжья и Сибири.

Автором были введены в научный оборот находки кыргызского оружия из фондов Омского, Бийского и Иркутского музеев, опубликована серия предметов вооружения из раскопок в долине р. Табат.⁶

Новые данные нашли отражение в анализе закономерностей развития военного дела кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья.⁷ Сравнительный анализ показал, что по уровню развития в IX-X веках военное дело кыргызов превосходило другие кочевые культуры.

В настоящий момент необходимо обобщить все имеющиеся данные по военному делу кыргызов, включая периоды раннего и развитого средневековья.

В эпоху чаа-тас, в VI-VIII вв. н.э., кыргызы смогли подчинить таежные племена, попавшие на положение вассалов, образовать собственное государство во главе с правителем, носившим титулы – эльтебер, ажо, пицсетегин, иногда принимавшим титул – каган.

Кыргызские воины имели на вооружении сложносоставные луки с концевыми и срединными боковыми накладками и стрелы с железными трехлопастными наконечниками различных форм. Наконечники имели остроугольное острие, узкие или широкие лопасти с отверстиями, шипы. Стрелы с трехлопастными наконечниками отличались дальнобойностью и точностью попадания. В походном положении стрелы хранились в закрытых колчанах из бересты, куда помещались наконечниками вниз. Колчан с помощью ремней, петель, и крюка подвешивался к поясу воина.

В ближнем бою кыргызские всадники применяли ударное копье с длинным древком и железным наконечником с ромбическим пером и длинной втулкой, пользовались длинными и короткими двулезвийными мечами с прямым перекрестьем и боевыми топорами с узким лезвием и высоким обухом.

В рукопашном бою могли применяться прямые двулезвийные и однолезвийные кинжалы, а также кинжалы с рукоятью, отогнутой в сторону лезвия.

Для защиты кыргызские воины применяли нагрудные панцири из горизонтальных нашивных пластинок и ламеллярные доспехи из вертикальных, соединенных ремешками пластинок. Использовались также шлемы, накладные щитки и щиты.

Воины-киштымы были легковооруженными конными лучниками. У них имелись сложносоставные луки, стрелы с железными трехлопастными и косячными ромбическими наконечниками, колчаны, кинжалы.

Кыргызское войско в VI-VIII вв. н.э. представляло собой ополчение отдельных родов, племен, бегских дружин. Основу войска составляла легкая конница. При формировании и построении войска боевые единицы строились по родоплеменному принципу, разделение по родам войск и численности отдельных отрядов не соблюдалось. Такое войско было недостаточно сплю-

ченным и дисциплинированным. Его стойкость в бою во многом зависела от успеха в начале сражения. Роль полководца сводилась к построению войска и расположению отдельных отрядов.

Главную роль в тактике играл рассыпной строй. Бой начинался атакой конных лучников и метанием стрел в противника. В случае неудачи первого натиска наступавшие откатывались на определенную дистанцию для повторения атаки. При замешательстве в рядах противника в бой вступали главные силы, использовавшие длинные ударные копья. При ответном ударе противника кыргызы пытались сдержать натиск, а если это не удавалось, отступали.

Кыргызы в VI-VIII вв. н.э. прочно удерживали под своей властью Минусинскую котловину и окрестные таежные племена киштымов. Однако в войнах с кочевыми державами тюрок и уйгуров они нередко терпели поражения, даже временно теряли самостоятельность. Их стратегия в этот период была, преимущественно, оборонительной. Театр военных действий ограничивался Минусинской котловиной и Тувой.

Последующий период, охватывающий IX-X века н.э., справедливо названный В.В. Бартольдом “кыргызским великодержавием”, был временем наивысшего расцвета военного искусства кыргызов, эпохой наиболее значительных побед кыргызского оружия.

В этот период кыргызы, используя благоприятную для них ситуацию в Центральной Азии, смогли объединить племена Саяно-Алтая, создать свой каганат, разгромить в кровопролитной войне уйгуров и на короткий период завоевать обширные районы степной Азии.

Кыргызские воины эпохи великодержавия имели сложносоставные луки со срединными боковыми и фронтальными накладками. Очень разнообразен был набор кыргызских стрел с железными наконечниками. Среди небронейных стрел зафиксировано 11 типов трехлопастных, 2 – двухлопастных, 1 – четырехлопастных, 7 – плоских. Спектр бронейных стрел включал 5 типов трехгранно-трехлопастных, 2 – четырехгранно-четырёхлопастных, 2 – трехгранных, 6 – четырехгранных, 1 – ромбических, 1 – прямоугольных, 2 – круглых. Такого большого разнообразия форм не зафиксировано пока ни в одной другой кочевой культуре средневековья. Особенно развитым выглядит кыргызский комплекс бронейных стрел, немного превосходящий по разнообразию форм все остальные синхронные наборы. Для него характерно наличие гранено-выемочных форм, тупоугольное и остроугольное острие у наконечников, специализация на пробивание панцирной брони или раздвижение колец кольчуги. Существенно и то, что многие формы характерны только для кыргызов. Все это говорит о значительном развитии оружейного ремесла в кыргызских землях, стимулом для которого послужила война с уйгурами.

В IX-X вв. н.э. кыргызские воины хранили луки в специальных чехлах – налучьях со снятой тетивой. Стрелы хранились в колчанах с карманом наконечниками вверх. Налучья и колчаны крепились с помощью ремней, петель и крючьев к поясу.

В ближнем бою кыргызы пользовались ударными копьями и пиками с длинным древком и железными наконечниками разнообразных форм: с ромбическим, квадратным и круглым пером. На древки стрел крепились флаги и знамена.

В ближнем и рукопашном бою применялись получившие широкое распространение однолезвийные палаши различных типов и появившиеся слабоизогнутые сабли. Сравнительно редко использовались боевые топоры с узким лезвием и невысоким обухом.

В рукопашном бою шли в ход двулезвийные и однолезвийные кинжалы. Для защиты кыргызские воины применяли панцири-куяки из вертикально расположенных пластинок, соединенных ламеллярным или чешуйчатым способом. Использовались также шлемы и накладные щитки. В снаряжение боевого коня входила защитная попона с накладными щитками.

Кыргызы создали в IX-X вв. н.э. военно-административную систему с делением народа-войска по десятичному принципу на десятитысячные и пятитысячные отряды, возглавляемые военачальниками четырех рангов. Войско насчитывало 30 тысяч тяжеловооруженных кыргызских всадников и 70 тысяч легких кавалеристов из вассальных племен.

С разделением кыргызского воинства на два рода войск, тяжелую панцирную и легкую конницу, существенно изменилась тактика боя. В ходе сражения происходило взаимодействие легкой и тяжелой конниц. Бой начинали отряды легкой конницы, охватывающей построение противника по фронту и с флангов и ведущей прицельную стрельбу из луков. В ходе атаки всадники стремились сломить сопротивление врага или спровоцировать его наступление притворным бегством. При нарушении строя, замешательстве или атаке противника в бой вступали отряды тяжелой конницы, атакующие плотно сомкнутым строем. Атака велась на большой скорости, повышая мощность удара копий. В ее результате, как правило, решалась участь боя. Если противник продолжал сопротивляться, воины продолжали натиск, атакуя палашами, саблями, боевыми топорами.

Когда враг не выдерживал и пытался бежать, его преследовали до полного поражения.

Кыргызы умели сооружать, оборонять и брать крепости. Войско могло совершать длительные походы. Войны велись с большим ожесточением с целью запугать противника, заставить его покоряться. В то же время в кыргызском войске поддерживалась суровая воинская дисциплина.

Эпоха “кыргызского великодержавия” характеризуется в военной истории кыргызов наступательной стратегией. Возросли масштабы операций. В сражениях под знаменами кыргызского кагана участвовало до 100 тысяч воинов. Театр военных действий расширился от Саяно-Алтая до Восточного Туркестана и Забайкалья. Целью войны, которую вели кыргызы, являлась гегемония в Центральной Азии и подчинение земледельческих оазисов Восточного Туркестана. Однако истощение людских ресурсов и их распыление на обширных территориях привели к быстрому упадку военной мощи кыргызского каганата и концу “великодержавия”.

В последующую историческую эпоху, в XI-XII вв. н.э., кыргызский этнос оказался разделен на две территориально разобщенные группы в результате завоевания центральноазиатских степей киданями. Одна группа осталась в Восточном Туркестане. Другая сохранила за собой Саяно-Алтай. В этом регионе кыргызская культура пережила новую эпоху своего развития – “эпоху сууктэр”.

Кыргызские воины в этот период были вооружены сложносоставными луками со срединными и плечевыми фронтальными накладками. Стрелы имели железные наконечники различных форм: 4 типа трехлопастных, 9 типов плоских, 3 типа трехгранно-трехлопастных, 1 тип четырехгранно-четырёхлопастных, 6 типов четырехгранных, 2 типа ромбических, 2 типа прямоугольных. Для своего времени это наиболее разнообразный набор стрел. В его составе в сравнении с предшествующим временем произошли существенные изменения. Среди небронебойных ведущими стали плоские стрелы, что свидетельствует об увеличении скорострельности стрельбы. Среди бронебойных возросло количество стрел с тупым острием – панциробойных и противокольчужных. Стрелы хранились в колчанах открытого типа, с карманом, наконечниками вверх, крепившиеся ремнями, петлями и крючьями к поясу.

В ближнем бою кыргызы пользовались копьями с ромбическими наконечниками и пальмами с трехгранными однолезвийными наконечниками. В рукопашном бою широко применялись однолезвийные палаши, сабли с прямым и слабоизогнутым клинком. Сравнительно редко употреблялись боевые топоры с узким лезвием и низким обухом. Использовались и прямые однолезвийные кинжалы. Основным видом защиты были панцири-куяки, составленные из узких, ламеллярно- или чешуйчатосоединенных пластин. Вошли в употребление куюки с покрытием из широких пластин, крепившихся заклепками на подкладке. Голову предохраняли сфероконическим шлемом из 6-и пластин с обручем и навершием.

Военно-административная система, сложившаяся у кыргызов в эпоху великодержавия, с распадом их государства на отдельные княжества, изжила себя, хотя ее отдельные элементы продолжали действовать, в частности

– десятичный принцип формирования войска. Основной войсковой единицей стали десятитысячные отряды-тумены, формируемые отдельными владениями, во главе которых стояли правители – иналы. В подчинении иналов находились мелкие владения – баги. Войско каждого владения формировалось из дружин инала и бегов и ополчения вассальных племен – киштымов. Основу войска составляли воины-дружинники, хорошо вооруженные и оснащенные.

С изменением характера вооружения и численности войск изменилась и тактика боя. Сократилась дистанция полета стрелы и увеличилась частота стрельбы. Войска могли сходиться на более близком расстоянии. Применение копий и палм повысило интенсивность ближнего боя. Использование сабли повысило эффективность и усложнило приемы фехтования. В целом возросла интенсивность конного боя. Повысилась роль и продолжительность ближнего и рукопашного боя в ходе сражения.

Кыргызы в этот период сооружали крепости-убежища, где укрывались в момент военной опасности.

Этот период в истории войн кыргызов характеризуется оборонительной стратегией. Театр военных действий ограничивался Саяно-Алтайским нагорьем и прилегающими районами северо-западной Монголии. Масштабы операций значительно сократились. Войны велись ради гегемонии между княжествами. Сопrotивление внешнему натиску значительно ослабло.

Последующая монгольская эпоха принесла кыргызским княжествам утрату политической самостоятельности. В XIII-XIV вв. н.э. кыргызы вошли в состав Монгольской империи, и их военные формирования стали частью монгольской армии. Военные отряды кыргызов несли охранную службу монгольской столицы Каракорум. В качестве военных поселенцев группы кыргызов были расселены в Маньчжурии и Северном Китае. Утрата независимости привела к застою в военном деле.

В эту эпоху кыргызские воины были вооружены сложносоставными луками со срединными фронтальными накладками. Стрелы имели железные наконечники, из которых 3 типа трехлопастных, 10 – плоских, 2 – зигзагообразных, 3 – четырехгранных, 1 – прямоугольных. Среди небронебойных стрел продолжало увеличиваться количество форм плоских стрел. Появились стрелы с зигзагообразным сечением пера, проворачивающиеся в полете. Значительно сократилось количество типов бронебойных стрел. По-видимому, в дистанционном бою кыргызская конница стала действовать в основном против легковооруженного противника. Ее возможности в стрельбе по панцирным всадникам значительно уменьшились.

Стрелы хранились в колчанах. Однако их детали в памятниках этого периода не обнаружены.

В ближнем и рукопашном бою кыргызские воины фехтовали палашами и саблями и действовали кинжалами. Другие виды оружия ближнего боя в памятниках кыргызской культуры не найдены. Для защиты применялись пан-

цири-куяки из узких пластинок ламеллярного принципа крепления и широких пластин, крепившихся изнутри к матерчатой основе с помощью заклепок. Защитой для головы служил шлем.

Монголы распространили на кыргызские земли азиатскую десятичную систему деления войска и народа, подобную той, что была принята в тюркском и кыргызском каганатах. Все население Минусинской котловины было сформировано в 1 тумэн войска. Позже территория Саяно-Алтая была поделена на несколько округов. Во главе администрации были поставлены чиновники на монгольской службе. Кыргызы смогли сохранить свое положение ведущей этнической группы. Однако из-за участия в междоусобных войнах чингизидов в борьбе за ханский престол и переселения в другие районы Монгольской империи, их численность сократилась.

Судя по изменениям в вооружении, кыргызские военные отряды в монгольское время представляли собой подразделения конных лучников, имевших средства ведения ближнего и рукопашного боя и защиты. В тактическом отношении у них должна была возрасти роль дистанционного боя, стрельба по легковооруженному противнику. В условиях ближнего боя их боеспособность снизилась.

К этому времени относится создание кыргызами системы крепостей-убежищ в труднодоступных местах, где население скрывалось от врага.

В этот период кыргызы лишились своей государственности и не смогли осуществлять самостоятельной стратегии, участвуя в войнах в составе монгольских войск и неся охранную службу. Однако, несмотря на утрату независимости и сокращение численности населения, они смогли сохранить в качестве основного района обитания Минусинскую котловину.

Военная история кыргызов в Восточном Туркестане и на Тянь-Шане в эпоху развитого средневековья известна по фрагментарным сведениям письменных источников и данным эпоса. Она должна быть рассмотрена в рамках специального исследования.

Саяно-Алтай и Тянь-Шань

Вопрос об этническом родстве кыргызов Енисея и Тянь-Шаня, о возможном происхождении современного кыргызского народа от енисейских кыргызов давно волнует ученых.

Одним из первых в отечественной историографии высказал предположение о происхождении современных киргизов с Енисея Г.Ф. Миллер.¹ Вслед за ним И.Э. Фишер предположил, что кыргызы были переселены с Енисея на Тянь-Шань джунгарами в конце XVII века по договору с Россией.² Это мнение разделяли К. Риттер, Ю. Клапрот и др. Особой позиции придерживался Н.Я. Бичурин, считавший кыргызов Енисея и Тянь-Шаня разными народами.

В распоряжении ученых XVIII- начала XIX веков были русские исторические документы, повествующие о енисейских кыргызах XVII в. н.э. и китайские хроники династий Хань, Тан и Юань. Интересовавшийся данным вопросом Ч.Ч. Валиханов пытался привлечь к его решению сведения из сочинения Абул-Газихана и исторические предания кыргызов. У него сложилось впечатление, что кыргызы никуда не переселялись, поскольку в преданиях “самого народа, который совершенно опровергает это, не знает и не помнит о движении своем и единогласно считает своей родиной горы Анджанские, невольно приходишь к заключению, что не были ли киргизы (выходцы) анджанские? Действительно, что дикокаменные киргизы живут на нынешних местах, т.е. в горах от Кашгара до Анджана, издавна”³ Впрочем, “издавна” для Ч.Ч. Валиханова означает “до XVII века”, т.е. он отвергает возможность переселения кыргызов джунгарами в XVII веке на Тянь-Шань, но не более того. “При всем том развить этот вопрос до известной ясности, принимая первое – дикокаменные киргизов за один и тот же народ с сибирскими киргизами, но переселившийся до Чингиз-хана или современно ему в Восточный Туркестан; второе, что сибирские киргизы исчезли не от переселения, как поняли прежде, а ушли вследствие различных неблагоприятных (обстоятельств), (и) живут на тех же местах, где жили прежде”⁴ Тем самым он допускал возможность переселения кыргызов из Сибири в Восточный Туркестан в домонгольское или монгольское время.

В.В. Радлов, основываясь на состоянии изученности этого вопроса в середине XIX века, поначалу относил переселение кыргызов с Енисея на Тянь-Шань ко времени возвышения кыргызского государства в IX веке. Но со временем он изменил свою точку зрения и высказал предположение, что кыргызы были вытеснены с первоначальных мест обитания к югу от Саян монголами в XIII веке⁵ по трем направлениям: одна группа на Тянь-Шань, другая – в Верхний Енисей, третья – к северу от Саян. При этом В.В. Радлов опирался на данные этнографии и языкознания.

Используя материалы о родоплеменном составе киргизов и версию китайских источников о тождестве терминов “бурут” и “боллой”, Н.А. Аристов высказывал предположение о том, что кыргызы под названием усуней обитали на Тянь-Шане еще с III в. до н.э.⁶ В.В. Бартольд первоначально считал, что кыргызы переселились на Тянь-Шань с Енисея в IX-X вв. Однако, обобщив в 1927 году все известные сведения китайских и мусульманских источников, он пришел к выводу, что “только в XVI в. впервые упоминаются киргизы в той местности, где они живут теперь, причем, как мы увидим, нет никаких сведений с том, как и когда они туда пришли”⁷ Ему возразил Г.Е. Грумм-Гржимайло, заявив, что “киргизы-буруты” обитали в домонгольское время в Баргужин-Токуме, по соседству с бурятами, откуда переселились на Тянь-Шань, “вероятно, в XIII в.”⁸

Впервые опыт широкого привлечения для решения данной проблемы археологического материала был предпринят А.Н. Бернштамом. Согласно

его взглядам, история кыргызов восходит к IV в. до н.э., когда Енисей и Тянь-Шань входили в единую этнокультурную общность. “Наибольшее сходство” в культурном отношении для обоих районов “устанавливается для андроновского этапа. Локальные различия нарастают к скифской эпохе. Характерно для этого времени бытование на Енисее и Тянь-Шане по существу одного и того же расового типа, который мы можем именовать динлинским”.⁹ Это этнокультурное единство было разорвано вторжением гуннов. “Енисей и Тянь-Шань – два фронта для центральноазиатских держав. Походы гуннов одинаково равномерно направлены и против усуней, и против киргиз Енисея”. С этим временем и связано расчленение кыргызов на две ветви: “тянь-шаньскую и енисейскую”.¹⁰ В последующие периоды господства сяньби, тоба и жуужаней обе “ветви” оставались “расчленены”.

“Процесс некоторого объединения енисейских и тянь-шаньских племен” произошел в рамках Тюркского каганата. Однако тянь-шаньские западные тюрки в это же время смогли “два раза существенно проявить силу оружия над енисейскими кыргызскими племенами”. В дальнейшем тюрки и уйгуры продолжают вести войну на два фронта. “IX-X вв. – эпоха побед кыргызов Енисея и эпоха сложения кыргызского героического эпоса Манас”.¹¹ В последующие века кыргызы терпят поражения от кара-китаев и монголов. “Кыргызское государство на Енисее сходит на нет”.¹² Следами кыргызской культуры, пришедшей с Енисея на Тянь-Шань, А.Н. Бернштам считал предметы торевтики из Кочкорского клада и погребения с конем. Прототипом Манаса, согласно А.Н. Бернштаму, послужил кыргызский каган, победивший уйгуров в 840 году, которого он именуется Яглар-ханом.

В 1953-1955 годы на территории Киргизии проводила работы Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, изучавшая материалы по этногенезу и этнической истории киргизов. Результаты этой работы нашли отражение в дискуссии научной сессии АН СССР и АН Киргизской ССР (Кыргызстан) по этногенезу киргизов и в издании трудов экспедиции. Мнения исследователей в отношении этнических связей кыргызов Енисея и Тянь-Шаня разделились. Л.Р. Кызласов, возглавлявший работу одного из археологических отрядов, проводившего раскопки Ак-Бешимского городища, утверждал, что никаких следов этнокультурных контактов между кыргызами Енисея и Тянь-Шаня не обнаружено. Однако, поскольку он уже ранее высказывал точку зрения о том, что на Енисее никогда не было кыргызов, а обитали так называемые “древние хакасы”, результаты его “научных изысканий” и не могли быть иными. А.Н. Бернштам изложил свои взгляды о связях между кыргызами Енисея и Тянь-Шаня. В.П. Алексеев, проанализировав антропологические материалы, высказался в пользу генетического родства между енисейскими и тянь-шаньскими киргизами.¹⁴ О приходе киргизского населения на Тянь-Шань говорили и другие антропологи, предполагая его происхождение с Алтая и уточняя время переселения – II тыс. н.э.. Языковеды высказывались за родство современного киргизского

и алтайского языков. Этнограф С.М. Абрамзон выявил в родоплеменном составе киргизов этнические группы тюркского, киданьского и монгольского происхождений. В целом дискуссия по этногенезу киргизов констатировала недостаточную изученность проблемы и необходимость ее дальнейшей разработки. Согласно имеющимся данным, киргизский народ и его культура сложились из двух компонентов: местного среднеазиатского и пришлого центральноазиатского.

В начале 1960-х годов с серией работ по этногенезу киргизов выступил К.И. Петров. Он проанализировал данные о родоплеменном составе киргизов, их языковой принадлежности в тюркской языковой семье, об антропологических особенностях киргизов и пришел к выводу о невозможности их миграции непосредственно с Енисея в домонгольское время. Предками современных киргизов, по его мнению, были кимакско-кыргызские (кыпчакско-кыргызские) племена, обитавшие в верховьях Оби с конца 1 тыс. н.э. и продвинувшиеся на Тянь-Шань в XIII-XV вв. н.э. под давлением монголов в ходе междоусобных войн чингизидов.¹⁶

Особое мнение о происхождении киргизского народа сложилось у Л.Р. Кызласова. Если К.И. Петров не считал енисейских киргизов непосредственно предками тянь-шаньских, то все же признавал, что “кимакско-кыргызские племена верхней Оби” занимали “как бы промежуточное положение между кыпчакско-кимакскими и киргизскими племенами”, и следовательно: “предки тяньшаньских киргизов действительно имели какие-то этногенетические связи с племенами енисейских киргизов”,¹⁷ то Л.Р. Кызласов отверг какие-бы то ни было связи между киргизами Енисея и Тянь-Шаня. Вместо киргизов, по его мнению, на Енисее обитали “древние хакасы”, а киргизы – это их “династийный аристократический род”. Предками же современных киргизов были так называемые “центральноазиатские киргизы”, различные “тюркоязычные группы, из числа племен, входивших в тюркский и уйгурский каганаты, родственные алтайским и восточноказахстанским племенам”, попав под власть “Древнехакасского государства” “они постепенно усвоили объединяющее их имя киргизов”.¹⁸ Согласно Л.Р. Кызласову, “центральноазиатские киргизы в эпоху монгольской империи верно служили юаньским феодалам”,¹⁹ а затем их “основное ядро переселилось в XV в. на Тянь-Шань”.²⁰

Эти взгляды вызвали ряд серьезных возражений со стороны О. Караева. В работах, посвященных анализу арабских и персидских источников, он отметил, что целый ряд сведений о местах расселения киргизов в IX-XII вв. н.э., об их соседстве с уйгурами, карлуками, чигилиями, ягма, кимаками, “мусульманами”, о некоторых особенностях их культуры, свидетельствует о проживании части киргизов на Восточном Тянь-Шане.²¹ О. Караев подверг справедливой критике взгляды Л.Р. Кызласова на енисейских и “центральноазиатских киргизов”.²² Эту критику поддержали С.Е. Яхонтов, Н.А. Сердобов, ав-

тор настоящей работы и другие исследователи. Полемизировал О. Караев и с точкой зрения К.И. Петрова.

Однако в очередном издании “Истории Киргизской ССР” в разделах о формировании киргизской народности нашла отражение позиция по этому вопросу, изложенная именно К.И. Петровым.²³ В то же время, в этой же работе присутствует раздел о государстве енисейских кыргызов, как одном из этнических компонентов киргизского этноса, в истории сложения киргизского языка выделялся “древнекиргизский период” на Енисее и в Саяно-Алтае.²⁴ Тем самым “енисейский период” этнической истории киргизов, хотя и с оговорками, но признавался.

Совершенно иначе изложено “современное решение киргизского народа”, в последнем издании “Истории Киргизской ССР”, где уже в историографическом разделе сказано: “Енисейские кыргызы не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа, на их этнической основе сложилась хакасская народность”.²⁵ Правда, отдельные сведения о событиях в кыргызском каганате в этой работе все же приводятся.²⁶ Однако к этнической истории киргизов эти события не относятся. Предками киргизов авторы считают прииртышских кимаков, ассимилировавших проникшие на Алтай группы кыргызов, но принявших их этноним – кыргызы. Именно на Алтае, по мнению авторов данного раздела, в XIII веке находилось “княжество Кыргыз”. В эпоху монгольского завоевания земли кимако-кипчаков, принявших имя кыргызов, вошли в состав Моголистана. В середине XV века они переселились на Тянь-Шань.²⁷ Последняя точка зрения получила дальнейшее развитие в совместной работе С.Г. Кляшторного, А.М. Мокеева, В.П. Мокрынина. “Центром этногенеза” киргизского народа авторы считают Прииртышье, Северный и Горный Алтай, где в X-XI вв. сложилась этнополитическая группировка, включавшая: кимако-кипчацкие и господствующие кыргызские племена, переместившиеся сюда с Енисея; после XII в. собственно кыргызские племена полностью ассимилируются в кипчацкой среде, заимствовавшей, однако, этническое имя “кыргыз”.²⁸ Эти “кыргызы” и переместились в Притяньшанье в середине XV в. из Прииртышья и Горного Алтая, где ассимилировали местные тюркские и монгольские племена.²⁹ Данная концепция, изложенная в докладе авторов на V Тюркологической конференции, вызвала оживленную дискуссию. С возражениями по поводу кимако-киргизского этапа в этногенезе киргизов выступали О. Караев, Т.К. Чороев, В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков, Ю.И. Трифонов. Все выступавшие говорили о необходимости учесть “енисейский период” в этногенезе кыргызов. В докладе Э.Р. Тенишева было выделено три этапа формирования киргизского этноса и языка: енисейский, алтайский, тянь-шаньский.

Дискуссии последних лет со всей очевидностью продемонстрировали актуальность вопроса о соотношении кыргызов Енисея и Тянь-Шаня, о наличии определенных этногенетических связей между ними. С позиций современного уровня науки ряд гипотез на сей предмет потеряли свое научное

значение. Безусловно устарела точка зрения Н.А. Аристова и А.Н. Бернштама об этнокультурной общности племен Енисея и Тянь-Шаня еще в эпоху раннего железа, в I тыс. до н.э. Строго говоря, она не имеет прямого отношения к вопросу, т.к. для того времени сложно определить, что представляли из себя гяньгуни-кыргызы и какова была их культура. Н.А. Аристов опирался на случайное созвучие некоторых этнонимов и политонимов в китайских источниках, описывающих события II-I вв. до н.э. и XVIII в. н.э.³⁰ Ныне о таком “тождестве” говорить не приходится. А.Н. Бернштам рассматривал древнее население Центральной Азии как единый этнос, разорванный на две части вторжением хуннов, сяньби, жужан, тюрков, уйгуров, а в конце I тыс. н.э. “воссоединившийся” путем переселения части кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. Кыргызы для А.Н. Бернштама – не столько реально существовавшая средневековая тюркоязычная народность, сколько “голубоглазые и рыжеволосые” потомки динлинов. Однако исторические динлины не обитали ни на Енисее, ни на Тянь-Шане, а жили в Монголии и “смешались” с гяньгунями в V в. н.э. Не выдержали испытания временем и археологические подтверждения переселения кыргызов в IX в. на Тянь-Шань, в частности, погребения с конем, предложенные А.Н. Бернштамом.³¹ Эти памятники принадлежат иному тюркоязычному этносу, но не кыргызам. В основе этого предположения лежит ошибочная версия С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой о переходе кыргызов на обряд погребения с конем.³² Ныне она давно пересмотрена.

Не выдерживает критики гипотеза Л.Р. Кызласова о так называемых “центральноазиатских киргизах” как предках современных киргизов. Она основана на неверном отождествлении китайского названия “Хэсыхэ” с родовым подразделением качинцев “хасха”, а также на “различиях” в написании терминов для обозначения енисейских кыргызов (цилицисы) и центральноазиатских киргизов (циэрцисы) “в китайской иероглифике”.³³ Не впервые Л.Р. Кызласов, не зная ни китайского языка, ни письменности, смело интерпретирует звучание иероглифов. Но это ничуть не подкрепляет его домыслов. Даже если бы “Хэсыхэ” обозначала земли качинцев, а написание терминов “цилицисы” и “циэрцисы” различалось, из этого отнюдь не вытекает наличие некоего особого народа, победившего во славу монгольского императора кыргызов на Енисее, но назвавшего себя именем побежденных. Не случайно Л.Р. Кызласов, едва придумав “центральноазиатских киргизов”, тут же оставляет их в покое, утверждая: “Проследить историю центральноазиатских киргизов не входит в наши задачи”.³⁴

Мнение С.Г. Кляшторного, А.М. Мокеева и В.П. Мокрынина о переселении кыргызов-кимаков с Алтая, развивая предшествующую гипотезу К.И. Петрова, в сравнении с рассмотренными взглядами Н.А. Аристова, А.Н. Бернштама и Л.Р. Кызласова выглядит более фундированным.³⁵ Однако и оно имеет немало уязвимых мест. Так, пытаясь определить исходный район поселения по особенностям языка, культуры и антропологии современного

киргизского этноса и указывая на сходство с антропо-лингво-культурными особенностями алтайцев, авторы совершенно не учитывают времени и места образования такого сходства. Современные алтайцы отнюдь не автохтоны Горного Алтая, и возникновение сходных черт могло произойти в пределах более широкого региона, включая Джунгарию и Монгольский Алтай. Отмеченное сходство наблюдается по широкому спектру этнографических особенностей, в культуре, в фольклоре, в языке у современных киргизов не только с алтайцами, но и другими народами Саяно-Алтая: хакасами и тувинцами. Среди родоплеменных групп тянь-шаньских киргизов и тюрков Саяно-Алтая выделяются такие общие этнонимы, как: бугу, желден, мундуз, сарылар, толос и др. Многие частные положения гипотезы трех авторов не соответствуют современному состоянию знаний об археологии Алтая и Прииртышья. Культуры кимаков и киргизов в IX-X вв. граничили в степях Приобья и Прииртышья, однако “кимакско-киргизской” культуры там не возникло. Кимаки не обитали в Горном Алтае. После X века кимакская культура прекратила свое существование. В то же время киргизы в XI-XII вв. н.э. продолжали занимать Горный Алтай, о чем свидетельствуют памятники их культуры. Таким образом, “ассимиляция киргизов кимаками на Алтае и в Прииртышье” не подтверждается данными археологии. Нет памятников “кимакско-киргизских племен” и на Тянь-Шане ни в начале II тыс. н.э., ни в последующие века. Напротив, исторические сведения и археологические материалы неопровержимо свидетельствуют, что после развала кимакского каганата, в начале II тыс. н.э. основное население Прииртышья – кипчаки стали переселяться не на Тянь-Шань, а на запад в Приуралье и Причерноморье, где с XI века известны под именем половцев. Все сказанное выше свидетельствует, что гипотеза трех авторов нуждается в серьезной корректировке и ее “кимакская” часть должна быть снята.

Из всех высказывавшихся в свое время точек зрения, наиболее вероятным нам представляется мнение о двухэтапном переселении части киргизского этноса с Енисея в IX-X вв. н.э. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай, разделении киргизов в начале II тыс. н.э. на два этноса: енисейских и восточнотуркестанских, и переселение в XV в. н.э. восточнотуркестанских на Тянь-Шань. В отдельных аспектах эту точку зрения ранее высказывали В. Радлов, В.В. Бартольд, разделял А.Н. Бернштам. С начала 1960-х годов ее активно отстаивает и развивает О. Караев. Дело в том, что только это мнение об этногенетических связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня находит прямое подтверждение в письменных источниках. Общеизвестны исторические свидетельства о военных походах киргизов в IX веке в Восточный Туркестан и захвате ими городов Бешбалыка, Кучи, Уч-Турфана и др. Эти завоевания носили “непродолжительный” характер, но военное присутствие киргизов в Восточном Туркестане в IX веке было постоянным. После захвата в X в. монгольских степей киданями, киргизы Енисея потеряли возможность совершать походы в Восточный Туркестан. Однако там продолжала обитать какая-

то часть кыргызов. В конце X века они попали в зависимость от турфанских уйгуров. Об этом упоминает сунский посол Ван Яньдэ, посетивший уйгурское турфанское княжество в конце X века. “Кыргызы” находились “под управлением государства Гаочан” наряду с тюрками, чигилями, ягма, карлуками и другими племенами.³⁶ О. Караевым подробно рассмотрены свидетельства мусульманских источников о кыргызах X-XII вв., помещавших их земли по соседству с турфанскими уйгурами, вдоль северных и западных границ, владений уйгурских идикутов, к востоку от земель карлуков и ягма, к северу от чигилей и к югу от кимаков.³⁷ Им отмечены некоторые особенности кыргызской культуры, изменившиеся под влиянием “соседей-мусульман”, в частности смена погребальной обрядности с кремации на ингумацию и др., которые свидетельствуют о том, что кыргызы в указанный период обитали в Восточном Туркестане. Следует уточнить только, что мусульманские авторы нередко смешивали сведения о кыргызах Енисея и Восточного Туркестана воедино, и при компиляции текстов не различали тех и других. О кыргызах в Восточном Туркестане, видимо, идет речь в сообщении о походах киданьского гурхана в XII в.. Поскольку Елюй Даши после взятия Кашгара и Хотана “послал войско к пределу киргизов... и взял Бешбалык”, резонно полагать, что эти “пределы” были неподалеку от Бешбалыка. То же можно сказать о походе найманских правителей в “область киргизов”, граничащую со страной уйгуров”. В XIII веке земли восточнотуркестанских кыргызов вошли в состав монгольских государств – улусов Джагатая, а затем Хайду, а после распада последнего в XIV в. – в состав Моголистана. В это время кыргызы неоднократно упоминаются в числе племен, обитавших в этих районах в XV в. кыргызы были “лесным племенем”, обитавшим в лесных районах Моголистана. Из-за того, что для ханов Моголистана они были “зачинателями всех смут” в государстве, их переселили в центр страны на Тянь-Шань. По другим источникам, в середине XV в. часть кыргызов, сама “спасаясь от беспорядков, бежала и нашла приют в горах (Тянь-Шаня)”.³⁹ С этого времени кыргызы обитают на Тянь-Шане. В XVI в. известно самостоятельное кыргызское объединение во главе с Мухаммедом.

Вокруг этих кыргызов, переселившихся на территорию Киргизии из Восточного Туркестана началось формирование современной киргизской нации.

Часть III. Кыргызы во времена монголо- джунгарского владычества (XIII-XVIII вв.)

Монгольское завоевание Саяно-Алтая. Кыргызы в составе Монгольской империи

К началу XIII века кыргызское государство разделялось на два фактически самостоятельных княжества, номинально входящих в одно "владение". "Киргиз и Кэм-кэмджиут – две области, смежные друг с другом, обе они составляют одно владение (мамлакат). Кэм-кэмджиут – большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов (Могулистан) и одна (ее) граница – с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с (бассейном) большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны".¹ Название области Кэм-кэмджиут дано по рекам Кем (Верхний Енисей) и Кемчик и соответствует Туве. Она граничит с Монгольским Алтаем, где обитали найманы, и Восточными Саянами (Баргуджин – Токумом), верховьями Селенги, где обитали туматы, баргуты и байауты. Область "Кыргыз" занимала Минусинскую котловину. Через нее протекала "большая река Кэм-Кэмджиут" (Енисей), сливаясь с "Анкарой-мурэн" (Ангарой) доходя до "области Ибир-Сибир" (таежной Сибири). Восточнее обитали племена кори (куруканы).

Археологические памятники культуры Енисейских кыргызов XIII-XIV вв. н.э. довольно точно соответствуют расселению кыргызов в этот период. Основная масса кыргызских курганов монгольского времени сосредоточена в Минусинской котловине (в области Кыргыз), имеются кыргызские памят-

ники этого периода в долине реки Кии (на окраине таежной области Ибир-Сибир). Объекты кыргызской культуры XIII-XIV вв. н.э. в Туве – немногочисленны. Не обнаружены кыргызские памятники монгольской эпохи на Алтае. Поэтому выделение на Алтае особого “кыргызского княжества” в XIII веке, как это предполагает С.Г. Кляшторный, не подтверждено источниками. Тем более неправомерно помещать там “область Киргиз”.

Каждая из областей “киргизов и кем-кэмджиутов” имела самостоятельного государя. “Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, – инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, – иди. Государь ее был... (пропуск). Название другой области – Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал”.² Иналы обеих областей принадлежали к одному роду – “иди”. Однако обе “смежные области” составляют одно “владение”, что может свидетельствовать в пользу сохранения номинальной сакрализованной каганской власти, в то время как реальное управление сосредоточено в руках иналов (наследников).

Судя по описанию пути монгольских послов к “киргизским эмирам и начальникам”, область Еди-Орун должна была находиться в Минусинской котловине. “Сначала они прибыли в область, название которой... (пропуск), а тамошнего эмира называли... (пропуск). После этого они (прибыли) в другую область, название которой Еди-Урун, а тамошнего эмира называли Урусинал”.³ Границы кыргызских владений доходили до Ангары. “Та река (Анкара) находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кем сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов”.⁴

В конце XII – начале XIII вв. н.э. монголы, разгромив найманов, завершили подчинение тюркских и монгольских племен в западной Монголии и Джунгарии. Потерпевший поражение найманский хан Буюрук бежал “в область Кэм-кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов”.⁵

Тэмуджин поставил правителем завоеванных племен Хорчи, которому повелел: “Будь темником и управляй этой западной страной до Золотых гор”. Под власть Хорчи были отданы лесные племена. “Пусть Хорчи владеет не только тремя тысячами бааринцев, – повелел он, – но также пополненными до тьмы адаркинцами, чиновцами, толесами, теленгутами совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до Приэрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов – нечего задумываться”.⁶

В 1206 году на всемонгольском курултае Тэмуджин был избран великим каганом, приняв имя Чингиз-хана. Тогда же был принят план покорения “всего мира”. На завоевание “лесных народов”, в состав которых монголы вклю-

чали и кыргызов, был послан старший сын Чингиза, Джучи-хан. В 1207 году, в “год зайца, Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником был Буха... Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-диггин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами – шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями. Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: шибир, кесдиин, баит, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги. Взял он с собою киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами, да белыми ж меринами, да белыми ж соболями”.⁷ Кыргызские князья, зная о судьбе найманов и других соседних племен, не решились на вооруженную борьбу и подчинились без сопротивления. В ставку Джучи, а от него к Чингиз-хану явились с богатыми подарками “били челом и изъявили покорность” кыргызские нойоны-темники и тысячники, среди которых был правитель одной из областей-инал и более мелкие князья. По другим сведениям, Чингиз-хан послал к кыргызам в том же году послов. “Чингиз-хан послал гонцами к этим двум государям Алтана и Букра и призвал (их) к подчинению. Те послали назад вместе с ними трех своих эмиров, коих звали: Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак, с белыми соколами, как выражение почтения от младшего старшему и подчинились (ему)”.⁸ Подчинившись без сопротивления монголам, кыргызские князья на какое-то время избавили свою страну от кровопролития. Однако основным условием подчинения, помимо “изъявления знаков покорности”, был “налог кровью” – обязанность поставлять воинов в монгольские войска.

Впервые необходимость привлечения кыргызских воинских подразделений для своих военных мероприятий возникла у монголов в конце 20-х годов XIII века. В 1217 году восстали туматы, которые “жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском”. Чингиз-хан “приказал отправиться (туда) Ная-нойону из племени баарин; (но) сказали, что он болен. (Тогда) он дослал Борагул-нойона.” Монголы “дали большие сражения и покорили племя тумат. Однако на войне Борагул-нойон был убит. Так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то (монголы) множество их перебили”.⁹ Темник Борагул, происходивший из племени хушин, был “старшим эмиром правого крыла” монгольского войска. Его очень ценил Чингиз-хан и говорил: “Да не будет горя и не годится, чтобы умер Борагул”.¹⁰ Гибель такого полководца ударяла по престижу монгольского войска. Поэтому против туматов после гибели Борагула было послано новое войско во главе с Дорбо Докшин-нойоном. Он, “вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным

инструментом... приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пиравших беспечно туматов и полонил их”.¹¹ Сто семей из числа пленных отдали в рабство семейству Борагул-нойона. Однако, силы туматов еще не были сломлены. В следующем, 1218 году, “... в год барса, когда восстало одно из племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения (монголы), из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско (чарик); те не дали и восстали”.¹² Очевидно, их вдохновило сопротивление туматов. “Чингиз-хан послал к ним своего сына Джочи с войском. Курлун (был) их (киргизов) предводитель; (у монголов эмир), по имени Нока отправился в передовом отряде; он обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки”. Восстание киргизов во главе с Курлуном было серьезной опасностью для монгольского господства в Саяно-Алтае. Поэтому в действие вступили главные силы монгольского войска. “Когда подоспел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад”.¹³ Войско Джочи совершило поход в Минусинскую котловину, покорив наряду с кыргызами и племена киштымов, “пройдя... реку Кянь и вниз по ней. Покорил кэргисы, ханьхасы, теляньу, кэшдими, хоин и ирган роды.” Во время этого “похода и возвращения” Джучи-хан прошел по землям “племен (урасут, теленгут, куш-теми), страна которых “была расположена по ту сторону киргизов, (на расстоянии) около одного месяца пути”, он “также захватил и те племена”.¹⁴ Очевидно, монголы с боями прошли по Туве, Минусинской котловине, Горному и Монгольскому Алтаю, потратив на подчинение “лесных племен” около месяца. В результате этого похода Минусинские степи обезлюдели. Часть кыргызского населения была перебита и угнана в плен, часть – разбежалась в недоступные таежные места, часть – переселилась в отдаленные северные районы. Распространение памятников кыргызской культуры монгольского времени свидетельствует, что по количеству памятников и объектов они значительно уступают предшествующей эпохе сууктэр. В то же время, на северной периферии расселения кыргызов, в бассейне Чулыма кыргызские курганы довольно многочисленны, что свидетельствует об оттоке части кыргызских кочевников на север в лесостепные районы. Несмотря на понесенный урон, кыргызы сохранили основной район обитания и управлялись своими князьями-вассалами монгольского хана. Продолжала сохранять своеобразие и развиваться культура енисейских кыргызов. Саяно-Алтай, включая земли кыргызов, был подчинен Джучи-хану “в качестве улуса и юрта”. Эти районы стали северо-западной окраиной монгольской империи. После смерти Джучи в 1226 году кыргызские земли вошли в улус великого хана, под власть младшего сына Чингис-хана, Тулуя. Великий каган Угэдэй, вступивший на престол в 1229 году, стремясь “умиротворить” покоренные племена, взял в

жены знатных девушек из племен меркитов и киргизов, заключив тем самым с местной знатью династический союз. Четвертой “главной женой” Угэдэя стала кыргызка “цзилицисиси-хутени” Джачин. Однако реальная власть в землях кыргызов оказалась в руках другой женщины вдовы Тулуй-хана, кераитки Соркуктани-беги. Она послала экспедицию вниз по Ангаре и Енисею в области Алафхия, Адутан, Мангу и Балаурнан. “Соркуктани-беги послала с тысячей людей на корабле (в ту страну) трех эмиров: Тунлик из племени карнукур, Бахджу из племени кара-тут и Мункур-Хитна из племени (пропуск) с тысячей мужей. Они доставили к Берегу (из глубины страны) много серебра, но положить его на корабль не смогли. Из этого войска больше 300 человек не вернулись обратно, оставшиеся погибли от гнилости воздуха и от сырых испарений. Все три эмира (впрочем) возвратились благополучно и жили долго (после того)”.¹⁵ Экспедиция за серебром была направлена, вероятно, в таежные болотистые районы Западной Сибири, где на святилищах обских угров скапливалось за время их почитания немало импортной серебряной посуды. После смерти Угэдэя в 1241 году великим кааном Монголии стал Гуок-хан. В 1251 году на престол великого каана вступил сын Соркуктани-беги Мункэ-хан. Он послал Буха-нойона “с двумя туманами войска к границам киргизов и кем-кемджиюта”, чтобы предотвратить возможные волнения. Видимо, постоянного монгольского гарнизона в кыргызских землях не было, а кыргызы продолжали управляться собственными князьями. В 1252 году, после смерти Соркуктани-беги, Саяно-Алтай стал владением ее сына Ариг-Буги. “Его летнее становище было в Алтае, а зимнее – в Теке и Киргизе. Между ними (расстояние в) три дня пути”.¹⁶ Проводя зимовку в Минусинской котловине, орда Ариг-Буги должна была потеснить кыргызские кочевья.

После смерти Мункэ-хана в 1260 году, Ариг-Буга был провозглашен в монгольской столице Каракоруме великим кааном. Однако, его брат Хубилай, командовавший монгольскими войсками в Китае, не признал власть Ариг-Буги и двинулся со своим войском против него. Войска Ариг-Буги потерпели поражение. Сам “Ариг-Буга и войско его испугались, обратились в бегство, рассеялись и прибыли в область киргизов.” Там “Ариг-Буга, раздраженный этим поражением, убил пленных и укрепился в области киргизов”. Собрав новое войско, он послал его в область Тангут, но снова потерпел поражение, “а оставшиеся бежали и присоединившись к Ариг-Буге в области киргизов... А Ариг-Буга, расстроенный и растерянный, стоял с отошавшим и голодным войском на границе Кэм-Кэмджиют у реки... (пропуск), из боязни прихода каана он отправил (к нему) гонцов и просил прощения”.¹⁷ Истощив людские ресурсы подчиненных ему племен, Ариг-Буга понял, что проиграл войну и в 1264 году вынужден был сдаться Хубилаю. Правление Ариг-Буги, постоянное монгольское войско в Минусинской котловине и Туве, наборы в его армию в ходе междоусобной войны, отступление “голодных и отошавших” войск

для “укрепления в землях кыргызов” должны были негативно сказаться на экономическом и политическом положении кыргызов. Кыргызы перестали быть ведущим этносом в Саяно-Алтае, уступив свое место монголам. После поражения Ариг-Буги кыргызские земли вошли в состав империи Юань. Они были включены в состав провинции Лин-бэй с центром в Каракоруме. Кыргызские земли были разделены на несколько административных единиц, среди которых Кяньчжоу и Иланьчжоу в степных районах Тувы, тумен Кыргыз – в Минусинской котловине. В особые районы были выделены таежные области – Ханьхэна, Усы, Анкэла. “С приходом к власти династии Юань этот народ (цзилицисы) разделили и создали девять тысяч дворов”.¹⁸ Исходя из приведенных фактов можно заключить, что под руководством кыргызского нойона-темника находилось девять тысячников. В Монгольской империи тысячники получали серебряные с позолотой удостоверения – пайдза. На территории Хакасско-Минусинского края в 1846 г. были найдены 2 серебряные пайдза с монгольскими надписями из вызолоченных букв.¹⁹ Данные находки свидетельствуют о зависимости кыргызов от монгольских правителей, которые ставили на руководство ими своих преданных тысячников. От вассальной зависимости времен правления Джучи-хана, зимних постоев и временных наборов времен властвования Ариг-Буги кыргызы попали в систему постоянного административного управления при Хубилае. В 1270 году юаньский император Хубилай назначил наместником ряда областей Саяно-Алтая китайца Лю Хао-ли, который был послан “в отдаленный край непременно для умиротворения его”. Однако с поражением Ариг-Буги, сопротивление части монгольской знати власти Хубилая не окончилось. В том же 1269 году курултай монгольских князей, состоявшийся в долине р. Талас, избрал ханом Хайду, союзника Ариг-Буги. Монгольские “эмиры и царевичи, которые были в его ставке, пришли к Хайду и поклонились (ему) в землю: “До сих пор нашим правителем был Борак-ака, в настоящее время (наш) государь Кайду-ака, как он прикажет, так и будем служить”.²⁰ Хайду претендовал на владение Монголией и Саяно-Алтаем. В 1273 году кыргызы, принявшие сторону Хайду, восстали против юаньского наместника. “Северные князья подняли мятеж, привели Хао-ли в свое войско и чуть не убили. Их военачальник за то, что Хао-ли был добрым в обращении с людьми освободил его”. В 1276 году большой поход в Монголию совершили войска Хайду. Кыргызский князь, выступивший против юаньской администрации, побаивался решительных мер, пытался заигрывать с Лю Хао-ли. В 1279 году он вступил с ним в переговоры. “Весной 16 года мятежный князь пригласил Хао-ли прибыть в Кянькяньчжоу. Сказал: “Император сомневался во мне, это привело к нынешнему”. Хао-ли ответил: “Не сомневался. Если сомневался в князе, то (когда) пригласил князя в столицу, разве согласился бы на (его) возвращение?” В 1280 году Лю Хао-ли, ощущая угрозу от неподвластного населения “возглавил

множество (людей), ушел в другое место, оборонялся в теснине, ожидая прибытия войск”. Однако помощи не было и “войска мятежного князя разбили (его). Хао-ли на западе прошел через снеговые горы, “отступив за Алтайские горные хребты”. Оказавшись в безвыходном положении Лю Хао-ли “тогда одеждой подкупил тысячника мятежного князя, “который пропустил наместника с тысячьо человек “тропинками в горах Теби-Шань”, и он смог добраться до Китая. Вероятно, одной из причин перехода кыргызской знати на сторону Хайду, были мобилизации кыргызского населения и размещение кыргызов в качестве военных поселенцев в различных районах империи, что грозило растворением этноса. Положение военных поселенцев нередко было бедственным. “В 1283 г. было указано передать 600 голов быков, отданных пастись богатым жителям Туле-Ту, бедным из киргизов”.²¹

В 1286 году Хайду-хан организовал большой поход в Монголию, и кыргызы оказались под его властью. Нойон Тук-Тимур хотел “напасть на область киргизов”, но они подчинились Хайду.

Успехи Хайду способствовали центробежным тенденциям в империи Юань. В 1287 году против Хубилая восстал наместник Маньчжурии Наян, ставший союзником Хайду. Против него была направлена из Центральной Монголии армия, состоявшая из кыргызов. Предварительно “в 1289 г. проинспектировали семь киргизов, живущих в Хэлинь, и оказали помощь бедным семьям, а затем “из Хэлинь была отправлена расквартированная там армия цзиэрцисы (киргизов), “которую возглавлял полководец, кыпчак Тутуха. После подавления мятежа наяна, “все мятежники из кыпчаков и канглы, сдавшиеся добровольно, были отданы Тутуха. Был учрежден департамент Халаду из 10 тыс. дворов. Все разбросанные в разных местах кыпчакские кочевья, все племена и все ваны Аньси попали под управление Тутуха”. В 1292 году его армия была послана против владений Хайду. “В 1292 г. Тутуха разграбил район Алтайских гор... На обратном пути он посетил Хэлинь (Каракорум). Здесь он получил приказ овладеть киргизами (цзилицисы). В 1293 году весной войска встали лагерем у реки Цяньхе, по льду шли несколько дней и только тогда дошли до границ их владений. (Армия Тутуха) полностью овладела народом пяти их племен и (монголы) разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их. Тутуха доложил о заслугах и был повышен в чине... Хайду, получив известие о захвате киргизов, послал (им на выручку) на реку Цяньхэ (Енисей) войска. Тутуха снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча”.²² Кыргызские земли были снова подчинены империи Юань. Часть кыргызов была переселена из Минусинской котловины и Тувы в Маньчжурию, в бывшие владения мятежного нойона Наяна. В 1293 году в эти районы были переселены представители “племен: усухань (юаньсухань), ханас и цзилицисы (кыргызы)”. По повелению императора Хубилая, кыргызы и другие племена были поселены в качестве военных поселенцев в специаль-

но построенном городе Чжаочжоу. “В 1293 году обращаясь к нему (Хара-батару), император Ши-цзу (Хубилай) сказал: “Древние земли Наяна называются Абалаху и доставляют рыбу. Сейчас я в тех землях построил город и поселил там три племени: юаньсухань, ханасы и цзилицзисы (кыргызов). Этот город был назван Чжаочжоу. Ты отправляйся туда и займи пост сюаньвэйши (окружного начальника).” Другая группа кыргызов была поселена “на землях Хэсыхэ”, в другом районе Маньчжурии. “1293 г. Ши-цзу (Хубилай) разместил на землях Хэсыхэ в качестве военных поселенцев 700 семей чжирхэхусотай (ских) ширцзисы (кыргызов)”.²³ Эти меры преследовали своей целью переселение мятежных племен в иноэтническую среду, контроль за самими поселениями и районом их поселения. Они продолжались и после смерти императора Хубилая. Во время правления императора Тэмур “в 1295 г. киргизов, проживающих в горах Цзиньшань (Алтай), переселили в Шандун и дали им поля, быков и семена”.²⁴ Переселения нанесли большой урон кыргызскому этносу на Енисее. Заметно сократились его численность и территория компактного расселения. Изменилось соотношение коренного населения в долине Среднего Енисея. На опустевших землях были поселены монгольские роды керитов, туматов, ордутов. В страну кыргызов привлекались ремесленники из Китая. Монгольская администрация, видимо, пыталась опереться на них в своей борьбе с кыргызами. Отдельные памятники кыргызов обнаружены в местах их выселения. В Центральной Монголии в окрестностях Каракорума найдены отдельные погребения кыргызов, совершенные по обряду трупосожжения.

В правление юаньского императора Тэмур (1295 по 1307 гг.) кыргызские земли входили в состав провинции Лин-бэй, которой управлял наместник Камала: “Областями Каракорум, Онон, Керулен, Кем-кемджикот, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурхан-Халдун, всем он ведает”.²⁵

На территории Саяно-Алтая, откуда была выселена часть кыргызского населения, монголы создали военные поселения из представителей других этнических групп. В течение XIII века такие поселения были образованы на территории Тувы и, вероятно, Минусинской котловины. В них селили монголов, уйгуров и даже китайцев. Поселения создавались и в начале XIV в. н.э. уже после смерти императора Тэмур, во время правления императора Хулуг-хана (1308-1322 гг.). В этот период земли енисейских кыргызов продолжали входить в состав империи Юань.

С падением юаньской империи в конце XIV века ее административная система и военные поселения на территории Саяно-Алтая должны были прекратить свое существование. Кыргызские земли, управлявшиеся своими князьями, попали в зависимость от ойратов, стали ареной борьбы между ойратскими и халхасскими ханами.

Образование этнополитического союза “ХОНГОРАЙ”

После падения в 1368 г. Монгольской империи Юань, куда входила территория Саяно-Алтая, Монголия, раздираемая междоусобной борьбой, потеряла свою власть над кыргызами. Последние воспользовались предоставленной возможностью и предприняли безуспешные попытки создания своей собственной государственности. В конце XIV в. кыргызы в борьбе против восточных монголов объединились в союз с ойратами, где заняли лидирующее положение. Предводитель кыргызского тумена в Ойратской федерации Угэчи-кашка в 1399 г. решил учредить новое официальное название для своего владения¹. Вероятно, в течение XV-XVI вв. различные племенные группы (туматы, урдуты, кераиты и др.), оказавшиеся волею монгольских властителей в долине Среднего Енисея, были объединены под эгидой кыргызов в единый этнополитический союз “Хонгор” или “Хонгорай”. Основанием для подобного заключения являются показания широкого круга источников и, в первую очередь, письменных документов XVII – начала XVIII вв.² Кроме того, богатое фольклорное наследие народов Южной Сибири сохранило для нас название “Хонгорай” в качестве старинного обозначения Хакасско-Минусинского края. В хакасском языке в результате стяжения гласных, это историческое название стало звучать как “Хоорай”.³ Оно широко употреблялось в героическом эпосе, исторических преданиях и поэтической речи.

Согласно мнению тюрколога Б.И. Татаринцева, разделяемому также нами, слово Хонгорай (Конгурай) восходит к географическому обозначению горно-степных просторов Минусинской котловины. В эпоху позднего средневековья, при возрождении кыргызской государственности, имя “Хонгорай” стало политическим знаменем, под которым собрались различные по происхождению, но единые по совместному проживанию этнические группы. Указанная форма объединения народа в языке местного населения получила определение “толай” (толы, торо), т.е. этнополитический союз. Определение “толай” постоянно употреблялось в паре с именем “Хоорай” (Толай Хоорай).

Роль кыргызов в этнополитическом союзе “Хонгорай” была настолько велика, что в русских документах XVII в. Хакасско-Минусинский край получил название “Кыргызской земли”. Некоторые соседние народы, как, например, шорцы, Хакасию называли двусоставным именем “Хырғыс Хоорай – Кыргызский Хонгорай”. Хакасы, являющиеся наследниками кыргызской культуры, в исторических преданиях народ “хоорай” отождествляли с кыргызами. Например, в предании “Хырғыс чаазы” подчеркивалось: “Хырғыстын тогыс муң толай хоорай чоны”. – Киргизский девятитысячный союз народа Хоорай”.⁴ Помимо выражения “девятитысячный союз Хоорай”, в хакасских преданиях употребляется сочетание “түбен Хоорай”, т.е. тумен Хонгорай.

Данные фольклора увязываются с историческими фактами XIII в., когда монголы, завоевав область Саяно-Алтая, согласно своему военно-административному делению образовали в этом регионе тумен киргизов. Летопись Юаньши гласит: “С приходом к власти династии Юань этот народ (цилицисы) разделили и создали девять тысяч дворов”.⁵ Сопоставляя вышеуказанные факты письменных источников и исторической памяти народов Саяно-Алтая, можно констатировать, что киргизы в конце XIII – первой половине XIV вв. составляли тумен, который выставлял девять тысяч воинов для монгольской армии. Именно к этому периоду можно отнести зарождение нового этнополитического образования под названием “Хонгорай”.

Впервые название Хонгорай встречается в русских документах середины XVII в.. В 1666 г. на запрос красноярского воеводы про Еренака Ишеева посланцы Алтын-хана “Узан с товарищи” сказали, “что они того киргиза Еренака знают, кочует в Кыргызах в Конгурае, а ясак платит нам великому государю, также и их Лаузан тайше”.⁶ В данном источнике налицо полное соответствие русского понятия “киргизы” с тюрко-монгольским названием “Конгурай” (Хонгорай).

Многие народы и государства получали от своих соседей имена, далеко не созвучные с их самоназванием. Так, Кыргызстан в русских документах XVII в. назывался “Брутской землей”, ибо тянь-шаньских киргизов джунгары именовали “бурутами”.⁷ С другой стороны, Джунгария в русских источниках была известна как “Калмышкая земля”, а сами джунгары, самоназвание которых было “ойрат”, назывались не иначе как “черные калмаки”.

Название Хонгорай в русском дипломатическом языке применялось в том случае, когда текст являлся переводом с монгольского или маньчжурского письма. Например, согласно заявлению Цинского правительства в 1707 г. русские люди построили Абаканский острог на месте, называемом Хонгорай, “которое близ Зенгории”. А на том урочище Хонгорай “кочуют и имеют промыслы наши есашные киргизы и урянхайцы”.⁸

Аутентичность данного названия подтверждается рядом устойчивых сочетаний, употребляющихся в историческом фольклоре и ныне малопонятных. Например: Тиле Хоорай, Түктіг Хоорай, Ал Хоорай, Таг Хоорай, Чазы Хоорай, Хамых Хоорай и т.д.

Этнополитическое объединение Хонгорай, по всей видимости, относилось к раннегосударственному образованию с неразвитой формой общественных институтов. Известный историк Н. Козьмин считал, что объединение киргизов в XVII в. “было именно государство, но находящееся в упадке”. Другой точки зрения придерживался С.В. Бахрушин, который отрицал государственную организацию киргизов и утверждал о господстве у них патриархально-родовых отношений. “При господстве патриархально-родовых пережитков в быту енисейских киргизов, – писал он, – ещё невозможно гово-

рять даже о зачатках у них государственного устройства. Однако соседство с могущественными государствами втягивало их в очень сложные отношения и способствовало укреплению связей между отдельными племенами, входившими в состав Кыргызской земли”.⁸ Вместе с тем, он вынужден был признать, что “Кыргызская земля” “политически составляла одно целое” и при внешних отношениях с Россией проявляла независимость. В самом начале XVII в. первые русские послы главу “Кыргызской земли” величали “кирбицким царем”, т.е. признавали его суверенитет. Сами кыргызы русским служилым людям объясняли: “Как де они на тех своих землях и зачались, и на тех де их землях никоторой мугальский царь, ни царевич, ни мугальские, ни калмыцкие тайши войною не бывали, и воинских людей не посылавали”.¹⁰

В географическом отношении Хонгорай или “Кыргызская земля” совпадают с нынешним понятием Хакасско-Минусинского края. Память о господствовавших в средние века кыргызах до сих пор сохранилась среди многих топонимических названий Саяно-Алтая. Благодаря последним можно приблизительно очертить былые границы их этнической территории, которые на юго-западе совпадают с р. Киргиз (Хыргыс суғ) в верховьях Абакана, на юге с р. Кургусук (Хыргыс суғ) среди гор Западных Саян, на востоке с р. Киргизюль (Хыргыс чул) в долине р. Сыда, на севере с р. Кургусуюл (Хыргыс чул) в долине р. Чулым и на северо-западе с р. Киргизка (Хыргыс чул) в долине р. Томи.¹¹

В летописи династии Юань приводится следующее описание рек Кыргызской земли: “Река Цяньхэ (т.е. Кем – Енисей – В.Б.) как раз протекает через центр их владений и течет на северо-запад. Кроме того, на юго-западе есть река под названием Апу (т.е. Абыган=Абакан – В.Б.), а на северо-востоке река Юсюй (т.е. Упсу=Упса или Туба – В.Б.) ... Все они собираются в Цянь и стекают в реку Анкэла (т.е. Ангара – В.Б.), а на севере впадают в море”.¹² Через четыре века то же самое констатировали русские документы: “... а Енисей река прошла всквозь Кыргызскую землю; а по сю сторону Енисея по рекам Абакану и по Уйбату живут и подле Енисей многие кыргызские ... люди, а по другую сторону Енисея и по Упсе реке живут кыргызы ж, имя им тубинцы ...”¹³

Историческая топонимия Саяно-Алтая подтверждает мнение авторитетных исследователей о том, что древнее государство, возникшее в долине Среднего Енисея, носило имя “кыргыз”. Полное отсутствие топонимов “хягас” или “хакас” ещё раз подтверждает тот факт, что термин “Хакасия” здесь инородный.

В XVII в. южным рубежом Хонгорая неизменно обозначались горы Западных Саян (“Саянский камень”), за которыми кочевали подданные Алтынхана. Ороним восходит к хонгорскому термину “Соян”, что значит “Тувинские горы” и отражает этнические границы двух соседних народов. В память

никах древнетюркской письменности и арабо-персидских источниках X-XI вв. Саяны назывались “Когмен”. Данный топоним, немного изменив свою форму, дожил до наших дней. На древнем пути из Тувы в Хакасию (по р. Аны) в верховьях р. Джебаш находится снежный пик “Койпен тасхыл”, именуемый по-русски также Копены. Сохранившийся в народной памяти древнетюркский топоним Койпен – Когмен свидетельствует с культурной преемственности хакасов с прежними обитателями Саяно-Алтая.

Северная граница Хонгорая проходила по среднему течению р. Чулым, именуемый в местных языках словом “уус” (Июс). Гидроним происходит от древнетюркского “үгүз” – река. На протяжении XVII в. северный рубеж Кыргызской земли отодвинулся на юг от р. Яя и Кия до Черного Июса и от Мелетского и Красноярского острогов до р. Огур.¹³

В административном отношении Хонгорай подразделялся на четыре улуса-княжества и зависимых от них киштымских урочищ. На севере Кыргызской земли в долине Июсов и Божьих озер (Тигір көл) располагался **АЛТЫСАРСКИЙ** улус. Название восходит к хонгорскому слову “алтынсархы” – северный. В русских документах алтысарцы (алтынсары) именовались “нижними кыргызами”, т.к. обитали ниже остальных по течению Енисея. Со времен монгольского завоевания политический центр Кыргызской земли сдвинулся из долины р. Абакана на север. В междуречье Белого и Черного Июсов находилась резиденция самых знатных князей. Поэтому алтысарцы имели второе название “Большие кыргызы”. Кыргызские улусы состояли из кочевьев княжеских фамилий и аймаков (родов) рядового населения. Среди Алтысарского улуса письменные источники упоминают следующие аймаки: Кызыльский, Камларский, Шуйский, Ачинский, Ыгинский. Киштымские урочища алтысарских князей находились в долинах рр. Чулым, Кия, Томь и северных отрогов Кузнецкого Алатау.

ИСАРСКИЙ (Езерский, Джесарский, Елисарский) улус находился в географическом центре Хонгорая вдоль Енисея от устья р. Абакан до р. Огур. Его название, вероятно, происходит от хонгорского “иссархы” – внутренний (а может “искеркі” – восточный?). Основное население улуса составляли кыргызские роды “кереиты” и “езерцы”, и поэтому в русских документах он зачастую именовался Езерским или Керейтским. Княжеские кочевья исарцев находились в устье р. Ерба и р. Абакан. Среди езерских аймаков перечислялись Камасинский, Качинский, Аринский, Ястинский, Хайтонский (Кандынов) по р. Туба, Сыйский по р. Сыда, Кашинский по р. Мана.¹³ Кроме того, их киштымские урочища располагались вниз по р. Енисей, захватывая рр. Убей, Мана, Кача и др.

АЛТЫРСКИЙ (Олтырский) улус располагался по левобережью р. Абакан от Уйбата до устья Таштыпа. Он был самым южным или верхним, согласно течению р. Енисей. Поэтому их жителей русские документы называли

“Верхние кыргызы”. Происхождение имени улуса до сих пор остается загадкой. Вполне возможно, что его название связано с этнонимом, ибо среди угнанных в Джунгарию кыргызов из Алтырского улуса находился род “ортыр”.¹⁶

В пределах Алтырского улуса находились аймаки Сагайский, Четубурский, Сарыгларский, Ичегский, Бельтырский, Табанский, Саянский, Чистарский, Иргитский, Хапхына и др.

“Киштымской землей” его считались таежные долины Кузнецкого Алатау (Улгенниг сын) по рр. Томь, Мрассу, Кондома и Северный Алтай до Телецкого озера.

ТУБИНСКИЙ улус охватывал все правобережье Енисея от Саян до р. Сыда и, вероятно, правобережные степи Абакана. Центр его находился в долине р. Упса (Упсу), названной русскими затем Тубою по ведущему роду тубинцев. Другой крупный род “модар” (моторцы) занимал земли в предгорьях Саян. Несмотря на некоторые этнические различия, модары и тубинцы считались с кыргызами “одни люди и род и племя”.

В составе Тубинского улуса находились следующие аймаки: Байкотовский, Кольский, Уштерский, Каменно-Моторский или Койбальский, Яринский, Бохтинский, Алытский, Бугусский, Алахамский, Корнасхамов, Бугачев.¹⁷ Три левобережных улуса носили географические определения (нижний, верхний, внутренний), что является показателем территориально-экономических связей Хонгорая. Вполне возможно, что подобное административное деление существовало ещё во времена Кыргызского государства, ибо в IX в. правление “хягасского владетеля” осуществлялось при помощи трех министров-бегов, а в XIII в. во главе кыргызов стояли три эмира.¹⁸

Таким образом, эпоха средневековья в долине Среднего Енисея, охватывающая период от развала Монгольской империи в конце XIV в. и до присоединения её к России в начале XVIII в., связана с историческим развитием этнополитического образования Хонгорай.

Особенности хозяйства и культуры

Основой хозяйства кыргызов являлось скотоводство полукочевого типа, максимально приспособленное к местным природным условиям. Скотоводческое направление хозяйства в долине Среднего Енисея установилось уже в эпоху средневековья. В 1253г. В. Рубрук сообщал, что к северу от монголов “также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы (т.е. кыргызы – В.Б.)”.¹

Минусинская котловина являлась одним из древнейших скотоводческих очагов Сибири. Основными видами стада здесь были лошади, крупный рогатый скот и овцы. В 1667г. Алтын-хан Лоджан у алтырских кыргызов отогнал

“коней де и рогатова скота и овец” шесть тысяч голов.² В 1689г. джунгарский хан Галдан Бошохту-хан из Кыргызской земли в качестве налога забрал 20 тысяч голов скота.³

Основная порода местных лошадей была “степная киргизская”. Табуны паслись круглый год в степи и горах на подножном корму. Лошади использовались как убойный скот на мясо и как средство передвижения. Во второй половине XVII в. в русских документах сообщалось, что джунгары Галдан Бошохту-хана “ездят на быках, а они де кыргызы ездят на лошадях”.⁴ Население Западной Тувы ещё в XIXв. использовало волов под верховую езду. В отличие от них “кыргызы, алтырцы, тубинцы и моторцы, точи и саяны, мунгалы и братья, все ... люди конные”.⁵ В питании скотоводов большим спросом пользовалась конина. Однажды в 80-х гг. XVII в. джунгарский отряд, расквартированный в долине Абакана “в кыргызских улусах их кыргызских людей из проели, съели у них две тысячи лошадей опричиного скота”.⁶

Рабочие лошади зимой держались на приколе – “орген”. Осенью около аала вбивались колья. Для одного коня нужно было установить 40 кольев на расстоянии двух арканов друг от друга. Зимой к ним привязывали коня, который находился на подножном корму. В степной части Хонгорая было развито верблюдоводство. Верблюды использовались для дальних перекочевок. В 1641г. во время военного похода Я. Тухачевского в Кыргызскую землю было захвачено в Алтысарском и Исарском улусах 158 верблюдов.⁷ Вполне возможно, что основная масса верблюдов была уведена за Алтай вместе с угоном населения Хонгорая в 1703 году.

В условиях полузасушливых степей Минусинской котловины развитие скотоводства было связано с перекочевками на сезонные пастбища. В XVII веке русские документы отмечали: “А Кыргызская де земля кочевная, живут в избах холстяных (т.е. юртах – В.Б.), а ходят в шубах и зипунах, а едят рыбу и зверь бьют, а бой у них лучной, ... лошадей и коров и овец много, хлеба не сеют и не родитца”.⁸ Скотоводы Хонгорая согласно сезонам меняли кочевья четыре раза в год. “Кочуют кыргызы беспрестанно... – сообщали русские документы, – в зимнее время ... живут на реке Енисее по островам во всю зиму”.⁹

Перекочевки со скотом совершались по давно выработанному маршруту и на определенные пастбища. Все имущество перевозили, навьючивая на коней или грузили на волокуши. Например, чтобы перевезти юрту требовалось навьючить три коня.

В степной части Хонгорая использовался также колесный транспорт. Русские источники неоднократно упоминают о “кыргызских подводах”. Например, в 1638г. посольство В. Старкова к Алтын-хану из Алтырского улуса “поднялись на кыргызских подводах с великою нужою на Абакан реку; половину пеши брели, потому что подвод было мало...”.

Сенокосением кыргызы не занимались. Как сообщали в 1684 г. русские источники, в “их кочевьях снега мелки, а сен они на скот не готовят”.¹⁰

Основным жилищем кыргызов являлась юрта “иб”. Например, у князя Улагача в бою с русскими в 1704 г. “взяли цветную юрту со всяким убранством”.¹¹

В степной части Хонгорая существовала облавная форма охоты – “аб”. Её участниками становились все жители аала. В связи с этим, у хакасов до сих пор бытует пословица: “Аал – кунниң абы пір, аал-хончыхтың хобы пір”. – У аальной общины есть единая облавная охота, у соседей единые сплетни. В XVIII в. облавная охота была подробно описана Г.Ф.Миллером. Он сам наблюдал, как 300–400 человек, среди которых были женщины и дети, верхом выезжали в степь. “Сначала они образуют линию, в которой один человек находится от другого на расстоянии 100 сажень. Затем оба крыла постепенно сближаются, а так как вся линия всадников непрерывно движется вперед, то получается круг (называемый по-хакасски “сівее – т.е. крепость - В.Б.). Старшина охоты, избираемый всей охотящейся группой, едет впереди посередине. Ему подчинены ещё два старших охотника, которые командуют правым и левым крыльями... Как только оба крыла сомкнутся, со всех сторон поднимается громкий охотничий крик. Тогда дичь начинает сбегаться... Старшина охоты с несколькими хорошими стрелками находится в середине круга, и они все время бьют дичь.... Иногда они делают два круга в один день, иногда – только один. При одном круге они идут вперед до 10 верст, прежде чем сомкнется круг. Вся убитая дичь сносится в одно место и делится поровну всеми”.¹² При облавной охоте сохранялись общинные формы отношений. Подобная охота была широко распространена в средневековой Хакасии. Например, в 1660г. русский посланник к Алтын-хану С.Грек отмечал: “И декабря в 20-й день приехали на Уйбат реку в Алтырские улусы, а в те поры выехали алтырцы все на облаву”...¹³ Охота была суровым и нелегким трудом. Недаром местные жители сложили пословицу: “Силы женщины забирают дети, силы мужчины забирает тайга”.

Зарождение плужного земледелия со сложными ирригационными системами относится к периоду Кыргызского каганата. До сих пор остатки старинных оросительных сооружений у хакасов называются “хыргыс аргылары” – кыргызские нивы. В эпоху позднего средневековья в Хонгорae русские источники отмечали наличие “кыргызских пашен”. Они находились в лесостепных районах, где сеялись ячмень и кырлык (местная гречиха).¹⁴ Основным земледельческим орудием служил “абыл” – тип кетменя, представляющий собой массивную железную лопату с насаженным под углом черенком. Он изготовлялся шорскими кузнецами. Абылом окапывали земельные учас-

тки, расположенные на южных склонах гор и холмов. Эти пашни не требовали полива, т.к. весной было много влаги от тающего снега.

Кыргызы широко применяли в своем рационе питания дикорастущие плоды и съедобные корни. В начале лета женщины и дети выходили на промысел кандыка и сараны. Выкапывали их специальным орудием “озоп”, железный наконечник которого изготовлялся кыргызскими киштымами. На одно хозяйство заготавливали до 5 мешков кандыка и сараны, их мыли, нанизывали в связки и сушили. Сушеные корни мололи на ручных мельницах, а из муки делали каши, пекли лепешки и т.д. В 1660 г. русский посланник С.Грек сообщал: “И живучи многое время в Кыргызах, и в Тубе, и в Керейтах, и в Алтырах покупали себе на еду скот и бараны, и молоко, и крупы, и кырлышную муку, и сараны, и кандык, и всякой коренья ездя по улусам дорогой большой ценою и тем питались много время”.¹⁵

Население подтаежных районов Хонгорая добывало руду и считалось искусными плавильщиками железа. Небольшие плавильные печи “хура” сооружались из глины внутри зимних жилищ. Железную руду очень мелко толкли в ступах, а затем небольшими порциями вместе с углем сыпали в небольшое верхнее отверстие печи. Двумя мехами постоянно нагнетали воздух и поддерживали высокую температуру горения. За одну плавку получали до 1,5 кг железа. Кузнецы изготовляли ножи, сабли, наконечники для стрел, шлемы, тавра для скота и т.д. Особо ценились панцыри-куяки. В 1657г. Алтын-хан Лоджан-тайша приказал кыргызам, чтобы их киштымы кондомских волостей “сделали ему Лоуджану, 1000 куюков, а на Мрассе б сделали 1000 куюков”.¹⁶

Среди кыргызов славилось ювелирное ремесло. Серебряных дел мастера изготовляли серьги, огнива, наборную упряжь и т.д. В XVII в. русские документы сообщали, что в “кыргызской, и в тубинской, и в алтырской, и в керетской землях ... серебряных мастеров, которые из китайского серебра узды делают и по железу набивают, добре много”.¹⁷

Хонгорай вел торговлю с Монголией, Китаем, Сибирским ханством и Средней Азией. Из Китая (до которого от Среднего Енисея было ходу 4 месяца) привозили шелковые ткани, фарфоровые изделия, лакированную посуду и другие товары. В Хонгорае находились бухарские, китайские и турецкие купцы. Кыргызы поставляли на азиатский рынок пушнину, мускус, предметы вооружения, железные изделия и т.д.

Обучение кыргызской знати проходило на монгольском языке как при ставках бегов, куда приезжали грамотные буддийские монахи, так и в Монголии и Джунгарии. Известный князь Еренак Ишеев получил образование в Джунгарии. В 1884г. он отправил в Красноярск письмо, которое было “писано по-калмыцки”.¹⁸ Всего ученым известно три его послания, в том числе и русскому царю, на монгольском языке.

В религиозном отношении кыргызы на протяжении всего средневековья оставались шаманистами. Они неизменно сохраняли обряд кремации своих умерших. Например, в 1662г. после боя с русскими кыргызские “воинские люди отступили, и отступя, побитых своих татар жгли”.¹⁹

В XVII веке на территорию Хонгорая под влиянием Алтын-ханов и джунгарских хунтайджи стал усиленно проникать буддизм. Например, в 1633г. “Тангутской земли лаба” по имени Дайн Мерген Ланза по заданию Алтын-хана прибыл в Хакасию. В дальнейшем он настоятельно просил Алтын-хана пожаловать его, “богомольца своего”, Хонгорскою землею.²⁰ Со времен правления князя Еренака и его преемника Шорло Мергена в Хакасию зачастили “калмыцкие ламы”, приезжавшие из урги Джунгарского хана.²¹ На Шалаболлинской писанице по р. Туба имеется текст договора на монгольском языке, заключенного буддистским ламой и местным князем по поручению знаменитого Галдан-Бошохту-хана.²² По всей видимости, хонгорские князья взяли ориентацию на принятие буддизма в Хакасии. Один из князей даже носил имя “Номчы”, т.е. знаток священного писания.

К XVII в., вероятно, относятся постройки первых буддийских храмов, курмирен и субурганов. Один из субурганов находился в верховьях р. Уйбат по р. Кискач и был раскопан в 1986 г. археологом Я.И. Сунчугашевым.²³ Здесь были найдены две буддийские статуэтки. В 150 м к северу от фундамента субургана была обнаружена скала-молельня с вырубленной нишей, где были нанесены буддийские знаки-символы. До сих пор окружающая местность у хакасов носит название “суурган”, т.е. субурган.

На территории Минусинской котловины найдено 20 буддийских статуэток, большинство из которых хранится в Минусинском краеведческом музее.²⁴ Они отлиты из бронзы или вырезаны из мрамора. Основное количество буддийских статуэток изготовлено до XVIII в. и происходит из Тибета. Все эти факты свидетельствуют о проникновении буддизма в Хакасию в эпоху позднего средневековья. Буддизм, несомненно, в дальнейшем сыграл свою роль на формирование бурханизма среди хакасов.

Общественный строй Хонгорая

Все улусы Хонгорая представляли собой единое политическое пространство и вместе с их ясачными людьми были “кыргызского владения землицы”.

Наряду с патриархально-родовыми отношениями обществу Хонгорая была присуща и классовая дифференциация. Представителями правящего класса выступали чайзаны, т.е. элита (“лучшие люди” русских документов), а эксплуатируемый класс составляли харачы, т.е. простолюдины (“черные люди” русских документов). Харачы представляли трудовое население кыргызских

улусов. В широком смысле к харачы относились и киштымы (кистимнер), жившие в своих подтаежных урочищах. Киштымы платили своим господам ясак и подвергались в ряде случаев этнической эксплуатации. Чайзаны были хозяевами крупных стад скота и предводителями больших групп зависимого населения. Существенное социальное значение придавалось происхождению человека и статусу его рода. По своему происхождению население Хонгорая разделялось на “хасха сёёк” – белую кость, т.е. аристократию, к которой относились кыргызы, и на “пора сёёк” – серую кость, т.е. плебейское сословие, к которому причисляли киштымов и всех, кто относился к харачы.¹

В исторической литературе на протяжении двух столетий не прекращаются споры о том, “что из себя представляли так называемые енисейские кыргызы”. Историки XVIII-XIX вв. Г. Миллер, И. Фишер, И. Георги, В. Ватин и другие считали кыргызов особой народностью, “отличавшейся в этнографическом отношении от нынешних минусинских инородцев и выселившейся из Минусинского края с приходом русских”. (Под натиском русских они ушли к джунгарам, у которых “под именем Бурут известны”).²

С подобной точкой зрения не соглашался И.П. Кузнецов-Красноярский, предположивший, что название кыргызов “было усвоено по недоразумению” русскими казаками для коренных жителей и даже попытался опровергнуть факт ухода кыргызов из енисейских степей.³

Среди современных исследователей по этому вопросу до сих пор не утвердилось единого мнения. Если Л.П. Потапов определяет енисейских кыргызов “небольшой тюркоязычной группой”, то Л.Р. Кызласов утверждает о них как об “извечном царском роде”.⁴

Согласно русским документам XVII в., где нет достаточно четкой этнической характеристики, к “кыргызской породе” относились: алтысарцы и туматы, жившие по р. Июс; тубинцы, жившие по р. Туба и ее притокам; езерцы (джесары), кочевавшие в долине Енисея; кериты, урдуты, алтыры и кезегеты, обитавшие по р. Абакан. Исходя из указанных данных, можно констатировать, что кыргызы не были “княжеским родом”, а представляли элитарную этническую группу. К этому мнению впервые пришел Н. Козьмин.⁵ Среди кыргызов выделялись “князцы”, “лучшие люди”, “служилые люди”, “улусные люди”, что свидетельствует об их социально-классовой дифференциации. Родовой состав кыргызов резко изменился в монгольскую эпоху и отражает проникновение значительного количества монгольских элементов в среду тюрков Хонгорая. Например, роды керит, урдут (меркит) и тумат появились на Енисее только в XVIII в. после разгрома Чингис-ханом своих монгольскоязычных вражеских племен на просторах Центральной Азии.⁶ Они стали осознавать себя кыргызами только после образования этнополитического союза Хонгорая. Несомненно, к этой же эпохе относятся передвижения из

Тувы в долину Абакана древнетюркских племен капканасов (хапхына) и чиков (ичеге).

Составляли ли кыргызы в XV-XVII вв. отдельный этнос? Имелось ли у них свое самоназвание? На этот вопрос в какой-то мере может ответить исторический фольклор нынешних хакасов – наследников кыргызской культуры. Согласно их преданиям, народ, живший здесь до татар (т.е. хакасов), назывался “хоорай”.⁷ Однако указанный этноним применялся не только в качестве самоназвания кыргызов, но и как самоназвание их киштымов. Например, кыргызские киштымы моторского аймака назывались “хонгорские модоры”.⁸ В таком случае, в широком смысле, и кыргызы, и киштымы составляли единый народ Хонгорая, этноним которого взаимосвязан с обозначением их степной родины в долине Среднего Енисея. В узком смысле, согласно русским источникам, хонгорские кыргызы не представляли собой отдельную этническую общность, а являлись аристократической группой, обозначавшейся по-хакасски “хасха сөбк” (белая кость).

Политический центр и столица Хонгорая в начале XVII в. располагались в междуречье Черного и Белого Июсов, где находился “кыргызский белый каменный городок”.

Для решения государственных дел здесь собирался большой съезд (хурал) представителей всех четырех улусов Хонгорая. Например, на съезде 1627 г. присутствовало 700 делегатов (из них 300 кыргызов). На таком форуме решающий голос принадлежал кыргызским князьям. Они совместно “удумывают обо всяком земляном деле”.⁹ Здесь же выбирался “лучший” князь, которому поручалась верховная власть в Кыргызской земле”. В начале XVII в. “начальным” князем был Немек “и та Киргизская земля вся ево, а наперед того была отца ево”. В 1630-1640 гг. “лучшим” князем слыл Номчы, затем стал его сын Кочербай. При заключении мира с русскими Кочербай, как самый старший и почитаемый, давал шерть (присягу) за всех кыргызских князей и “за улусных людей, и за их братью, и за детей, и за род, и за племя, и за улусы и за всю Киргизскую землю по совету всей Киргизской земли”.¹⁰ Наличие общего “Совета всей Кыргызской земли” характеризовало политическое единство улусов Хонгорая, хотя в период феодальной раздробленности верховный бег вряд ли имел большую политическую власть.

Для управления “Кыргызской землей” чайзаны содержали административный аппарат, скопированный вероятно с монгольской модели. Чиновники носили монгольский титул “тузумер”. Судебные функции исполняли “яргучи” – особая каста профессиональных хранителей юридических законов. Высший суд по нормам обычного права осуществлял “Казыр Яргучи” – Грозный судья, находившийся при ставке верховного бега. Предположение историка Н. Козьмина о том, что верховный судья Кыргызской земли носил

титул “ожо” построено на основе имени езерского судьи Боти-ажо, жившего в начале XVIII в. Вероятно, второй компонент имени восходит к почтительно-му обращению “аджа” (ача), т.е. старший брат, дядя. При проверке социально-классовой структуры енисейских кыргызов за весь период XVII в. ни в одном из документов не был обнаружен подобный титул. Он совсем не отразился в исторической памяти хакасского этноса.¹¹ Вероятно, известный титул “ажо”, связанный с обозначением высшего правителя в государстве Хягас, как и этноним “хягас”, был сильно искажен в китайских источниках. Отсюда следует, что далеко идущие выводы Л. Кызласова о неизменности общественной структуры “древних хакасов”, построенный только на одном имени Боти-ажо, не соответствует действительности.

Исполнением княжеских приказов и осуществлением сборов государственных налогов занимались “чазоолы”, т.е. есаулы. В ведении каждого чазоола находилось примерно 40 юрт. Для записи собранного албана или мобилизованных воинов использовались деревянные бирки (киртік), где наносились особые цифровые знаки. Например, 1-один, /-пять, X-10, / -пятьдесят, -сто, - пятьсот, тысяча.¹² Совершенно идентичная система счета существовала у многих народов Сибири. Она зародилась во времена древнетюркской эпохи. “Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве”, – сообщали китайские летописи о древних тюрках.

В период Джунгарского владычества сбор налогов был организован на более высоком уровне. В делопроизводстве стали применять особые книги. Кыргызы не имели права передавать своих киштымов в руки русского правительства, ибо “те де люди записаны в книги калмыцкому тайше Бошухтухану”.¹³

Кыргызские князья, стоявшие во главе улусов, носили древнетюркский титул “бег” (в русских документах – улусные тайши). Каждый из них имел свое знамя и печать-тамгу, которой он скреплял свои приказы и договоры. Во второй половине XVII в. кыргызские беги под влиянием джунгаров приняли для себя монгольские титулы. Езерский бег Шорло стал Мерген-тайджи. Такой же титул носил алтырский бег Таин-Ирка. Сына Таин-Ирки звали Тангут Батур-тайджи. Брат Таин-Ирки по имени Конгош носил звание Яйзан-Бахши и, вероятно, имел высокое образование. Термин “бахши” употреблялся по отношению к учителю. Среди кыргызских князей существовали привилегированные лица, освобожденные от уплаты албана за особые заслуги перед джунгарским ханом. Они имели титул “тархан”. В Кыргызской земле к ним относились алтысарский князь Маши Тархан и алтырский Конгор Тархан-Яйзан.¹⁴

Представители княжеских фамилий, относящиеся по русским документам к “лучшим людям”, добавляли к своим именам почтительные титулы “каш-

ка” и “мерген”. Например, Барчик Магнай-кашка, Алтын кашка, Матыр Магнай-кашка, Курбан кашка, Айкан Юрукту-кашка, Иченей мерген и т.д.

Число кыргызских князей было невелико. В четырех улусах Хонгорая их насчитывалось в разное время от 50-100 до 300 человек. Все они находились в родственных отношениях между собой. Кыргызские князья еще в начале XVII в. считали себя равными с правителями ойратов и рождались с ними путем взаимных браков. Алтысарский князь Кочебай Батараев был женат на княгине Абахай, родной сестре основателя Джунгарии Карагула-тайши. Сын последнего Баатыр-контайша в 1635 г. стал первым правителем Джунгарского ханства и, соответственно, был племянником Кочебая и двоюродным братом его сына Табуна Кочебаева.¹⁵ Родственные связи с могущественными ханами Центральной Азии укрепляли позиции кыргызов в Южной Сибири.

Каждый князь или члены княжеских фамилий имели своих “улусных людей”, главной обязанностью которых являлась воинская повинность. Чайзаны были окружены многочисленной челядью. В их хозяйстве работали пастухи и хулы, которые в русских документах именовались холопами. В основном ими были закабаленные бедняки. Служба холопа своему хозяину, по данным фольклора, сохранялась и на том свете. В исторических преданиях имеются факты захоронения хулов вместе с умершим господином. Обычно чайзаны кочевали со своими родственниками и улусными людьми, которые вместе составляли отдельные княжеские аймаки, называемые в русских источниках также улусами. Жестких границ между аймаками и даже улусами не существовало. Во время военной опасности чайзаны вместе со своими аймаками могли перекочевывать на любую окраину Хонгорая. Например, в 1680 г. Алтысарский бег Еренак, опасаясь военного похода со стороны русских, “со всеми своими улусными людьми кочевал за Абаканом рекою”, а алтырцы, исарцы и тубинцы – по левую сторону Абакана.¹⁶

Княжеские аймаки по всей величине были различными. Так, у Шанды Сенчикенева насчитывалось 22 улусных человека, а у алтырского бега Таин Ирки – “улусных ево всяких людей и с работными людьми ста с четыре”. Всего же кыргызских улусных людей, помимо киштымов, в конце XVII в. находилось в кочевьях по р. Абакан и Июсам более 3 тыс. человек.¹⁸ Вероятно, здесь речь идет о душах мужского пола. Значит, вместе с детьми и женщинами (при коэффициенте 5) их насчитывалось около 15 тыс. человек.

Опорой княжеской власти служили дружины – “хозон” (т.е. хошун). По данным хакасского фольклора, каждый бег содержал до 40 витязей (матыр). Они являлись знатным военным сословием и в русских документах отождествлялись со “служилыми людьми”. В начале XVII в. насчитывалось “киргизских служилых людей не много, человек с полтора”.¹⁹ Военная когорта к своим собственным именам добавляла титул батыр (матыр) или монгольск-

кий термин “кошеучи” (хозончи). Например, Керсо батыр, Дун Ирка Матур, Бар кошеучи и т.д. В исторических преданиях фигурируют Тасха Матыр, Ай-дарах Матыр, Хырна Матыр и др. В мирное время батыры находились при ставке бега. Во время военных действий они выступали предводителями отдельных боевых отрядов и ополчений, набранных из “улусных людей” и даже киштымов. Рядовое население обязано было нести воинскую повинность, и поэтому мужчин, платящих подать, называли “ухчы” – боец, стрелок. В XVII в. Хонгорай имел постоянное войско из профессиональных “военных людей” численностью от 600 до 2 тыс. бойцов. Например, в 1698 г. князя Алтысарского, Исарского и Алтырского улусов решили запретить русским людям строительство Каштакского острога. В связи с этим князь Улагач Кашка встал “на Каштаке у серебряной руды, а с ним воинских людей тысяча человек, а другая тысяча в Киргизской земле”.²⁰

Среди народов Южной Сибири кыргызы выделялись своей воинственностью. Русские служилые люди отмечали, что “всегда опасно от киргизов, которых человек с 1000, только гораздо воинсты ...”.²¹

Военное дело кыргызов не отставало от общего уровня развития вооруженных сил княжества Алтын-ханов и Джунгарского ханства. Существовала своя тактика нападения и обороны. Основу войска составляла конница. В XVII в. Хонгорайская конница насчитывала до тысячи всадников: “а садитца их на лошади с копии в куйках человек с четырехсот, да человек с пятьсот садитца в саадацах и древками...”²² В XVII в. Хонгорай уже знал огнестрельное оружие, которое приобреталось как у джунгаров, так и у русских. Письменные источники сообщают, что во время битвы с отрядами Еренака кыргызы стреляли “из турских пищалей, из мушкетов, из винтовок и из луков...”²³

При штурме крепостей и русских острогов кыргызы выходили “на бой за щитами”. На случай вторжения неприятеля на территорию Хонгорая в горных местах были сооружены военные укрепления и форпосты. Цепь крепостных сооружений составляла замкнутую фортификационную систему, каждое звено которой просматривалось с соседнего укрепления. По Хакасии насчитывалось около ста подобных сооружений, называемых по-хакасски “сiвее”.

Благодаря служилому сословию батыров, кыргызские беги сохраняли свою власть над улусными людьми и держали киштымов в повиновении.

Эксплуатируемый класс Хонгорая составляли киштымы (кистимнер), обитавшие как в своих урочищах по дебрям Саяно-Алтая, так и в подтаежных аймаках кыргызских улусов. Институт киштымства зародился еще в период Кыргызского государства. Киштымами становились вассальные племена и роды, подвергавшиеся своеобразной социально-этнической эксплуатации со стороны господствующих кыргызов. Русские документы представляли киштымов как черных людей, ясачных мужиков, “природных холопов” или про-

сто “ясачных людей”, которые у кыргызов были “вместо русских крепостных крестьян”²⁴. В русских источниках постоянно проводится четкая грань между кыргызами и киштымами. Жители киштымских урочищ, расположенных далеко за пределами Минусинской котловины, уже в начале XVII в. оказались двоеданцами и стали платить ясак России. Однако киштымские аймаки, находившиеся на территории улусов Хонгорая, надежно охранялись кыргызами. Кроме того, в XVII в. к кыргызским киштымам относились орчуки (урчуки), кучугуты и точи, т.е. часть нынешних тувинцев, принадлежащих родам ооржак, кужугет и тоджинцев. Киштымами становились даже беглые русские люди. В 1685 году русский дворовой человек Сенька Черкашин “бежал в кыргызы и жил в езерцах у киргизенина у Кулчака в киштымах и ясак платил ему Кулчаку”.²⁵

Киштымы считались вечными должниками кыргызов. В трудные годы они приходили в Кыргызскую землю кормиться, получали в долг скот, различную одежду и утварь. Киштымы обязаны были платить кыргызам ясак (албан) натурой. Как правило, в уплату шли меха соболей. Согласно степным законам, с каждого киштыма взимали по 5 соболей или его эквивалент. В некоторых случаях албан брали железными изделиями, предметами вооружения и даже продуктами питания.

Для обеспечения гарантии сбора ясака существовала система заложенчества – “аманат”. Причем, если киштымы полностью не выплачивали албан, то в залог забирались их жены и дети. В том случае, когда киштымы восставали и отказывались платить дань, то князья обращались за военной помощью к другим улусным тайшам.

В своих урочищах и аймаках киштымы управлялись собственными башлыками и имели свои охотничьи угодья. Посягательство на киштымские урочища Хонгорая грозило врагам военными действиями со стороны кыргызов. Иногда подобные стычки происходили с бурятскими и телеутскими князьями, претендовавшими изредка на киштымов Исарского (камасинцев, качинцев, аринцев) и Алтырского (по р. Кондома) улусов. Яблоком раздора стали пограничные территории с Россией. Кыргызы в боях отстаивали свои права господства над ясачными людьми. Например, в начале XVIII в. они предъявили счет Томскому воеводе вернуть 9 тыс. сороков соболей, собранных за 11 лет, с 1691 по 1702 гг. с их киштымов, живших по р. Чулым. В свою очередь, русские власти обвинили кыргызов в том, что последние с тех киштымов “грабежом взяли 2000 соболей, 1000 лисиц, 100 россомов, 5000 горностаев, 20000 белок”.²⁶

Каждый кыргызский бег, стоявший во главе улуса, имел от 500 до 1000 киштымов. Например, алтырский бег Талай владел “ясачными людьми по реке по Мрассе де и на Кондоме с 1000 человек”, а у исарского улусного тайши Иченей-Мергена было “в Мугальской земле киштымов ясачных с 500

человек”.²⁷ Кыргызские князья более мелкого ранга владели “ясачными людьми с их промыслами по сороку человек и болши”. В 1701 г. в русских документах сообщалось, что “всех кыргызских князьков самих человек с триста, а черных людей ясачных мужиков, а по-кыргызски киштымыв, с 1000 человек”.²⁸ Но фактически число киштымыв было намного значительнее. Даже если допустить, что всех кыргызских бегов и чайзанов насчитывалось 100 человек, то соответственно за ними стояло приблизительно до 6 тыс. киштымыв, а вместе с их женами и детьми до 30 тыс. человек (при коэффициенте 5).

В начале XVIII в. среди дипломатического собрания документов, переведенных с монгольского и маньчжурского языков, для обозначения многих племен Южной Сибири стал употребляться термин “урянхай”. Например, после угона кыргызов джунгарами в долине Енисея остались четыре аймака “кыргызских урянхайцев”: “арахаш, застук, хайгин, модор”,²⁹ т.е. аринцы (аара), качинцы (хааш), кайдинцы (хайдын), ястинцы (частых) и моторцы (модар), относившиеся в основном к Исарскому улусу. В долине Абакана в том же году в подданство России перешло 12 урянхайских аймаков Кыргызской земли: Том-Сагай, Уюс-сагай, Иргит, Четубур, Сарыглар (2 аймака), Ичег, Табан, Бельтыр, Саин, Хапхына и Чистар.³⁰ В некоторых документах указанные аймаки оказались “породы кыргызской” ибо входили в состав Алтырского улуса Кыргызской земли. В таежной зоне Кузнецкого Алатау в 1704 г. располагалась тысяча кибиток “урянхайских аймаков”. Среди них встречаются следующие этнонимы: бюрюс, хобый, хызыл-хая, туран, киджин, харга, тайас, халар и т.д., представители которых ныне составляют большую часть этнической группы сагайцев. В маньчжурском документе за 1708 г. указывается: в Хонгорае кочуют “киргис, уранхай, моторы”³¹, что надо понимать: “кыргызские урянхайцы-моторы”.

Таким образом, согласно вышеприведенным источникам смысл монгольско-маньчжурского термина “урянхай” соответствовал кыргызскому слову “киштым”, т.е. ясачные люди, вассальные племена. Подтверждением нашего вывода служит письмо кыргызского князя Еренака, где в монгольском контексте слово “урангхай” переведено по-русски “ясачные”.³²

В XIX в. название “Урянхай” закрепилось за территорией Тувы, где с древнетюркской эпохи население находилось сначала в вассальной зависимости от кыргызов (шесть подразделений в Кешдеме), а со времен монгольской экспансии оказалось ясачными (урянхайцами) монгольских ханов. Уже в середине XVIII в. В. Рубрук отметил, что к северу от монголов около кыргызов обитают “оренгаи”.³³

В крупных скотоводческих хозяйствах Хонгорая применялся труд военнопленных рабов. В 1685 г., когда алтырский бег Таин-Ирка находился в течение года при ставке джунгарского хана, то последний после военного похода в Кыргызстан (Брутскую землю) пожаловал “брутской земли полоняников”

“человек с семьдесят и больше кыргызскому князю Таин-Ирке”.³⁴ Вероятно, от них ведет свое происхождение хакасский сеок “пурут”.

Итак, в Хонгорae действовали общественные институты власти с налоговой системой, военно-административным управлением и господствующим патриархально-феодальным укладом. Элитарную группу населения составляли кыргызские князья, благополучие которых строилось на основе эксплуатации трудовой деятельности киштымов и харачы. Господство их держалось на военной силе особого сословия батыров.

Киштымы располагали собственными средствами производства и эксплуатировались как путем внеэкономического, так и экономического принуждения. Причем через дань у них присваивался весь прибавочный продукт производства и оставлялся только необходимый для прожиточного минимума. В целом, институт киштымства как данничества представляет собой особый примитивный тип эксплуатации, который, однако, по своей сути стоит ближе к раннефеодальным отношениям. Во внутренних делах кыргызы сохраняли независимость, что позволяет говорить о наличии у них своеобразной государственности.

Взаимоотношения Хонгорая с Монголией и Джунгарией

В XVI-XVII вв. история Северной Азии ознаменовалась крупными политическими событиями. В 1581-1590 гг. силами казаков было завоевано Сибирское ханство, и начался процесс присоединения Сибири к Российскому государству. В Центральной Азии возникли монгольские феодальные образования Алтын-ханов и Джунгария. Енисейские кыргызы оказались между “жерновами” этих государств. В течение XVII века со стороны Хонгорая велась активная борьба за сохранение своей политической независимости и укрепление власти над киштымскими урочищами.

В 80-е гг. XVI в. возникло государство Алтын-ханов, выделившееся из Дзасакту-хановского владения Монголии. Его основатель Шолой (Кун Канчей) Убаши (1567-1627) был чингизидом и являлся внуком известного монгольского правителя Даян-хана (Бату-Мункэ). Ставка Алтын-ханов находилась в районе оз. Убусу-нур. В их владения входила территория Северной Монголии и Тувы. В начале XVII в. (после 1627 г.) к власти приходит сын Шолой-Убаши по имени Омбо-Эрдени или Ирден-тайша (1630-1659). В 1659 г. главой государства Алтын-ханов становится Лождан-тайша (Лувсан), которого в 1686 г. отстранили от власти. Вместо него был поставлен другой сын Омбо-Эрдени по имени Гендун-Дайчин (1686-1697). С 1686 г. государство Алтын-ханов практически потеряло самостоятельность и было опять вклю-

чено в состав Джасаку-хановского владения. После смерти Гендун-Дайчина в 1697 г. на его место был назначен его сын Санчжин-Сенге, который управлял своей областью до 1703 г. Затем владеть Северной Монголией и Саяно-Алтаем был поставлен приемный сын Гендун-Дайчина по имени Гун-Бубей (1704–1730). Он происходил из халхасских князей. В 1709 г. Цинский император “высочайше пожаловал” ему область Кема, т.е. Енисей. Гун-Бубэй номинально владел территорией Верхнего Енисея вплоть до 1727 г., когда, согласно Кяхтинскому миру, северная часть Саян отошла к России.

Начиная с первых десятилетий XVII в., Алтын-ханы расширили свои владения на север и включили Хонгорай в состав своих киштымских урочищ. Когда в 1641 г. Я. Тухачевский построил по Чулыму Ачинский острог, то он “объясачил” “четыре волости, которые прежде платили алман Алтын-хану, а именно: Кызыльскую, Ачинскую, Басагарскую, Камларскую”.¹ Все указанные волости относились к Алтысарскому улусу Хонгорая.

В 1617 г. русские посланцы к Алтын-хану отметили: “А ясак де царь их Кумканчей [т.е. Алтын-хан] емлет с саянцев, с братьев, с кыргызов, с мулдарцев, с орчинов, с тулуманцев, с терегулов, а всех де землях князцы кочевые. А емя де с тех земель ясак царь их Алтын мяхкою рухлядью ...”²

В середине XVII в. Лоджан-тайша утверждал: “Как де Красноярский острог был не поставлен [т.е. до 1628 г. – В.Б.] и до тех мест кыргызские, и тубинские, и алтырские князцы, и киштымы, и качинцы все были отца, и деда ево Лоджановы люди...”³

Кыргызские князья, будучи господами своих киштымов, в свою очередь, в первой половине XVII в. попали в вассальную зависимость от монгольских Алтын-ханов. Кыргызы считались их ясачными людьми и платили с лука по пять соболей.

В 1656 г. Лоджан-Тайша заявлял русским послам: “А кыргызы де тубинцы, и алтырцы, и кереты и с киштыми – вечные наши киштымы..., “а Кыргызская де земля искони вечная их ясашная, а платят де они кыргызы...ясак им по вся годы и похочу де я их велю побить или возьму всех с собою.”⁴ Однако хвастливые речи Алтын-ханов не всегда соответствовали действительности. Кыргызские князья вели себя независимо и часто выступали в военных походах против монголов. В 1639 г. кыргызский князь Табун Кочебаев русским властям заявлял: “А мы де не государевы ясачные люди, да и Алтынова де царева приказа мы не блюдемся и ваших де мы томских воевод указу не слушаем. Да Табун же говорил, а яз де в своей земле и сам воевода.”⁵ В 1657 г. в ответ на разорительный поход Лоджан-тайши кыргызы собравшись “ходили на Алтыновых людей сами и алтыновых людей Точинскую землицу погромили.”⁶

Для удержания своей власти над кыргызами Алтын-ханы использовали систему заложничества. Сыновья знатных князей, как, например, Сарыткан

Собин, сын алтысарского чайзана Собы Тотыкаева, жили у Алтын-ханов в аманатах.⁷

Во время боевых действий Алтын-ханы требовали у кыргызов предоставления им военной помощи. Так, в 1652 г. Ирден-контайша “прошал у кыргызских князцов добрых молодых людей 1000 человек на конях и в сбруях и ружьем...”⁸ Кроме того, он “прошал у кыргызских людей тысячу овец, да четырехста коров и кыргызские люди к Ирденю контайше 1000 овец и 400 коров послали...”⁹ Таким образом, кыргызы были обязаны предоставлять и экономическую, и военную помощь своим сюзеренам.

Однако они зачастую оказывали монголам упорное сопротивление и демонстрировали свой крутой нрав. Лютый характер кыргызов, вероятно, способствовал появлению в монгольском языке нарицательного слова “харгис” (т.е. кыргыз) в значении жестокий, свирепый, злой.

В 1656 г. Алтын-хан Лоджан-тайша, спасаясь от преследования джунгар вместе со своими воинскими людьми, перекочевал на устье р. Туба, где решил поставить монгольский городок, кыргызские князья Тубинского улуса решили переселиться под Канский острог под защиту России. Со временем они образовали тубинский род в составе Качинской землицы.

В середине XVII в. кыргызские князья отошли от Алтын-хана и взяли ориентацию на молодое Джунгарское ханство. Лоджан-тайша решил отомстить кыргызам. В 1667 г. он обрушился на Алтырский улус “а коней де и рогатова скота коров и овец отогнал он Лоджан своими людьми у них алтырских кыргыз тысяч с шесть,...., а он де Лоджан стоял с войском по сю сторону Абакана, а было с ним Лоджаном ево улусных людей на них кыргыз воинов пятьсот человек...”¹⁰

Джунгарский хан Сенге-тайша настиг Алтын-хана в Хонгорае. Лоджан-тайша был разгромлен и взят в плен. В результате своей победы джунгарский хан “сестру Лоджанову за себя взял, самому Лоджану царю Сенга велел руку правую по завить отсечь и собачья мяса Лоджану велел в рот класть и отдал ево Лоджана з двумя женами Омонотцкому царю, да он же Сенга привез с собою мугальскую полону добрых ближних людей и киштымыв з женами и детьми тысячу з две...”¹¹

В конце XVII-начале XVIII вв. потомки Алтын-ханов неоднократно пытались отстоять свои права господства над Хонгораем.

31 августа 1708 г. Цинский Китай выразил протест против постройки русскими Абаканского острога и потребовал его ликвидации. На владение “урочищем Хонгорая” претендовал хотогойтский князь Дзасаку-хановского ханства Гун-Бубэй. Он являлся племянником Гендун-Дайчина – последнего правителя государства Алтын-ханов. Гун-Бубэй заявлял: “Тою де землею Хонгорою издавна владел дядя мой Гендун Дайчин, ево улус – киргизы, уран-

ханя, [т.е. кыргызские урянхайцы – В.Б.] моторы, они качевали.”¹² В 1712 г. Китай снова повторил свой протест Сибирскому губернатору М.П. Гагарину, а в 1718 г. в Абаканский острог даже прибыла делегация от Гун-Бубзя.

В 1635 г. западные монголы-ойраты образовали свое государство “Джунгарское ханство”, просуществовавшее до 1758 г. Его первым правителем стал Баатыр-контайша из племени Чорос, старший сын Хара-Хулы. Территория Джунгарии располагалась от Саяно-Алтая на востоке и до Тибета на западе. Согласно русским источникам, уже в 1640 г. часть кыргызов стала “контайшины ясачные люди.” Как отметил Н.Я. Бичурин, “киргызы были подданные Батора-хонь-тайци, и прав его на сие поколение нельзя было оспаривать, но сии самые киргызы по легкомыслию, своевольству и падкости на корысть неоднократно давали присягу на подданство России и сим самым оправдывали справедливость настояния с Российской стороны.”¹³

Баатыр-контайша, являясь двоюродным братом кыргызского князя Исарского улуса Табуна Кочебаева, проявлял особые родственные чувства к Хонгораю. Он заступался за кыргызов и даже посылал свои войска для их поддержки в борьбе с Россией. Например, в 1640 г “калмаки быти войною под Томский город, а подняла де их калмаков ис кыргыз Кочебаева жена княгиня Абахай, а тот де государь...кон де тайша Баатыр ей княгине племянник родной.”¹⁴

Глава Джунгарии при своей ставке воспитывал и обучал детей кыргызской знати. Например, сына алтысарского Изен-тайджи Поятана “взял маленьково Баатыр-контайша и вспоил и вскормил у себя и ныне [Поятан – В.Б.] служит ему Баатыр-контайше.”¹⁵ Положение кыргызов ухудшилось, когда на смену Баатыр-контайши пришел его сын Сенге-тайша, правивший с 1657 по 1671 гг.

Политическая ориентация Хонгорая в середине XVII в. окончательно определилась в сторону Джунгарии. Одновременно с этим на политическую арену выдвинулся алтысарский князь Еренак Ишеев, “человек огромной энергии, большого ума и смелого почина”. Как считает историк В. Огородников, Еренак “поставил своей задачей объединить вокруг себя других кыргызских князей и заставить их признать его господство над всем краем”.¹⁶

Против русских, стремившихся овладеть Южной Сибирью, Еренак совместно с джунгарами повел решительную борьбу. В 1667 г. ойраты под предводительством Сенге-тайши разгромили основные военные силы Лоджантайши, укrywшегося в долине Абакана.

Затем объединенные войска джунгаров и кыргызов в мае 1667 г. напали на Красноярск и нанесли тяжелое поражение русским. Красноярский гарнизон, состоявший из 376 человек, понес крупные потери (39 убитых, 203 раненых и 49 плененных).¹⁷ В 1678 г. кыргызы захватили и сожгли Канский острог, в 1679 г. князь Еренак уничтожил в огне первый Ачинский острог.

Начиная с 1667 года, Хонгорай попал в вассальную зависимость от Джунгарии. В 1669 г. Сенге-тайша поставил здесь своего наместника, которому от его имени поручалось “над Ереняком и надо всею Кыргызскою землею владеть”.¹⁸ Джунгарский наместник жил в Алтырском улусе. Его урга (ставка) располагалась по р. Ниня. Политический центр Хонгорая переместился на юг. Первым наместником, поставленным в 1669 г., был Киличин Кошиочи. В 1671 г. его сменил Ейзан Кенегей, утвержденный в данной должности новым правителем Джунгарии Галдан Бошохту-ханом (1671-1699гг.).¹⁹ Через год, весной 1672 г., в Кыргызской земле был поставлен новый наместник по имени Байту-хан. В 1683 г. по сообщению русских послов, приехавших в Алтырский улус, “у кыргызов живет калмыцкий наместник, именуемый Батыр-Ейзан, который командует ими”.²⁰ Последний наместник Аба-зайсан покинул Хонгорай вместе с угоном кыргызов в Джунгарию. В 1703 г. ликвидация наместничества соответствует факту исчезновения кыргызского присутствия на Среднем Енисее.

Население Хонгорая обязано было платить албан (ясак) джунгарскому хану по 5 соболей с каждого мужчины. Вся тяжесть поборов полностью пала на плечи кыргызских киштымов. Например, в 1702 г. езерский бег Шорло Мерген требовал со своих киштымов “со всех волостей на контайшу по пять соболей и на киргизских князцов по тому же”.²¹ Ослушание строго каралось. Например, за отказ кыргызов участвовать в военной операции против монголов Галдан Бошохту-хан в гневе “их де кыргыз хочет запродать в Китай, а землю их кыргыз сделать пусту”.²² Известный князь Еренак по требованию контайши принял участие в их войне. В 1687 г. он вместе с отрядом в 300 воинов прибыл на Алтай, где происходило жестокое сражение с монголами. В бою у Телецкого озера по реке Чулышман Еренак был разгромлен и погиб вместе со своим сыном Шапом.²³ Кыргызские князья со своими воинами регулярно выезжали для несения службы в ставку хонтайджи (контайши). В 1685 г. алтырский бег Даин-Ирка прожил целый год у Галдан Бошохту-хана.²⁴ Ясачный сбор с хонгорцев долины Абакана осуществлялся вплоть до гибели Джунгарского ханства. Например, в 1745 г. бельтыры платили ясак русскому царю в г. Кузнецк и “дают алман Зенгорскому владельцу”.²⁵

Джунгарский хан для укрепления своей власти выдавал специальные грамоты кыргызским феодалам на право владения землей. Например, в 1700 г. краснаярские казаки организовали поход в Тубинский улус, во время которого многих кыргызов “побили и жен их и детей в полон побрали, и письма которое ему Шандычке [Шанды Сенчикенев – глава Тубинского улуса – В.Б.] от [Галдан] Бушухту-хана дано для владения улуса своего на том же бою взяли”.²⁶ По всей видимости, джунгарские правители широко использовали опыт феодальных отношений, применявшийся во многих центральноазиат-

ских государствах и выделяли своей знати ленные владения под названием “суюргал”. Как сообщали русские письменные источники, до присоединения Хакасско-Минусинского края к России, эта земля “имела владения киргизских татар и взята войною, а оные татары согнаны в калмыцкую сторону”.²⁷

После присоединения Хонгорая к России эти земли стали частью Российской империи. Кыргызы же, взявшие политический курс на Джунгарию, в результате потеряли свою историческую Родину и оказались затерянными среди ойратских отоков.

Угон кыргызов в Джунгарию

Большинство дореволюционных исследователей предполагало, что кыргызы в начале XVIII в. под натиском русских оставили степи Енисея и сами ушли к калмыкам.¹ Историки XX в., не отрицая в целом факт насильственного увода населения Хонгорая, расходятся в оценках масштабности этого исторического события, от признания полного угона до фиксации передвижения немногочисленной феодальной верхушки.² Для решения этой важной проблемы нам пришлось проанализировать широкий круг источников, ввести в научный оборот новые архивные материалы, привлечь данные исторического фольклора народов Саяно-Алтая.

В начале XVIII в. джунгарский контайша Цэван Рабдан (годы правления – 1699-1727 гг.), учитывая осложнившуюся политическую обстановку в Центральной Азии и опасаясь военной угрозы со стороны Китая и России, решил переселить к своей ставке по р. Эмель-гол номадов Южной Сибири – кыргызов, телеутов и мингатов.

В начале 1701 г. в Москву были отправлены послы джунгарского хана. В своем послании Цэван-Рабдан писал, что в смежных землях между подданными России и Джунгарии происходят ссоры и “киргиз-калмыков [т.е. енисейских кыргызов – В.Б.] их великого государя сибирских городов воеводы берут обманом и построили на их земле города и буде царского величества людей не унять, впредь будут ссоры”. В ответ на заявление джунгарского хана и агрессивные действия князей Хонгорая Петр I указал воеводам Томска, Красноярска и Кузнецка “кыргызских людей смирить войною тремя городами”. В 1701-1702 гг. последовала целая серия походов русских войск против кыргызов.⁴ Для урегулирования возникших проблем Цэван Рабдан отправил в 1701 г. в Хонгорай своего племянника Аба-зайсана с военным отрядом “а приказано де было ему Абе с служилыми людьми с томскими, с кузнецкими, с красноярскими кыргыз помирить, а он Аба не помирил”.

Затем, в декабре 1702 г. “прислал он контайша от себя в Кыргызскую землицу ближнего своего человека Аранжаму” для переговоров с русским властями. Произошла встреча томских и красноярских представителей в урге наместника Аба-зайсана по р.Ниня.

До сих пор остаются неясными мотивы и причины переселения кыргызов в Джунгарию. Известный историк Сибири Г.Ф. Миллер утверждал, что этот акт был осуществлен “по ранее заключенному соглашению “между Россией и Джунгарией.”⁵ Такую же точку зрения поддерживает Гагамейстер.⁶ Обнаруженные нами некоторые документы подтверждают подобные выводы. Среди бумаг Красноярской канцелярии упоминался договор, заключенный с Аба-зайсаном. Текст его гласил, что “отмеченные де кыргызы взяты в калмыцкое контайшино владение, а по тем договорам отдано в Россию триста луков яшашных людей”.⁷ После договора с наместником джунгарского хана, как сообщали томские представители, “кыргызские люди за то свое воровство и неустойку из Кыргызской землицы многие сведены в Калмыцкую землицу и осталось в той землице небольшие люди и о том договоре с ними Ейзаны с Абою и Аранжамою статейные списки за ево рукою посланы”.⁸ Джунгарские дипломаты “Аранжама Чембиль с товарищи” “мирный свой лист дали за своею печатью”, а также печатями трех кыргызских улусных тайшей – Тангут Батур-тайша, Хорчин Унзен-тайша и Шурлу Мергентайша⁹, подписавших свой приговор.

Теперь становится ясным, что кыргызские беги знали о готовящейся акции, были в сговоре с контайшей и не стали оказывать сопротивление джунгарам.

В июне 1703 г. Цеван-Рабдан для осуществления своего плана отправил в Хонгорай трехтысячное войско во главе с тремя чайзанами: Духаром, Сандыком и Аранжама Ченбилем.¹⁰ Он приказал своему наместнику Аба-зайсану всех кыргыз и кыргызских киштымов привести в Джунгарию, дабы они “от него контайши не отложились”. Население Хонгорая под конвоем ойратов сначала было собрано в долине Абакана в устье р. Аскиз. Вечером каждое кочевье пересчитывалось. Улусных людей заставляли бросать по камню в одну груды “обаа” – перед сидящим чайзаном. Утром операция повторялась. Надо было пройти мимо насыпанной груды “обаа” и перекинуть камень на другое место. По оставшимся камням выясняли количество скрывшихся. До сих пор в долине Абакана сохранились десятки каменных насыпей “обаа”, немых свидетелей трагических событий 1703 г.. У хакасов они известны как “хыргыс тастары” – кыргызские камни.

Жители хонгорайских улусов под конвоем джунгарских отрядов из долины Абакана уводились тремя дорогами: через вершины р.Аскиз на р.Томь, а оттуда по р.Балыкса на р.Мрассу; через вершины р.Таштып по р.Кобырза

на р.Мрассу и через вершины р.Матур по р.Узас на р.Мрассу. Кыргызы перекочевывали вместе со своими семьями, скотом и скарбом. Колонны их растянулись на 20-30 км. Все три дороги сходились на р.Мрассу в районе устья р.Кобырзы, где до сих пор сохранились топонимические названия: “Хыргыс сыххан шол”. – “Дорога выхода кыргызов и “Хыргыс кошкен хол.” – Лог Кыргызского кочевья.¹¹ Отсюда путь их шел через вершину р.Кондомы к слиянию Бии и Катунн. Затем колонны кыргызов двинулись к верховьям р.Иртыша и, перейдя его, встали особым кочевьем по р.Эмель. Некоторые их группы в районе верхнего Иртыша подверглись нападению со стороны казахов (в источнике – бурутов). Однако основная часть уведенных кыргызов избежала разгрома и через два месяца после выхода из Хонгорая обосновались за Иртышом при большой урге (ставке) контайши.

Согласно зафиксированным сведениям, в “Калмыцкую землю” ушли кыргызские беги: Корчун Еренаков (т.е.Хорчун Унзен-тайша) из Алтысарского, Тангыт Таин Иркин (т.е.Тангут Батур-тайша) из Алтырского и Шорло Мерген тайша из Исарского улусов “со всеми своими улусными людьми и з женами и з детьми и со скотом”.¹² Указанные беги и их сыновья (Чайлыш Тангытов, Бото, Сонжор и др.) стали служить при урге Цэван Рабдана. Тубинцы, вероятно, откочевали за Саяны, ибо их князья не фигурировали в Джунгарии. Красноярские казаки разведали, что “изменники кыргызы откочевали к калмыцкому контайше в дальние места, а именно: которые кочевали по Енисею, по Июсу рекам все без остатку, а прочие земли тубинцев, маторцев, койбал остались триста луков”.¹³ Джунгарский наместник Абазайсан “оных кыргыз из-под Красноярска з женами и детьми и улусными людьми и со скотом и со всеми пожитки с Абакана реки и с Июсу взял всех с собою к контайше в Калмыцкую землю и оных де кыргыз было на кочевье по Енисею реке на Абакане и по Июсу и по другим разным местам многое число, человек с тысячу и болши”¹⁴. По нашему подсчету, в Кыргызской земле к началу XVIII в. обитало примерно 15-20 тыс.человек. Угону подверглось “всего мужска и женска полу тысячи с три дымов”.¹⁵ Значит, при коэффициенте 5 на каждое хозяйство общее количество уведенных кыргызов и их киштымов составило приблизительно 15-20 тыс.человек. В таком случае, угон принял грандиозный размах и охватил все население Хонгорая. Подобного мнения придерживается и историк А.Абдыкалыков¹⁶.

В 1704 г. казаки, посланные из Кузнецка в Хонгорай, воеводе Б.Синявину докладывали: “Где прежде сего в Кыргызской землице кыргызы и кыргызские киштымы кочевьями своими в которых урочищами живали, и на тех де жилищах кыргыз никого не нашли: все забраны к контайше с женами, и с детьми и с киштымами”.¹⁷ Спустя 20 лет, в 1722 г., ученый Д.Мессершмидт, проехавший по запустевшей территории Хонгорая, не встретил ни одного из

алтысарцев, алтырцев, езерцев и тубинцев, ибо они все обретались у контайши. Угон основной массы населения повлек за собой разрушение политического строя Хонгорая и исчезновение четырех кыргызских улусов и некоторых аймаков.

Уведенные в Джунгарию кыргызы были поселены по соседству с большой ургой контайши по р.Эмель-гол. Они составили особый "оток кыргыз" (Цирцисы), возглавляемый 4 чайзанами и общей численностью 4000 кибиток (семей).¹⁸ Среди кыргызов, кроме улусных и служилых людей, находились и их киштымы-шуштары, бельтыры, модары, аринцы и др. Совместно с кыргызами были размещены отоки телеутов (тэлэнгут) численностью в 4000 кибиток, мингатов и ооржаков из Тувы численностью 500 кибиток.¹⁹ Отоки составляли личный удел джунгарского хана из племени чорос.

В связи с событиями 1703 г. некоторая часть кыргызов от ойратского вероломства перекочевала за Саяны. Например, в 1708 г. в бывший Тубинский улус пришли за сбором ясака улусные люди монгольского феодала Гун Бубэя и "при них де были кыргызские татары, которые бежали с Абаканской земли".²⁰ Жители различных аймаков Кыргызской земли, перекочевавшие в начале XVIII в. в Туву, вероятно, составили племенную группу кыргыз среди тувинцев. По всей видимости, небольшая часть кыргызов Тубинского улуса, скрываясь от джунгар, переселилась за Восточные Саяны и оказалась среди иркутских бурят. От них произошел род "хан-хыргыс", т.е. царские кыргызы, который административно был приписан к Ашебагатскому роду. Более раннее проникновение кыргызов в Прибайкалье было связано с эпохой Кыргызского государства. До сих пор среди бурят сохранились предания о древних жителях "хыргытах", оставивших после себя остатки пашен и оросительные каналы. Вполне возможно, что род "хурхуд", обитающий ныне по р.Ангара и р.Иркуты, представляет потомков енисейских кыргызов IX-X вв.

Незначительная часть "хонгорцев" избежала угона. В вершинах р.Таштып и р.Матур "двести человек матар, да сто человек саян к контайше иттит не захотели и от черных калмык отсиделись в осаде в каменю".²¹ Вероятно, они относились к родам модар Тубинского и сайын Алтырского улусов. Согласно письменным документам, в долине Абакана избежало угона 300 кибиток "урянхайских аймаков" Алтырского улуса: Уй-сага, Том-сага, Иргет, Табан, Саин, Белтер, Хапхана, Джастар, Эчик, Эть-берно, Сарыклара".²² Перечисленные сеоки в XVIII веке вошли в состав Сагайской, Бельтирской и Бирюсинской землиц. Неслучайно русские документы констатировали, что после угона кыргызов по Абакану остались жить ясачные иноземцы "волостей Бельтирской и Сагайской, которые и раньше жили смежно с кыргызами и промыслы имели воопче с показанными кыргызы".²³

В декабре 1703 г., марте 1704 г. и октябре 1705 г. из Томска на Июсы были посланы отряды русских служилых людей. В марте и декабре 1704 г. из Куз-

нецка казаки организовали два похода в Кыргызскую землю “замирить” и привести к покорности воинственных степняков. В результате походов 1703-1705 гг. в Кыргызской земле было убито примерно 400 мужчин и около 900 женщин и детей полонено.²⁴

В начале XVIII в. на невольничий рынок Сибири попали сотни кыргызов, ставших ясырем (т.е. рабами). Так, например, в Кузнецке оказалась “дворовая девка Анна, которая владения была Кыргызской земли и ис той земли полонена она Анна двух лет в Кузнецк кузнецким бывшим атаманом Федором Сорокиным”.²⁵ На 1710 г. в Кыргызской земле насчитывалось всего 9 человек “остальцов тубинцев и кыргызов”. После событий 1703 г. Россия не стала даже поднимать вопрос о возвращении кыргызов на их прежнее местожительство.

Некоторые угнанные кыргызы, не выдержав жизни на чужбине, группами и в одиночку стали возвращаться в Хонгорай. В течение 1704 г., в районе р. Мрассу и р. Кондомы было убито в перестрелках 133 и взято в плен 120 кыргызов, бежавших из неволи. Например, в 1704 г. кузнецкие казаки напали на скрывавшихся по р. Пызас (приток Мрассу) кыргызов “и учинили бой и на том бою побили кыргыз 78 человек, в полон взяли 95 человек, 15 пищалей, 84 лука, отбили 150 лошадей, 110 рогатого скота”²⁶ Как уже отмечалось, вместе с кыргызами были уведены и их киштымы. В 1707 г. томские казаки на р. Чулым захватили шуйских татар Кучелая Табункина и Конзачака Оханкина. Они в 1703 г. вместе с кыргызами были угнаны в Джунгарию. В верховьях Иртыша на них напали казахи. Воспользовавшись случаем, 30 шуйских татар бежали назад. До Хакасии их дошло только 9 человек²⁷. До сих пор среди хакасов есть фамилия Кучелаевых, принадлежащая к шуйскому роду. По подсчетам историка К.Г. Копкоева, за период 1704-1705 гг. русскими служилыми людьми было задержано 1380 кыргызов, возвращавшихся из Джунгарии. Полученное число составляет около 8 % (а не половину, как считает К.Г. Копкоев) угнанного населения.

Какая-то часть возвращавшихся “хонгорцев”, вероятно, не смогла достичь своей исторической родины и по дороге осела среди телеутов, алтайцев, тувинцев и других племен Саяно-Алтая, а также среди казахов верховьев Иртыша. Этим, вероятно, объясняется наличие среди них сеоков кыргыз, бурут, модор, аара, агбан (т.е. абакан), табан и др.

В 1733 г. Контайша Галдан-Церен (сын Цэван-Рабдана) решил водворить отоки телеутов и кыргызов обратно на их прежнее местожительство “в кузнецкие ясашные в ялтидскую [бельтирскую – В.Б.] и сагайскую волости”.²⁸ Русское правительство в 1736 г. забеспокоилось, получив известие от южных алтайцев, что из урги контайши “киргызы отпущены в свою Киргизскую землю все без остатку, а в провожатые де за ними послано через

калмыков две тысячи человек, и велено им киргизам и калмыкам идти промеж Томских и Кузнецких городов...²⁹ Однако сведения оказались ложными.

Только в 1756 году при нападении Цинской империи на Джунгарию кыргызы вместе с телеутами и мингатами решили вернуться на Саяно-Алтай и принять подданство России. По данным разведки, к границам России двигалось “теленгутских четыре зайсана, да кыргызских четыре же зайсана, а всех простых телеутов и кыргызцев тысяч десять кибиток.”³⁰ Однако по пути следования недалеко от Усть-Каменогорска на них обрушилась цинская армия во главе с генералом Цэбдэнджабом. Почти все мужчины были перебиты. Например, от тысячи кибиток, подчиненных кыргызскому чайзану Гурбан-кашка, осталось в живых только 168 человек.³¹ Остатки их в 1757 году были переселены китайскими властями в Маньчжурию в уезд Фуюй, где они живут и поныне. В 1982 году фуюйских кыргызов насчитывалось 874 человека. Они подразделялись на роды: билтир, ичиг, табан, гапхын, кыргыз или орттыр и сандыр. Названия их родов аналогичны сеокам: пилтир, ичеге, табан, хапхын, хыргыз, входящим в состав сагайцев и бельтиров. Данные этнонимики дают основание считать фуюйских кыргызов потомками населения Алтырского улуса (отсюда, возможно, и род “орттыр”).

После разгрома кыргызов китайской армией в Усть-Каменогорск сумел добраться только один кыргызский демичи (титул сборщика налогов). В письменных источниках имеются сведения, что в 1756 году около 7 тыс. беженцев из Джунгарии были расселены в пределах Красноярского и Кузнецкого уездов в Южной Сибири. Вероятно, среди них находились и уведенные когда-то енисейские кыргызы. Несомненно, тогда же среди жителей Хонгорая появились роды джунгарского происхождения – ойрат, паратан и др.

Оставшиеся на территории Джунгарии кыргызы в дальнейшем стали называться калмак-кыргызами. Немногочисленные потомки их до сих пор сохранились по р. Эмель в Эмель-Гольском монгольском автономном районе уезда Дурбулжен Синьцзяна. На территории Монголии среди хошунов халха-монгольских аймаков неоднократно встречаются роды “сайн хиргис” – т.е. благородные кыргызы. Так, в Сэцэн-хановском аймаке род кыргыз представлен в одном хошуне, в Сайн Ноен-хановском аймаке – в 10-и хошунах; в Дзасакту-хановском аймаке – в 4-х хошунах. Среди бывших джунгарских племен Северо-Западной Монголии дэрбэтов, баятов, урянхайцев и мингатов насчитывалось пять родов “хиргис”. Причем, в хошуне мингат род кыргыз имел следующие подразделения: хар хиргис – черный кыргыз, шар хиргис – желтый кыргыз и модон хиргис – лесной кыргыз.³²

Среди хакасов ныне насчитывается более 50-и различных фамилий, относящихся к сеоку кыргыз (хыргыз). Некоторые из них восходят к именам изве-

стных бегов и чайзанов начала XVIII века. Так, вероятно, Чабыновы являются потомками Чагуна, сына знаменитого бега Еренака. Фамилия Курагиных происходит от Кураги, сына тубинского князя Шанды; Тогунаевых – от Тога-ная, сына Шанды; Арыштаевых – от алтысарского князя Ороштая Сенчикенева; Аешины – от Аюжи, племянника Еренака и т.д. Как видим, частично кыргызская аристократия сумела избежать угона и в дальнейшем волилась в состав хакасского этноса.

Итак, трагические события 1703 года предопределили судьбу этнополитического объединения Хонгорай. Незначительное количество оставшихся кыргызов и их киштымыв не смогли отстоять ни политическую самостоятельность, ни социальную структуру своей государственности. После разгрома Джунгарии в 1756-1758 годы оток кыргызов был уничтожен китайскими войсками, а оставшиеся оказались рассеянными по всей Великой Степи, от Калмыкии до Маньчжурии.

Присоединение Хонгорая к России и административное преобразование кыргызских улусов

В 1707 г. по правительственному указу Петра I 1000 казаков из Томска, Енисейска, Красноярска и Кузнецка вторглись в Кыргызскую землю и поставили в ее центре Абаканский острог. Он был построен по правому берегу Енисея между горами Унюк и Туран. После его возведения отряды казаков посылались в различные улусы для проводывания “воинских кыргызских людей”. 30 августа 1707 года в острог собрали 20 есаулов и лучших людей Тубинского улуса. Они представляли 8 аймаков: Большебайкотовский, Мало-байкотовский, Яржи, Богоджи, Койбальский, Ургуновский, Шипов и Коякский, в которых насчитывалось 280 человек.¹ (Перечисленные роды относились к кыргызским киштымам). Есаулы обещали Белому хану “быть в вечном подданстве и платить с себя поминков и ясаку по вся годы без недобору с человека по 6 соболей на год в тот новопостроенный острог”.² Для верности они оставили в Абаканском остроге двух аманатов из Ургуновского и Яржина аймаков.

31 августа 1708 г. Китай выразил протест против постройки русскими Абаканского острога и потребовал его ликвидации. На владение “урочищем Хонгорая” претендовал монгольский князь Дзасактухановского владения Гун Бубэй. Он заявлял: “Тою де землю Хонгорою издавна владел дядя мой Гендун Дайчин (назначенный правителем государства Алтын-ханов в 1686 г. – В.Б.), ево улус – киргизы, уранханя, моторы, они кочевали”.³ Однако сибирские власти дипломатично отвечали, что “та земля бывала кочевья киргизского, а их, киргизов, Цаган Араптан все со всеми взяли, и мы от него, Цагана

Араптана, для бережения вместе караулы поставили: а на бутдахановой земле нам города построить невозможно".⁴ Русское правительство считало претензии монгольских феодалов безосновательными, ибо Хонгорай находился "во владении киргизских князцов, а те киргизские князцы со всеми своими людьми напред сего были под державою Российской". Совсем другого мнения придерживались джунгарские правители, которые "не в давних годах тех киргизов приняли к себе и по ним с оных народов претендуют".⁵ То есть контайша, забрав к себе своих подданных кыргызов, стал по праву требовать на себя ясак с оставшихся кыргызских киштымов. Однако монгольские феодалы и не помышляли уступать Хонгорай. До 1727 года джунгары и монголы продолжали собирать албан (ясак) с кыргызских киштымов по пять соболей с человека. Русские сборщики брали с последних от одного до шести соболей. Поредевшее население Хонгорая оказалось в тяжелом положении троеданцев. Некоторые роды бывших Тубинского и Алтырского улусов, поддавшись давлению монгольского феодала Гун Бубзя, перекочевали за Саяны. Этому решению способствовала и угроза крещения. Всего с 1705 по 1726 гг. из бывшего Тубинского улуса ушло за Саяны свыше 140 ясакоплательщиков. Они расселились по Кемчику, Улуг-Хему, Бий-Хему и даже близ оз. Косогол.⁶ Вплоть до начала XIX века среди хошунов Дзасакухановского аймака Монголии находились роды "мудар", т.е. моторшы и "харнад" (хурнад), т.е. карнасахамов. Вполне возможно, что тубинцы и их киштымь, переселившиеся из Тубинского улуса, перенесли за Саяны и этноним "туба", который широко распространился в XVIII веке среди населения Тувы. Такую точку зрения разделяют Г.Е. Грумм-Гржимайло и С.И. Вайнштейн.

В 1716 г. по указу Петра I для укрепления позиций России в Хонгорае было решено поставить русский острог у подножия Саян. Осенью 1718 г. он был возведен на правом берегу Енисея в 120 верстах выше Абаканского острога.⁷ Саянский острог (Соян-тура) перекрыл главный путь сообщения с Монголией.

20 августа 1727 г. в результате переговоров на р. Бура в 20 км. от Кяхты между Россией и Китаем был заключен пограничный трактат. Раздел территории прошел по Саянам, от Кяхты до вершин Абакана, вплоть до владений Джунгарии. Все земли и народы, находившиеся на северной стороне Саян, отошли к России, а по южной – к Китайской империи.⁸ Вдоль территории Хонгорая было поставлено пять пограничных знаков: в верховьях р. Тенгиса на перевале г. Ыргах-Таргах; в верховьях р. Бедий-хема на перевале г. Торос-Дабага (Тораасхыр); в верховьях р. Уса на хребте Кызземеле; по р. Уса на перевале Хонин-Дабага (Койарт) при устье р. Кемчика в местности Кем-Кемчик-Бом и в верховьях р. Хан-Тегира на перевале г. Шабин-Дабага (Сабына). Охрана государственной границы была поручена "ясачным иноземцам" – койба-

лам, сагайцам и бельтырам. Четыре первых пограничных знака находились в ведении койбалов Малобайкотовского рода во главе с есаулом Харангыром Интигировым и под надзором красноярского служилого А. Чанчикова. Караул Харангыра из десяти юрт стоял в верховьях р. Оя. Есаул и 20 дозорных один раз в год выезжали на осмотр пограничных знаков. Охрана пограничного поста Шабин-Дабага (Сабына) была возложена на сагайцев и бельтыров во главе с есаулами Киштимеком Тылбечевым и Аючаком Азылбаевым. Они установили караулы на устье р. Джебаш, на р. Чахан и р. Таштып.⁹ От г. Шабин-Дабага на запад в сторону Алтая граница оставалась открытой. Только после гибели Джунгарского ханства, в 1761 г., от Бийска до Саянского острога была учреждена Кузнецкая линия протяженностью в 298 верст.¹⁰ Участок открытой границы в верховьях Абакана служил своего рода “воротами”, через которые возвращались группы кыргызов, угнанных в Джунгарию. Хонгорайские башлыки и есаулы, несшие пограничную службу, присоединяли беглецов к своим аймакам.

Согласно хакасским историческим преданиям, бельтыры вошли в состав России при чайзане Миянгасе, сыне Моолаха. Письменные документы подтверждают силу народной памяти. В 1727 г. во время заключения Буринского трактата бельтыров возглавлял башлык Миягаш Моголаков.¹¹ В знак принятия русского подданства Миянгас отрезал косичку “киджеге”, которую хонгорайские мужчины носили в качестве прически. Из-за нее он получил в народе кличку “Плешивый”. После вхождения в состав России развернулась кампания по крещению коренных жителей Хонгорая. Мужское население под давлением башлыков и русских властей заставили отрезать косички “киджеге”. Некоторые не поддались и ушли от крещения за Саяны. До сих пор тувинцы хакасов иносказательно называют “донгур” – комолые, ибо последние стали носить короткие прически без косичек.

Как утверждают предания, русское правительство вручило бельтырскому князю Миянгасу атрибуты власти – саблю для усмирения непокорных, нагайку для наказания непослушных и флаг в качестве свидетельства монголам и джунгарам, что за бельтырами стоит сила Российского государства.¹² Выдача знамен пограничным ясачным дружинам действительно произошла в 1728 г. На них было изображено солнце и написаны слова: “Никому не уступает”.¹³ Один из этих атрибутов власти – сабля обыкновенной старинной формы еще в начале XIX века хранилась как святыня у потомков сагайского башлыка Наира Тулбечекова.¹⁴

Итак, процесс присоединения Хонгорая к России, затянувшийся на многие десятилетия, официально завершился Буринским трактатом в 1727 году. После этого притязания Монголии на земли Хонгорая полностью прекрати-

лись. Однако джунгары еще продолжали собирать албан (ясак) с аймаков бывшего Алтырского улуса вплоть до падения Джунгарского ханства.

После присоединения Хонгорая к России ее территория была разделена между Кузнецким, Томским и Красноярскими уездами. Оставшиеся разрозненные группы кыргызов и их киштымов объединились в различные волости и земли, созданные сибирской администрацией.

В районе г.Красноярска (построенного в 1628 г.) располагалась Качинская земля, жители которой до завоевания России «писались Кыргызские земли и ясак платили в Мунгалскую землю».¹⁵ В 1701 году она объединяла пять родов: Шалошин, Кубанов, Татаров, Мунгатов и Тубинский, насчитывавшие 110 ясачных.¹⁶ В первой половине XVIII века основная масса качинцев, среди которых были и служилые татары, воевавшие с кыргызами, передвинулась в опустевшие степи Хонгорая. Русские документы 1719-1920 гг. зафиксировали, что «в разных местах и числах, уехали из Красноярска без отпуску подгородные Коченские и Аренские и Ястынские служилые и ясашные татары со своих урочищ с женами и с детьми и со скотом вверх Енисея реки и живут в разных в местах, где преж всего жили кыргызы».¹⁷ Факт передвижения качинцев в Хакасско-Минусинский край подтверждается рядом письменных документов и хакасским историческим фольклором.¹⁸ В 1755 году качинцы Тунгунов и Узекон «с товарищи скасками показали, что де на вышеописанной их земле (у Красноярска по р.Бузиму – В.Б.) качинские татары наперед сего стойбищами ставвали, а ныне де те татары, например назад тому будет лет с пятнадцать, с тех стойбищ и съехали и жительство имеют в разных отдаленных местах вверх по Июсам и Енисею рекам, где те качинские татары ныне землею и всякими угодыями тамо и довольствуются».¹⁹

После переселения значительной части качинцев в Хакасию сибирская администрация вынуждена была фактически признать за ними земли по Июсам и по степям левобережья Енисея. 16 ноября 1747 г., по определению Красноярской воеводской канцелярии, «дозволено им жительство иметь вверх по Енисею реке близ Караулного и Абаканского острога и по рекам Июсам».²⁰ Итак, на месте бывшего Исарского улуса образовалась новая Качинская земля. Названия качинских родов были перенесены в новую административную единицу, но их содержание и значение резко изменилось. Качинцы (хааш) признавались народом татарского происхождения. По ревизии 1795 года количество качинцев достигло 2590 платежных душ.²¹ По сравнению с 1701 годом число их увеличилось в 23, 5 раза.

Первоначальная Качинская земля, бывшая под Красноярском, в XVIII веке стала называться «подгородней». В 1824 году ее преобразовали в Качин-

скую под ороднюю управу, куда вошли три качинских (шалашин, 1атаров, Тубинский), три аринских (Татышев, Абалтаев, Арино-Ястынский) и один яринский (Тинский) рода.²² Качинская подгородняя управа просуществовала до 1885 года и затем была ликвидирована, т.к. ее население полностью обрусело.

К северу от Красноярска по рр. Енисей и Бузиму находилась Аринская земляца (Аара). В 1701 году в ней значилось пять родов: Татышев, Абалтаев, Канбирев, Щербаков, Тетюгин и две волости: Весловская и Ястынская, общей численностью 81 плательщиков ясака.²³ Аринцы относились к кыргызским киштымам. Однако многие служилые люди держались иного мнения: "А которые подгородные татаровья, качинцы и аринцы, и ястинцы кочуют под Красноярским острогом, и в приход воинских людей от тех подгородных татар добра ждать нечего, потому что они киргизам и тубинцам в роду и в племени, и сами у них женятца, и дочерей своих за них выдают, и мысль у них с ними одна, и в воинское время верить им поэтому ж нечем".²⁷ Вероятно, в составе кыргызов, качинцев и аринцев имелись общие родовые подразделения. В начале XVIII века многие аринцы перекочевали на территорию Хакасии (Татышев, Абалтаев, Тетюгин, Аринско-Весловский и Аринско-Ястынский рода). В связи с этим Аринская земляца потеряла самостоятельность. Ее роды были объединены с родами качинцев.

На правом берегу Енисея от р.Сыда до р.Мана располагалась Яринская земляца (чарын). В 1701 году в ней значилось три рода: Абалаков, Тинский и Бохтинский, где насчитывалось 66 ясачных. На 1795 год здесь было 233 души мужского пола²⁵. До вхождения в состав России яринцы находились под властью Тубинского улуса на правах особого аймака, но иногда выступали отдельной земляцей как киштымы езерцев. Яринская земляца просуществовала вплоть до 1822 года, а затем ее роды (Абалаков и Тинский, в количестве 252 душ обоого пола) были причислены к качинцам.

В верховьях р.Мана и р.Кан, в подтаежной зоне Восточных Саян, находилась Камасинская земляца. В 1701 году значилось пять камасинских родов: Татаров, Бугачеев, Кугин, Байгин и две волости Ургунская и Тагинская, общей численностью 131 ясачный.²⁶ В конце XVIII века они были объединены в один Абалаков род, который в 1795 году включал 105 душ мужского пола. В состав Камасинской земляцы вошли конные кашинцы, подразделявшиеся в 1701 году на пять родов: Кургулов, Мунгатков, Яргашин, Мунтуков и Угумаков, где значилось 46 ясачных. Они все обитали по р.Мана. В конце XVIII века конные кашинцы (хааштар) были объединены в один Угумаков (иногда Мундуков) род. В 1795 г. в нем было 99 мужчин.

В результате такого передвижения многие бывшие киштымы Исарского улуса объединились на территории Качинской земляцы вокруг остатков кыр-

гызом. Удельный вес кыргызов (езерцев) здесь был настолько велик, что даже в конце XVIII века качинцев иногда называли “киргизцами”.

На территории бывшего Тубинского улуса была организована Койбальская землица. В начале XVIII века она состояла из следующих родов: Турачаков (он же Койбальский или Моторский), Большебайкотовский, Малобайкотовский, Кольский, Коякский, Аршупов, Урченнов, Сыйский, Яржи, Бугучеев, Ингаров, Корнаский, Шараданов, Аскачи, Алыалахамский, Шипов и “остальцы тубинцы и киргизы”²⁷. В 1718 году в них значилось 292 ясачных. К 1795 году количество административных родов сократилось до шести: Таражаков, Большебайкотовский, Малобайкотовский, Бугачеев, Аршинский и Кольский, а население выросло до 528 душ мужского пола.²⁸ Они принадлежали к 173 различным фамилиям. Название “койбал”, как считают исследователи, возникло от имени модарского князя Койбала. Сначала это имя сибирская администрация закрепила за его родом, а после 1703 года за Тубинским улусом, где модары составили большинство.

В койбальской степи в составе Бугачеева рода обитал сеок ордыт (по С.Ремезову – “обдупцы”). Он происходил из оставшегося подразделения кыргызов. В XVIII веке койбалы считались народом “того же происхождения и образа жизни, что и качинцы, только от сих последних различествуют названием”²⁹. Среди них иногда выделялась Моторская землица, которая располагалась по рр. Каратуз и Амыл. Вероятно, под ней подразумевались “каменные моторы”. Вверх по р. Туба (по рр. Казыр и Кизир) находилась Кайдынская землица. В XVII веке кайдынцы (хайдыннар) составляли один из аймаков Тубинского улуса. На протяжении XVIII века они периодически теряли свою самостоятельность и причислялись то к Яринской, то к Качинской, то к Койбальской землицам. В 1822 году кайдынцы (15 различных фамилий) вошли в состав Степной думы койбальских однородных племен.

Итак, на территории бывших Исарского и Тубинского улусов образовались Койбальская, Качинская, Яринская и Камасинская землицы, которые вошли в подчинение Красноярска.

В долине Абакана, от р. Уйбат до р. Аскиз и верховьев Белого Июса, образовалась Сагайская землица. Она подразделялась на Том-Сагайскую и Юс-Сагайскую волости. Сагайцы относили себя к коренным жителям Хонгорайской страны и по преданиям происходили “от кыргысского племени”.³⁰ После возникновения Сагайской землицы соседние шорцы стали применять этноним “сагай” для обозначения хакасов и Хакасии. В 1715 году в Сагайской землице значилось 39 ясачных. Через тридцать лет в ней насчитывалось 80 мужчин, не считая малолетних. К 1795 году ее население выросло до 678 душ мужского пола, т.е. более чем в 12 раз.³¹ В 1822 году в долине Абакана была создана Степная дума соединенных и разнородных племен. Жители Сагайс-

кой землицы составили ее основу. Поэтому вместо неудобного официально названия стали употреблять более лаконичное – Сагайская степная дума.

По правобережью Абакана, от р.Арбаты до р.Табат, и в долине р.Таштып была создана Бельтырская землица. В 1715 году в ней насчитывалось 36 ясачных. Через восемьдесят лет бельтыров стало 578 душ мужского пола, т.е. число их увеличилось в 16 раз.³² Хакасский исторический фольклор относит бельтыров к потомкам хоорайцев, уведенных джунгарами за Алтай и затем бежавших назад. Скитаясь на чужбине, они смешались с монголами и стали называться “хара моол пилтірі” – метисы черных монголов. Со временем слово “пилтір” – метис закрепилось за ними в качестве этнического имени. Так как Бельтырская землица в XVIII веке располагалась по границе с Тувой, то тувинцы стали называть хакасов словом “белдир”. В 1822 году бельтыры вошли в состав Сагайской степной думы на правах отдельного рода. В течение XIX века они слились с сагайцами.

В южной части Кузнецкого Алатау, в верховьях р.Мрассу и в долине Абакана, от р.Матур до р.Есь, образовалась Бирюсинская или Мрасская землица.³³ В ее состав входило четыре рода: Каргинский, Кивинский, Кийский и Кызыльский. В 1745 году бирюсинцев насчитывалось 45 мужчин. К 1795 году их число возросло до 1012 душ мужского пола, т.е. почти в 25 раз.³⁴ Образование бирюсинской этнической группы, по всей видимости, относится к началу XVIII века, ибо ранее подобный этноним не был известен. Впервые имя “брус” или “брюс” (пурус) упоминают в русских документах за 1703 г.³⁵ Бирюсинские роды, обитавшие в данной местности, по крайней мере с начала XVII в. являлись киштымами бывшего Алтырского улуса. В 1722 году Д. Мессершмидт называл их “бруси-киштымы”, т.е. бирюсинские киштымы. В течение первой половины 18 века бирюсинцы вобрали в себя часть вернувшихся кыргызов и переселившихся из Мрассы и Кондомы шорских сеоков. В 1822 году они вошли в состав Сагайской степной думы. Со временем бирюсинцы утратили свой этноним и стали называться сагайцами.

В верховьях Томи и Аскиза, в подтаежной зоне Кузнецкого Алатау, образовалась Верхотомская землица. Она иногла называлась Томской или Казановской волостью. По историческим преданиям, часть хоорайцев, спасаясь от джунгарского разгрома, ушла в верховья р. Томи. В дальнейшем они вернулись назад, но с тех пор приобрели этноним “том”. С другой стороны, жители Казановской волости свой род называли “хоралар”.³⁶ Этноним говорит в пользу принадлежности верхотомцев к этносоциальному объединению “Хоорай”.

Хакасы, проживающие в долине Июсов, шорцев обозначали термином “тумзух”. Слово “тумзух” происходит от топонима “том суг”, т.е. житель реки

Томь. Исходя из этнографических материалов, можно предположить, что верхотомцы были смешанного состава, вобравшие в себя как шорские (Елейский и Етиберовский роды), так и кыргызские элементы. В любом случае этноним “том” на территории Хакасии появился не раньше XVIII века. В 1822 году верхотомцы были включены в Сагайскую степную думу, где составили Казановский род (30 различных фамилий). Вторая половина Казановского рода (32 различные фамилии) осталась проживать в долине р. Томь.

Сагайская, Бельтырская, Бирюсинская (Мрасская) и Верхотомская земли, созданные на месте бывшего Алтырского улуса, вошли в ведение Кузнецкого уезда.

Долина Июсов, где ранее располагалась территория Алтысарского улуса, в XVIII веке закрепилась за Томским уездом. На этом месте возникла Кызыльская земля. В административном отношении она была разделена на отдельные волости: Кызыльскую, Бусагарскую, Шуйскую, Ачинскую, Камларскую, Курчикову (Кийскую), Игинскую и Аргунскую. В 1734 году в них насчитывалось 340 ясачных.³⁷ Через 60 лет число кызыльцев возросло до 2109 душ мужского пола, т.е. почти в 7 раз.³⁸ К ним относилось около 200 различных фамилий. Консолидирующим ядром стал Кызыльский род, один из аймаков Алтысарского улуса. После создания Енисейской губернии перечисленные волости объединились в Кызыльскую степную думу, которая отошла в ведение Ачинского округа. Кызыльцы считались “одного происхождения с качинцами”. По данным фольклора, они выступают потомками хоорайского народа. До сих пор в кызыльских топонимических названиях сохранилась память о трагических событиях 1703 года. Перевал у г.Хызыл хас носит название “Хоорай кош азии” – перевал Хоорайского кочевья, а переправа через Б.Июс у д.Б.Балахчин известна как “Хоорай кичии”, т.е. Хоорайский брод.³⁹

В долине р.Чулым в районе Мелетского острога (Пелет тура) находились Мелетская и, ниже по течению, Тутальская волости. Название последней, вероятно, возникло от князя Тутала, возглавлявшего волость в первой половине XVII века. У тутальцев (тудал) насчитывалось 28 различных фамилий. Мелетцы сами себя называли “пелет”. В 1824 году они создали отдельную Мелетскую инородную управу. В двух мелетских родах насчитывалось 70 различных фамилий. Среди тутальцев, мелетцев и кызыльцев были общие фамилии: Айнаковы, Байдашевы, Барбаковы, Сардыгановы и др., что говорит об их этногенетическом родстве.

Численность сохранившегося населения Хонгорая в XVIII веке резко возрастает. В 1795 году, согласно архивным документам, насчитывалось 8,5 тыс. душ мужского пола. Вероятно, только к концу XVIII века коренное население Хакасии достигло численности, которая была накануне угона 1703 года. Ко

времени образования степных дум минусинских татар, как стали называть вошедших в состав России хонгорцев, насчитывалось 22 тыс. душ обоего пола. В пределах Минусинского округа они составили более 50 % всех жителей.⁴⁰

В 1822 г., согласно реформе М.М. Сперанского, Хакасия была включена в состав новообразованной Енисейской губернии. Разрозненные землицы и волости хакасов были объединены в 4 степные думы: Кызыльскую, Качинскую, Койбальскую и Сагайскую. Границы степных дум в общих чертах совпали с территориями бывших кыргызских улусов. С присоединением Хонгорая к России исчезает с политической арены Южной Сибири имя кыргызов и историческое название их Родины.

Так печально закончилась блистательная история енисейских кыргызов и началась история минусинских татар.

Заключение

История кыргызов на Енисее полна яркими и драматическими событиями. В ней нашлось место и выдающимся военным победам, бросившим к ногам победителей необозримые просторы Центральной Азии, и расцвету культуры в эпоху “Кыргызского великодержавия”, когда кыргызские мастера-оружейники и ювелиры изготавливали оружие и украшения, ставшие образцами для подражания в кочевом мире, и горьким поражениям, когда кыргызы теряли независимость, утрачивали многие достижения культуры. Однако, несмотря на поражения, выселения, утрату самостоятельности, кыргызский этнос вновь и вновь возрождался, как феникс из пепла, просуществовав на Енисее полторы тысячи лет, в то время как его более могущественные и многочисленные противники в кочевом мире степного пояса Евразии – хунны, жужани, карлуки, басмылы и другие навсегда канули в небытие истории. Так было до рокового 1703 года, когда джунгары угнали большую часть кыргызского населения из Минусинских степей в Джунгарию и тем самым закрыли последнюю страницу истории многовековой кыргызской государственности на Енисее. История енисейских кыргызов во многом интересна и поучительна и для людей сегодняшнего дня, когда во всей стране набирает силу необратимый процесс возрождения национального самосознания, традиций, культуры.

Как и в истории любого народа, в истории кыргызов на Енисее еще немало нерешенных, остро дискуссионных проблем. В последние десятилетия особую остроту приобрели вопросы исторической этнонимии. После принятия в 1923 году литературного, книжного термина “хакасы” в качестве названия реально существующего коренного населения долины Среднего Енисея неоднократно предпринимались попытки доказать его историчность, противопоставив его этнониму “кыргызы”. Существующий обширный корпус древних и средневековых письменных источников, данные этнографии, фольклора, топонимики, лингвистики не оставляют и тени сомнения в том,

что в Центральной Азии, в том числе в Минусинской котловине, обитал один из древнейших тюркоязычных кочевых этносов, вошедший в историю под своим гордым самоназванием “кыргызы”. На Енисее кыргызы обитали с V века до начала XVIII века и были известны у других народов и в других странах под своим настоящим самоназванием. Вошедший в научную литературу термин “хягасы”, “сяззасы”, “хакасы” и т.д. является одной из китайских транскрипций этнонима “кыргызы”. Однако вот уже на протяжении нескольких десятилетий Л.Р. Кызласовым с редким упорством, достойным лучшего применения, делаются безуспешные попытки отрицать этническое содержание термина “кыргызы” и приписать события средневековой истории и памятники кыргызской культуры на Енисее мифическим “древним хакасам”. Научное сообщество ученых, специалистов-историков, археологов, этнографов, тюркологов, кыргызоведов вынуждено раз за разом давать отпор подобным попыткам искажения истории.

В последние десятилетия, благодаря изысканиям этнографа В.Я. Бутанаева, было выяснено, что коренное население долины Среднего Енисея в период позднего средневековья имело общее этническое название хоорай (хонгорай), которое в русских письменных источниках обозначалось именем “кыргызы”. Факт преемственности современного хакасского населения и народа хоорай (хонгорай) установлен по историческим, этнографическим и фольклорным материалам и не вызывает сомнений. Попытки Л.Р. и И.Л. Кызласовых отрицать этническое значение термина хоорай совершенно не состоятельны.

После присоединения Минусинской котловины к России в 1727 году по Кяхтинскому миру название Хонгорай постепенно исчезает с политической карты Южной Сибири и Центральной Азии. В качестве самоназвания коренного населения Минусинской котловины в этот период закрепился термин “тадарлар” (татары). Этим термином русские называли многие тюркские народы. Этноним хоорай (хонгорай) ушел в область преданий. Он перестал соответствовать реальному содержанию новой формирующейся этнической общности. После присоединения Хакасии к России было упразднено военное сословие батыров, исчезла полуфеодалная форма эксплуатации киштымов. Все коренное население Хонгорая было уравнено в правах в качестве ясачного инородческого сословия. Вместо господствующей группы кыргызов среди них выдвинулась новая элитарная группа, основой которой служила не принадлежность к определенному роду, а имущественная дифференциация, владение скотом и служба в царской администрации.

Современное хакасское население сложилось из разных племенных групп: как бывших кыргызских киштымов, так и поредевшей части кыргызской элиты. К началу XIX века хакасы были объединены в четыре степные думы и уже представляли собой единый этнос с общими чертами культуры и

быта, общим разговорным языком и самоназванием “тадарлар”. Этноним татары широко применялся в Центральной Азии для обозначения разных племен и государственных образований. Если в кыргызских памятниках письменности IX в. н.э. этнонимом “татар” обозначался враждебный народ, то спустя тысячелетие, в результате превратностей судьбы, он закрепился за коренными жителями Среднего Енисея. В русских источниках он вовсе не имел оскорбительного оттенка, как пытается бездоказательно утверждать Л.Р. Кызласов. После революции 1917 года, по инициативе С.Д. Майнагашева, был принят в качестве названия коренного населения Хакасского уезда искусственный термин “хакасы”, почерпнутый из сибирской, областнической публицистики. Он был официально закреплен решением ВЦИК в 1923 году. Однако за прошедший период искусственный термин “хакас” не прижился в языке коренного населения Хакасии, которое в обиходе продолжает именовать себя “тадарлар”. Среди патриотически настроенной национальной интеллигенции ширится понимание того, что необходимо вернуть исторически оправданное самоназвание “хоорай”. Уже сделаны первые шаги в деле восстановления исторической справедливости. В связи с образованием республики решением Ассоциации хакасского народа “Тун” 3 июля 1991 года был проведен всеобщий праздник под названием “Ада-Хоорай”, посвященный Дню восстановления государственности и памяти предков, погибших за свободу Хакасии, начиная с мифического Хоорай-хана.

Вопросы этнонимии, несмотря на всю остроту и дискуссионность, не являются в истории енисейских кыргызов самыми актуальными и нерешенными. Важнейшей проблемой для решения вопросов этнокультурогенеза остается недостаточная изученность памятников эпохи средневековья. Выделение памятников кыргызской культуры, относящихся к позднесредневековому периоду, откроет возможность для реконструкции процесса ее эволюции на протяжении всего времени существования и позволит проследить характер взаимоотношений кыргызов с иными этническими группами, проживавшими на Енисее и вошедшими в этническую общность Хоорай (Хонгорай). Актуальной задачей этноархеологии остается выделение и изучение памятников различных этнических групп, обитавших в Минусинской котловине в период позднего средневековья и нового времени, что позволит проследить процесс их слияния в единый этнос и возникновение общих культурных традиций.

История кыргызского этноса и культуры в период их существования на Енисее является не только частью истории современного хакасского народа и других тюркоязычных народов Саяно-Алтая, она является неотъемлемой частью истории кочевой цивилизации Центральной Азии в целом. Согласно нашему предположению, в период Кыргызского каганата элитарной группой кыргызов было племя “ач” или “аз” (ажэ китайских летописей). Во вре-

мена этнополитического союза Хонгорай на смену ему выдвинулась этническая группа “кыргыз” – часть древнего населения, сумевшая сохраниться в эпоху монголо-джунгарских завоеваний и давшая свое имя для обозначения “Кыргызская земля” в русских документах.

Эволюция кыргызской культуры в периоды раннего и развитого средневековья является своеобразным эталоном для изучения других кочевнических культур Центральноазиатского очага цивилизации. Благодаря своему уникальному географическому положению кыргызское государство на Енисее было на протяжении долгих веков ключевым пунктом торговых и культурных связей, фактором передачи культурных достижений из центров оседло-земледельческих регионов в кочевой мир Северной Азии кочевого мира, а в период “Кыргызского великодержавия” объединило скотоводческие племена Северной и Центральной Азии в единый каганат и стало центром кочевой цивилизации. В этот период кыргызские правители умели не только побеждать врагов на поле боя и умело вести дипломатические дела, но и пытались строить города, развивать земледелие, вводить денежное обращение, проявляли интерес к мировым прозелитарным религиям.

“Звездный час кыргызской истории” – период Кыргызского великодержавия – по историческим данным был сравнительно недолгим, он продолжался около 80 лет. Захватив огромные пространства степной Азии, кыргызы не смогли удержать их под своим господством, объединить все кочевые племена, закрепить военные и политические достижения. Кыргызский каганат распался. Кыргызский этнос был разделен надвое вторжением киданей. Часть кыргызов осталась в Восточном Туркестане и в дальнейшем составила основу современного кыргызского народа на Тянь-Шане. Этнические группы кыргызов оказались в иноэтническом окружении и вошли в состав других тюркских и монгольских народов. Поэтому весьма актуальными остаются задачи изучения кыргызской культуры не только на Енисее, но и на всей территории Центральной Азии. Необходимо выявить границы распространения кыргызской культуры на разных этапах ее развития, в особенности в древний период кыргызской истории в Центральной Азии. Необходимо продолжить поиск памятников кыргызской культуры на путях миграции с Енисея на Тянь-Шань, в Восточном Туркестане, проследить этапы эволюции кыргызской культуры в данном регионе и ее обособления от общих “енисейско-кыргызских черт” после разделения кыргызского этноса. Эти проблемы невозможно решить без широкой координации научных исследований ученых археологов, историков, этнографов, тюркологов из разных стран Центральной Азии. Привлечение в науку учащейся молодежи, которую не оставит безучастной историческая судьба кыргызов, позволит заняться дальнейшей разработкой этой поистине неисчерпаемой, сложной и интересной темой. .

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I

История изучения

1. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин. // Известия Лаборатории археологических исследований - Кемерово, 1973 - вып. 6. - С.96; Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. - Новосибирск, 1986. - С.12.
2. Завитухина М.П. Коллекция Г.Ф.Миллера из Сибири - одно из древнейших археологических собраний России // Сообщения Государственного Эрмитажа. - Л., 1978. - Вып. 13. - С.40.
3. Вадецкая Э.Б. Там же. - С.99.
4. Там же. - С.100.
5. Там же. - С.101.
6. Бичурин Н.Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. - СПб., 1829. - С.28.
7. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. - СПб., 1834. - С.132.
8. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений. - Алма-Ата, 1985. - Т. 2. - С.54-65.
9. Уманский А.П. Археологические раскопки Ледесбура в Горном Алтае // УЗГАНИИЯЛ - Горно-Алтайск, 1964. - Вып. 6. - С.43.
10. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. - Барнаул, 1989. - С.47.
11. Белокобыльский Ю.Г. Там же. - С.45.
12. Вадецкая Э.Б. Там же. - С.107.
13. Schott W. Uber die achten Kirgisen // AKRAW-Berlin, 1865. - S. 432-461.
14. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - СПб., 1851. - Ч.1.
15. Эйхвальд Э.И. О чудских копиях // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. - СПб., 1858. - Ч.3 - С.30-35.
16. Радлов В.В. Сибирские древности. - СПб., 1896. - С.58-62.
17. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. - Иркутск, 1929. - С.20.
18. Адрианов А.В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. - Минусинск, 1902-1924. - С.41-44, 53-54, 58-61, 68.
19. Клеменц Д. Древности Минусинского музея. - Томск, 1886. - С.73.
20. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. - Томск, 1889 - С.15, 17, 20, 21

21. Там же. - С.35-36
22. Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler – Helsingfors, 1931.
23. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. - Новосибирск, 1978. - С.45.
24. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. - СПб., 1894. - Вып 3 и 4.
25. Козьмин Н.Н. Хакасы. - Иркутск, 1925 - С.11
26. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1926. - Т.2 - С.395,397.
27. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. - М., 1963. - Т.2. - Ч.2 - 1. - С. 489
28. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. - М., 1969. - Т.5. - С.41.
29. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по географии. - Л., 1929. - Т.4. - Вып.2 - С.54-58.
30. Валецкая Э.Б. Там же. - С.138
31. Там же. - С.141.
32. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - С.612.
33. Евтохова Л.А. Археологические памятники енисейских киргизов (хакасов). - Абакан, 1948. - С.60-67.
34. Левашова В.П. Два могильника киргиз-хакасов // МИА - М., 1952. - № 24. - С.121; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА - М. - Л., 1949. - № 9. - С.314; Евтохова Л.А. Там же. - С. 3.
35. Евтохова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Труды ГИМ - М., 1940. - Вып. 10. - С. 24
36. Бернштам А.Н. История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания // КСИИМК - М.-Л., 1947. - Вып. 16. - С. 176-177.
37. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА - М.-Л., 1952. - № 26. - С. 88.
38. Там же. - С. 89-91.
39. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Фрунзе, 1959. - Т.3 - С. 233
40. Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения киргизов в Южной Сибири // УЗТНИИЯЛИ - Кызыл, 1957. - Вып. 5 - С. 216; Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в 9-12 вв. // УЗХНИИЯЛИ - Абакан, 1960. - Вып 8 С. 58-62.
41. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисейка. - Фрунзе, 1962; Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология - 1960. - № 3 - С. 98
42. Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии. - М., 1972. - С. 260-263, Савинов Д.Г. К вопросу этнографии севера Центральной Азии в предмонгольское время // Проблемы отечественной и всеобщей истории. - Л., 1973 - Вып 2 - С. 24.
43. История Тувы. - М., 1964 - Т. 1 - С. 145-150.
44. История Сибири. - Л., 1968 - Т. 1 - С. 290-303.
45. Кызласов Л.Р., Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. - М.-Л., 1953 // Вопросы истории. - 1954. - № 7. - С. 151.
46. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ. - Абакан, 1959. - Вып. 7 - С. 72-92; Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "киргиз" в

- письменных источниках 6-12 веков // Народы Азии и Африки - 1968 - № 4 - С. 88-97; Он же Взаимоотношение терминов "хакас" и "киргызы" в письменных источниках веков // УЗХНИИЯЛИ - Абакан, 1969 - Вып. 8. - С. 5-20; Он же. История Тувы в средние века - М., 1969
47. Яхонтов С.Е. Древнейшее упоминание названия "киргиз" // Советская этнография - 1970. - № 2. - С. 100-120.
 48. Каравев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // Народы Азии и Африки. - 1970. - № 4. - С. 255-259.
 49. Сердобова Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири // Советская этнография. - 1970. - 4. - С. 53-58.
 50. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. - М.,-Л., 1952. - С. 7.
 51. Кюннер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах // УЗХНИИЯЛИ - Абакан, 1954. - С. 121
 52. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. - Абакан, 1957. - С. 278, Он же. О статье Н.В. Кюннера "Восточные урянхайцы по китайским источникам" // УЗТНИИЯЛИ - Кызыл, 1958 - Вып. 6. - С. 199-200.
 53. Копков К.Г. "Енисейские кыргызы" и этногенез хакасов // УЗХНИИЯЛИ - Абакан, 1969. - Вып. 13 - С. 21-38.
 54. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами - Фрунзе, 1961. - С. 17.
 55. Каравев О. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляция ими местных племен в 13-15 вв // Советская этнография. - 1966. - № 4. - С. 255-259; Абрамзон С.М. Киргизы // Народы Средней Азии и Казахстана - М., 1963. - Т.2. - С. 164-165.
 56. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в 17 в. // Научные труды. - М., 1955. - Т. - Ч. - С. 176-224
 57. Арзыманов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в 18 в. - первой половине 19 в. - Фрунзе, 1966. - С.66-68.
 58. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в 17 веке. - Фрунзе, 1968. - С. 129.
 59. Потапов Л.П. Происхождение и формирование... - С. 11-69.
 60. Копков К.Г. Об угоне "енисейских кыргызов" в Джунгарии в начале 18 века // УЗХНИИЯЛИ - Абакан, 1965. - Вып. 11. - С. 65-85.
 61. Петров К.И. К этимологии термина "кыргыз" // Советская этнография. - 1964. - № 2. - С. 81-91.
 62. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении этнонима "кыргыз" // Советская этнография. - 1964. - № 2. - С. 92-93.
 63. Зуев Ю.А. Киргизы-буруты // Советская этнография. - 1970. - № 4. - С. 74-86.
 64. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Л., 1971
 65. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 122-130.
 66. Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990 - С. 114-124; Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 193-220; Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов 18-19 вв. // Советская археология. - 1978. - № 1. - С. 122.
 67. Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. - Барнаул, 1972. - С. 30-42; Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1979 - Вып. 1. - С. 161-169; Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 62-66

68. Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосождением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане - Алма-Ата, 1972. - С. 56-75; Трифонов Ю.И. Два погребения в могильнике Джаргас // Археология эпохи камня и металла Сибири - Новосибирск, 1983. - С. 123-130; Конилов Б.А. Новые материалы I тыс. н.э. Из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные явления в Западной Сибири - Томск, 1978. - С. 68-69.
69. Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальников И.В. Погребения с сожением могильника Каменный Мыс // Вопросы древней истории Южной Сибири. - Абакан, 1984. - С. 91-92.
70. Беликова О.Б. Курган 53 Эменкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки - Новосибирск, 1988. - С. 116-125; Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 46-53.
71. Ковычев Е.В. Средневековое погребение с трупосождением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация // Древнее Забайкалье и его культурные связи. - Новосибирск, 1985. - С. 50-58.
72. Худяков Ю.С. Кыргызы на Таяте - Новосибирск, 1982; Он же. Кыргызы на Енисее. - Новосибирск, 1986; Он же. Вооружение енисейских кыргызов 6-12 вв. Новосибирск, 1980; Он же. Кыргызы в Монголии // Олон Улсын Монголч 4 Эрдэнтний их Хурал. - Уланбаатар, 1985. - бот 1 - С. 349-353; Он же. Кыргызы в Центральной Азии // Вопросы этнической истории кыргызского народа - Фрунзе, 1989. - С. 29-40; Он же. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1990. - С. 186-195.
73. Афанасьева Е.В., Ельцова С.Л., Скобелев С.Г. Поздние археологические памятники Енисея // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки - Новосибирск, 1988 - С. 138-139.
74. Митько О.А. Средневековое население долины р. Ус // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Бишкек, 1991. - С. 74-76.
75. Азбелев П.П. Конструкции оград минусинских чаптасов как источник по истории енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 5-16.
76. Бутанаев В.Я. Историческая судьба енисейских кыргызов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории киргизского народа. - Фрунзе, 1989. - С. 66-77.
77. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов в 17-19 вв. - М., 1990. - С. 16-19; Он же. Этническая история хакасов. - Абакан, 1998. - С. 25-47; Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии 17-начала 18 вв. - Абакан, 1995. С. 9-28.
78. Бутанаев В.Я. Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии 17- начала 18 вв. .
79. Молдобаев И.В. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. - Фрунзе, 1989. - С. 90-113.
80. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе... - С. 81-982.
81. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов... - С. 206-207.
82. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири 10-14 вв. - М., 1983. - С. 71-75.
83. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. - С. 102-106, 142-146
84. Там же. - С. 162.
85. Там же. - С. 157; Кызласов И.Л. Аскизская культура /средневековые хакасы 10-14 вв./ // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 204.

86. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас 6-9 вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 46-52; Он же. Тюхтятская культура древних хакасов / 9-10 вв. // Там же. - С. 54-59; Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири... - С. 48-67.
87. Тюркология. - 88. - Фрунзе, 1988.
88. Памятники киргизской культуры в Северной и Центральной Азии - Новосибирск, 1990. - С. 5.

Дискуссия об этнониме "киргиз"

1. История Тувы. - М., 1965. - Т.1. - С. 138, Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения киргизов в Южной Сибири. - УЗТНИИЯЛИ, Кызыл, 1957, Вып. 5. - С. 215; Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // УЗТНИИЯЛИ, Кызыл, 1960. - Вып 8. - С. 189, Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. - ТС 1972. - М., 1973. - С. 339, Длужневская Г.В. Памятники енисейских киргизов за Саянами // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 123, Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. - ТС 1974. - М., 1978. - С. 253; Худяков Ю.С. Киргизы на Табате. - Новосибирск, 1982. - С. 206.
2. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "киргиз" в письменных источниках 6-12 веков //УЗХНИИЯЛИ, Абакан, 1969. - Вып.13. - С. 14 Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов 13-14 вв. - СА, 1978. - № 1. - С. 122, Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии Эпоха железа. - Новосибирск, 1979. - С. 81.
3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА, М-Л, 1949, № 9, с. 314, Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских киргизов /хакасов/. - Абакан, 1948. - С. 3.
4. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. - М.-Л. 1952. - С. 45, 85. Он же. Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л. 1951. - С. 38, 39, 67. Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М-Л, 1959. - С. 20, 41.
5. Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М, 1973. - Вып 1. - С. 16, 17, 25, 26, 41, 42, 48, 49.
6. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз". // СЭ, 1970. - № 2. - С. 110.
7. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов... - С. 208 Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. - Абакан. 1957. - С. 26-27.
9. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов. - С.6.
10. Klapproth J. Sur quelques Antiquites trouvees en Siberie // jA-Paris, 1893. - Т. III. - P. 9. Schott W. Uber die achten kirgisen // АКРАУ - Berlin, 1965. - S. 432; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л, 1950. -Ч. 1. - С. 351. Радлов В.В. Сибирские древности. - СПб, 1896. - С. 58.
11. Клеменц Д. Древности минусинского музея. - Томск, 1886. - С. 73
- Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. - Томск, 1889. - С. 33.
12. Козьмин Н.Н. Хакасы. - Иркутск, 1925. - С. 9.
13. Рамstedт Г. Перевод надписи "Селенгинского камня". - Тр. ТКПОИРГО. СПб, 1914. - Т., - Вып. 1. - С. 43.
14. Козьмин Н.Н. Хакасы. - С. 8.
15. Там же. С. 7.
16. Там же. С. 11
17. Бартольд В.В. Киргизы. - Фрунзе, 1927.
18. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, Л, 1929. - Т.4. - Вып.2. - С. 54.
19. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены Тр. ТИМ, М, 1940. - Вып 11. - С.24.
20. Левашова В.П. Два могильника киргиз-хакасов. - С. 121.

21. Киселев С.В. Древняя история... - С. 314.
Он же. Древнехакасский эль. - УЗХНИИЯЛИ, Абакан, 1948. - Вып. 1. - С.33.
22. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. - М.-Л., 1946. - С. 165.
23. Малов С.Е. Енисейская письменность... - С. 7.
24. Кюннер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах. - УЗХНИИЯЛИ, Абакан, 1954 - Вып. 3. - С. 121.
25. Он же. Восточные урянхайцы по китайским источникам - УЗТНИИЯЛИ, Кызыл, 1958. - Вып.6. - С. 203.
26. Потапов Л.П. Происхождение и формирование... - С. 278.
27. Он же. О статье Н.В.Кюннера "Восточные урянхайцы по китайским источникам". - УЗТНИИЯЛИ, Кызыл, 1958. - Вып.6 - С. 199-200.
28. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня - Тр. КАЭЭ. Фрунзе, 1959. - Т. 3. - С. 111.
29. Он же, Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. - ВИ, 1954, № 7. - С. 151.
30. Он же. К вопросу об этногенезе хакасов. - УЗХНИИЯЛИ, Абакан, 1959. - Вып.7. - С. 79-81. Он же. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. - М., 1960. - С. 180-190.
31. Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках 6-12 веков. - НАА, 1968. - № 4. - С. 88-97
- Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках 6-12 веков. - УЗХНИИЯЛИ. - Абакан, 1969. - Вып.13 - С. 5-20
- Он же. История Тувы в средние века. - М., 1969. - С. 88-93
32. Он же. Взаимоотношение терминов... - С. 20.
33. Он же. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз". - СЭ, 1971. - № 4. - С. 60.
34. Там же. С. 62.
35. Там же. С. 60.
36. Он же. Взаимоотношение терминов... С. 20.
37. Карасв О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас. - НАА, 1970. - № 4. - С. 255.
38. Там же. С. 256-257.
39. Там же. С. 257-259.
40. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз"/"СЭ". - 1971. - № 1. - С. 110-120.
41. Там же. С. 117.
42. Там же. С. 118.
43. Там же. С. 118, прим.34.
44. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири // СЭ, 1971. - № 4. - С. 53-58.
45. Там же. С. 58.
46. Там же. С. 54.
47. Там же. С. 54.
48. Там же. С. 56.
49. Там же. С. 56.
50. Там же. С. 56-58.
51. Там же. С. 58
52. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. - Кызыл, 1971.
53. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"... - С. 59-60, прим. 7.
54. Там же. С. 60-61.
55. Там же. С. 61.
56. Там же. С. 65.
57. Там же. С. 66-67.

58. Карасаев О. Еще раз о терминах "кыргыз" и "хакас". // Кыргыз терминология сынын маселелери. - Фрунзе. 1972. - С. 126-135.
59. Там же. С. 126-135.
60. Там же. С. 136.
61. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов... - С. 8, прим. 20.
62. Он же. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"... - С. 61, 67.
63. Он же. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1973. - С. 13-14.
64. Он же. Курганы средневековых хакасов // Первообитная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 206.
65. Там же. С. 206.
66. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов //11-10 вв./ // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М, 1981. - С. 58.
- Он же. Средневековые памятники Западного Забайкалья //11-10 вв./ - Там же. С. 60-61.
67. Он же. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Восточной Европой - в кн.: Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск, 1984. - С. 112-118.
68. Он же. История Южной Сибири в средние века. - М, 1984. - С. 117-123.
69. Там же. С. 118.
70. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов. С. 140. Он же. Кыпчаки и восстания енисейских племен в 13 в. - СА, 1980. - № 2. - С. 80-86. Он же. Аскизская культура Южной Сибири 10-14 вв. - М, 1983. - С. 52.
71. Он же. Происхождение аскизской культуры Южной Сибири. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск. 1979. - С. 52.
72. Мэн да бэй-лу. - М. 1975. - С. 128, прим. 110.
73. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... - С. 54.
74. Там же. С. 53.
75. Кызласов Л.Р. История Тувы... - С. 168.
76. Он же. История Южной Сибири. - С. 53.
77. Там же. С. 55.
78. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Т.1. - С. 350-355.
79. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов... - С.8.
80. Там же. С. 8.
81. Там же. С. 14.
82. Там же. С. 9.
83. Там же. С. 10.
84. Там же. С. 14.
85. Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят. // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. - Улан-Удэ, 1983. - С. 98.
86. Кызласов Л.Р. Взаимоотношения терминов... С. 18-19.
87. Он же. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"... С. 65.
88. Бутанасев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимии. // Историческая этнография. Традиции и современность. - Л., 1983. - С. 62.
89. Там же. С. 69.
90. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах... - С. 53.

Новый виток полемики о термине "хакас"

1. Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее. - Новосибирск, 1986. - С. 31.
2. Там же. - С. 20.
3. Вайнштейн С.И., В.В.Радлов и его труд "Из Сибири" //Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. - М., 1989. - С. 656.
4. Карасаев О.К. Ценное учебное пособие //Учитель Кыргызстана. - 1987 - 20.11. - С. 3.

5. Чороев Т.К. Талаштан тактыкка //Кыргызстан Маданияты - 1987 - 19 11. - С.7.
6. Кызласов И.Л. О самоназвании хакасов. // Этнографическое обозрение. - 1992, № 2. - С. 52-59; Кляшторный С.Г. Статья И.Л.Кызласова "О самоназвании хакасов"// Там же С. 59-61; Яхонтов С.Е. Слово "хакас" в исторической литературе// Там же. С. 63-69; Кызласов И.Л. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай (ответ оппонентам)// Там же. С. 69-76.
7. Кызласов И.Л. Об этнонимах... С. 70.
8. Например, нет упоминаний работы: Кызласов Л.Р. Этнонимы "хаас" и "хасха" в хакасском// Маргулановские чтения. - Алма-Ата, 1989. - С. 260-263; Он же. Этнонимы "хаас" и "хасха" в хакасском// СТ. - 1990. - В 5. - С. 49-51. В этой работе изложена вся аргументация, использованная И.Л.Кызласовым по "тюркологическому" аспекту проблемы.
9. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999.
10. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимике // Историческая этнография. Традиции и современность. - Л., 1983. - С. 68-72.
11. Татаринцев Б.И. К вопросу о дискуссии на страницах журнала "Этнографическое обозрение". //Гуманитарные науки в Сибири. 1995. - № 3. - С. 70.
12. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел// Енисейская губерния - СПб., 1864. - С. 18.
13. Адрианов А. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г., по поручению Императорского Географического общества и его Зап.-Сиб. отдела//Зап. ЗСОИРГО. - Омск, 1886. - Кн. 8. - Вып. 2. - С. 62; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1930. Т.3. - Вып. 2. - С. 525-529 и др.
14. Потачаков К.М. Н.Ф. Катанов как хакасовед// УЗХНИИЯЛИ. - Абакан, 1964. - Вып. 10. - С. 126-132; Майнагашев С.Д. Жертвоприношение Небу у бельтиров// СМАЭ. - Пг., 1916. - Т.3. - С. 93.
15. Свобода и Труд. 1917, 15 апреля
16. Свобода и Труд. 1917, 8 сентября.
17. Хакасский уезд. - Красноярск, 1923. - С. 26.
18. ГАКК, ф. Р 49, оп. 1, д. 152, л. 50.
19. Кызласов И.Л. О самоназвании... С. 54.
20. Савинюв Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984. - С. 77-103.
21. Кызласов Л.Р. Этнонимы...С. 260-263; Он же. О самоназвании... С. 49-51.
22. Доможаков Н.Г. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов// Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1956. - Вып. 4. - С.67.
23. Боргояков М.И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов// УЗХНИИЯЛИ. - Абакан, 1959. - Вып. 137.
24. Кызласов И.Л. Об этнонимах... С.72.
25. Кызласов Л.Р. Этнонимы... С. 263.
26. Кызласов И.Л. Об этнонимах... С.55.
27. Кызласов Л.Р. Этнонимы... С. 260-263; Он же. О самоназвании... С.55.
28. Кызласов Л.Р. Этнонимы... С.261-263.
29. Кызласов И.Л. О самоназвании...С.74.
30. Татаринцев Б.И. Указ. соч. С. 73.
31. Сокровенное сказание монголов. - Улан-Удэ, 1990. - С. 118.
32. ЦГАРХ. Р-675. Оп.1. Д. 19. С.19.
33. Боргояков М.И. О кангатах и их языке// Происхождение аборигенов Сибири и их языков. - Томск, 1976. - С. 51.

Полемика об историческом названии "Хоногорай (хоорай)"

1. Бутанаев В.Я. Об этническом имени хакасов в эпоху позднего средневековья // Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул, 1984. - С. 134-139.
2. Бутанаев В.Я. К исторической этнонимике хакасов (термин "хоорай") // Историческая этнография В.З. Л., 1985. - С. 25-29; Он же. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999.
3. Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий // Тезисы докладов областной конференции. - Омск, 1979. - С. 150-153.
4. Кызласов Л.Р. Как нам себя называть? // Советская Хакасия. 1991, 6 августа, Кызласов И.Л. Об этнонимах "хакас" и "тадар" и слове "хоорай" (ответ оппонентам). // Этнографическое обозрение. 1992, № 2. - С. 69-75; Кызласов Л.Р. Земля сибирская. - Абакан-Москва, 1994. - С. 60-85; Кызласов Л.Р. Вымрет ли хакасский язык в XXI веке? // Хакасия. 1996. 25-27 июля.
5. Кызласов И.Л. Указ.соч. - С. 73.
6. Кызласов Л.Р. Земля сибирская... С. 72.
7. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. 1999.
8. Русско-китайские отношения в XVIII веке Т.1. 1700-1725. - М., 1978. - С. 129.
9. РГАДА. Ф. 199. № 529. Ч. 2, л. 2.
10. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. - М., 1974. - С. 210.
11. Кастрен М.А. Путешествие М.А.Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838-1844 гг. // Магазин земледелия и путешествий. Т. 6, ч. 2. - М., 1860
12. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан. 1995. - С. 175.
13. Татаринцев Б.И. Об одном предполагаемом русском заимствовании в лексике тувинского языка // Русский язык в Туве - Кызыл, 1985. - С. 157.
14. Чирим тамырлары. - Абакан, 1982, Хоорай чоңнын тореллери. - Абакан, 1996.
15. Кызласов И.Л. Указ. соч. - С.7316. Хакасские народные тахпахи - Абакан, 1980. - С.30.
17. Кызласов И.Л. Указ. соч. - С. 73-74.
18. Алтай албатынын кожондоры. - Горно-Алтайск, 1972. - С. 8
19. Чудояков А.Ч. Общественные отношения в эпосе алтайцев, хакасов и шорцев. // Тюркология - 80. - Фрунзе, 1988. - С.461.
20. Кызласов Л.Р. Земля сибирская... С. 81
21. Татаринцев Б.И. Несколько замечаний по поводу слова "хоорай". // Гуманитарные науки в Сибири. Серия фил. № 4. - Новосибирск, 1994. - С.45.
22. Яковлев Е.К. Этнографический обзор долины Южного Енисея. - Минусинск, 1900. - С. 19.
23. Тыва хамнарнын алгыштары. - Кызыл, 1992. - С.117.
24. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.4. - СПб., 1883. - С. 10.
26. Потанин Г.Н. Указ. соч. С.10.
26. Ямасава Е.Е. Мифы алтайцев. // Фольклорное наследие Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1989. - С. 177.
27. Бедуров Б. Алтай и Центральноазиатская этническая общность (к постановке вопроса). // Слово об Алтае. - Горно-Алтайск. 1990. - С. 374.
28. Там же. С.132.
29. Кызласов Л.Р. Указ.соч. - С.77.
30. Русско-китайские отношения в 18 веке. - С. 129.
31. Кызласов И.Л. Указ.соч. - С. 75.
32. РГАДА. Ф. 199. Ч.2., л.2.
33. Там же. Л.2.
34. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов 17-19 вв. - М., 1990.
35. Кызласов Л.Р. Указ.соч. - С. 82.

36. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. - Красноярск, 1992. - С. 201.
37. Кызласов И.Л. Указ.соч. С. 75.
38. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.2. 18 в (первая половина). - М.-Л., 1965. - С.42.
39. Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири - М.-Л., 1966. - С. 39.
40. Бутанасов В.Я. Этническая культура хакасов. - Абакан, 1998. - С. 29.
41. Ленин чолы. 16.08.91.
42. Ленин чолы. 17.09.91; 3.10.91; 25.09.91; 18.09.91; 28.08.91
43. Хакасия. 25. 07.96.
44. Там же. 26.07.96.
45. Боргоякова У.Л. Хоорай хамы // Хоорай чоннын тореллери. - Абакан, 1996. - С. 29.
46. Хакас чирі. 8.02.97.
47. Хакас чирі. 29.03.97.
48. Ежегодник ИСАТ-а. Вып.1. - Абакан, 1997. - С. 172-175. Он перепечатал ее из газеты "Хакас чирі" (4.03.97), где она называлась "Чочынар Хоорай" (Бойтесь Хоорай).
49. Ултургашев С.П. Значение Октябрьской революции в исторических судьбах хакасского народа. //Уч. зап. ХагНИИЯЛИ. Вып. 6. - Абакан, 1958. - С. 19
50. Ултургашев С.П. Пис хоорай нимеспис. - С. 175.
51. Хан-тигир. Вып.3. - Агбан, 1996. - С. 124.
52. Хакас чоннын кип-чоохтары, нымхатары. - Абакан, 1960. - С. 89
53. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. - М., 1993. - С. 237.
54. Гоголев А.И. Якуты (проблема этногенеза и формирования культуры). - Якутск, 1993. - С. 44
55. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып.1. - М., 1973. - С. 41. Дамдинсурен Ц. Исторические корни Гэсэриады. - М., 1957. - С. 216.
56. Дамдинсурен Ц. Исторические корни Гэсэриады. - М., 1957. - С. 216.
57. Там же. С. 154.
58. Рерих Ю.Н. По тропам Средней Азии. - Хабаровск, 1982. - С. 207.
59. Дамдинсурен Ц. Указ.соч. С. 125.
60. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965. - С. 405.
61. Ленин чолы. 26.11.91; 2.10.91; 12.09.91; 13.11.91; 11.12.91; Советская Хакасия. 5.12.91; Хакас чирі. 27.03.97; 22.03.97; 18.03.97
62. Ленин чолы. 6.02.92.
63. Потанин Г.Н. Указ.соч. 4. С. 664.
64. Советская Хакасия. 5.12.91.
65. Ленин чолы. 26.11.91.
66. Хакас чирі. 12.03.97; Ленин чолы. 6.02.92.
67. Татаринцев Б.И. Об одном предполагаемом русском заимствовании в лексике тувинского языка. - С. 155-157.
68. Шарахшинова Н.О. Загадки. - Иркутск, 1981. - С.67; Алтайские загадки. - Горно-Алтайск, 1981. - С. 162-163; 48. Бутанасов В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999.

Дискуссионные вопросы истории енисейских кыргызов XVII в.

1. Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. - Вып. 1; Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1996. - Вып.2.
2. Кызласов И.Л. От составителя // Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. Вып.1. - С.4.
3. Там же. С. 4.

4. Кызласов И.Л. Заключение составителя// Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. - Вып.1. - С.86
5. Кызласов Л.Р. Сибирь: на границе прошлого с грядущим. // Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. - Вып.1. - С.9.
6. Там же. С.12.
7. Там же. С.12.
8. Там же. С.17.
9. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века - М., 1969. - С. 171.
10. Кызласов Л.Р. Южная Сибирь// История народов Восточной и Центральной Азии. - М., 1986. - С. 287.
11. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. - М., 1993. - С. 128-129.
12. Кызласов Л.Р. Новая оценка жизнестойкости древнехакасского государства// Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. - Вып.1. - С. 44
13. Кызласов Л.Р. Сибирь... С. 17.
14. Кызласов Л.Р. История Тувы... С. 138
15. Кызласов Л.Р. Хакасы и казаки //Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. - Вып. 1. - С. 57.
16. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов// Ученые записки ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1959. - Вып.12. - С. 92; Он же История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. - С. 165; Он же Южная Сибирь... С. 287
17. Кызласов Л.Р. Южная Сибирь... С. 287.
18. Кызласов Л.Р. О титуле государя хакасов "ажо" и времени исчезновения рунической письменности на Енисее // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб., 1992. - С. 218.
19. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России // Страницы истории и современность - Абакан-Москва, 1996. - № 2. - С. 1-61.
20. Там же. С. 55-59. Прим 1-65.
21. Там же. С. 2.
22. Там же. С. 2..
23. Там же. С. 34.
24. Там же. С. 35.
25. Там же. С. 34-35.
26. Кызласов Л.Р. Письменные известия... С.49.
27. Кызласов Л.Р. О присоединении... С.40.
28. Там же. С. 52.
29. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в 17 в.// Научные труды. - М., 1955. Т.3. - С. 182.
30. Козьмин Н.Н. Хакасы - Иркутск. 1925. - С. 77-79; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С. 182, Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. - Абакан. 1957. - С. 20.
31. Гемуев И.Н., Люцмдарская А.А. Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в 16-17 вв.)// Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. - Новосибирск, 1994. - № 3. - С.64.
32. Кызласов Л.Р. Хакасы и казаки... С. 57.
33. Козьмин Н.Н. Хакасы... С. 52.
34. Кызласов Л.Р. О присоединении... С. 2, 3, 10, 49, 55.
35. Кызласов Л.Р. Сибирь... С. 17.
36. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках 6-12 веков.// Ученые записки ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1969. - Вып. 12. - С.9.
37. Кызласов Л.Р. Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в 13-15 веках // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1965. - Вып. 11. - С. 61-62.

38. Кызласов Л.Р. Как нам себя называть // Страницы истории и современность. - Абакан-Москва, 1994. - Вып. 1. - С. 69, 70, 82.
39. Кызласов Л.Р. Сибирь... С. 19-21.
40. Там же. С.21.
41. Кызласов Л.Р. Как нам себя называть... С. 75.
42. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов 17-19 вв. - М., 1990; Он же. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан. 1996.

Часть II

История формирования древнекыргызского этноса

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950 - Ч. 1. - С. 50.
2. Бартольд В.В. Киргизы // Соч. - М., 1963. - Т. 2 - Ч. 1. - С. 477.
3. Там же. - С. 477.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 73, 351.
5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - МИА - М.-Л., 1949 - № 9 - С. 267.
6. Там же. - С. 268.
7. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. - М., 1960 - С. 161-162.
8. Там же. - С. 162.
9. Там же.
10. Там же.
11. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. - Л., 1927 - Вып. 2. - С. 66-67.
12. Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы // Вестник Московского университета. - сер. ист. фил. - 1958 - № 4. - С. 96-97.
13. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... - С. 163.
14. Там же. - С. 164.
15. Там же. - С. 165.
16. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 154.
17. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... - С. 166-168.
18. Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // Сов. этнография. - 1966. - № 1. - С. 109.
19. Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961. - С. 368-369.
20. Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири - Улан-Удэ, 1964 - С. 306-307.
21. Там же. - с. 307.
22. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. - Новосибирск, 1979. - С. 66.
23. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. - МИА - М.-Л., 1956. - № 48. - С. 99.
24. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984. - С. 14.
25. Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1981. - С. 97.
26. Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. - Л., 1968 - Т. 1 - С. 187.
27. Пшеницина М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 150-151; Она же. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. - Новосибирск, 1979. - С. 88-89.

28. Кузьмин Н.Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Древние культуры евразийских степей. - Л., 1983. - С. 73; Он же. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. - Л., 1988. - С. 56.
29. Худяков Ю.С. Ранний железный век Южной Сибири, методические указания к курсу "Археология Сибири". - Новосибирск, 1986. - С. 11-14; Он же. Некоторые черты погребальной обрядности тесинских племен (по раскопкам могильника Ник-Хялпурун) // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. - Новосибирск, 1987. - С. 137-139; Он же. Тесинские курганы в долине р. Табат // Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1989. - С. 105-110.
30. Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Конец скифской эпохи в Южной Сибири Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции - Кемерово, 1979. - С. 33-35.
31. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве // Древние культуры евразийских степей. - Л., 1983. - С. 39.
32. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... - С. 163-165.
33. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры // Археологический сборник. - Л., 1971. - Вып. 13. - С. 96-99.
34. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... - С. 27, 162.
35. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири. - С. 14-17.
36. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... - С. 162.
37. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. "Дворец Ли Лина", или конец одной легенды // Сов. этнография. - 1976. - № 3. - С. 146.
38. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... - С. 14-17.
39. Там же. - С. 17.
40. Там же. - С. 17.
41. Савинов Д.Г. Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграция? // Смены культур и миграции в Западной Сибири. - Томск, 1987. - С. 40.
42. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... - С. 12-13.
43. Там же. - С. 13.
44. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. - С. 9, 15-22.
45. Худяков Ю.С. Ранний железный век... - С. 26-28.
46. Худяков Ю.С. Динлины в Центральной Азии // Проблемы археологии степной Евразии. - Кемерово, 1987. - ч. II. - С. 142.
47. Худяков Ю.С. Кыргызы в Центральной Азии // Вопросы этнической истории киргизского народа. - Фрунзе, 1989. - С. 30-31.
48. Там же. - С. 31.
49. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII в. н.э. - М., 1989. - С. 62.
50. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - Л., 1986. - С. 146.
51. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 50.
52. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. - М., 1973. - Вып. 2. - С. 116.
53. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 82.
54. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии... - С. 61.
55. Там же. - С. 62.
56. Там же. - С. 61.
57. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 126.
58. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. - М., 1984. - С. 75.

59. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... - С. 165, 193.
60. Там же. - С. 165.
61. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 237-238.
62. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов ... - С. 65.
63. Там же. - С. 139.
64. Супруненко Г.П. Некоторые источники... - С. 239.
65. Там же. - С. 239.
66. Там же. - С. 239.
67. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. - С. 188.
68. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... - С. 48.
69. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. - С. 350-351.
70. Там же. - С. 353.
71. Там же. - С. 351.
72. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961. - С. 55.
73. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 351.
74. Кюннер Н.В. Китайские известия... - С. 60.
75. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. - С. 351.
76. Кюннер Н.В. Китайские известия... - С. 58.
77. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... - С. 402.
78. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. - С. 353; Кюннер Н.В. Китайские известия... - С. 60.
79. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... - С. 402.
80. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1988. - С. 156-189.
81. Там же. - С. 236.
82. Синьцзян гудай миңцзу вэнбу (Материальная культура древних народов Синьцзяна). - Пекин, 1985. - Рис. 173.
83. Худяков Ю.С. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту "Шелковый путь" на территории КНР // Известия СОАН СССР. Сер. история, филология и философия. - 1991. - Вып. 1 - С. 72.
84. Восточный Туркестан ... - С. 223-264.
85. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. - М., 1984. - С. 110-117.
86. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. - М., 1997. - С. 252.

Борьба за Саяно-Алтай в VI-VIII вв.

1. Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньсю) // Труды ин-та истории, археологии и этнографии. Т. 15. - Алма-Ата, 1962. - С. 105-106.
2. Гумелев Л.Н. Древние тюрки. - М.: Наука, 1967. - С. 58
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1.
4. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 240-241.
5. Там же. - С. 241.
6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - С. 38.
7. Гумелев Л.Н. Указ. соч. - С. 298.
8. Малов С.Е. Указ. соч. - С. 67.
9. Там же. - С. 39.
10. Супруненко Г.П. Указ. соч. - С. 241-242.

11. Рамстедт Г.И. Перевод надписи "Селенгинского камня". // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. - СПб., 1914. - Т. 15. - Вып. 1. - С. 43-44.
12. Бичурин Н.Я. Указ. соч. - С. 355.
13. Худяков Ю.С. Бао-И или Кутлуг? // Бахрушинские чтения 1978 г. - Новосибирск. 1978. - С. 131.
14. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. - С. 123.
15. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. - М., 1997. - С. 12.
16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1981. - С. 62, 67.
17. Бартольд В. Киргизы. Исторический очерк. Сочинение. Т. II. Ч. I. - М., 1963. - С. 485.
18. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.-Л., 1989.
19. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности... С.38.
20. Козьмин Н.Н. Хакасы. - Иркутск, 1925. - С. VIII.
21. Малов С.В. Указ. соч. - С. 66.
22. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961. - С. 282.
23. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков - М.-Л., 1952. - С. 59.
24. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. - М.-Л., 1950. - С. 356-357.

Эпоха "кыргызского великодержавия"

1. Бичурин В.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч. 1. - С. 355.
2. Там же. - С. 355.
3. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л.: Гос. Рус. геогр. общ-во, 1926. Т. III. - С. 347.
4. Бичурин Н.Я. Указ. соч. - С. 355.
5. Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. - С. 348.
6. Бичурин Н.Я. Указ. соч. - С. 334.
7. Там же. - С. 356.
8. Там же. - С. 334.
9. Там же. - С. 356.
10. Там же. - С. 356.
11. Там же. - С. 356.
12. Малавкин А.Г. Материалы по истории уйгуров IX-XII вв. - Новосибирск, 1974 - С. 27.
13. Малавкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII в. - Новосибирск, 1983. - С. 101.
14. Там же. - С. 107-108.
15. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 243.
16. Малавкин А.Г. Китай и уйгуры в 840-848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975. - С. 72.
17. Там же. - С. 75.
18. Там же. - С. 76.
19. Там же. - С. 77.
20. Там же. - С. 79-80.
21. Бичурин Н.Я. Указ. соч. - С. 356.
22. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века "Ли Вэй-гуы Хойчан Ипинь Цзи" // Известия АН Киргиз. ССР, сер. обществ. наук - Фрунзе, - Т. V. - Вып. 1. - С. 72.

23. Там же. - С. 73-75.
24. Там же. - С. 75-76.
25. Там же. - С. 77-78.
26. Малавкин А.Г. Китай и уйгуры... - С. 77.
27. Малавкин А.Г. Материалы... - С. 30, прим. 25, 31, 52, 53.
28. Бичурин Н.Я. Указ. соч. - С. 357.
29. Там же. - С. 357.
30. Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. // Уч. зап. ХНИИЯЛИ - Абакан, 1951 - Вып. 2. - С. 12.
31. Малавкин А.Г. Уйгурские государства... - С. 177.

Прощальный дар танского императора кыргызскому кагану

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена - М.-Л., 1950. Ч. 1. - С. 229.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1967. - С. 31.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена - М.-Л., 1950. ч. 1. - С. 352.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки... С. 53.
5. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. - М., 1969. - С. 52.
6. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. - СПб., 1994. - С. 42-49.
7. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч. 1. - С. 354.
8. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 240.
9. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч. 1. - С. 263-264.
10. Там же. С. 355.
11. Малавкин А.Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. - Новосибирск, 1980. - С. 118.
12. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 240-241.
13. Супруненко Г.П. Из истории взаимоотношений танской империи с снисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975. - С. 61.
14. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 241.
15. Там же. С. 241.
16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л., 1951. - С. 38.
17. Малов С.Е. Указ.соч. - С. 38.
18. Супруненко Г.П. Некоторые источники... - С. 241.
19. Малов С.Е. Указ.соч. - С. 39.
20. Супруненко Г.П. Некоторые источники... - С. 241.
21. Там же. С. 241.
22. Там же. С. 241-242.
23. Малов С.Е. Указ.соч. - С. 43.
24. Кызласов Л.Р. История Тувы... - С. 53.
25. Рамстедт Г.И. Перевод надписи "Селенгинского камня" // Труды ТКОПОИРГО. - СПб., 1914. - Т. 15. - Вып. 1. - С. 43.
26. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... - С. 355.
27. Худяков Ю.С. Бао-И или Кутлуг? // Бахрушинские чтения 1978 г. - Новосибирск, 1978. - С. 131.

28. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... - С. 352.
29. Там же. С. 355.
30. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1926. Т. 2. - С. 346-348.
31. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... С. 356.
32. Там же. С. 356.
33. Супруненко Г.П. Некоторые источники... - С. 242.
34. Супруненко Г.П. Некоторые источники... - С. 243.
35. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX в. "Ли Вэй-гун Хойчан Ипинь Цзи" // Известия АН Киргиз. ССР. - Фрунзе, 1963. Сер. обществ. наук. Т. 5. Вып. 1. - С. 72.
36. Там же. С. 77.
37. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX - XII вв. - Новосибирск, 1974. - С. 37.
38. Супруненко Г.П. Некоторые источники... - С. 245.
39. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... С. 357.
40. Там же. С. 357.
41. Там же. С. 357.
42. Малявкин А.Г. Материалы по истории... С. 30.
43. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... С. 357.
44. Супруненко Г.П. Из истории взаимоотношений танской империи с енисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975. - С. 61.
45. Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975. - С. 163.
46. Мацумото Т. О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири // Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1996. - С. 213.
47. Там же. С. 209.
48. Там же. С. 218-219.
49. Худяков Ю.С. Из истории дипломатической практики государства кыргызов на Енисее (в связи с находкой мраморных табличек у с. Райково) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. - Новосибирск, 1996. - С. 241.
50. Сообщение В.Я. Бутанасва.
51. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... С. 277.
52. Там же. С. 277.
53. Там же. С. 357.
54. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. - М., 1963. - С. 2. - Ч. 1. - С. 492.
55. Бичурин Н.Я. Собрания сведений... С. 449.
56. Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII - VIII вв. // Уч. зап. ХахНИИЯЛИ. - Абакан, 1951. - Вып. 2. - С. 12.
57. Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - М.-Л., 1952. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 79.
58. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. - М.-Л., 1941. - С. 174-175.
59. Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. - Бишкек, 1995. - С. 82.

Кыргызы в начале II тыс. н.э.

1. Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М.: Наука, 1373. - Вып. 1. - С. 41.
2. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью - СПб., 1897. - С. 110.

3. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этнографии и формирования культуры). - Якутск, 1993. - С. 44.
4. Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ - Абакан, 1951. - Вып. 11. - С. 12.
5. Ахнужанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 47.
6. Ахнужанов С.М. Этнонимы "кимак" и "кипчак" // Археология эпохи камня и металла Сибири. - Новосибирск, 1983. - С. 115.
7. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. - С. 80.
8. Дамдинсурен Ц. Исторические корни Гэсэриады. - М., 1957 - С. 62; 70.
9. Абд Ар-Рашид ал-Бакуви. Книга Талхис ал-Асар ва ал-малик ал-каххар. - М., 1971. - С. 104.
10. Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М., 1973. Вып. 1. - С. 42.
11. Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. - М.-Л., 1946.
12. Бартольд В.В. Отчет о поездке... - С. 111.
13. Е Луя-ли. История государства киданей. - М., 1979. - С. 221-224. "
14. Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - М.-Л., 1952. - Т. 1. - Кн. 2. - С. 78-79.
15. Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамэрлана. - Иркутск, 1937. - Т. 1. - С. 246-247.
16. Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - М.-Л., 1952. - Т. 1 - Кн. 1. - С. 135 - 137.
17. Рашид Ад-Дин. Указ. соч. - Т. 1. - Кн. 2. - С. 112, 250.

Происхождение кыргызской культуры

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. - МЭ. - Л., 1929. Т. IV. - Вып. 2. - С. 51-54.
2. Там же. С. 54, табл. II, V, 1, 2, VI.
3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - МИА - М.-Л., 1949. - № 9. - С. 317-319.
4. Там же. С. 318-319.
5. Там же. С. 261.
6. Там же. С. 264.
7. Евтохова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - С. 6.
8. Там же. С. 7-8, 27.
9. Кызласов Л.Р. Сырский чай-тас. - СА. - М, 1955. - Вып. XXIV. - С. 253.
10. Там же. С. 254.
11. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. - М., 1960. - С. 151.
12. Там же. С. 156.
13. Кызласов Л.Р. Чаятасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии. - Абакан, 1980. - С. 110.
14. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. // АСГЭ, 1971. - Вып. 13. - С. 94-106.
15. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. - Новосибирск, 1979. - С. 157.
16. Мартынова Г.С. Погребения с "киргизскими" вазами в курганах Михайловского могильника. // ИЛАИ, Кемерово, 1976. - Вып. VII. - С. 68-80.
17. Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее, // Первобытная археология Сибири. - Л, 1975. -

- С. 173-183. - Она же. Поминальные камни таштыкских могильников. - КСИА. - М., 1971. - Вып. 128. - С. 34. Кызласов И.Л. Поминальные памятники таштыкской эпохи. - СА, 1975. - № 2. - С. 30-47.
18. Комплекс археологических памятников. - С. 142-144.
 19. Там же. с. 157-159. - Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв. в Минусинской котловине, // Археологический поиск. Северная Азия. - Новосибирск, 1980. - С. 198-202.
 20. Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре. // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1981. - С. 95-100; Кызласов И.Л. Поминальные памятники. - С. 46-47; Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII в) - СА, 1973. - № 4. - Рис. 2, 21; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984. - С. 40-43; Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чагата VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 48.
 21. Баранов Л.Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 162-165.
 22. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей. - С. 122-128.
 23. Там же. С. 142-144.
 24. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв.. - С. 198.
 25. Там же. С. 199-200; Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. - Новосибирск, 1982. - С. 58.
 26. Он же. Типология погребений VI-XII вв., с. 201; Он же. Погребения по обряду труположения VI-XIV вв. в Минусинской котловине, // Историческая этнография Традиции и современность. - Л. 1983. - С. 142; Он же. Эволюция погребального обряда хакасов. // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. - Новосибирск, 1983. - С. 17.
 27. Комплекс археологических памятников. - Рис. 55, 63, 72, 76, 77, 79, 83, 84; Худяков Ю.С. Раскопки чагата Тепсей XI в 1977 году. // Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск, 1977. - Рис. 5.
 28. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур. - С. 54.
 29. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979. - С. 205.
 30. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири... - С. 318.
 31. Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в до н.э. - IV в н.э.) // Кравецкий сборник. - Абакан, 1956. - № 1. - С. 87-92.
 32. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее. - С. 205-206.
 33. Он же. Уйгуры на Среднем Енисее. - Изв. СОАН СССР. Сер. ист., филолог., философ., 1985. - № 14. - Вып. 3. - С. 59.

Эволюция кыргызской культуры

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. - Л., 1929. - Т. IV. - Вып. 2. - С. 54-55.
2. Там же. С. 55.
3. Там же. С. 58.
4. Там же. С. 55, 58.
5. Евтюхова Л.А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. - Тр. ГИМ, - М., 1938. - Вып. VIII. - С. 111, 120, 122.
6. Она же. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - С. 15, 53, 60, 66, 67.
7. Там же. С. 66.
8. Там же. С. 46, 71.
9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. - М.-Л., 1949. - № 9. - С. 336, 342.

10. Там же. С. 325, 329, 331.
11. Карцев В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. - Красноярск, 1929. - С. 48. Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. - Красноярск, 1939. - С. 92.
12. Левашова В.П. Два могильника кыргызов-хакасов. - МИА. - М, 1952. - № 24. - С. 136.
13. Кызласов Л.Р. Сырский чаг-гас. - СА, 1955. - Вып. XXIV. - С. 256.
14. Он же. О южных границах государства древних хакасов в IX-XII вв. - УЗХНИИЯЛИ, Абакан, 1960. - Вып. VIII. - С. 62.
15. Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири. - УЗТНИИЯЛИ. - Кызыл, 1957. - Вып. V. - С. 219; Грач А.Д., Нечасова Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологической отряда ТКЭИЭ - УЗТНИИЯЛИ. - Кызыл, 1960. - Вып. VIII. - С. 189; Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии. - М, 1972. - С. 260.
16. Там же. С. 261; Грач А.Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве. - КСИА, 1969. - Вып. 118. - С. 53, прим. 35.
17. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X-XII вв). Автореф. канд. дисс. - Л., 1974. - С. 8, 9.
18. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 193. Он же. Древнехакасская культура чагтас VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 46; Он же. Тюхтятская культура древних хакасов (IX-X). Там же. С. 54.
19. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII-XIV вв. - СА, 1977. С. 122.
20. Он же. Аскизская культура Южной Сибири // Автореф. канд. дисс. - М., 1977. - С. 15, 16.
21. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чагтас... С. 48.
22. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1979. - С. 100, 115, 119.
23. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. - Новосибирск. - С. 5.
24. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами (IX-X вв.). // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1979. - С. 49.
25. Она же. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX-X вв.). Автореф. канд. дисс. - Л., 1985. - С. 12-16.
26. Она же. К определению названия археологической культуры енисейских кыргызов VI-XII вв. н.э. - в кн.: Проблемы археологии и этнографии. Тезисы докладов региональной конференции. - Иркутск, 1982. - С. 117-118.
27. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия. - Новосибирск. 1980. - С. 198-201, 202-204.
28. Он же. К вопросу о культурных связях Забайкалья и Южной Сибири в эпоху средневековья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. - Новосибирск, 1985. - С. 68.
29. Он же. Кыргызы на Табате. - Новосибирск, 1982. - С. 4.
30. Подольский М.Л., Тетерин Ю.В. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО 1978 года. - М., 1979. - С. 267.
31. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее..., с. 205.
32. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 123.

33. Савинов Д.Г. О памятниках "часовенногорского типа" в Южной Сибири. - в кн.: Проблемы археологии и этнографии. - Л., 1977. - Вып. I. - С. 91.
34. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями // Нумизматика и эпиграфика. - М., 1984. - Вып. XIV. - С. 84.
35. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. - Абакан, 1957. - С. 161.
36. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате... С. 26.
37. Он же. Типология погребений VI-XII вв. ... С. 198-201.
38. Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Средневековые памятники в зоне Есинской оросительной системы // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. - Новосибирск, 1985. - С. 214, прим. 10.
39. Евтохова Л.А. Археологические памятники... С. 14.
40. Худяков Ю. Типология погребений VI-XII вв.. С. 200.
41. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей. - С. 158.
42. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв.. С. 202.
43. Кыргызы на Табате. - С. 27-34. 44. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. - С. 93-100.
44. Евтохова Л.А. Археологические памятники. - С. 75-79.
45. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чагтас. - С. 50-51.
46. Длужневская Г.В., Варламов О.Б. Раскопки "крепости Омая" // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1984. - С. 129.
47. Евтохова Л.А. Археологические памятники. - С. 93.
48. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч. I. - С. 351.
49. Евтохова Л.А. Археологические памятники. - Рис. 4, 67, 69, 70, 71, 72, 85.
50. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. - Новосибирск, 1980.
51. Евтохова Л.А. Археологические памятники. - С. 6.
52. Там же. С. 58.
53. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей. - Рис. 86.
54. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. - С. 32; рис. 29, 30.
55. Он же. Кок-тюрки на Среднем Енисее. - С. 205.
56. Там же. С. 206.
57. Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее. // Изв. СОАН СССР. Сер. ист., филолог., философ., 1985. - № 14. - Вып.3. - С. 55-59.
58. Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов. - КСИИМК. - М.-Л., 1947. - Вып. XVI. - С. 94-96.
59. Бартольд В.В. Киргизы. - Сочинения. - М., 1963. - Т. II. - Ч.1. - С. 489.
60. Малавкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. - Новосибирск, 1974.- С. 30.
61. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв.. - С. 202.
62. Он же. Типология и хронология средневековых памятников Табата. // Урало-алтаистика, археология, этнография, язык. - Новосибирск, 1985. - С. 93.
63. Он же. Типология погребений VI-XII вв.. - С. 203.
64. Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск. // СА, 1973. - № 2. - Рис. 2.
65. Он же. Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края. // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 131.
66. Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В. Погребения с сожжениями могильника Каменной мыс. // Вопросы древней истории Южной Сибири. - Абакан, 1984. - С. 81,91,92.
67. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами. // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 126-128.

68. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв. - С. 202.
69. Там же. С. 202.
70. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. - С. 63-69.
71. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура. - С. 57.
72. Там же. С. 55.
73. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. - С. 134-135.
74. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура. - С. 56.
75. Кызласов И.Л. Монеты с торкоязычными енисейскими надписями. // Нумизматика и эпиграфика. - М., 1984. - Т. XIV. - С. 96-98.
76. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв. - С. 204.
77. Он же. Кыргызы на Табате. - С. 117.
78. Он же. Типология погребений VI-XII вв. - С. 204.
79. Он же. Типология и хронология средневековых памятников Табата. - С. 96-98.
80. Он же. Кыргызы на Табате. - С. 74-78.
81. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 202.
82. Там же. С. 203.
83. Там же. С. 206-207.
84. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов. Рис. 14.
85. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. - С. 136-137.
86. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. - М., 1983. - С. 42-44.
87. Он же. Курганы средневековых хакасов. - С. 126.
88. Худяков В.С. Кыргызы на Табате. - С. 183.
89. Там же. - С. 184-203.
90. Кызласов И.Л. Аскизская культура. - С. 67.
91. Худяков Ю.С. Типология и хронология. - С. 98.
92. Кызласов И.Л. Аскизская культура. - С. 64.
93. Там же. С. 75.
94. Там же. С. 64.
95. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. - С. 196-202.

Культурно-хозяйственный тип енисейских кыргызов

1. Радлов В.В. Сибирские древности. - СПб., 1896. - С.58.
2. Там же. С.58.
3. Клеменц Д. Древности Минусинского музея. - Томск, 1886. - С.64.
4. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. - Томск, 1889. - С. 36.
5. Козьмин Н.Н. Хакасы. - Иркутск, 1925. - С.7.
6. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1926. - Т.2. - С.355.
7. Там же. С.356.
8. Бартольд В.В. Киргизы. - Сочинения. - М., 1963. - Т.2, 4.1. - С.489 - 495.
9. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. // МЭ, 1929. - Т.4. - Вып.2. - С.55.
10. Левашова В.П. Ремесло в древнехакасском государстве. // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1948. - Вып.1. - С. 43.
11. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - С.85, 86.
12. Киселев В.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - С. 568.
13. Там же. С. 573.
14. История Киргизии. - Фрунзе, 1956. - Т.1. - С.117.
15. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени. // Тюркологический сборник. - М, 1966. - С.192; Караев О. Арабские и персидские

- источники IX - XII веков о киргизах и Киргизии. - Фрунзе, 1968. - С. 93. - Древняя Сибирь. Л., 1976. - С.130; Потапов Л.П. Тюльберы енисейских рунических надписей. // Тюркологический сборник. - М., 1972. - С. 145; История Красноярского края. - Красноярск, 1967. - С.15; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. - М., 1967. - С. 82; Абрамзон С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье. // Тюркологический сборник. - М., 1972. - С. 299; Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. // СЭ, 1971. - № 4. - С.54.
16. Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX-XII вв. // Учен зап.ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1960. - Вып. 8. - С.68; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. - М., 1969. - С.118.
 17. Там же. С. 116.
 18. Там же. С. 118.
 19. Там же. С. 118.
 20. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 52.
 21. Там же. С. 52.
 22. Там же. С. 52.
 23. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. - С. 105.
 24. Там же. С. 124.
 25. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. - М., 1970. - С. 66.
 26. Савинов Д.Г. О длительности пребывания енисейских кыргызов в Центральной Азии. - Вестн. ЛГУ, 1978. - Вып.3. - №14. - С. 39.
 27. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. - Новосибирск, 1982. - С.210-214; Худяков Ю.С. К вопросу о хозяйственно-культурном типе енисейских кыргызов в эпоху средневековья. // Этнография народов Сибири. - Новосибирск, 1984. - С. 18-24.
 28. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч.1. - С. 351-352.
 29. Там же. С.351.
 30. Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М., 1973. - Вып.1. - С. 41.
 31. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961. - С.56-57.
 32. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века "Ли Вэй-Гун Хойчан Ипинь Цзи". // Изв. АН Кирг.ССР. - Фрунзе, 1963. - Сер. обществ. наук. - Т.5. - Вып.1. - С.70-71, 75, 77.
 33. Кызласов Л.Р. История Тувы. - С. 118.
 34. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. - М.-Л., 1952. - С.19, 49, 74, 75, 77, 83, 85.
 35. Евтюхова Л.А. Археологические памятники. - С.78.
 36. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. - С. 38 - 47, 58.
 37. Худяков Ю.С. Раскопки чаа-таса Тепсей XI в 1977 году // Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск, 1984. - С.55.
 38. Евтюхова Л.А. Археологические памятники. - Рис.26, 104, 105.
 39. Там же. С.73.
 40. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1979. - С.93-115.
 41. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. - С. 111.
 42. Карцев В.Г. Ладейское и Ермолаевское городища. // Тр.Секции археологии РАНИОН. - М., 1929. - Т.4. - С. 92.
 43. Материалы по истории киргизов. - С.42.
 44. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Исследование замка в дельте Уйбата. // АО 1976 г. - М., 1977. - С.213-214.

45. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. - С.352.
46. Материалы по истории киргизов. - С.42.
47. Малов С.Е. Енисейская письменность. - С.83.
48. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. - С.105.
49. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаятас. - С.52.
50. Кызласов Л.Р. История Тувы. - С.102-109.
51. Киселев С.В. Древние города Монголии. // СА, 1957. - № 2. - С.95.
52. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. - Абакан, 1957. - С.18.
53. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. - С.102-105.
54. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрок. - С.34.
55. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири. - С.125.
56. Уран-Кехальми К. К вопросу об образовании кочевых государств. // Урал-алтаистика: археология, этнография, язык. - Новосибирск, 1985. - С.129.
57. Федоров В.И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения. // МИА. - М., 1952. - № 24. - С.142.
58. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. - С.352.
59. Там же. С. 354-356.
60. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. // История и культура Китая. - М., 1974. - С.241-242.
61. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. Нумизматика и эпиграфика. - М., 1984. - Вып. XIV. - С.96-99.

Памятники кыргызской письменности

1. Кляшторный С.Г., Саинов Д.Г. Степные империи Евразии. - СПб., 1994. - С.77.
2. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. - М., 1997. - С.124.
3. Кляшторный С.Г., Саинов Д.Г. Указ.соч. - С.77.
4. Стафарий Н.М. Сибирь и Китай. - Кишинев, 1960. - С.70.
5. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрок. - С.4.
6. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. - М., 1972. - С.78.
7. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии, тексты и исследования. - М., 1997. - С.13.
8. Архив внешней политики России Министерства иностранных дел (АВПР МИД). Оп. 62/1. Д. II. Л. 222.
9. Бутанаев В.Я. Новая уйбатская сабра // Уч.зап.ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1973. - Вып. XVIII. - Серия филолог. - С.149-152.
10. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. - Л., 1983.
11. Кормушин И.В. Указ.соч.
12. Малов С.Е. Указ.соч. С. 11; Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999. - С.179.
13. Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата //Советская тюркология, 1987. - № I. - С.33.
14. Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (новый рунический памятник на Среднем Енисее). // Советская тюркология, 1987. - № I.
15. Кляшторный С.Г. Указ.соч. - С.36.
16. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999.
17. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.-Л., 1959. - С.40.
18. Приношу свою глубокую признательность С.Г.Скобелеву за предоставленный материал, который до сих пор ещё не опубликован.

Торговые и культурные связи енисейских кыргызов

1. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - № 9. - С. 268-272.
2. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. - М., 1984. - С. 117-119.
3. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. - М., 1979. - С. 101-102; Мокрынин В.П. По следам прошлого. - Фрунзе, 1986 - С. 79-83.
4. Уманский А.П. Погребение эпохи "великого переселения народов" на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 133-163.
5. Арсланова Ф.Х. Курганы "с усами" Восточного Казахстана // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 124-129; Васютин А.С., Илюшин А.М., Един В.Н., Миклашевский Е.А. Погребения предторкского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. - Новосибирск, 1985. - С. 32-35; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. - М., 1969. - С. 72-76.
6. Варламов О.Б. О датировке "уйгурских" погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов. - Кемерово, 1987. - Ч. II. - С. 181-183.
7. Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975. - С. 156-162.
8. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1967. - С. 60-69.
9. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). - М., 1984. - С. 41-43.
10. Гумилев Л.Н. Древние тюрки... - С. 53-58.
11. Кызласов Л.Р. История Тувы... - С. 48.
12. Кляшторный С.Г., Лифшиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. - М., 1971. - Вып. X. - С.143-144.
13. Лифшиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 5-13.
14. Худяков Ю.С., Цвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 93.
15. Киселев С.В. Из истории китайской черепицы // Советская археология. - 1959. - № 3. - С. 165-166.
16. Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламевидном орнаменте в южносибирской торевтике // Рериховские чтения. 1984 год. - Новосибирск, 1985. - С. 245-249.
17. Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в торкское время // История и культура Бурятии. - Улан-Удэ, 1976. - С. 36-43.
18. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч. 1. - С. 352.
19. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 241-242.
20. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - С. 108-109; Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты... - С. 157-160, 162-163; Он же. Привозные зеркала Минусинской котловины. - М.: Наука, 1975.
21. Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. - М.-Л., 1947. - Вып. XVI. - С. 95-96.
22. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979. - С. 206.
23. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 162.

24. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века "Ли Вэй-Тун Хойчан Ипинь Цзи" // Известия АН Киргизской ССР, серия обществ. наук. - Фрунзе, 1963. - Т. V. - Вып. 1. - С. 70-78.
25. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. - Новосибирск: Наука, 1974. - С. 37.
26. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - С. 352, 355.
27. Там же. С. 352.
28. Худуд Ал-Алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М., 1973. - Вып. 1. - С. 41.
29. Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. - Новосибирск, 1987. - С. 70-72.
30. Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее. - Новосибирск, 1986. - С. 59.
31. Кызласов Л.Р. История Тувы... - С. 169-171; Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. - Новосибирск: Наука, 1983. - С. 240-251.

Военное дело кыргызов

1. Клеменц Д. Древности Минусинского музея. - Томск, 1986. - С. 152-166.
2. Карпов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. - Красноярск, 1929. - С. 48-50.
3. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. - Л., 1929. - Т. IV. - Вып. 2. - С. 28-61.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1951. - Ч. 1. - С. 350-357; Бартольд В.В. Киргизы. - Фрунзе, 1927.
5. Евтохова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - С. 103-107.
6. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. - Новосибирск, 1980. - С. 176.
7. Худяков Ю.С. Кыргызы на Таяты. - Новосибирск, 1982. - С. 214-221.
8. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1986. - С. 206-226.

Саяно-Алтай и Тянь-Шань

1. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена. - СПб., 1750. - Кн. 1. - С. 12-19.
2. Фишер И.Э. Сибирская история. - СПб., 1774.
3. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений в пяти томах. - Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. - Т. II. - С. 59.
4. Там же. С. 65.
5. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. - Иркутск, 1929. - С. 20.
6. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. - 1896. - Вып. III-IV. - С. 298.
7. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. - М., 1963. - Т. II. - Ч. 1. - С. 509-510.
8. Грумм-Гржимайло Г.Е. Реферат // Известия государственного географического общества. - Л., 1934. - Т. 66. - Вып. 1. - С. 180.
9. Бернштам А.Н. История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания // Краткие сообщения института истории материальной культуры. - М.-Л., 1947. - Вып. XVI. - С. 176.
10. Там же. С. 176.
11. Там же. С. 177.

12. Там же. С. 177.
13. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Фрунзе, 1959. - Т. III. - С. 104-116.
14. Алексеев В.П. Хакасы, енисейские киргизы, киргизы // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - М., 1956. - Т. I. - С. 114-115.
15. Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Фрунзе, 1959. - Т. III. - С. 31-48.
16. Петров Е.И. Очерк происхождения киргизского народа. - Фрунзе, 1963. - С. 47-95, 130-145.
17. Там же. С. 50, 122.
18. Кызласов Л.Г. К истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII-XV веках // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1965. - Вып. XI. - С. 60.
19. Там же. С. 61.
20. Там же. С. 62, прим. 3.
21. Караев О. Арабские и персидские источники XI-XII веков о киргизах и Киргизии. - Фрунзе, 1968. - С. 30-93.
22. Караев О. К вопросу о терминах "кыргыз" и "хакас" // Народы Азии и Африки. - 1970 - № 4. - С. 256-259; Караев О. Еще раз о терминах "кыргыз" и "хакас" // Кыргыз терминологиясынын маселери. - Фрунзе, 1972. - С. 130-133.
23. История Киргизской ССР. - Фрунзе, 1968. - Т. I. - С. 143-157, 229-235.
24. Там же. С. 242-243.
25. История Киргизской ССР. - Фрунзе, 1984. - Т. I. - С. 50.
26. Там же. С. 242-243.
27. Там же. С. 429-431.
28. Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88. - Фрунзе, 1988. - С. 42-43.
29. Там же. С. 43.
30. Петров К.И. Указ. соч. - С. 119-120.
31. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1952. - №26. - С. 83-84.
32. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1949. - №9. - С. 342; Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - С. 60-66; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1952. - № 24. - С. 135-136.
33. Кызласов Л.Р. Указ. соч. - С. 62.
34. Там же. С. 62, прим. 3.
35. Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Указ.соч. - С. 42-43.
36. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. - Новосибирск, 1983. - С. 177.
37. Караев С. Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте Ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. - Фрунзе, 1973. - С. 6-48.
38. Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - М.-Л., 1952. - Т. I. - Кн. I. - С. 135-137.
39. История Киргизской ССР. - Фрунзе, 1984. - Т. I. - С. 491.

ЧАСТЬ III

Монгольское завоевание Саяно-Алтая. Кыргызы в составе Монгольской империи

1. Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - М.-Л., 1952. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 150.
2. Там же. С. 150.
3. Он же. Сборник летописей. - М.-Л., 1952. - Т. 1. - Кн. 2. - С. 151.
4. Он же. Указ. соч. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 102.
5. Он же. Указ. соч. - Т. 1. - Кн. 2. - С. 112.
6. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. - М.-Л., 1941. - С. 207.
7. Там же. С. 174-175.
8. Рашид Ад-Дин. Указ. соч. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 150.
9. Там же. С. 122.
10. Там же. С. 171.
11. Козин С.А. Указ. соч. - С. 240.
12. Рашид Ад-Дин. Указ. соч. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 151.
13. Там же. С. 151.
14. Там же. С. 123.
15. Там же. С. 102.
16. Он же. - Указ. соч. - Т. 2. - С. 201.
17. Там же. С. 161.
18. Кычанов Е.И. Сведения в "Юань-ши" о переселениях киргизов в XIII веке // Известия АН КиргизССР, сер. обществ. наук. - Фрунзе, 1963. - Т. V. - Вып. 1. - С. 59.
19. Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов. - СПб., 1891. - С. 49.
20. Рашид Ад-Дин. Указ. соч. - Т. 11. - С. 100.
21. Козин С.А. Указ. соч. - С. 114.
22. Кычанов Е.И. Указ. соч. - С. 64.
23. Там же. С. 61.
24. Там же. С. 62.
25. Рашид Ад-Дин. Указ. соч. - Т. 11. - С. 205.

Образование этнополитического союза "Хонгорай"

1. Кляшторный С.Г. О статье И.Л. Кызласова. "О самоназвании хакасов". // Этнографическое обозрение. 1992. - № 2. - С. 60.
2. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т.1. - М., 1978. - С.105, 432.
3. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999. - С.5-7, 189.
4. Чирим тамырлары. - Абакан, 1982. - С.18.
5. Кычанов Е.И. - Сведения в "Юань-ши" о переселениях киргизов в XIII в. // Известия АН Киргиз. ССР. Т.5. Вып.1. - Фрунзе, 1963. - С.59.
6. ЦГАРХ. Ф.Р-675, оп. 1. Д.2. - С.66.
7. Бутанаев В.Я., Абдыкальков А. Материалы по истории Хакасии XVII в. - нач XVIII в. - Абакан, 1995. - С.215.
8. Русско-китайские отношения в XVIII в. - С. 106.
9. Бахрушин С.В.- Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. Т.113. - М., 1995. - С.190.
10. Демидова И.Ф, Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. - М., 1966. - С.55.
11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1636-1654 гг. - М., 1974. - С.384.

12. Бутанав В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – С.189-191.
13. Кычанов Е.И. Указ. соч. – С.59.
14. Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т.10. – СПб., 1867. – С.391.
15. ЦГАРХ. Ф.Р-675. Оп.1. Д.46. Л.24.
16. Там же. Д.5. – С.6.
17. Скобелев С.Г., Чжан Тайсян, Шомаев А.А. Роды Фууюйских кыргызов // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. – Абакан, 1998. – С.77.
18. ЦГАРХ. Ф.Р-675. Оп.1. Д.18. – С.116.

Особенности хозяйства и культуры

1. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. – М., 1957. – С.154.
2. ЛЧ. ААН. Ф.21. Оп.4. Д.18. Л.243.
3. ЦГАРХ. Ф.Р-675. Оп.1. Д.19. С.5.
4. ЦГАРХ. Ф.Р-875. Оп.1. Д.19. С.8.
5. Там же. Д.17. Л.37.
6. Там же. Д.10. – С.33.
7. РГАДА. Ф.214. СТ6.84. Л.298.
8. Материалы по истории русско-монгольских отношений. – М., 1959. – С.58.
9. ЦГАРХ. Ф.Р-675. Оп.1. Д.12. – С.39.
10. Там же. Д.16. Л.40.
11. Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. – Фрунзе, 1388. – С.75.
12. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957. – С.135-186.
13. ЛЧ ААН РФ. Ф.21. Оп.4. Д.19. Л.126 об.
14. ЦГАРХ. Ф.Р-675. Оп.1. Д.46. Л.27; Д.45. Л.74.
15. ЛЧ ААН. Ф.21. Оп.4. Д.19. Л.130.
16. РГАДА. Сиб.прик. СТ6. 5 В. Л. 133-134.
17. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке. – Фрунзе, 1968. – С.26.
18. ДАИ. Т.11. – СПб., 1869. – С.162.
19. ЦГАРХ. Ф.Р-875. Оп.1. Д.18. – С.38.
20. ЦГАРХ. Р-675. Оп.1. Д.9. Л.27; Д.18. – С.247.
21. ЦГАРХ. Р-675. Оп.1. Д.14. Л. 5, 11; Д.36. – С.4.
22. Клеменц Д.А. Вводная статья к описанию “Древностей Минусинского музея”. – Томск, 1886. – С.47.
23. Сунчугашев Я.И. Загадочные статуэтки Будды // Живая старина. – Абакан, 1996. – С.47.
24. Выражаю благодарность за предоставленные сведения археологу Минусинского музея Н.В.Леонтьеву.

Общественный строй Хонгорая

1. Бутанав В.Я. Этническая история хакасов 18-19 вв. //Материалы к серии “Народы СССР”. Вып.3. Хакасы. – М. – с. 21-22.
2. Миллер Г.Ф. Сибирь 18 века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С.58; Козьмин Н. Хакасы..., с.26.
3. Сибирский архив Т. 12. – Минусинск, 1914. – С.537.
4. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России. – Абакан-Москва, 1996. – С.39.
5. Козьмин Н. Указ. соч. – с.29.
6. Владимирцев Б.Я. Чингис-хан. – Горно-Алтайск, 1992. – С.70.
7. Бутанав В.Я., Бутанав И.И. Хоорай чоннын тореллери. – Абакан, 1996. – С.33.

8. Русско-китайские отношения в 18 веке. Т.1. – М., 1978. – С. 129.
9. ЛЧ ААН. Ф. 21. оп. 1. Д. 19. П. 128 об.
10. РГАДА. Ф. 214. СТб. 886. Л. 296.
11. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
12. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в 17 в. ... С. 187; Бутанаев В.Я. К вопросу о хакасских цифровых знаках // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1975. – Ч. 20. – С. 256-260.
13. Бахрушин С.В. Указ. соч. – С. 195.
14. РГАДА. Ф. 214. СТб. 6715. Д. 123.
15. ЦГАРХ. Ф. 8-675. Оп. 1. Д. 15. – С. 111.
16. ЛЧ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 241.
17. Там же. Д. 18. Л. 273.
18. ЦГАРХ. Ф. 8-6675. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.
19. ЛЧ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 38.
20. Там же. Д. 18. Л. 502 об.
21. Спафарий Н.М. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – С. 70.
22. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в 17 веке. – Фрунзе, 1968. – С. 33.
23. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 18. – С. 32.
24. Материалы по истории русско-монгольских отношений. – М., 1959. – С. 59.
25. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 8. Л. 1111114.
26. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 12. С. 72.
27. ЛЧ ААНГ. Ф. 21. оп. 4. Д. 19. Л. 74; 77.
28. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 46. Л. 36.
29. ЦГАРХ. Ф. Р-675. оп. 1. Д. 2. – С. 86.
30. Там же. Д. 4. Л. 54.
31. Там же. Д. 15. Л. 28 об.
32. Русско-китайские отношения в 18 веке ... – С. 106.
33. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. – Фрунзе, 1963. – С. 58-59.
34. Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Якутск, 1992. – Т. 2. – С. 138.
35. РГАДА. Сиб. приказ. СТб № 749. Ч. 1. Л. 110.

Взаимоотношения Хонгорая с Монголией и Джунгарией

1. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 28. – С. 51.
2. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Лп. 1. Д. 1. Л. 55.
3. Там же. Д. 18. – С. 64.
4. РГАДА Сиб. приказ. стб. 513. Л. 128-129; ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 20. Л. 37.
5. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 21. – С. 36.
6. Там же. Д. 8. Л. 11 об.
7. Бутанаев В. Л. Этническая история хакасов 17-19 вв. ... – С. 28.
8. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 45. Л. 60.
9. Там же. Л. 60.
10. ЛЧ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 18. Л. 243.
11. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 18. – С. 2.
12. Русско-китайские отношения в 18 в. – С. 106.
13. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с 15 столетия до настоящего времени. – Элиста, 1991. – С. 41.
14. ЦГАРХ. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 15. – С. 111.
15. Там же. С. 115.
16. Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала 19 столетия. – Иркутск, 1920.

– Ч. 1. – С. 246-247.

17. Александров В.А. Русские население Сибири 17 – нач. 18 в. (Енисейский край). – М., 1964. //Труды института этнографии. Т.87. – М., 1981. – С.54.
18. РГАДА. Сиб.приказ. стб. № 814. Л. 170.
19. Там же. Стб. № 623. Ч. 2. Л. 381
20. Там же. Стб № 715. Л. 119.
21. ЛЧ АРАН. Ф.21. Оп. 4. Д. 19. Л. 74.
22. Бутанасев В.Я. Этническая история хакасов 17-19 вв. ... – С. 28.
23. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в 17 веке. – С. 104.
24. ЛЧ ААН. Ф.21. Оп.1.Д.18. Л.383 об.
25. ЦГАРХ. Ф.Р-675 Оп. 1. Д. 32. – С. 41.
26. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1953. Л.; об.
27. Там же. Ф. 1199. Порт. 516. Д. 2. Л. 134 об.

Угон киргизов в Джунгарию

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – М.-Л., 1937. – С.314; Фишер И.Е. Сибирская история. – СПб., 1774. – С. 63; Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири. Ч.2. – СПб., 1854. – С.9.
2. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакаской народности. – Абакан. – 1957
3. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в 18 веке (Очерк внешнеполитических отношений). – Барнаул, 1998. – С. 12.
4. Моисеев В. А. Указ. соч. – С. 13.
5. Сибирь 18 века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск, 1996. – С.60.
6. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири. – С.9.
7. РГАДАФ. 214. Оп. 5. Д. 2091. П. 1410.
8. ЦГАРХ. Ф.Р-675. Оп. 1. Д. 15. – С. 89.
9. Там же. Л. 14 об.
10. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. – М., 1867. – С. 127.
11. ЛЧ АИЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 71. Л. 14; Дырenkova Н.П. Шорский фольклор. – М.-Л., 1940. – С. 302.
12. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в 17 веке... – С.84.
13. РГАДА. Ф. 199. Порт 516. Д. 2. Л. 22
14. ЛЧ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 213.
15. Потанин Г.Н. Указ. соч. – С.80, 128.
16. Абдыкалыков А. Переселение енисейских киргизов в начале 18 века и их историческая судьба //Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск, 1986. – С.93.
17. Копков К.Г. Об угоне "енисейских киргизов в Джунгарию в нач. 18 века ... – С.71.
18. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с 15 столетия до настоящего времени. – Элиста, 1991. – С.71.
19. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. – С.239.
20. ЛЧ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 247.
21. Абдыкалыков А. Указ.соч. – С. 95.
22. Самаев Г.П. Горный Алтай в 17 – середине 19 века: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991. – С.77.
23. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в 8 веке. – Новосибирск, 1981. – С.48.
24. РГАДА. Сиб.приказ. Ф.214. Оп.5. ед. хр. 763; Д. 1513, 768.
25. ЦГАРХ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 28. л. 16.
26. АВПР МИД РФ. Оп. 113/1. Д. 1. л. 119.

27. Арзыматов А. Передвижение енисейских киргизов в Ипи-Иртышское междуречье в 18 веке // *Материалы по истории и экономике Киргизии*. – Фрунзе, 1963.
28. Ватин В.А. Минусинский край в 18 веке. – Минусинск, 1913. – С. 195.
29. ЛЧ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 20. Л. 226.
30. РГАДА. Ф.16. Оп. 1. Е.Х. 619. Ч. 1 Л. 63-70 об
31. Самасев Г.П. Указ. соч. – С. 129; Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл, 1971. – С. 144.
32. Сономдагва Ц. Монгол ул сын засаг, захиргааны зохион байгуулалтын оорчлолт, шинэчлэлг. (1691-1997). – Улан-баатор, 1998.

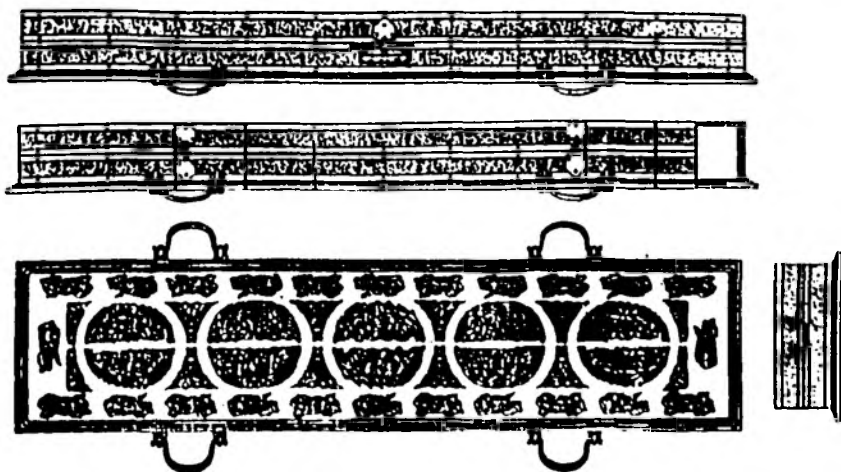
**Присоединение Хонгорая к России и административное преобразование
кыргызских улусов.**

1. РГАДА. Ф.2.14. Оп.5. Д.1059. Л.17.
2. Там же. Д. 1117. Л. 10.
3. Русско-китайские отношения в 18 веке. Т.1. – М., 1978. – С. 106.
4. Там же. – С. 105.
5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584. Л. 1159
6. АВПР МИД РФ. Оп.62/1. Д.11. Л.213; РГАДА. Ф.126. 1711 год. Д.1. Л.1; Ф. 199. Порт. 481. Ч.5. Д.5. Л. 82-84.
7. Быкоя Г.Ф. Указ.соч. – С.55.
8. Историческая записка о китайской границе, составленная советником троицко-савского пограничного правления Сычевским в 1846. – М., 1875. – С. 17, 20; Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. – М., 1958. – С.12.
9. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. – Казань, 1882. – С.359.
10. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемые Академией Наук. Т.6. – Спб., 1824. – С. 437, 530.
11. ЦГАРХ. Ф.1. Оп.1. Д.499. Л.197.
12. Чирим тамырлары. – Абакан, 1982. – С.32.
13. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. – Якутск, 1978. – С.38.
14. Костров Н. Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности // Енисейские губернские ведомости. – 1859. – № 26. – С. 155.
15. РГАДА. Ф.199. Порт. 516. Д.2. Л.42.
16. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в 17 в. – М., 1960. – С. 231.
17. Памятники сибирской истории 18 века. Кн. 2. – СПб..
18. Кузьмин А.К. Из подлинных записок А. К-на. // Атеней; журнал критики, современной истории и литературы. – М., 1858. Ч.2. – С.260.
19. РГАДА. Ф.281. Оп.1. Д.4609. Л.7.
20. Там же. Л.8.
21. ГАКК. Ф.303. Оп.1. Д.9. Л. 25-26.
22. ГАКК. Ф.296. Оп.1. Д.1. Л. 120.
23. Долгих Б.О. Указ.соч. – С.226.
24. Русско-монгольские отношения: 1626-1654. Сборник документов. – М., 1874. – С. 385.
25. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп.19. Д.131. Л.209.
26. Долгих Б.О. Указ.соч. – С. 238.
27. Ргада. Ф.214. Оп.5. Д.1948. Л. 3-6; Д. 1959. Л.17.
28. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 131. Л. 209.
29. РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д. 265. Л. 190.
30. ЦГАРХ. Ф.И-2. Оп.1 Д.3 Л.36.
31. Долгих Б.О. Указ.соч. – С. 106.

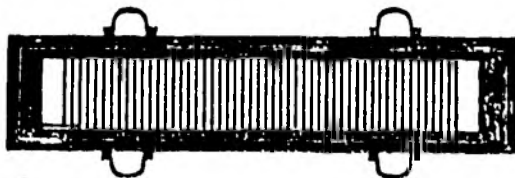
32. Там же. – С. 196.
33. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 85. Л.6.
34. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584. Л. 1281.
35. ЦГАРХ. Ф.6445. Оп. 1 Д. 15. Л. 15.
36. ГАТО. Ф.234. Оп.1. Д.135. Л. 465.
37. Элерт А.Х. Миллер Г.Ф. О коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 173.
38. ГАТО. Ф.3. Оп.19. Д.162. Л.204, 207.
39. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995.
40. ГАТО. Ф.3. Оп.18. Д.131. Л.201.

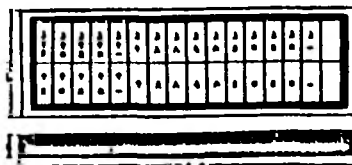
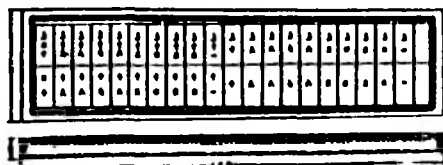
Рис.1. Мраморные таблички, найденные в с.Райково.
Горизонтальными линиями показаны изломы у табличек..
(Хакасский краеведческий музей. Номер коллекции 6640/1-5)

1. Ящики для табличек из мавзолея Ван Цзинь.
Внешний вид.

2. Ящики для табличек из мавзолея Ван Цзинь.
Внутренняя часть. В обоих сторонах
положены ме-бю.

3. Ящики большого размера
для табличек из мавзолея Ли-Бянь.
Внутренняя часть.

4. Ящики небольшого размера
для табличек из того же.

5. Ящик для табличек из мавзолея Юань Дэли.
Внутренняя часть.

Рис. 2. Ящики для табличек, найденных в Китае.

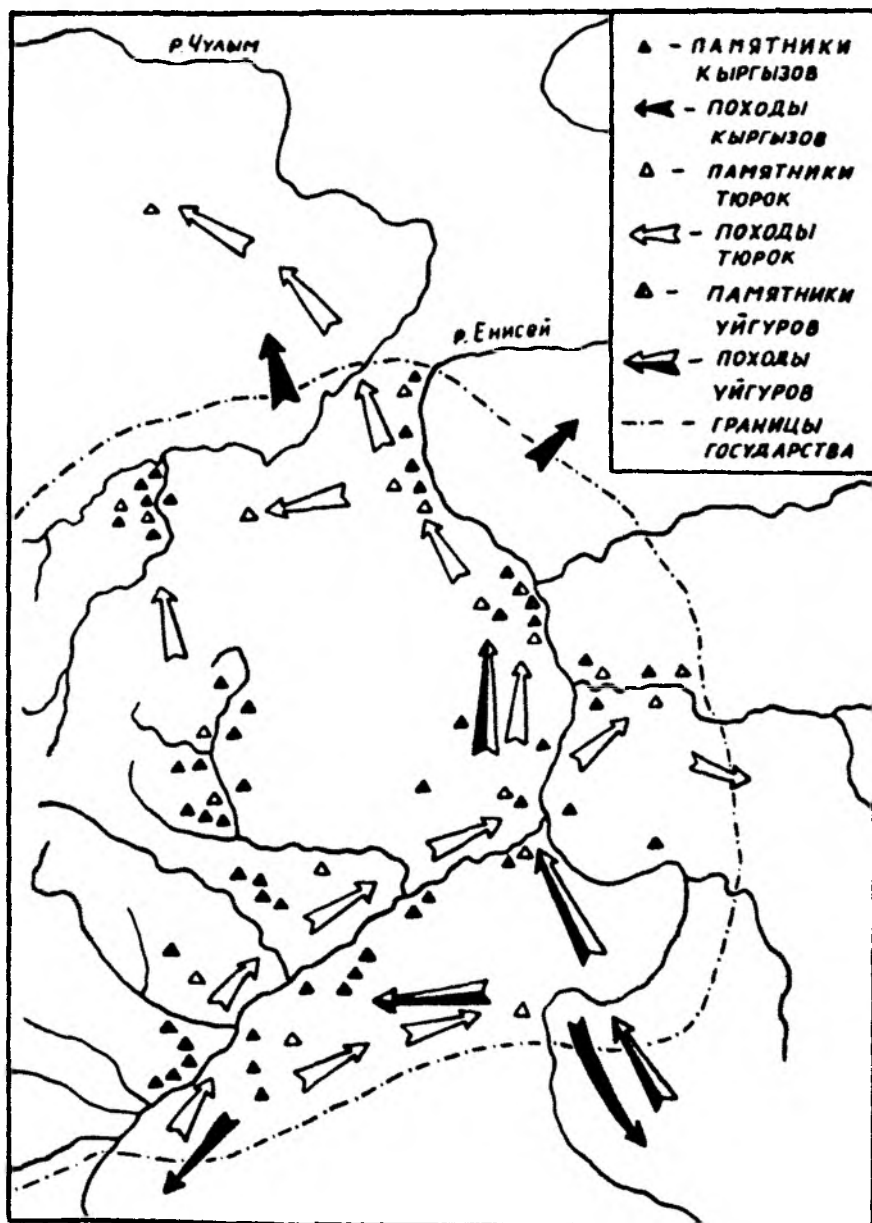

Рис. 4. Кыргызы в VI - VIII в.в. н. э.

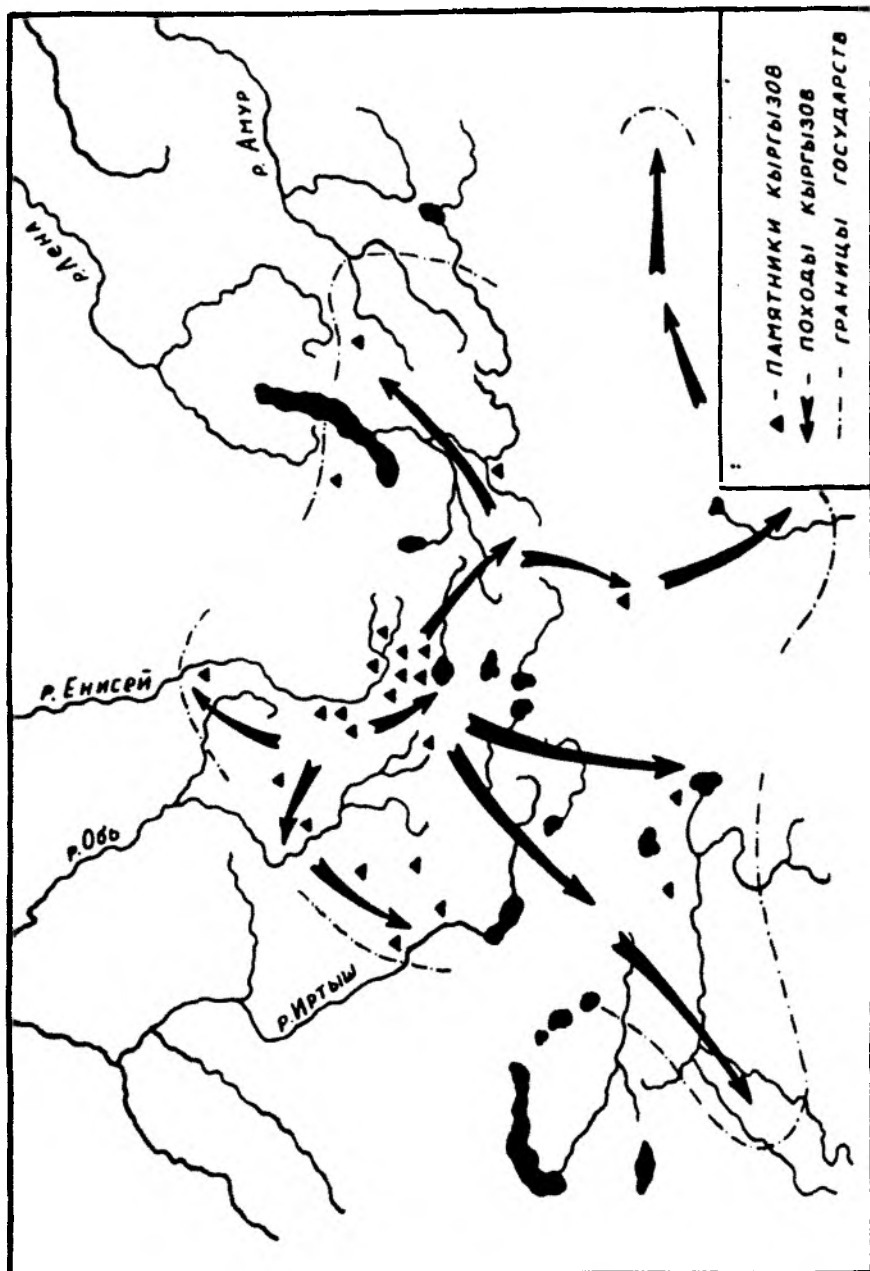

Рис. 5. Кыргызы в IX - X вв. н. э.

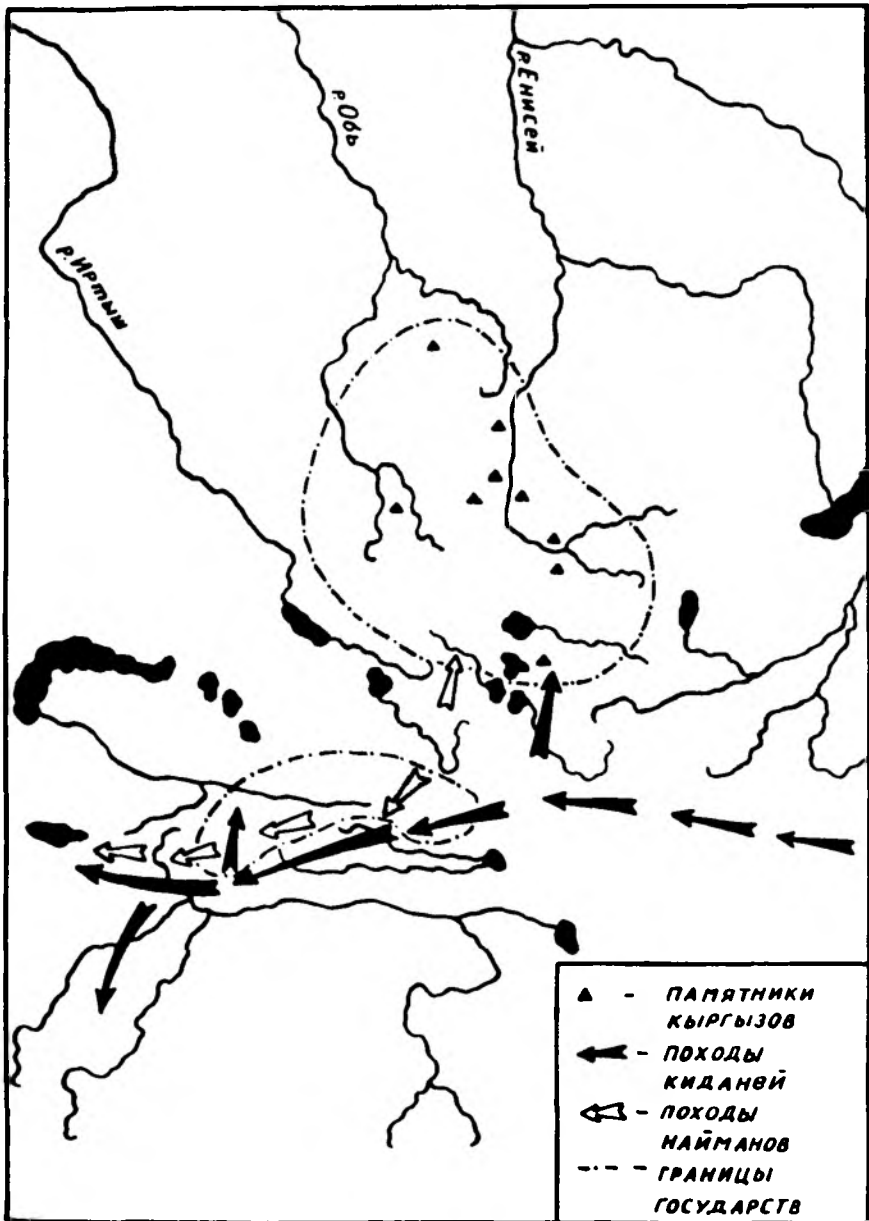

Рис. 6. Кыргызы в XI - XII вв. н. э.

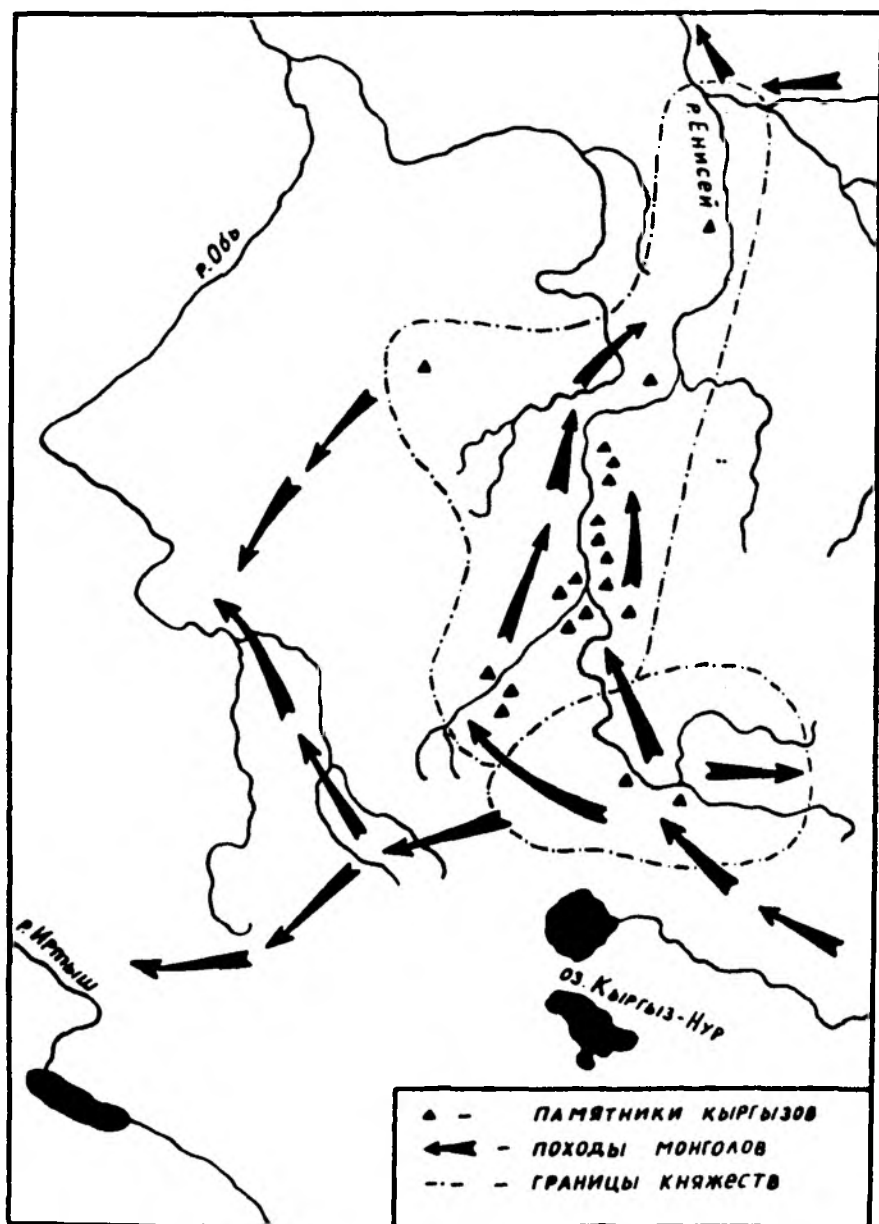

Рис. 7. Кыргызы в XIII - XIV вв. н. э.

ЭПОХА ЧАА-ТАС VI - VIII вв н.э.

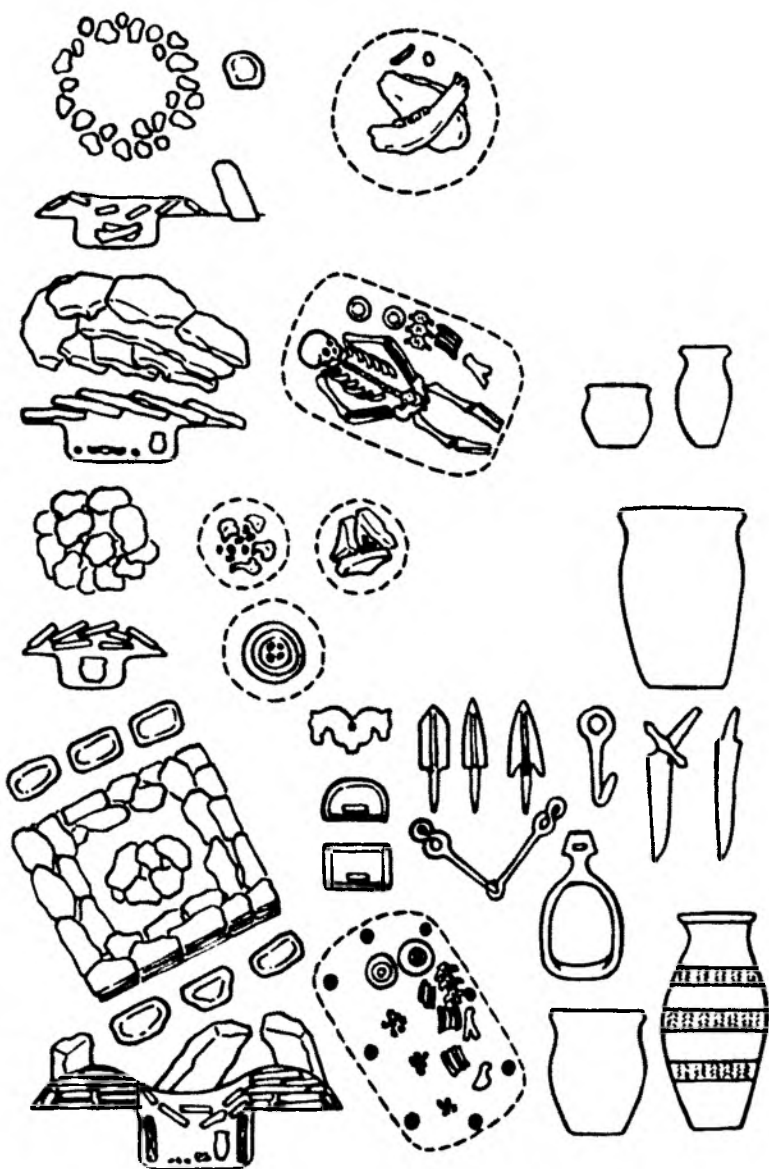
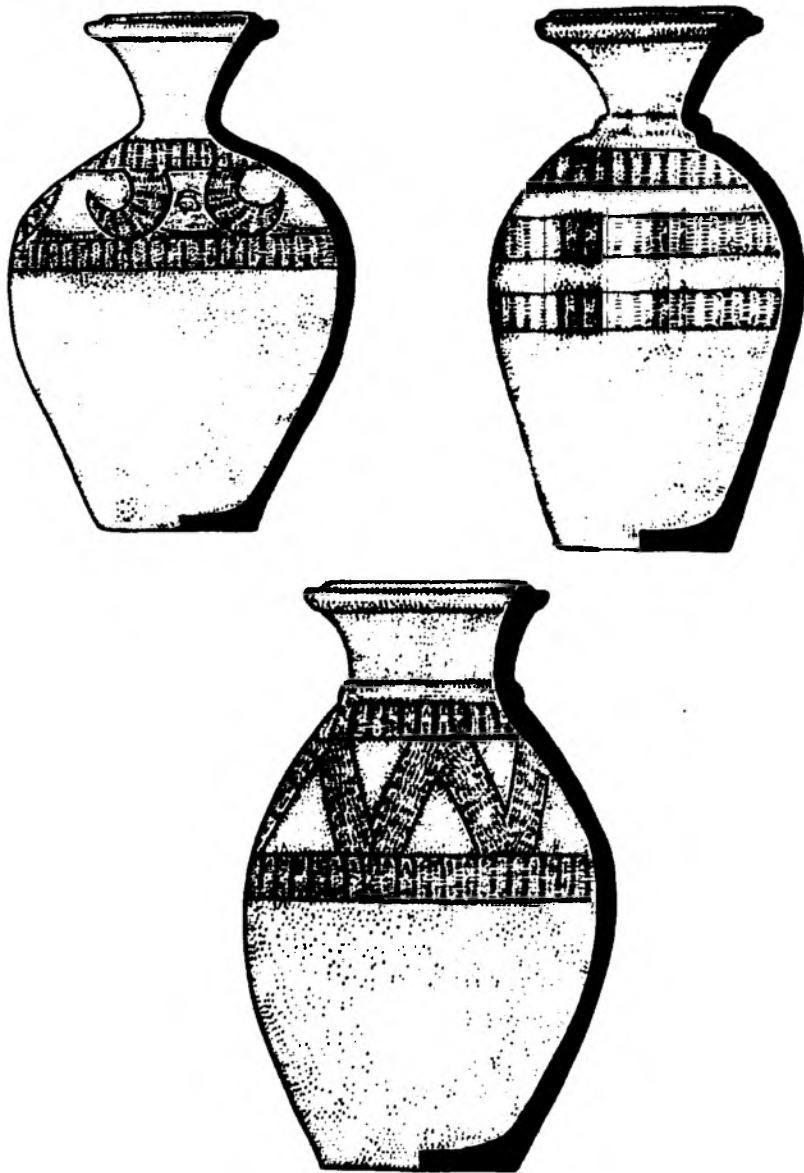

Рис. 8. Эпоха чаа-тас VI-VIII вв. н. э.

0 12 см

Рис. 9. "Кыргызские вазы", гончарные сосуды, характерные для кыргызской культуры в VI - X вв. н. э.

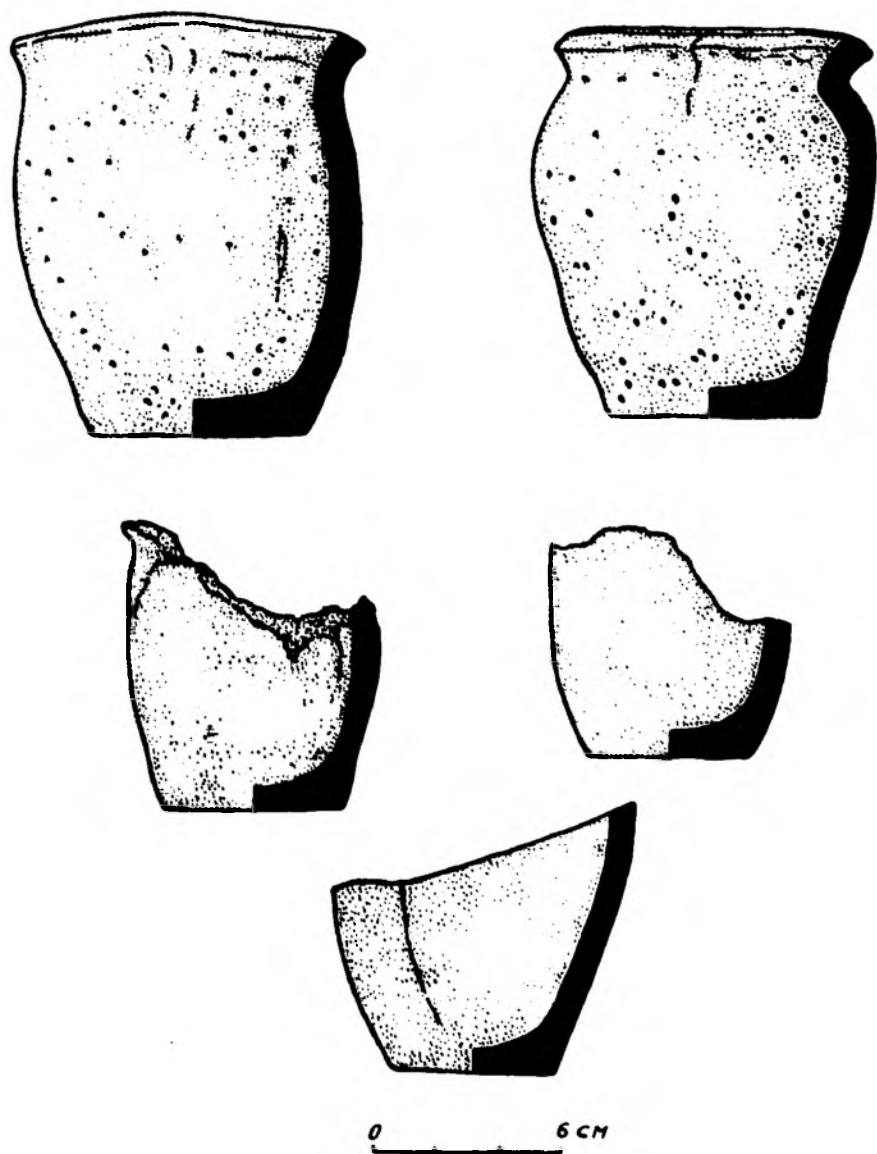

Рис. 10. Лепные сосуды, характерные для кыргызской культуры VI - X вв. н. э.

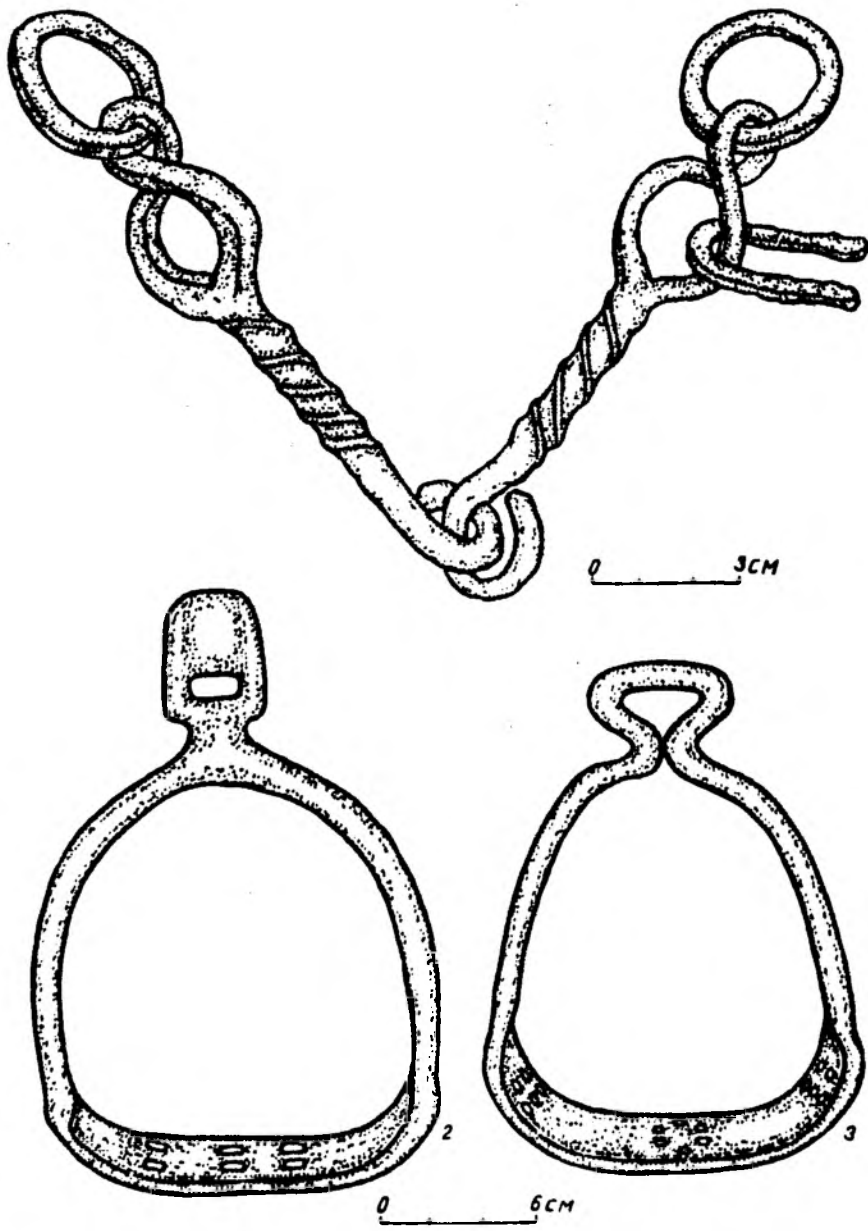

Рис. 11. Удила и стремена кыргызов VI - VIII вв. н. э.

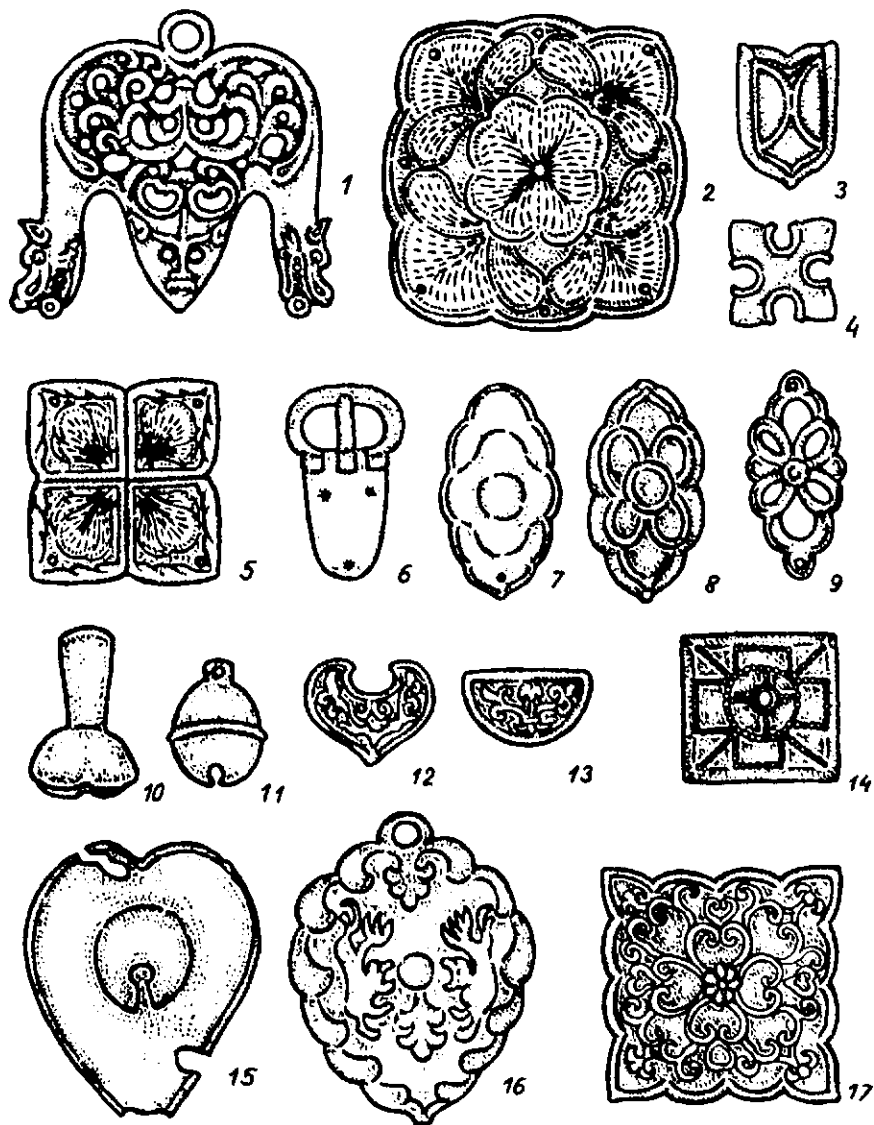

Рис. 12. Торевтика кыргызов VI - VIII вв. н. э.

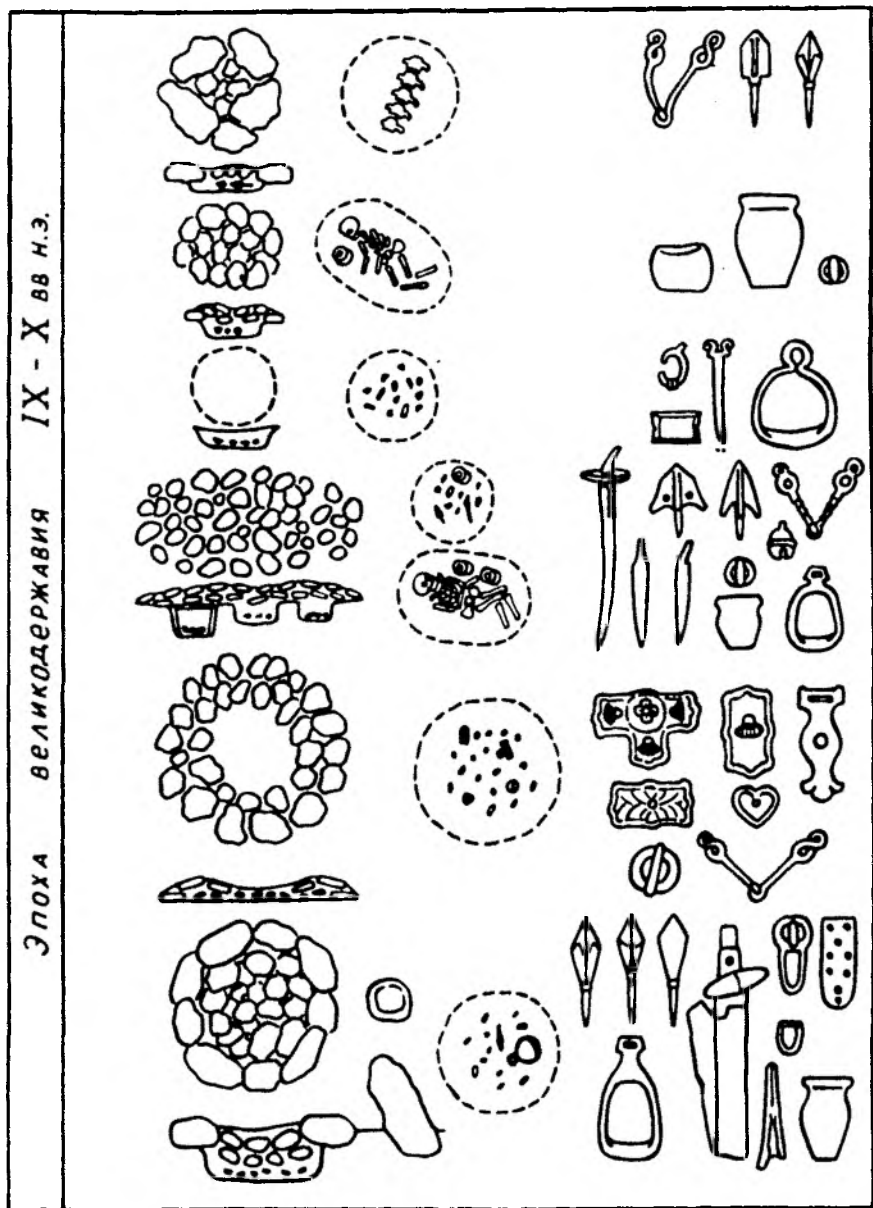

Рис. 13. Эпоха великодержавия IX - X вв. н. э.

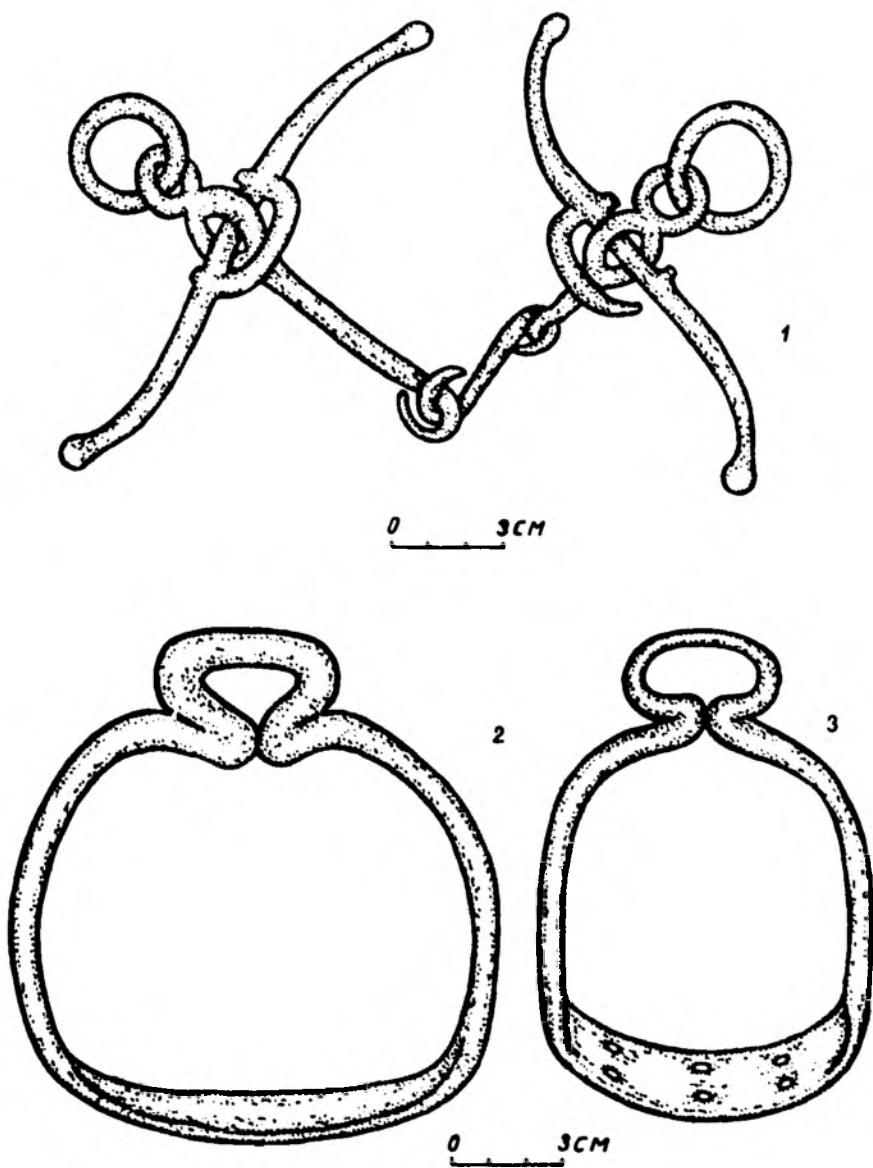

Рис. 14. Удила и стремена кыргызов IX - X вв. н. э.

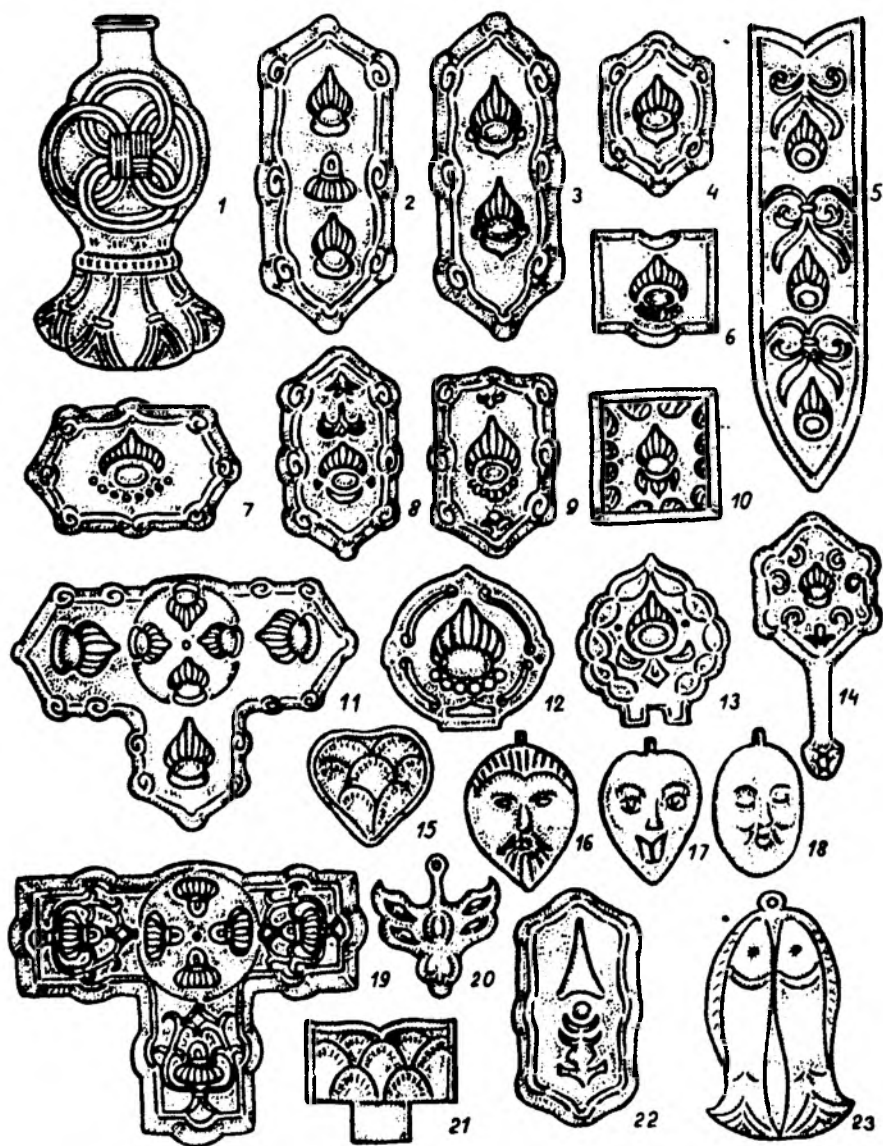

Рис. 15. Торевтика кыргызов IX - X вв. н. э.

Эпоха сууктэр XI - XII вв н.э.

Эпоха сууктэр

Эпоха

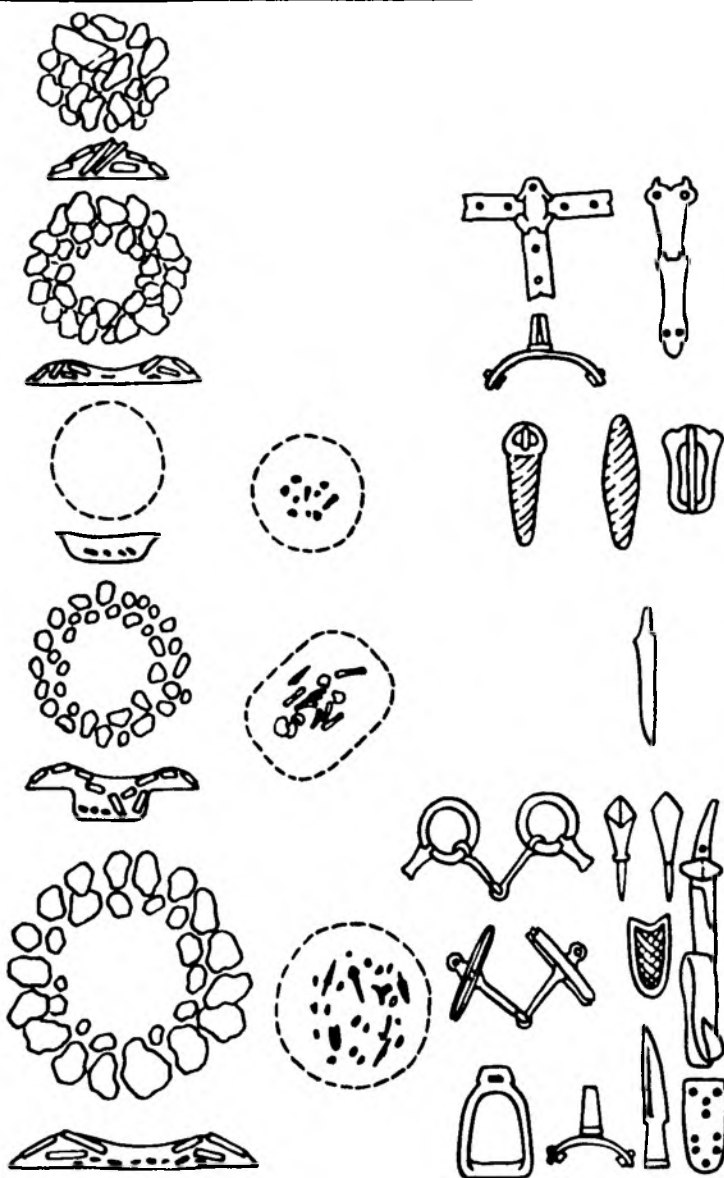

Рис. 16. Эпоха сууктэр XI - XII вв. н. э.

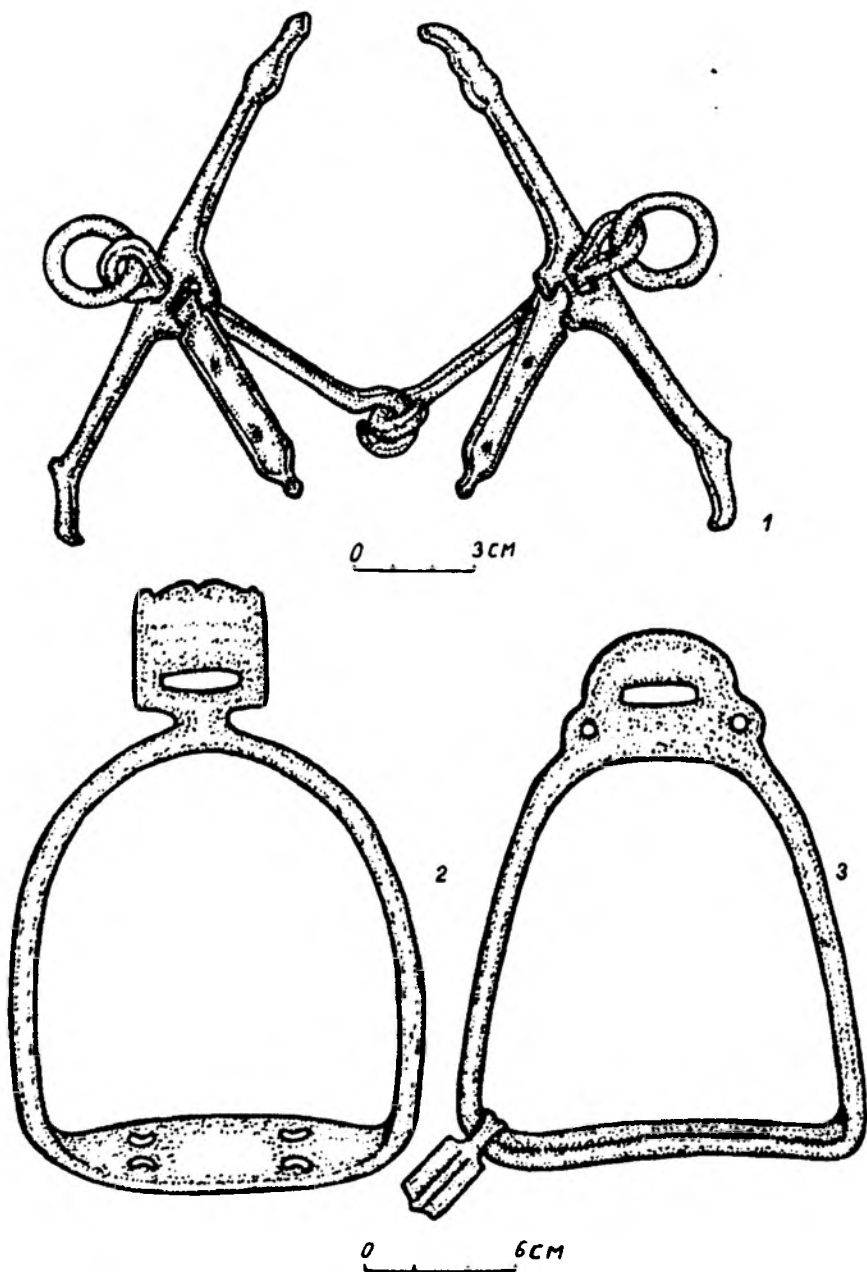

Рис. 17. Удила и стремена кыргызов XI - XII вв. н. э.

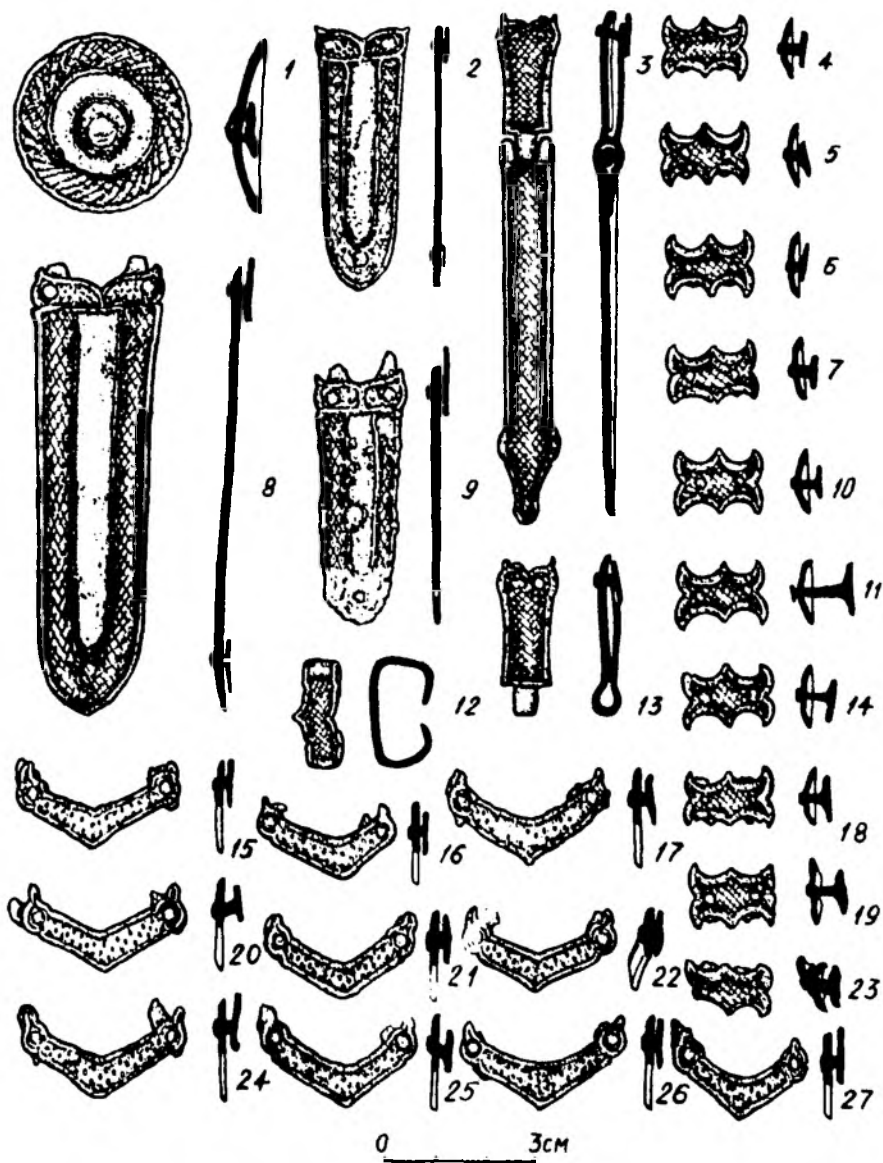

Рис. 18. Торевтика кыргызов XI - XII вв. н. э.

Монгольская эпоха XIII - XIV вв н.э.

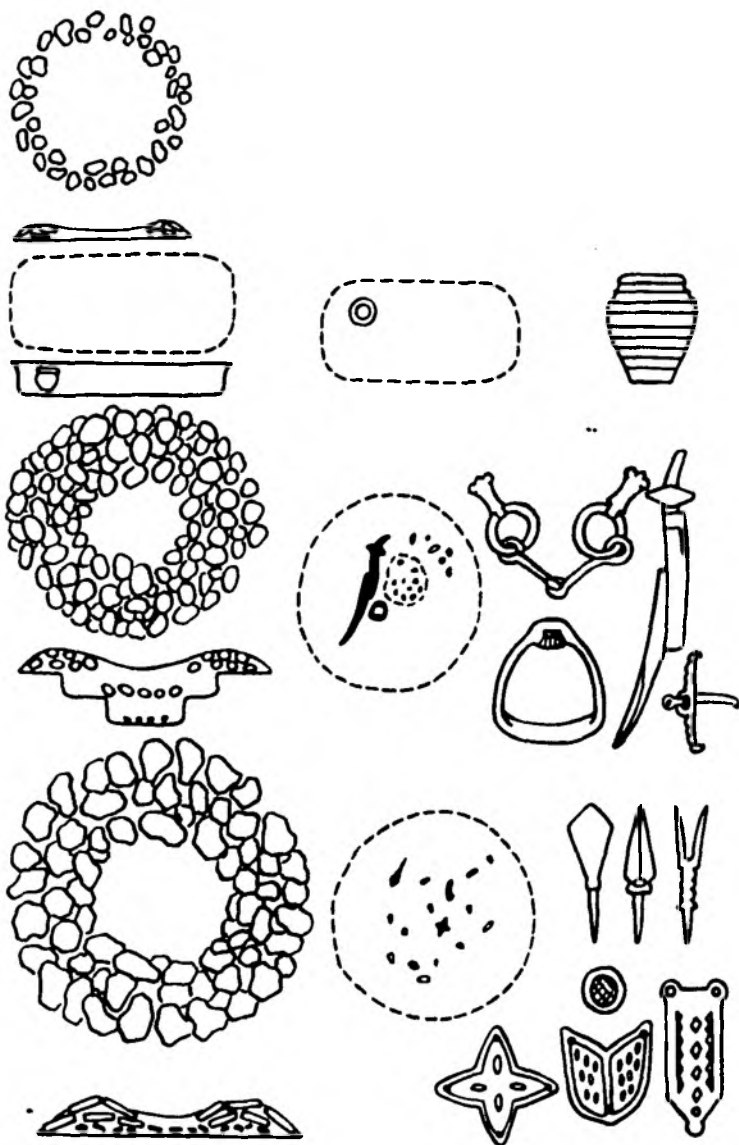

Рис. 19. Монгольская эпоха XIII - XIV вв. н. э.

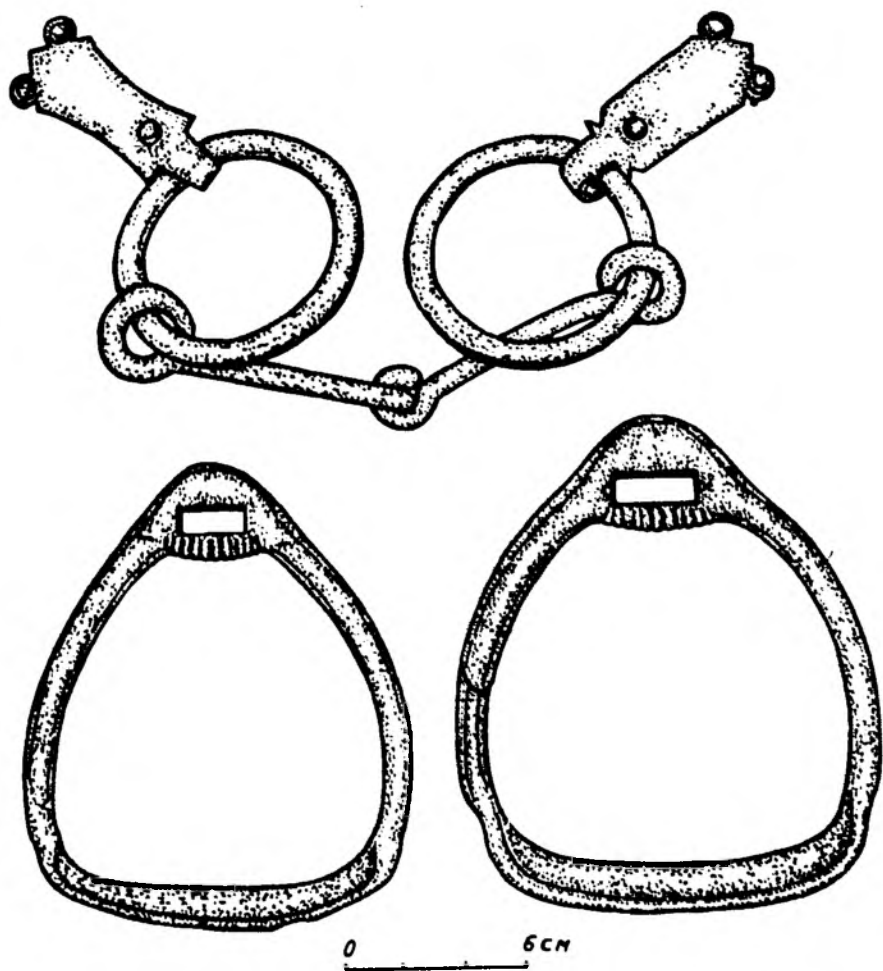

Рис. 20. Удила и стремена кыргызов XIII - XIV вв. н. э.

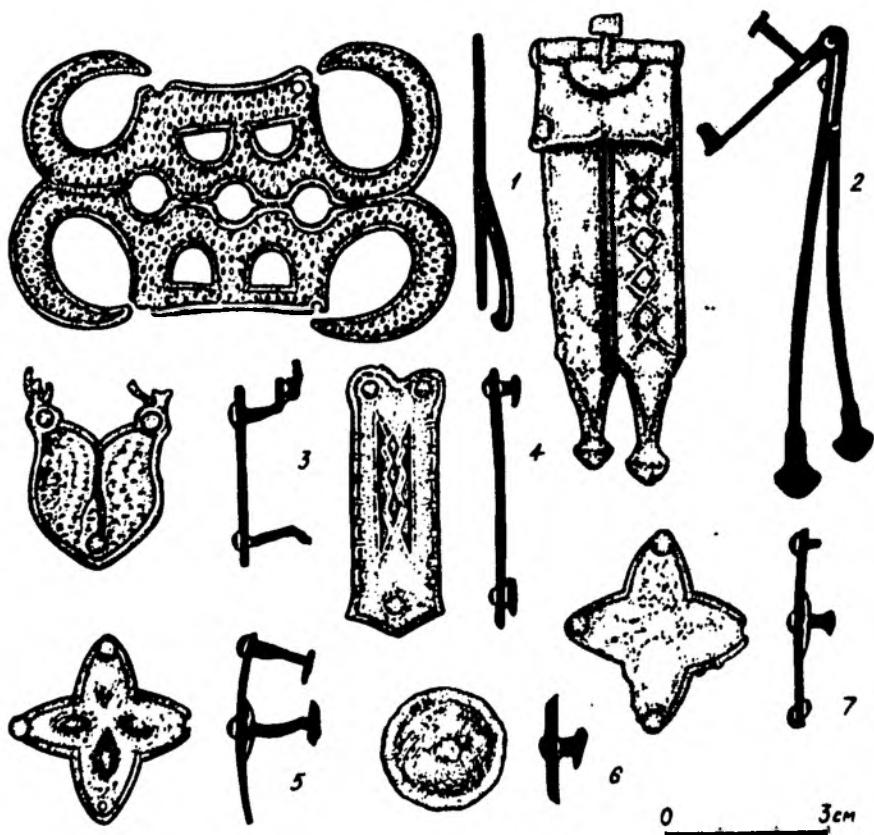

Рис. 21. Торевтика кыргызов XIII - XIV вв. н. э.

Рис. 22. Китайский импорт в Минусе.

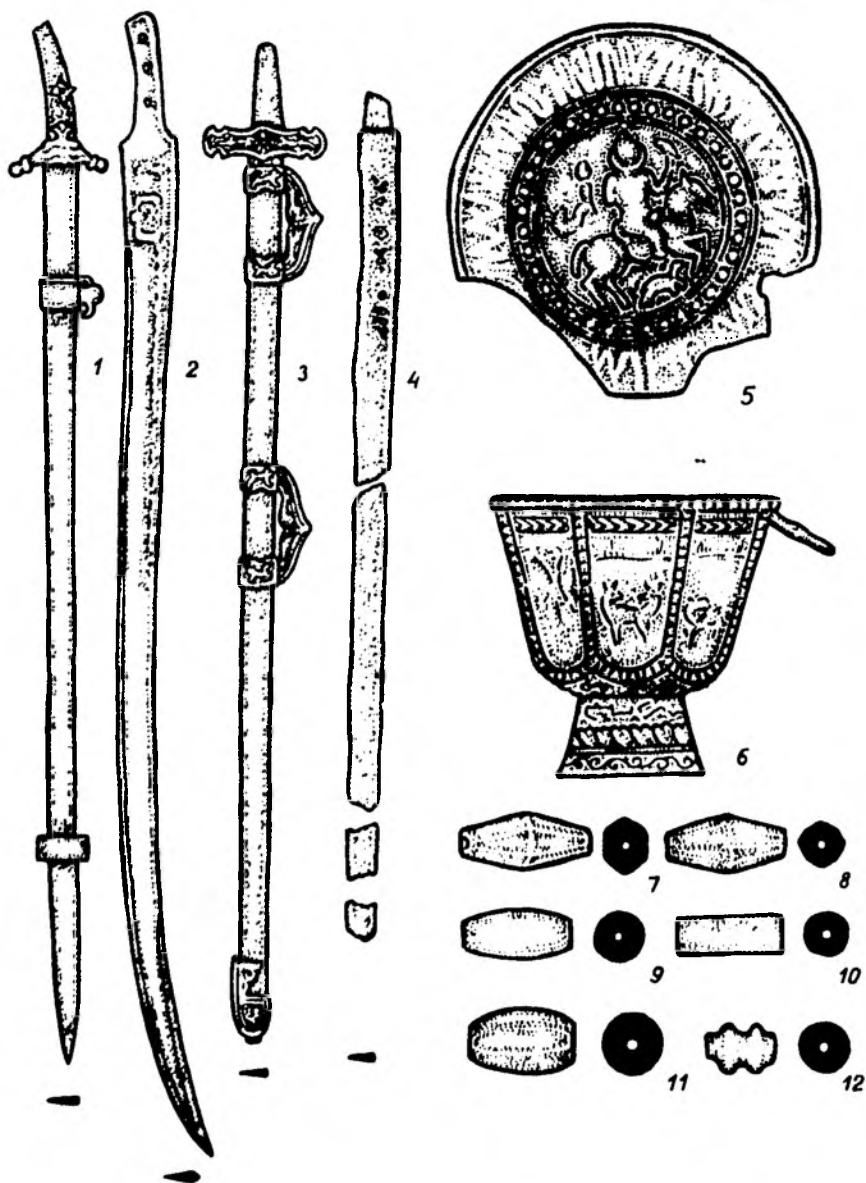

Рис. 23. Среднеазиатский, Переднеазиатский и Центральноазиатский импорт в Минусе.

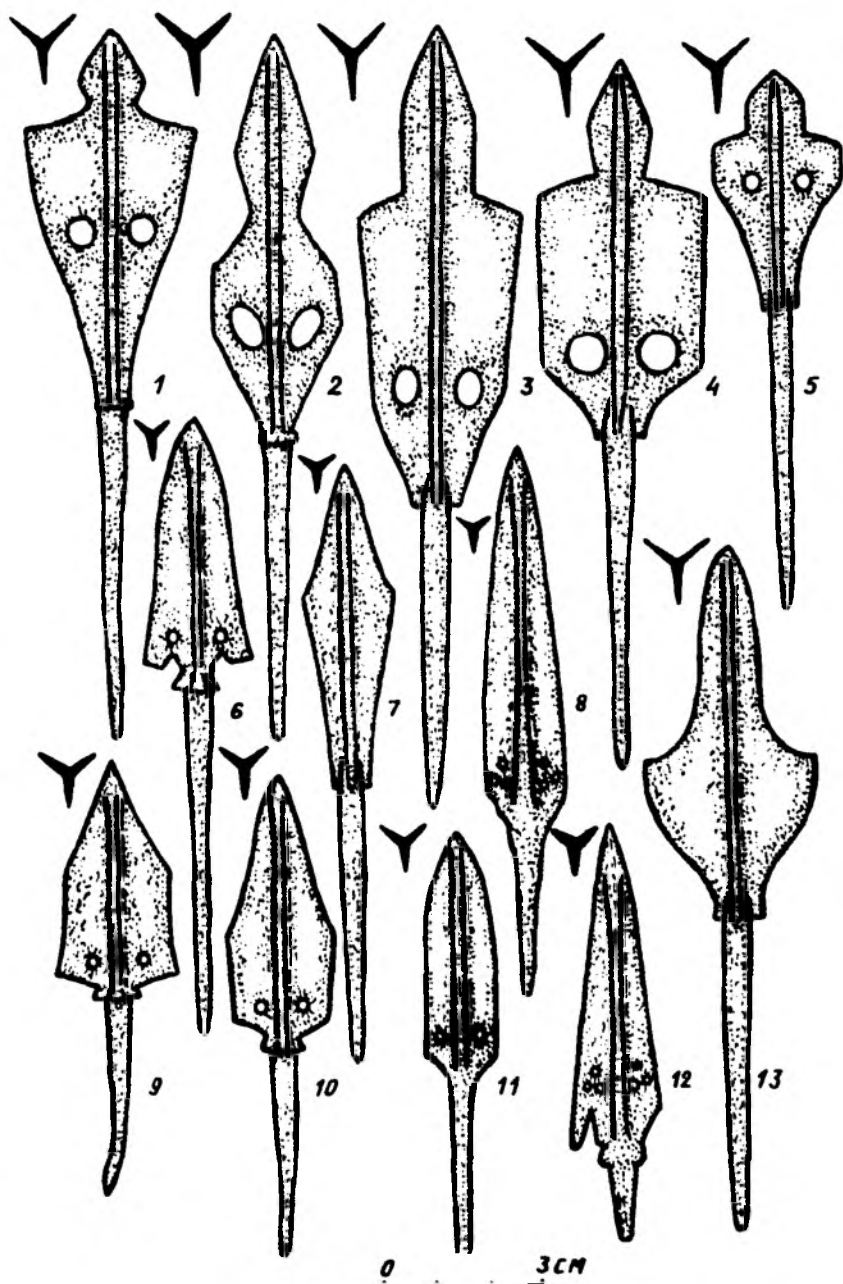

Рис. 24. Наконечники стрел кыргызов VI - VIII вв. н. э.

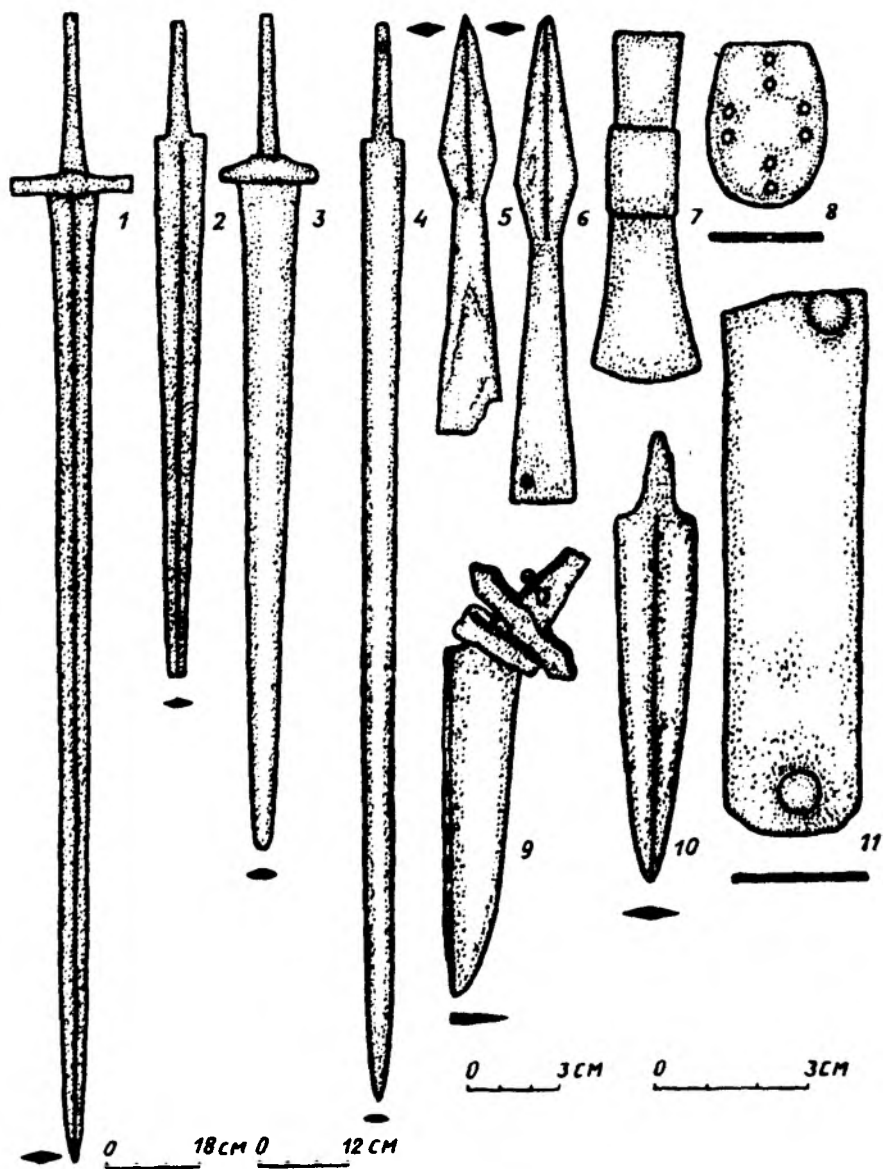

Рис. 25. Оружие ближнего боя и защиты кыргызов VI - VIII вв. н. э.

Эпоха Чаа-Тас VI - VIII вв н.э.

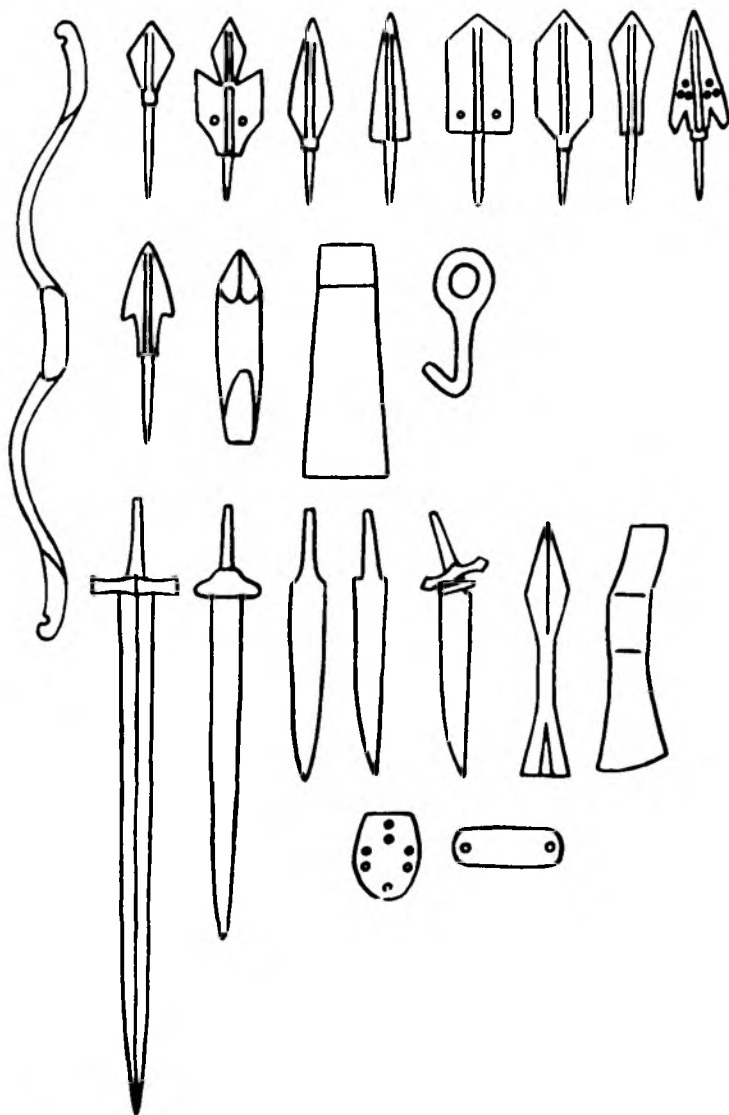

Рис. 26. Комплекс вооружения кыргызского
воина VI - VIII вв. н. э.

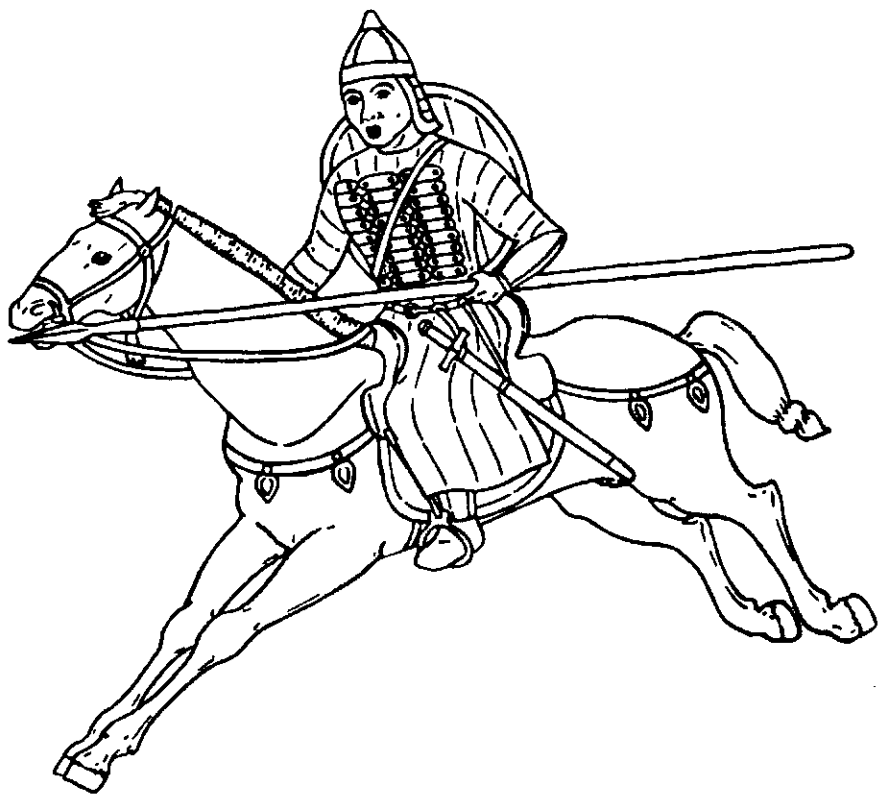

Рис. 27. Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина VI - VIII вв. н.э.

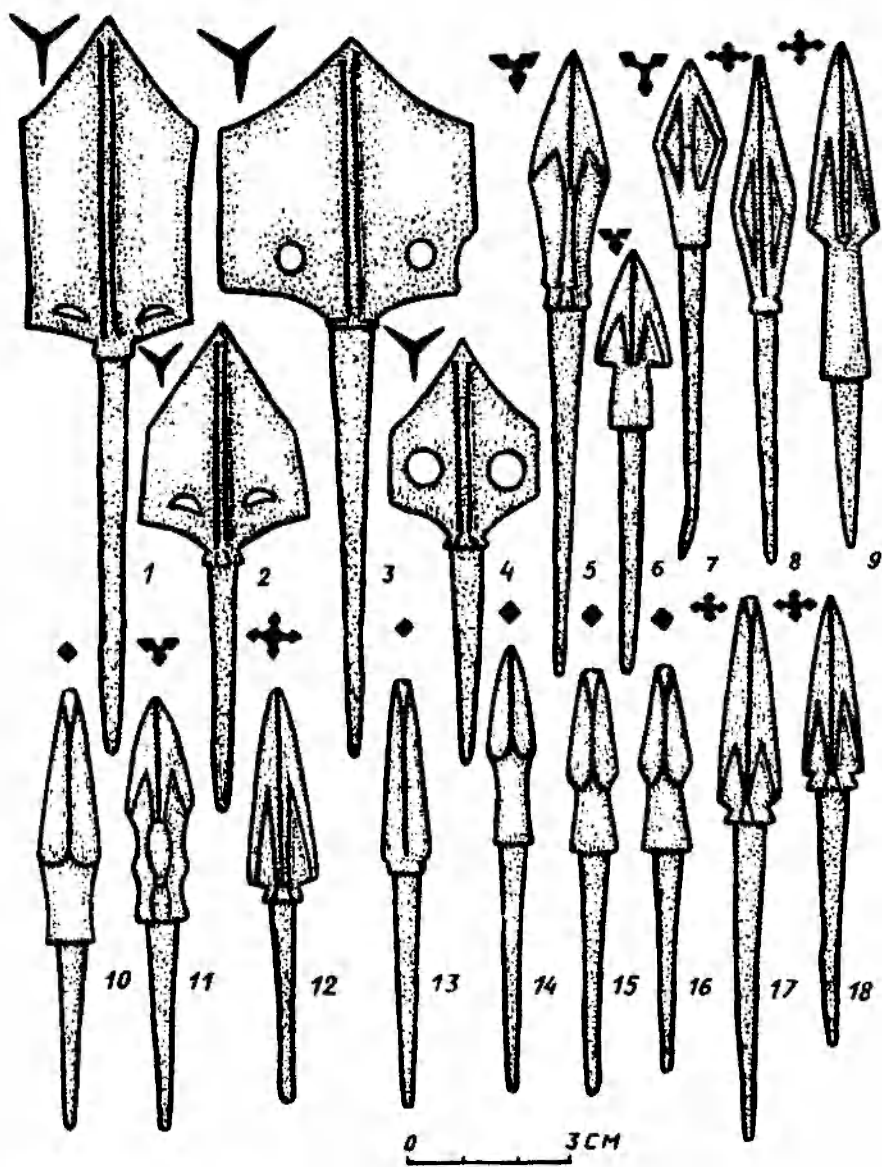

Рис. 28. Наконечники стрел кыргызов IX - X вв. н. э.

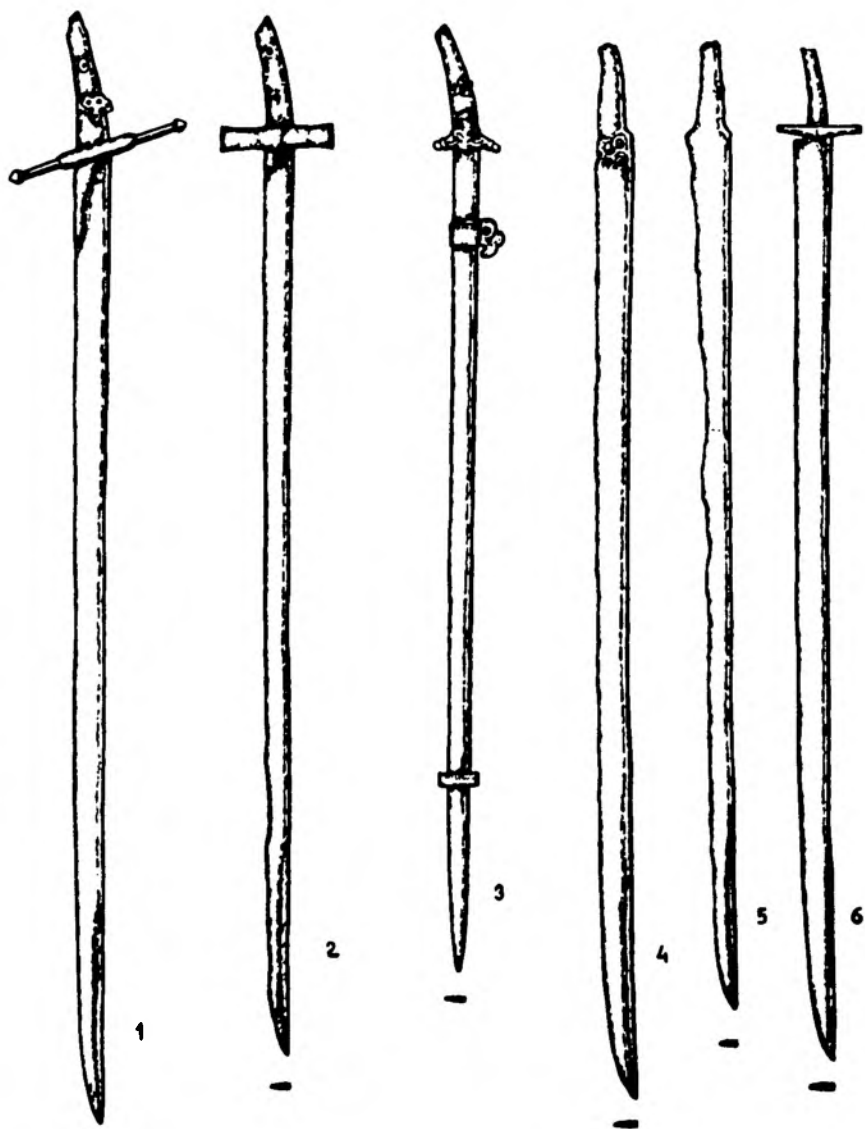

Рис. 29. Кыргызские сабли IX - X вв. н. э.

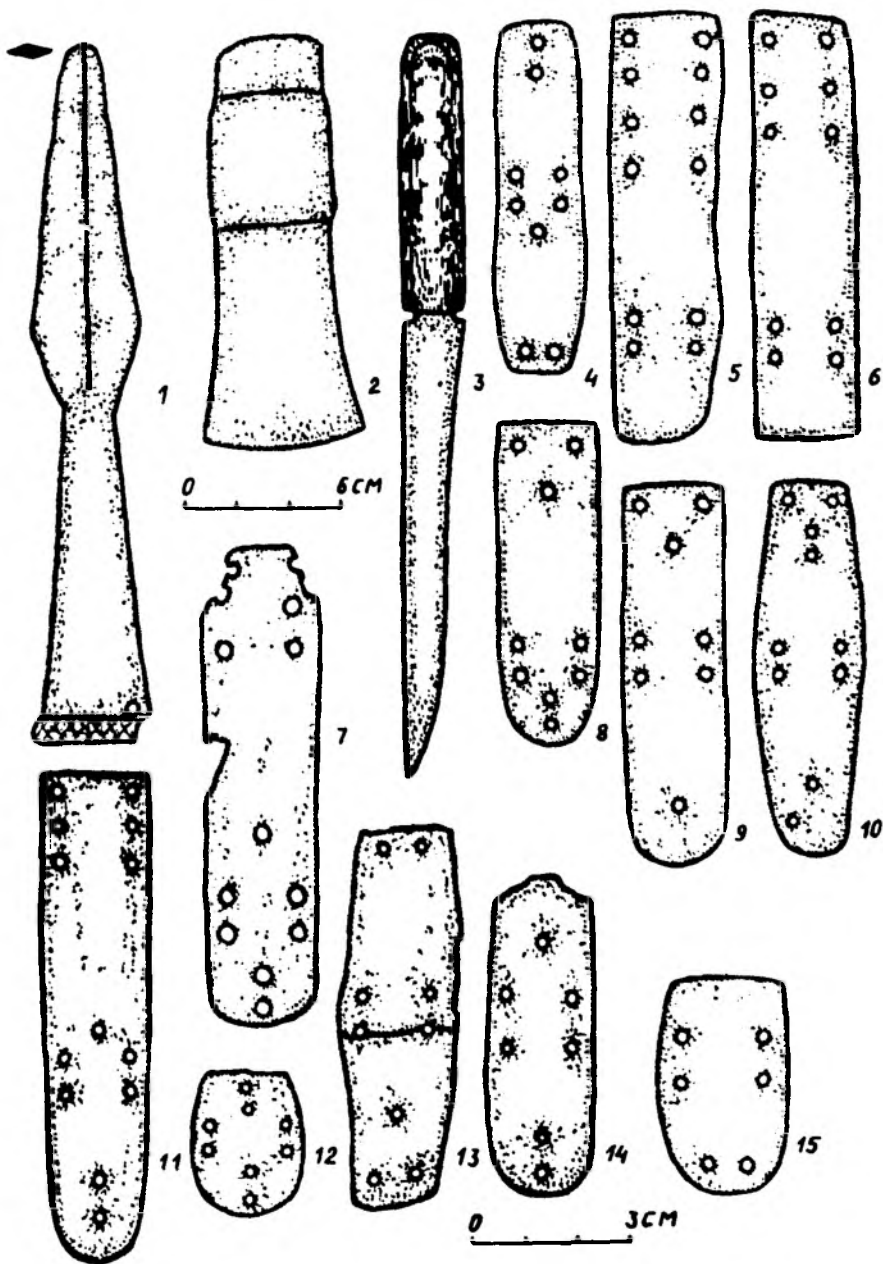

Рис. 30. Оружие ближнего боя и защиты
 кыргызов IX - X вв. н. э.

Эпоха великодержавия IX - X вв н.э.

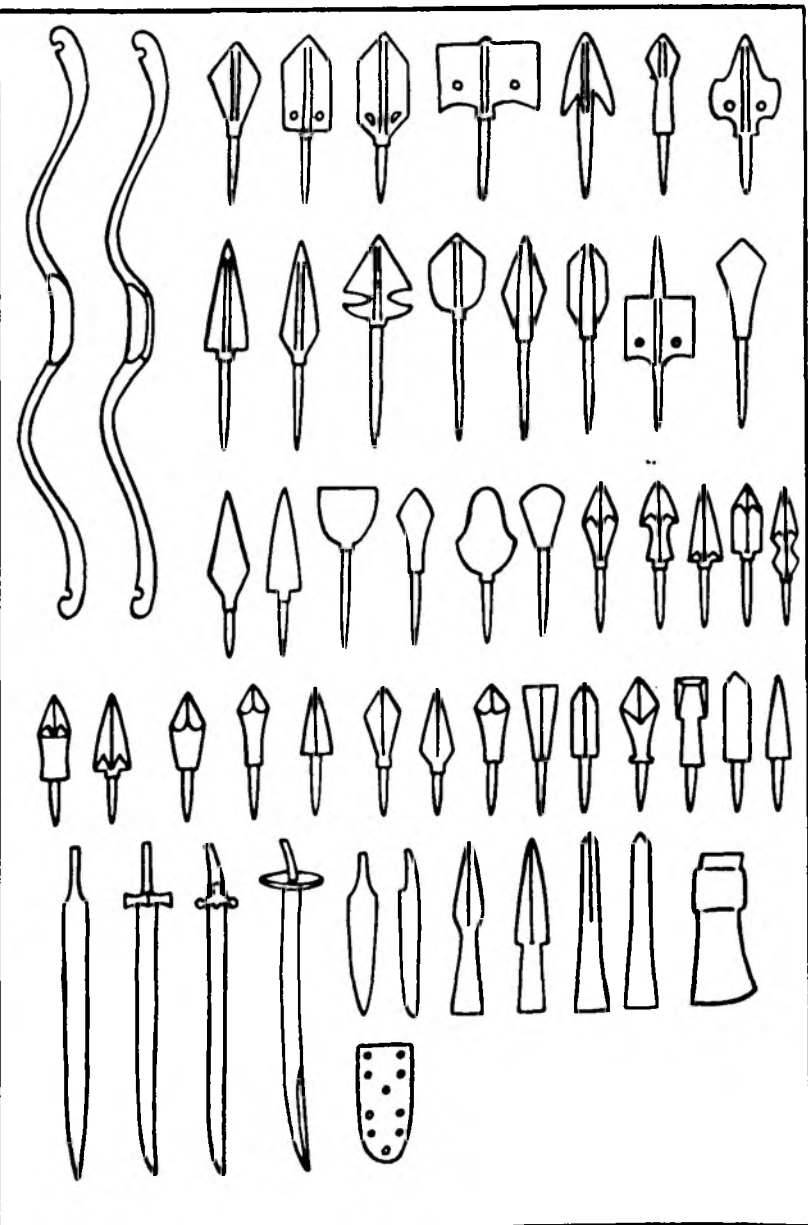

Рис. 31. Комплекс вооружения кыргызского воина IX - X вв. н. э.

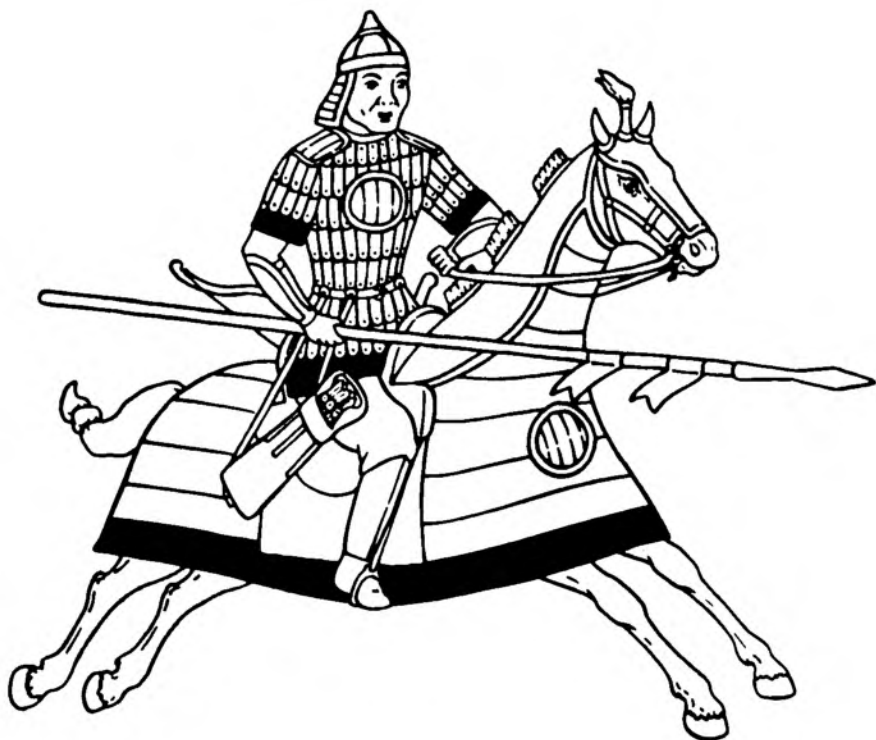

Рис. 32. Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина IX - X вв. н. э.

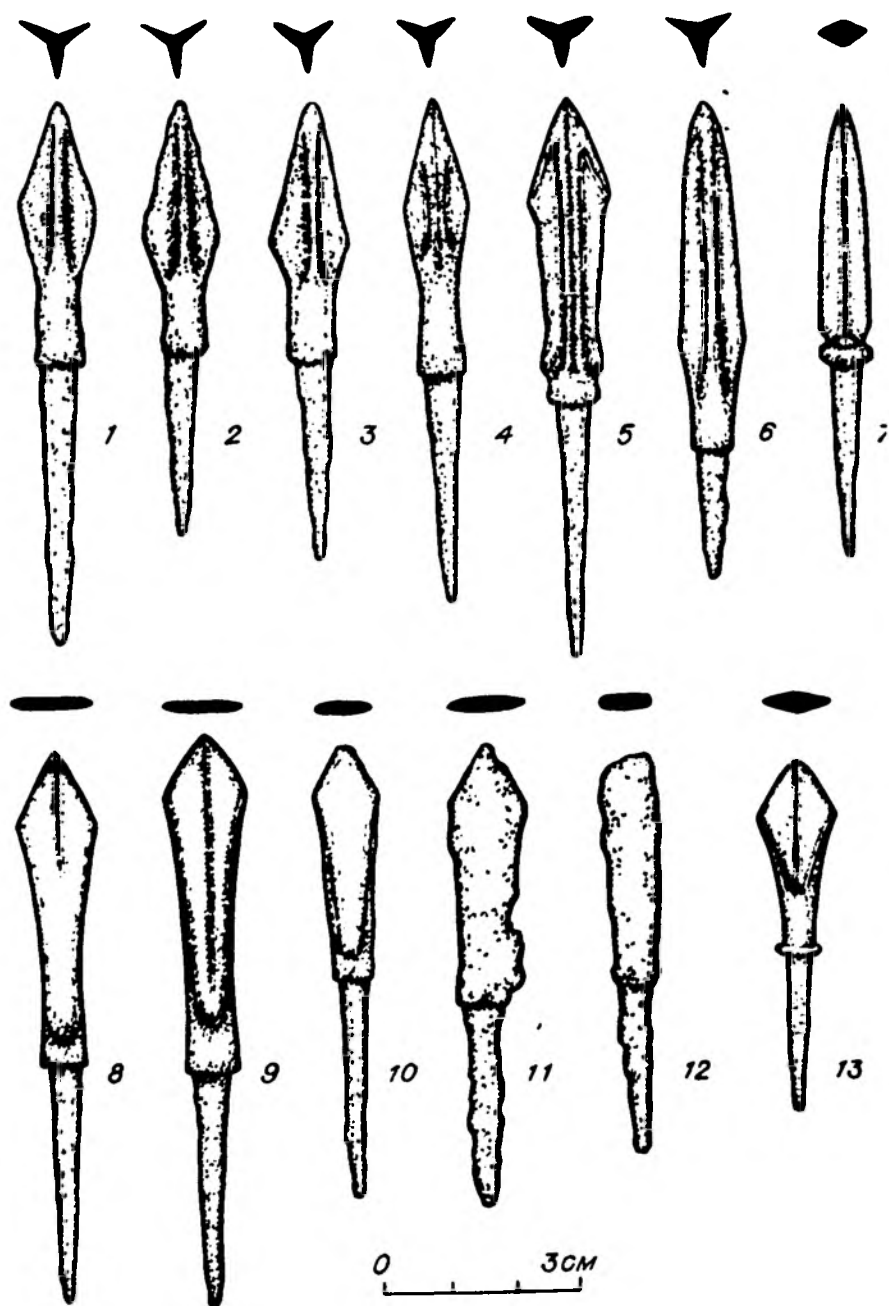

Рис. 33. Наконечники стрел кыргызов XI - XII вв. н. э.

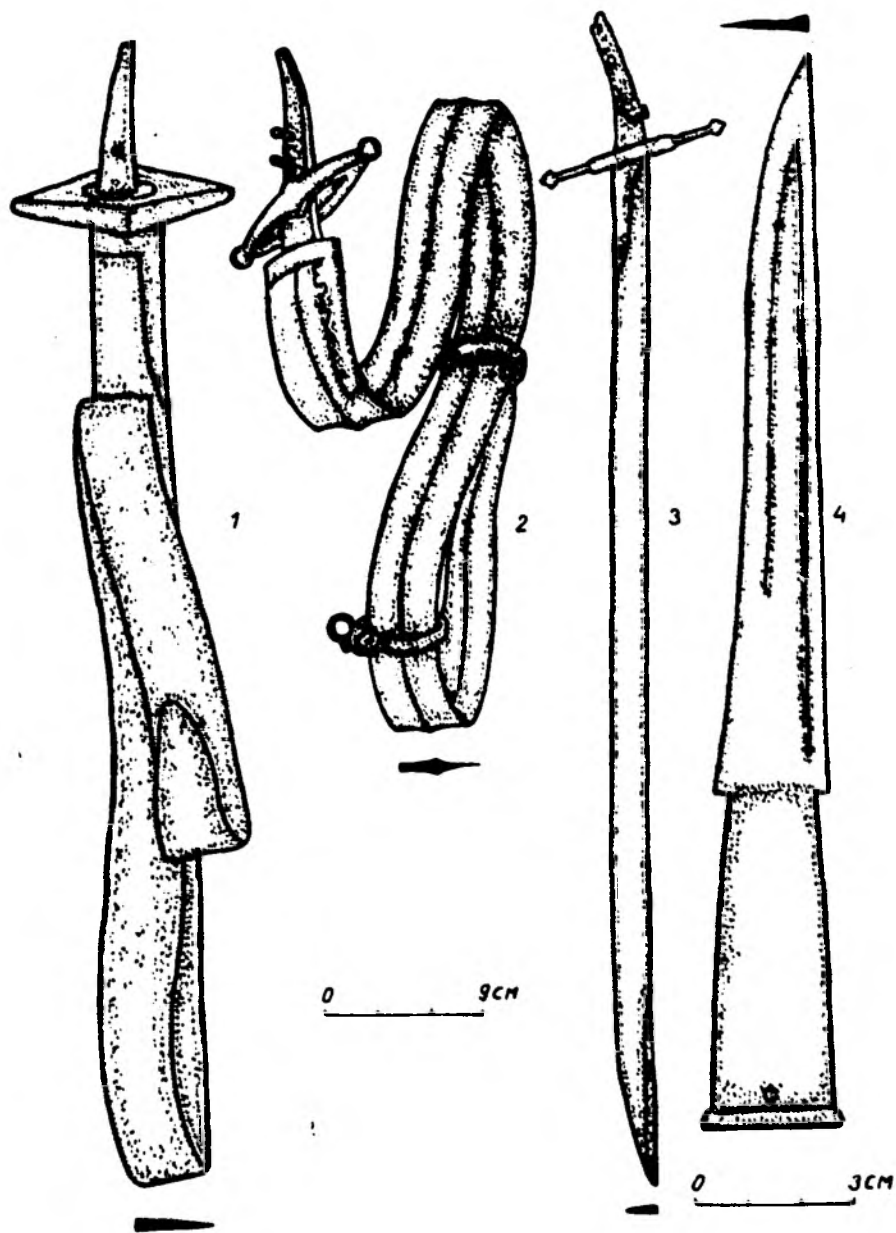

Рис. 34. Оружие ближнего боя кыргызов XI - XII вв. н. э.

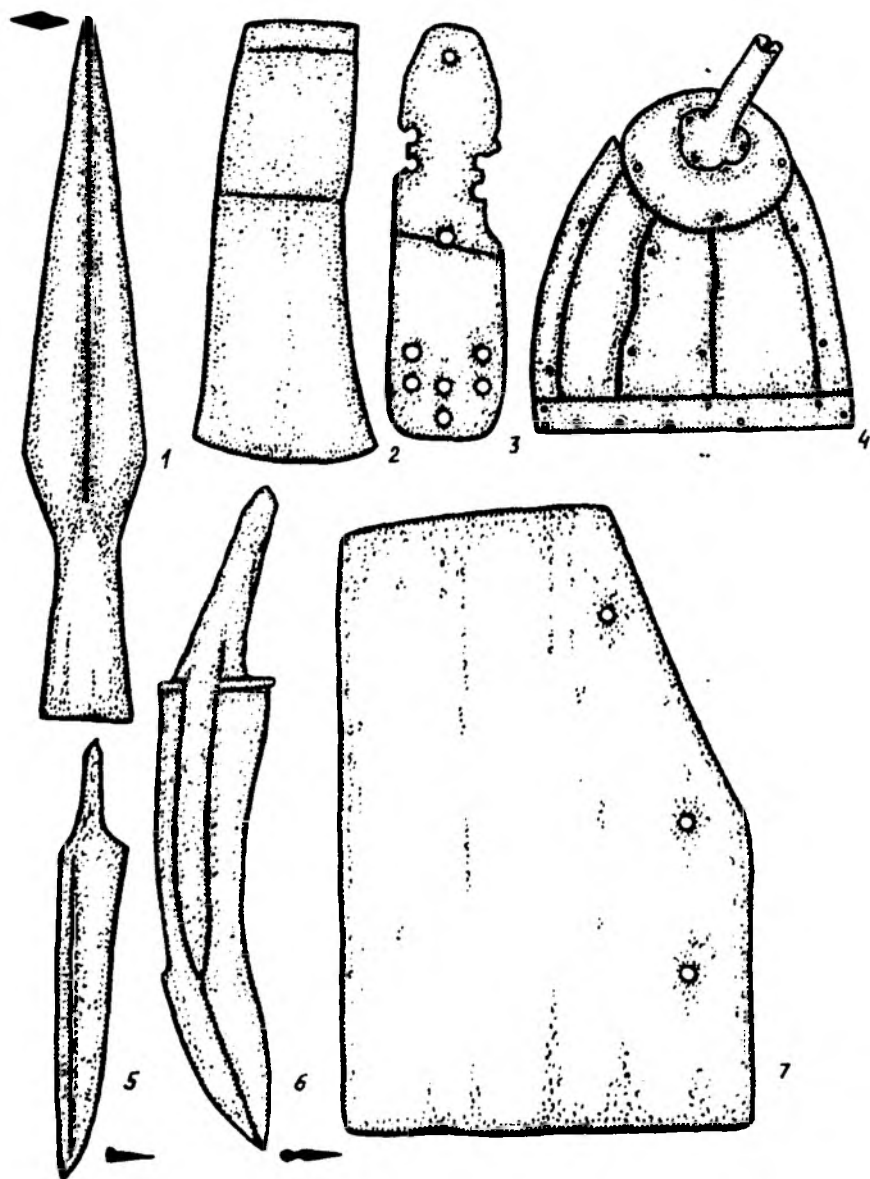

Рис. 35. Оружие ближнего боя и защиты
кыргызов XI - XII вв. н. э.

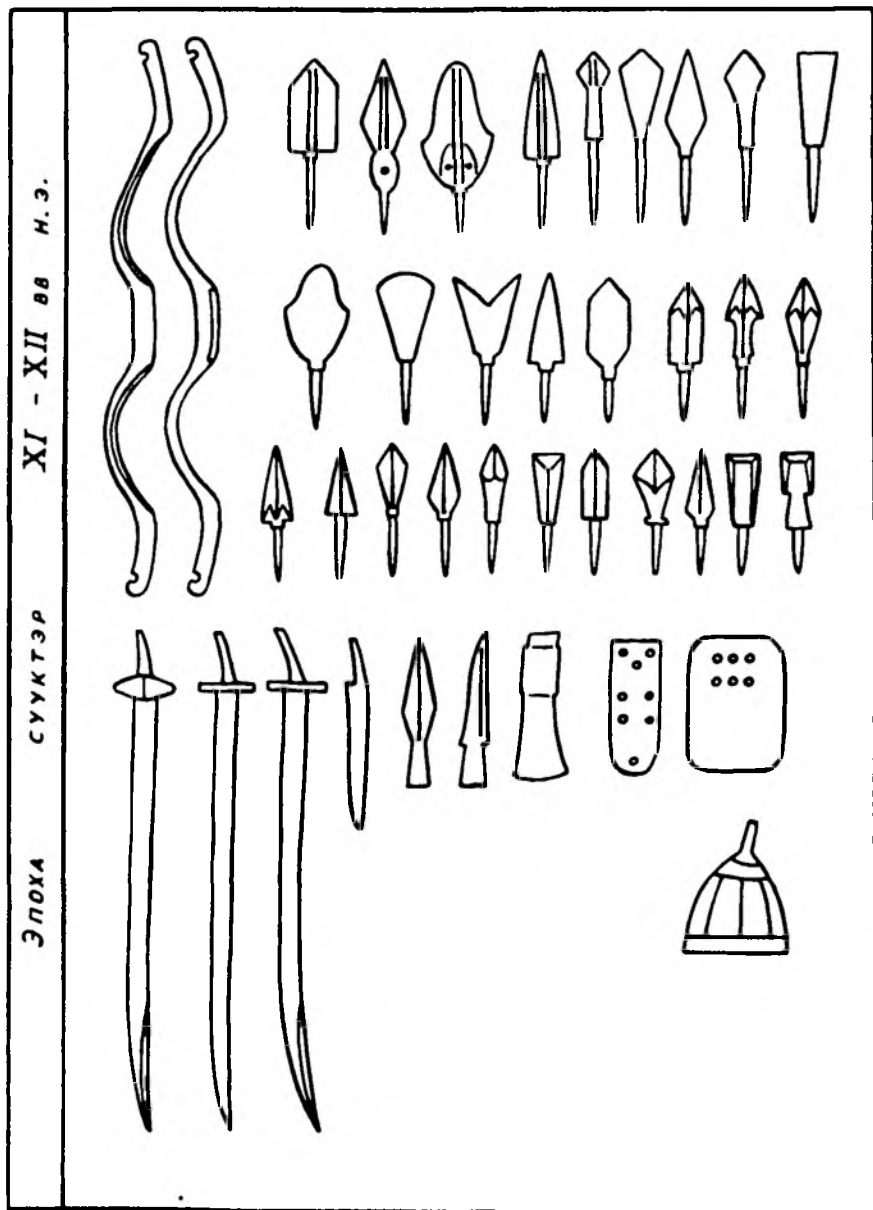

Рис. 36. Комплекс вооружения кыргызского
 воина XI - XII вв. н. э.

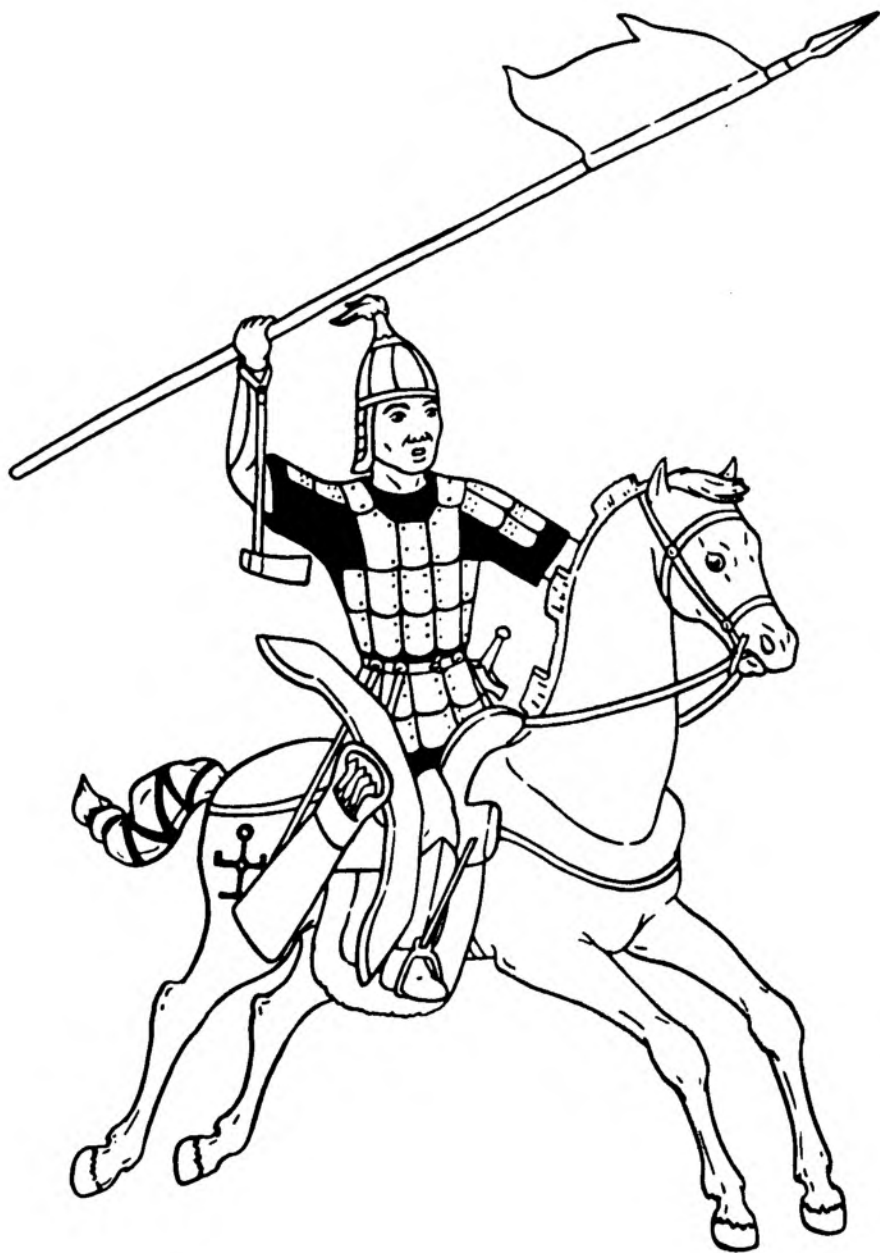

Рис. 37. Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина XI - XII вв. н.э.

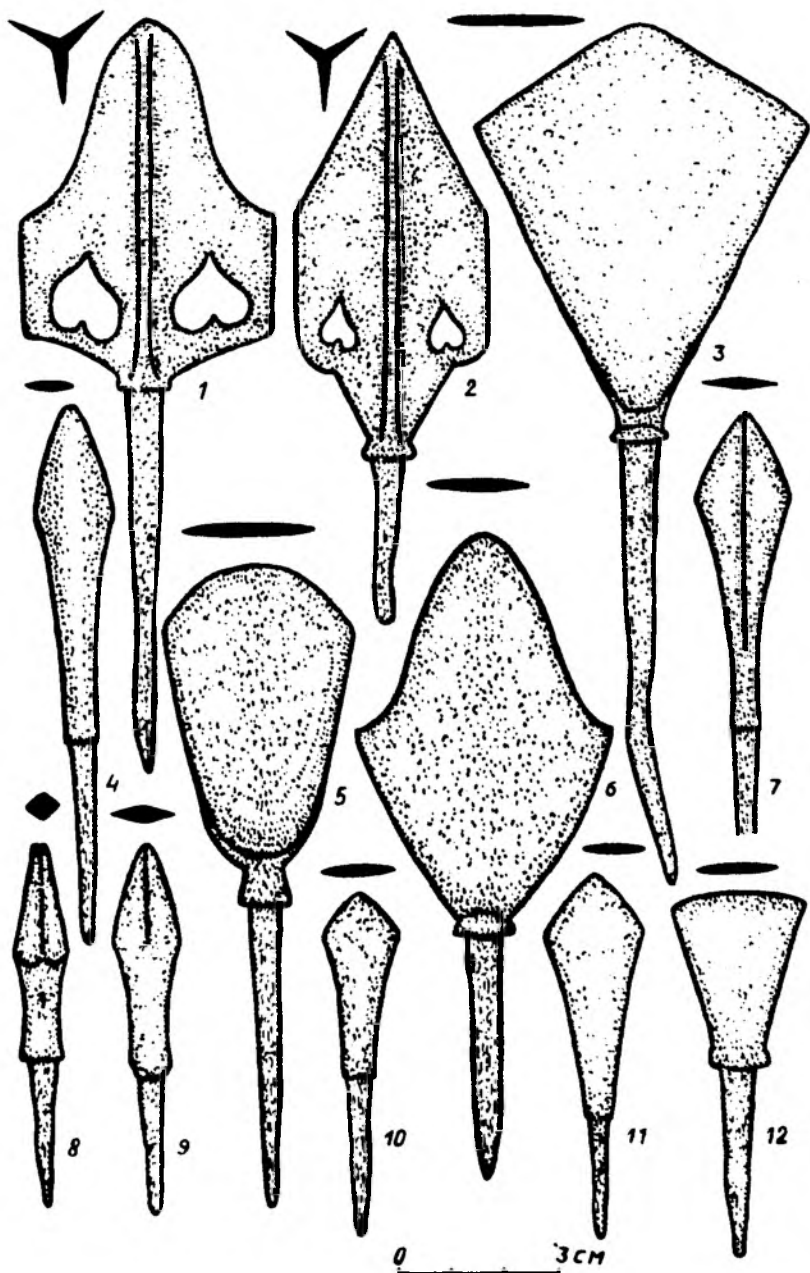

Рис. 38. Наконечники стрел кыргызов XIII - XIV вв. н. э.

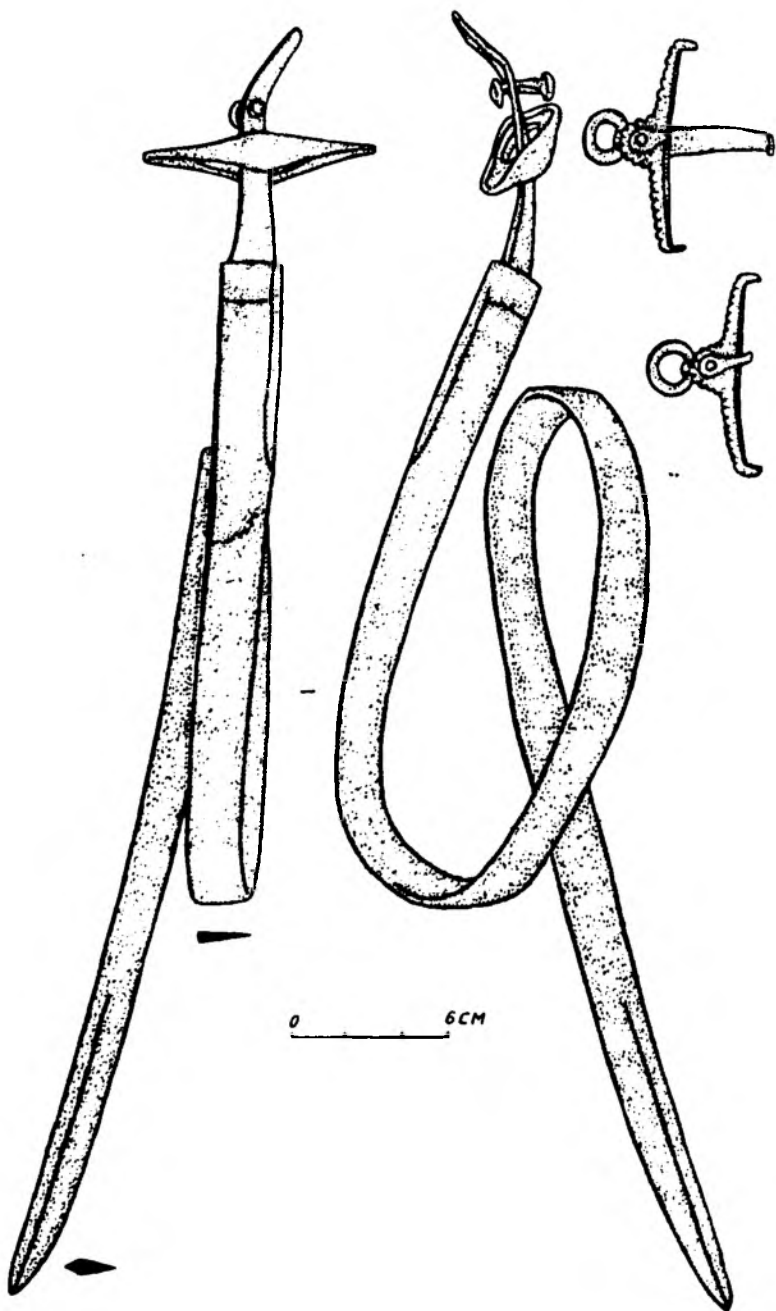

Рис. 39. Кыргызский палаш XIII - XIV вв. н. э.

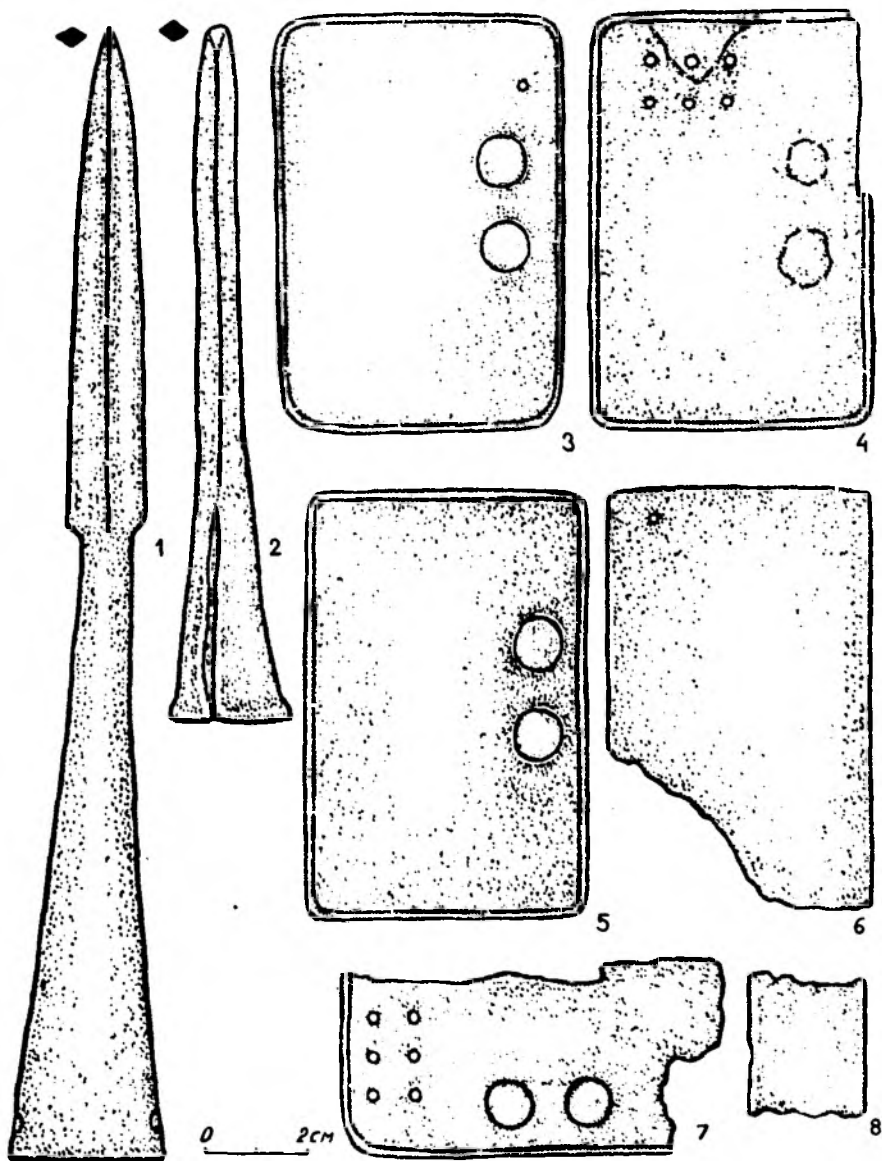

Рис. 40. Оружие ближнего боя и защиты кыргызов
XIII - XIV вв. н. э.

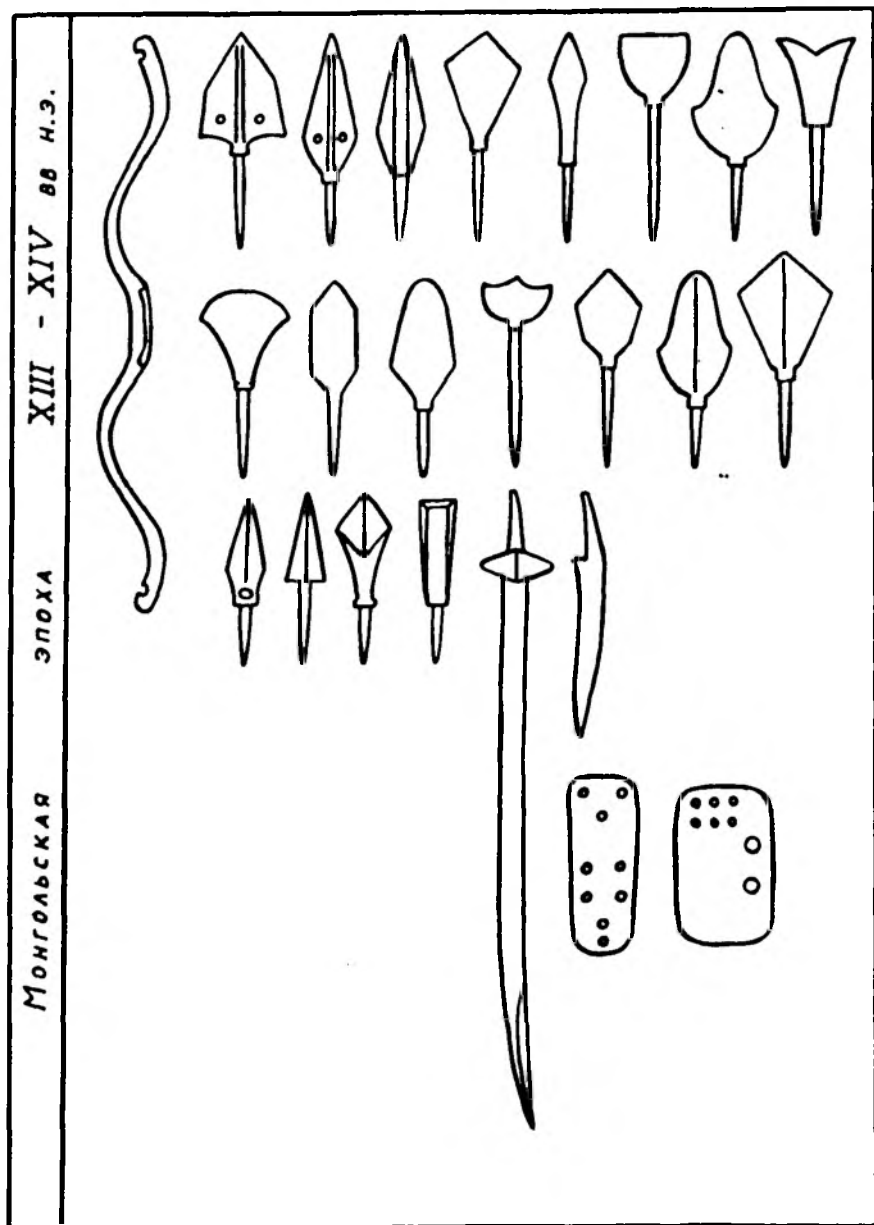

Рис. 41. Комплекс вооружения кыргызского
воина XIII - XIV вв. н. э.

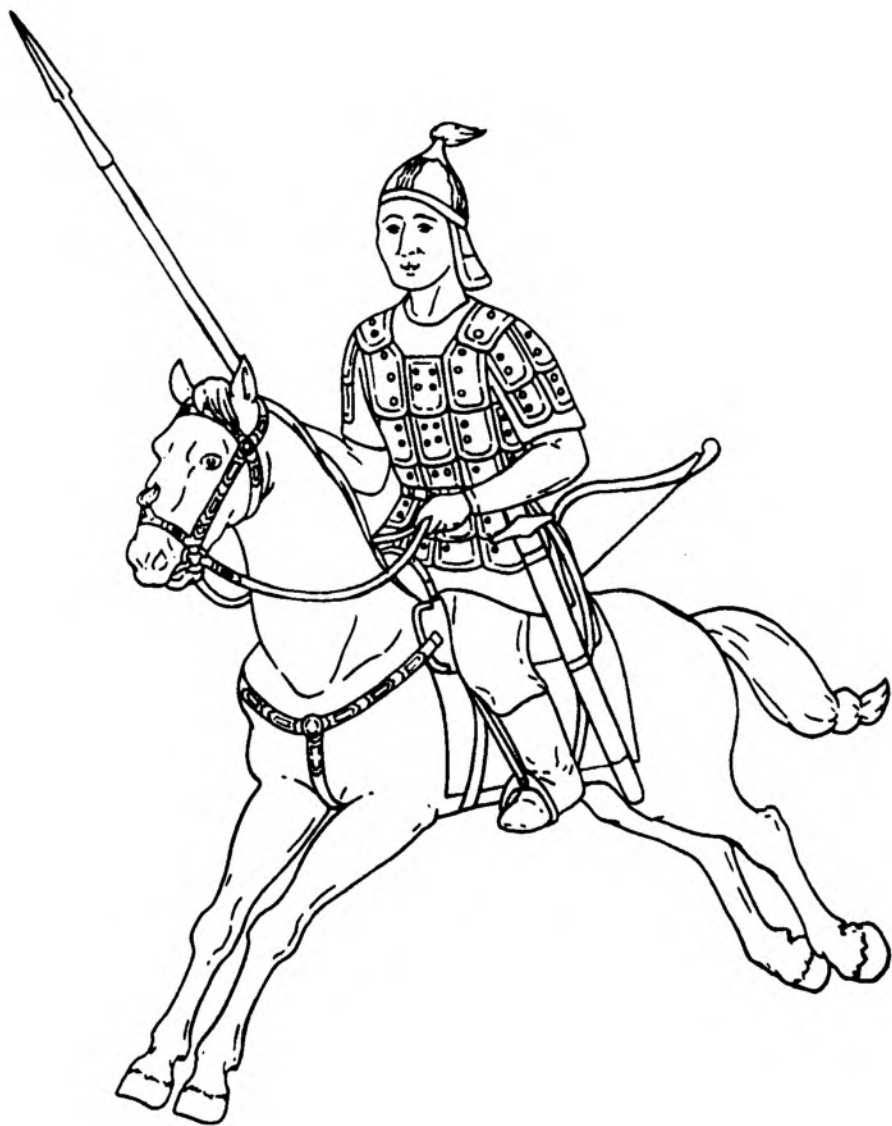

Рис. 42. Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина XIII - XIV вв. н. э.

↓: 1
X
Г
>
K
o
X
Y: Y
E
33
X
4
D
9
H
7

△
↑
B: B
↓
Y
X
J
4: 4
⊙
Y
3
⊙: ⊙
3
1
4
↑

Y
|
≧
h
Y
Y
^
:

Рис. 43. Знаки кыргызского письма.

Список хакасских фамилий, относящихся к сеоку кыргы

Фамилия	Сеок	Административный род	Тамга	Примечания
1. Аешин	хырым кыргыз,	Тубинский род,	☪	
2. Айкитанов (Алкитанов)	чода кыргыз; кыргыз	Качинской ст. думы Тубинский род, Качинской подгородней управы		
3. Арчелков	кыргыз	Тубинский род	☾	
4. Арчилбаев (Аршипасев)	кыргыз	Качинской ст. думы Босагарский род Кызыльской ст. думы		
5. Аршанов	алгай кыргыз	Тубинский род		
6. Арыштаев	ах кыргыз	Качинской ст. думы.	☪	
7. Аткинин	паратан кыргыз; ах кыргыз	Тубинский род Качинской ст. думы		
8. Баинов (Подонов)	ойрат кыргыз	Тубинский	☪	
9. Байдошев	тумат кыргыз	Качинской ст. думы.		
10. Баканов	хасха кыргыз	Камларский род Кызыльской ст. думы	☾	
11. Барашев	кыргыз	Шалошин 2 пол. Качинской ст. думь		
12. Батанакон	кыргыз	Камларский род Кызыльской ст. думы	☾	
13. Батанакон (Ботанакон)	кыргыз	Тубинский род Качинской ст. думы Большеаачинский род Качинской ст. думы		
14. Божендаев	ах кыргыз	Тубинский род	☪	в 19 веке вошли в состав Ульчугачевых
15. Бочегурон (Борчугурон)	туба кыргыз, кок кыргыз	Качинской ст. думы Тубинский род Качинской ст. думы		
16. Дамон	кыргыз	Тубинский род	☪	от Бочегура Сарлина
17. Имегешев	кыргыз	Качинской Подгородней управы Тубинский род		
18. Инкежеков	ах кыргыз	Качинской ст. думы Тубинский род Качинской ст. думы	☪	от Инкежека Киштеева
19. Итыгин	чода кыргыз	Шуйский род Кызыльской ст. думы		
20. Калягин	кыргыз	Тубинский род	☪	от Карты Баинова
21. Картин	ойрат кыргыз	Качинской ст. думы Тубинский род		
22. Киштеев	ах кыргыз	Качинской ст. думы Тубинский род	☪	
23. Кобыжаков	ах кыргыз	Качинской ст. думы Тубинский род Качинской ст. думы		

24. Колешов	кур хыргыс	Шуйский род Кызыльской ст. думы	≠	
25. Кондеев	хыргыс	Камларский род Кызыльской ст. думы		
26. Конкеров	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы)	
27. Котняков	хыргыс	Сагайский род 2 пол. Сагайской ст. думы		
28. Курагин	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы)	
29. Кыжынаев	хыргыс	Сагайский род 2 пол. Сагайской ст. думы		
30. Марьясов	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы	+ D O	
31. Мунгин	ах хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		
32. Нонахтаев	талчан хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы	+ D O	
33. Огуржин	хара хыргыс	Шалошин 1 пол. Качинской ст. думы		
34. Откуянов	хыргыс	Тутальско-Чулымский род	8	
35. Рудаков	пилтир хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		
36. Саламачев	хыргыс	Малоачинский род Кызыльской ст. думы)	
37. Самков	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		
38. Сарлин	кок хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы)	
39. Сарженеков	ордыт (хыргыс)	Абугачаев, Кайбальской ст. думы		от Сарженека Келбина
40. Созыев	том хыргыс, кок хыргыс	Тубинский род, Качинской ст. думы	K	
41. Соржин	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		
42. Тайшин	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы)	
43. Тогунаев	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		от Тогуная Батанакова
44. Туемин	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы)	
45. Чабынов	кок хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		от Чагуна Ернакова
46. Чарков	туба хыргыс; мулчан	Тубинский род Качинской ст. думы	≠	
47. Чеменев	ах хыргыс	Сагайский 2 пол Сагайской ст. думы		
48. Чертыков	хыргыс	Сагайский 2 пол Сагайской ст. думы	D S	
49. Шахарбаев	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		
50. Шляхтин	хыргыс	Тубинский род Качинской ст. думы		

**Виктор Яковлевич Бутанаев
Юрий Сергеевич Худяков**

Авторы

История енисейских кыргызов

Научное издание

**Редактор О. Новикова
Оформление обложки Д. Васильева
Компьютерный набор, верстка Ю. Танбасовой**

**Сдано в набор 15.12.1999 г.
Подписано в печать 07.07.2000 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 15. Тираж 1000.
Лицензия ЛР 021034 от 22.01.96 г.**

**Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
Отпечатано в типографии издательства Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 94**

12000

Хакасского
государственного
университета
им. Н.Ф. Катанова
КАТЕДРА
ЭТНОГРАФИИ